

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 1 (79) 2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

**Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России. 2025. № 1 (79). Калининград:
Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2025. 198 с.**

*Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования
- Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:*
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале,
требованиях к статьям
и порядке представления
их для опубликования
доступна на сайте журнала
(переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена
в сети Интернет по адресу: [https://klif.univer.mvd.ru/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)
([https://калининградский.университет.мвд.рф/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.
Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.Н. БАРХАТОВА, Э.В. ЯКУШЕВ	
Вина в преступлениях в сфере спорта	9
Н.Н. БУГЕРА	
Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: ретроспективный сравнительно-правовой анализ	16
Е.Л. КОЗЛОВА, Е.Д. БАРИНОВА	
Уголовно-правовые ожидания виновного в контексте применения института освобождения от уголовной ответственности	23
О.Н. СТАРОДУБЦЕВА	
Цель уголовного закона	30
А.Е. БЕРДНИКОВ	
Ущерб как элемент объективной стороны незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	37
Э.А. ВЛАСЕНКОВА	
Степень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего	43
Е.И. ГУБАРЕВ	
Историко-правовой анализ предмета имущественных преступлений	49
М.А. МЯЛИЦЫНА	
Уголовно-правовое содержание показаний в контексте статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации	56

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ю.С. МИТЬКОВА, В.В. СИНКЕВИЧ	
Понятие и значение судебного контроля в современном уголовном процессе России	64
И.Н. НЕХАЕВ	
Генезис и современное состояние механизмов возмещения преступного вреда в зарубежных странах с различными правовыми системами	71

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

А.П. АЛЕКСЕЕВА, О.И. БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ	
Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им	78

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.А. МОСКАЛЕНКО	
Личность преступника как системообразующий элемент криминалистической характеристики деяния, предусмотренного статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	85
Н.В. ТАРАНОВ	
Назначение судебных экспертиз в негосударственные (вневедомственные) экспертные учреждения при расследовании преступлений	93

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

А.И. ПАХОМКИН	
Исторический аспект формирования системы административно-правового регулирования содержания животных в России	101

Содержание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

И.А. ГОРКОВЕНКО, А.В. ПОЛЯКОВ

Содействие несовершеннолетних лиц в решении
задач оперативно-разыскной деятельности..... 110

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.П. АНИСИМОВ, Е.А. ФИЛИМОНОВА

Цифровизация и право: теория взаимодействия 118

С.В. ИВАНОВА, С.В. РЫБАК

Негативные последствия экологического туризма на особо
охраняемых природных территориях: правовой аспект 127

О.А. АРТЮХИН, А.А. КРИЦКАЯ

Институционализация и государственное
регулирование предпринимательской
деятельности в России: политико-правовой аспект 138

С.Г. НИСТРАТОВ

Влияние институтов общественного контроля
и общественного мнения на обеспечение
законности в органах внутренних дел..... 144

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Т.В. АНИСИМОВА

Реформа образования в России: проблемы и перспективы..... 152

В.И. ТАРАСОВА

Методика проведения комплексных учений
по подготовке к действиям в особых условиях..... 161

В.А. АНИСИМОВ

Метод ситуационного моделирования в комплексной
подготовке сотрудников полиции к применению
мер административного принуждения..... 168

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

О.Б. БЕССЕРТ

Формирование «мягких» навыков
при обучении юристов иностранному языку 175

В.А. ДОЛИН

Решение задач по логике в вузе МВД России:
постепенное формирование умственных действий..... 186

ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

О.А. ВАСИЛЬЕВА

XIII Балтийский юридический форум
«Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»:
Международная научно-практическая конференция
(Калининград, 20 декабря 2024 г.)..... 194

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

E.N. BARKHATOVA, E.V. YAKUSHEV Guilt in crimes in the sphere of sports	9
N.N. BUGERA Criminal liability for unlawful access to computer information: a retrospective comparative legal analysis.....	16
E.L. KOZLOVA, E.D. BARINOVA Criminal-legal expectations of the guilty in the context of application of the institute of exemption from criminal liability.....	23
O.N. STARODUBTSEVA The purpose of the Criminal Law	30
A.E. BERDNIKOV Damage as an element of the objective side of the illegal use of means of individualization of goods (works, services).....	37
E.A. VLASENKOVA The degree of public danger of failure to fulfill the duties of raising a minor	43
E.I. GUBAREV Historical and legal analysis of the subject of property crimes	49
M.A. MYALITSYNA Criminal-legal content of testimony in the context of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation	56

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

J.S. MITKOVA, V.V. SINKEVICH The concept and significance of judicial control in modern criminal proceedings in Russia	64
I.N. NEKHAEV Genesis and current state of compensation mechanisms for criminal harm in foreign countries with different legal systems	71

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

A.P. ALEKSEEVA, O.I. BELOKOBYSKAYA Modern methods of committing cyberfraud and the main ways to counter them	78
--	----

CRIMINALISTICS RESEARCHES

D.A. MOSKALENKO The criminal's personality as a system-forming element of the criminalistic characteristics of the act provided for in Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	85
N.V. TARANOV Assignment of forensic examinations to non-state (extra- departmental) expert institutions during the investigation of crimes	93

ADMINISTRATIVE LEGISLATION AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

A.I. PAHOMKIN Historical aspect of the formation of the system of administrative and legal regulation of animal keeping in Russia	101
--	-----

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

I.A. GORKOVENKO, A.V. POLYAKOV Assistance of minors in solving the tasks of operational investigative activities	110
--	-----

Contents

STATE. SOCIETY. LAW

A.P. ANISIMOV, E.A. FILIMONOVA	
Digitalization and law: theory of interaction	118
S.V. IVANOVA, S.V. RYBAK	
Negative consequences of ecological tourism in specially protected natural areas: legal aspect	127
O.A. ARTYUKHIN, A.A. KRITSKAYA	
Institutionalization and state regulation of entrepreneurial activity in Russia: political and legal aspect.....	138
S.G. NISTRATOV	
The influence of institutions of public control and public opinion on the rule of law in the internal affairs bodies	144

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

T.V. ANISIMOVA	
Education reform in Russia: problems and prospects	152
V.I. TARASOVA	
Methodology for conducting complex training to prepare for actions in special conditions	161
V.A. ANISIMOV	
Method of situational modeling in the comprehensive training of police officers for the use of administrative coercion measures	168

EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS

O.B. BESSERT	
Formation of «soft» skills in teaching lawyers a foreign language.....	175
V.A. DOLIN	
Solving tasks on logic at the high school of the Ministry of the Interior of Russia: step-by-step formation of mental actions	186

HORIZONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

O.A. VASILYEVA	
XIII Baltic legal forum «Law and order in the third millennium»: international scientific and practical conference (Kaliningrad, December 20, 2024)	194

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Екатерина Николаевна БАРХАТОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-0381-5462

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

профессор кафедры уголовного права и криминологии

solncevelvet@rambler.ru

Эдуард Вадимович ЯКУШЕВ,

ORCID 0009-0000-7149-7112

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

заместитель начальника кафедры физической подготовки

yakushev.edik@mail.ru

Научная статья

УДК 343.222.1:[343.3/7:796]

ВИНА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ СПОРТА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Состав преступления, субъективная сторона, вина, спорт, причинение вреда, допинг, спортсмен, персонал спортсмена.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе проведенного авторами статьи исследования было проанализировано содержание вины в составах таких преступлений в сфере спорта, как причинение вреда жизни или здоровью спортсмена, использование и склонение к использованию запрещенных в спорте субстанций и методов, противоправное влияние на результат спортивного соревнования, хулиганство. Рассмотрены и сопоставлены определения понятия «вина» в спортивном и уголовном праве. Общепринятая концепция вины изучена применительно к преступлениям в сфере спорта. **Методы.** При проведении исследования использовались методы системного анализа, экспертной оценки, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, аналогии, индукции, дедукции. **Результаты.** Авторы статьи пришли к выводу о том, что, обладая высокой степенью автономности, сфера спорта тем не менее нуждается в уголовно-правовой охране. Для надлежащего качества такой охраны необходимы тщательный анализ и переработка существующих уголовно-правовых норм. Отмечено различие подходов к определению понятия «вина» в спортивном и уголовном праве. Констатируется, что такое различие в целом не препятствует квалификации нарушений, допускаемых при проведении спортивных соревнований или при подготовке к ним. Установлено, что в составе преступлений в сфере спорта вина, как правило, представлена в форме умысла, такие деяния совершаются со специальной целью. Подчеркнуто, что для повышения эффективности противодействия преступлениям в сфере спорта наряду с законодательными необходимы организационные преобразования, такие как создание специализированного подразделения МВД России по расследованию преступлений данного вида, а также специализированной автоматизированной системы регистрации нарушений в сфере спорта.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе развития учения о составе преступления изменялись представления о вине как обязательном его признаке. В разное время она то отражалась в уголовном законе, то исключалась из него. С.В. Векленко указывает на то, что эволюция уголовно-правовых взглядов способствовала перемещению категории вины из области материальных признаков преступления в

сферу субъективных оснований уголовной ответственности [1, с. 20]. П.С. Дагель называл принцип вины «проявлением принципа законности» [2, с. 114]. Сегодня феномен вины по-прежнему порождает научные дискуссии, в рамках которых обсуждаются ее содержание и форма [3, 4, 5]. Наряду с концептуальными вопросами, касающимися вины, поднимаются и вопросы специфического характера. В частности, по поводу определения

Ekaterina N. BARKHATOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-0381-5462
East Siberian Institute of the Ministry of Interior of Russia (Irkutsk, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
solncevelvet@rambler.ru

Eduard V. YAKUSHEV,

ORCID 0009-0000-7149-7112
East Siberian Institute of the Ministry of Interior of Russia (Irkutsk, Russia)
Deputy Head of the Department of Physical Training

GUILT IN CRIMES IN THE SPHERE OF SPORTS

KEYWORDS. Elements of a crime, subjective side, guilt, sport, causing harm, doping, athlete, athlete's personnel.

ANNOTATION. Introduction. In the course of the study conducted by the authors of the article, the content of guilt in the elements of such crimes in the field of sports as causing harm to the life or health of an athlete, the use of and inducement to use substances and methods prohibited in sports, unlawful influence on the result of a sports competition, hooliganism was analyzed. The definitions of the concept of «guilt» in sports and criminal law are considered and compared. The generally accepted concept of guilt is studied in relation to crimes in the field of sports. **Methods.** The study used the methods of system analysis, expert assessment, analysis, synthesis, abstraction, generalization, analogy, induction, deduction. **Results.** The authors of the article came to the conclusion that, despite a high degree of autonomy, the field of sports nevertheless needs criminal law protection. For the proper quality of such protection, a thorough analysis and revision of the existing criminal law norms are necessary. The difference in approaches to the definition of the concept of «guilt» in sports and criminal law is noted. It is stated that such a distinction does not generally prevent the qualification of violations committed during sports competitions or preparation for them. It is established that in the composition of crimes in the sphere of sports, guilt, as a rule, is presented in the form of intent, such acts are committed with a special purpose. It is emphasized that in order to increase the effectiveness of combating crimes in the sphere of sports, along with legislative ones, organizational changes are necessary, such as the creation of a specialized unit of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the investigation of crimes of this type, as well as a specialized automated system for recording violations in the sphere of sports.

вины в преступлениях в сфере спорта. Данное обстоятельство обусловлено различиями в подходах к пониманию вины в спортивном и уголовном законодательстве, а также конструкцией составов преступлений в сфере спорта.

В науке уголовного права сформировалось мнение о том, что сфера спорта, несомненно, нуждающаяся в уголовно-правовом регулировании, сегодня закрыта для правоохранительных органов [6, 7, 8]. По «антидопинговым» статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – ст. 230.1 и ст. 230.2 – за время их существования ни одно лицо не было привлечено к уголовной ответственности, по ст. 184 УК РФ, предусматривающей ответственность за оказание противоправного влияния на результат спортивных соревнований и иных зрелищных мероприятий, осуждено только 7 человек. Учитывая низкую эффективность уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере спорта, считаем необходимым рассмотреть положения о вине через призму соотношения уголовного и спортивного права.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, метод системного анализа использовался при сопоставлении норм уголовного закона и документов, регламентирующих деятельность в сфере спорта. Метод экспертной оценки применялся при изучении мнений ученых по поводу концепции вины

и о содержании вины в преступлениях в сфере спорта. Анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, индукция, дедукция применялись для формирования понятия вины в преступлениях в сфере спорта, а также представлений о содержании ее волевого и интеллектуального элементов, об особенностях описания вины в диспозициях уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере спорта.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведения исследования было установлено, что, несмотря на попытки законодателя обеспечить уголовно-правовую охрану спорта, принятые меры не принесли ожидаемого результата. Об этом свидетельствуют «нулевые» статистические показатели по отдельным статьям УК РФ, устанавливающим ответственность за совершение преступлений в сфере спорта.

Применение уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере спорта осложняется рядом факторов, одним из которых являются разночтения по вопросу определения понятия «вина» в уголовном и спортивном законодательстве. Особенно остро вопрос встает при установлении вины в допинговых преступлениях, а также преступлениях против жизни и здоровья спортсмена. Относительно последних установлено, что при обосновании факта непривлечения к уголовной ответственности спортсмена, причинившего в рамках спортивных соревнований или при подго-

товке к ним вред другому спортсмену, недопустимо руководствоваться положениями уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

ОБСУЖДЕНИЕ

В УК РФ сегодня нет специальной главы, посвященной преступлениям в сфере спорта. Хотя на специфику «спортивных» преступлений еще в 2009 году указывал В.В. Сараев. Им обосновывалась необходимость дополнения отдельных составов преступлений (таких как причинение смерти по неосторожности, оказание противоправного влияния на результат спортивного соревнования, незаконная медицинская деятельность, хулиганство) признаками, подчеркивающими «спортивную» направленность преступления¹. Оставляя в стороне вопрос о целесообразности формирования в кодексе новой главы, обратимся к анализу существующих в нем норм, касающихся общественно опасных деяний в сфере спорта. В первую очередь нас интересуют преступления против жизни и здоровья спортсмена, оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, а также «антидопинговые» нормы и хулиганство.

Прежде чем перейти к частным случаям, разберем подходы к определению вины в спортивном и уголовном праве.

В доктрине уголовного права вина трактуется как психическое отношение лица к совершаемому им деянию. Вина не может быть отождествлена с субъективной стороной преступления. По справедливому замечанию А.И. Рарога, позиция о равнозначности данных понятий не соответствует законодательному определению вины; размывает понятие последней; не определяет конкретного места мотива и цели в вине; отрывает форму от содержания; безосновательно включает в содержание вины такие психологические категории, как мотив, цель, аффект, заведомость, эмоции, которые не являются элементами психического отношения виновного к преступному деянию [9, с. 79].

Представления о вине в спортивном праве формируются совокупностью понятий, содержащихся в различных нормативных документах, регламентирующих спортивную деятельность. В основном используемые в них формулировки в части определения вины дублируют положения Всемирного антидопингового кодекса. При этом существует позиция, согласно которой интеллектуальный элемент вины в «спортивных» преступлениях (в частности при причинении вреда здоровью спортсмена) должен включать такой признак, как «правоубежденность» [10, с. 55].

На примере Всемирного антидопингового кодекса можно увидеть, что понимается под виной применительно к нарушениям антидопинговых правил². В данном документе при описании субъективной стороны нарушения используются такие термины, как «вина», «незначительная вина»,

«халатность». Исходя из общего смысла положений Всемирного антидопингового кодекса, перенесенных на уголовно-правовые нормы, следует сделать вывод о том, что законодатель под незначительной виной понимает легкомыслие, а под халатностью – небрежность. В отдельных переводах международных документов используется именно термин «небрежность», а не «халатность». Умышленные действия подпадают под понятие виновных. Следует признать, что в этом отношении спортивное право пошло по пути формирования оценочной концепции вины, не признанному в уголовном праве. Об этом свидетельствуют и перечисленные в определении вины, предложенном во Всемирном антидопинговом кодексе, факторы, которые необходимо учитывать при оценке степени вины (опыт спортсмена, уровень бдительности, степень риска). Суть данной концепции состоит в усмотрении судьей относительно виновности или невиновности лица. Апеллируя к положению советского уголовного права³, К.А. Сыч пишет: «Упрек личности за ее поведение, по мнению сторонников оценочной концепции вины, является главным звеном, которое объединяет другие его элементы – вменяемость, умысел и неосторожность. Противоправное поведение во многом определяет это обстоятельство, за которое можно упрекнуть лицо. Уголовный закон лишь в самой общей форме устанавливает, какое поведение заслуживает упрека. Упрек в этом случае выступает как оценочное суждение судьи» [11, с. 444]. Возможно, данная концепция оправдана с точки зрения комплексности подхода, однако она не позволяет должным образом реализовать принципы справедливости, равенства и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Обратимся к УК РФ, проводящему четкое разграничение между виновным и невиновным причинением вреда, а также между формами вины и всеми видами данных форм. УК РФ при определении форм вины и их видов оперирует понятиями, характеризующими деяние лица: «осознавало», «предвидело», «желало», «сознательно допускало», «относилось безразлично», «самонадеянно рассчитывало на предотвращение». Различное сочетание данных характеристик позволяет правоприменителю квалифицировать деяние по устоявшейся формуле.

Однако в научной уголовно-правовой среде продолжают дискуссии относительно концепции вины. Особую остроту приобрел вопрос об интеллектуальном элементе вины, предполагающем необходимость осознания лицом общественной опасности своего деяния. В этой части интеллектуальный элемент вины подвергается критике. Так, С.В. Векленко пишет: «Проблемой является существующее противоречие между возведенной в ранг основополагающего принципа (при полном отсутствии законодательной регламентации) формулой «незнание закона не освобождает от

¹ Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 8-9.

² См.: Всемирный антидопинговый кодекс (впервые принят в 2003 году; послед. ред. вступ. в силу 01.01.2021) // URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf.

³ Курс советского уголовного права / в 6 т. Т. 2. Преступление. М.: Наука, 1970. 672 с.

ответственности» и таким обязательным признаком умышленной вины (ст. 25 УК РФ), как осознание субъектом преступления общественной опасности своих действий (бездействия). При достаточно активном принятии новых законов, предусматривающих уголовную ответственность за ранее неизвестные виды общественно опасных посягательств, данное противоречие приобретает особую актуальность»¹. В свою очередь, А.И. Марцев указывал на то, что осознание общественной опасности своего деяния предполагает и осознание его противоправности [12, с. 127]. Об этом же говорит А.И. Рарог, подчеркивая, что «предметом сознания как элемента умысла является не только общественная опасность, но и осознание противоправности своего деяния»².

Обратимся к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), устанавливающему формы вины в ст. 2.2. Не разделяя умысел и неосторожность на виды, законодатель подходит к их определению через формулировку «осознание противоправности». Вместе с тем, по справедливому утверждению С.В. Векленко, приведенному выше, правоприменитель руководствуется принципом «незнание закона не освобождает от ответственности». В уголовном праве такая ситуация неосознания противоправности называется юридической ошибкой, и она не влияет на окончательную квалификацию. Таким образом, определения умысла и неосторожности, закрепленные в ст. 2.2 КоАП РФ, нельзя признать верными в полной мере.

Если применить подобный способ определения понятий к спортивному праву, то важно понимать, какие именно обстоятельства, факты, события, явления должно осознавать лицо, совершающее нарушение, например, антидопинговых правил. Вопрос приобретает еще большую актуальность, когда такое деяние носит характер административного правонарушения или преступления. Учитывая, что определение вины, использованное в КоАП РФ, не привносит в решение этого вопроса ясности, возьмем за основу уголовно-правовое определение умысла. Видя необходимость стремления к унификации законодательства, считаем правильным применять определения и термины из уголовного закона по отношению к спортивным преступлениям, из административного закона – по отношению к спортивным административным правонарушениям, из спортивного законодательства – по отношению к нарушениям, носящим исключительно спортивный характер. Отметим, однако, что презумпция вины в спортивном праве, на наш взгляд, должна восприниматься критически.

«Антидопинговые» уголовно-правовые нормы предполагают исключительно умышленную форму вины. Перед преступником стоит цель улучшения спортивного результата и получения в связи с этим определенных благ и преимуществ. Действия самого спортсмена по использованию запрещенных в спорте субстанций и методов не подлежат уголовно-правовой оценке, но они на-

ходятся в непосредственной связи с действиями его персонала и могут повлиять на их оценку. В ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ нет прямого указания на форму вины. Но представим, что тренер использует запрещенную субстанцию в отношении спортсмена по неосторожности. В ситуации преступной небрежности тренер не предвидит общественно опасных последствий, хотя при необходимости внимательности и предусмотрительности мог и должен был их предвидеть. Например, тренер не знал о том, что лекарственное средство содержит запрещенную субстанцию, и предложил спортсмену принять это лекарство. В таком случае формально тренер виновен в совершении преступления по неосторожности, но возникновение такой ситуации практически невозможно, поскольку все предназначенные для терапевтического использования лекарственные средства, в соответствии с антидопинговым законодательством, подлежат проверке и для использования тех из них, которые содержат запрещенные субстанции, необходимо получение в установленном порядке разрешения на их терапевтическое использование. То есть тренер должен знать о запрете на использование той или иной конкретной субстанции, это фактически вытекает из его должностных обязанностей.

Что касается легкомыслия, то положения о нем вообще не могут применяться к преступлениям рассматриваемого нами вида, так как предполагают наступление общественно опасных последствий, а составы «допинговых» преступлений являются формальными.

Низкую эффективность уголовно-правовых «антидопинговых» норм можно объяснить, на наш взгляд, нежеланием спортивного сообщества использовать радикальные инструменты воздействия на своих членов, латентностью данных преступлений (ответственность за использование запрещенных субстанций и методов берет на себя спортсмен: к нему будет применена спортивная санкция или его привлекут к административной ответственности), а также политической предосторожностью появления данных норм в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Далее, представляют интерес вопросы вины в преступлениях против жизни и здоровья спортсмена.

В рамках спортивных соревнований, а также при подготовке к ним здоровью или жизни спортсмена может быть причинен вред. Однако ответственности за причинение такого вреда при условии соблюдения правил соответствующего вида спорта не наступает. Происходит это по ряду причин:

- во-первых, вред считается причиненным на законных основаниях, так как риск его причинения предусмотрен правилами вида спорта;
- во-вторых, в профессиональном спорте спортсмен подписывает согласие на риск причинения вреда его жизни или здоровью в рамках спортивных соревнований или тренировочной деятельности;

¹ Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

² Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве: Учебное пособие. М., 1980. С. 34.

- в-третьих, отсутствует общественная опасность деяния ввиду наличия двух указанных выше обстоятельств.

Состава преступления в таком случае не образуется по следующим причинам:

- обязательным признаком объективной стороны преступления является совершение общественно опасного деяния, а поскольку признак общественной опасности нивелируется указанными выше обстоятельствами, то деяние не может образовывать объективную сторону преступления;

- субъективная сторона преступления против жизни или здоровья должна быть представлена виной в форме умысла или неосторожности. Например, нанося удар противнику в боксе, спортсмен предвидит возможность наступления общественно опасного последствия в виде вреда жизни или здоровью своего оппонента, не желает наступления таких последствий, рассчитывает на их предотвращение. Осознавать общественную опасность своего деяния боксер, наносящий удар, не может, поскольку таковая в принципе отсутствует, как указывалось выше. Данное обстоятельство исключает умышленную форму вины. При этом даже в случае определения психического отношения боксера к наносимому им удару как преступного легкомыслия состав преступления отсутствует по признаку объективной стороны. Такое преступление, как, например, побои, может быть совершено только с прямым умыслом и при наличии специального мотива (экстремистского или хулиганского), чего в данном случае также нет.

Таким образом, причинение вреда жизни или здоровью спортсмена при условии соблюдения правил конкретного вида спорта не является преступлением ввиду отсутствия признака общественной опасности.

При умышленном причинении вреда жизни и здоровью спортсмена содеянное оценивается по общим правилам как преступление, совершенное умышленно.

В случае умышленного нарушения правил конкретного вида спорта при самонадеянном расчете на предотвращение общественно опасных последствий в виде вреда жизни или здоровью спортсмена виновный должен нести ответственность за преступление, совершенное по неосторожности. Подтверждение тому мы находим, в частности, у А.Н. Берестового и П.В. Цветкова [13, с. 61].

Нельзя вести речь о невиновном причинении вреда, регламентированном ст. 28 УК РФ, поскольку интеллектуальный и волевой элементы указывают на наличие причастности одного спортсмена к причинению вреда другому. Вместе с тем эта причастность не преступна.

Не имеется оснований для рассуждений о причинении вреда в ходе спортивных соревнований как о деянии, совершенном в состоянии крайней необходимости или в связи с обоснованным риском. Данные обстоятельства, предусмотренные гл. 8 УК РФ, не соответствуют рассматриваемому нами явлению. Такое деяние не обусловлено реальной наличной опасностью, им не предот-

вращается больший вред, и его в целом можно избежать, если, к примеру, поступиться зрелищностью и смягчить правила в конкретном виде спорта. Если же говорить об обоснованном риске, то также не удастся обнаружить каких-либо признаков его наличия. Вряд ли удовольствие зрителей можно назвать общественно полезной целью, ради достижения которой спортсмен идет на риск причинения вреда сопернику. Как справедливо отмечают А.В. Варданян и Е.В. Безручко, «спортсмен идет на определенный риск для достижения личной, а не общественно полезной цели» [14, с. 41]. Следует отметить, что при причинении вреда здоровью спортсмену-любителю при наличии договора на оказание услуг по проведению тренировок может быть установлена вина тренера в совершении преступления, но не против жизни или здоровья, а против здоровья населения. Так, А.А. Ходусов указывает на то, что в данном случае необходима квалификация действий виновного по ст. 238 УК РФ за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности [15, с. 226].

Вина в составе «спортивных» преступлений в сфере экономической деятельности представлена прямым умыслом. При совершении деяний, квалифицируемых по ст. 184 УК РФ, умышленная форма вины подчеркивается специальной целью – оказание влияния на результат спортивного соревнования. В научной среде существует мнение о некорректности установления цели оказания влияния на результат спортивного соревнования. В этом случае, по мнению А.В. Анцыгина, важен не сам результат спортивного соревнования, а цель [16, с. 183]. Так, если неправомерное влияние на результат соревнования осуществляется из личной заинтересованности (корыстной, например, стремления отомстить и т.д.), то такое деяние не может быть квалифицировано как преступление. Это обстоятельство существенным образом препятствует применению рассматриваемой нормы на практике. В данном случае решение видится в сочетании признаков деяния: «совершенное с целью оказания противоправного влияния на результат спортивного соревнования или повлекшее такой результат».

«Спортивное» хулиганство с точки зрения субъективной стороны преступления также требует внимания. Это деяние всегда совершается умышленно, при этом преступник может преследовать цель мести за проигранный матч либо иметь целью срыв спортивного мероприятия. Такие цели не характерны для обычного хулиганства. Впрочем, в ряде случаев фанаты той или иной команды хулиганскими выходками выражают свои эмоции, не преследуя определенной цели. Вместе с тем не можем не согласиться с предложением В.В. Сараева о закреплении в ст. 213 УК РФ такого составообразующего признака как «при проведении спортивного мероприятия»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению вины в составах преступлений, совершаемых в сфере спорта, обратим внимание на следующие ключевые аспекты:

¹ Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 8-9.

1. Спорт как сфера профессиональной деятельности человека сегодня обладает высокой степенью автономности и практически полностью закрыт для правоохранительных органов. Однако это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о «бесполезности» и нецелесообразности его уголовно-правовой охраны.

2. Подходы к определению понятия «вина» в спортивном и уголовном праве различаются, что в целом не препятствует квалификации нарушений, допускаемых при проведении

спортивных соревнований или при подготовке к ним.

3. Вина в составах преступлений в сфере спорта в целом умышленная, со специальной целью. Исключения составляют преступления против жизни и здоровья, совершение которых возможно с умыслом (например по договору или из мести), а также по неосторожности. При этом неосторожные преступления против жизни и здоровья в спорте имеют место только при нарушении правил конкретного вида спорта. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Векленко С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства о виновной ответственности // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 1. С. 14-20.
2. Дагель П.С. Принцип вины в уголовном праве как проявление принципов социалистической законности и социалистического демократизма // Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему: «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе». М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 114-115.
3. Хилыута В.В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // Юрист-Правовед. 2021. № 4. С. 93-99.
4. Бавсун М.В., Марцев А.И., Спиридонов А.П. Развитие субъективной стороны преступления в уголовно-правовой доктрине // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1. С. 56-59.
5. Дубовиченко С.В. Умышленная форма вины в уголовном праве: Монография. М., 2021. 214 с.
6. Бавсун М.В., Амарсанаа В.-И. Проблемы практики реализации ответственности за нарушения в сфере профессионального спорта // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта. Сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб, 2021. С. 6-9.
7. Сараев В.В. «Нулевая» уголовно-правовая квалификация в спорте: отдельный вопрос в аспекте статьи 184 УК РФ // Российский следователь. 2024. № 7. С. 47-50.
8. Прокументов Л.М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст. ст. 230.1, 230.2 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 126-131.
9. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве: Монография. Саратов, 1987. 186 с.
10. Бабуриин В.В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами) // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск, 2019. С. 53-57.
11. Сыч К.А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) // Человек: преступление и наказание. 2019. № 4. С. 442-449.
12. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: Монография. Омск, 2000. 135 с.
13. Берестовой А.Н., Цветков П.В. Проблемы определения субъективной стороны преступлений, связанных с причинением вреда жизни и здоровью в ходе спортивных состязаний и занятий спортом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 58-64.
14. Варданян А.В., Безручко Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2. С. 39-45.
15. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте: коллективная монография / под ред. Е.Н. Рахмановой. СПб, 2021. 460 с.
16. Анцыгин А.В. Проблемы отграничения преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, от смежных составов преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 181-185.

REFERENCES

1. Veklenko S.V. Evolyutsiya otechestvennogo ugodovnogogo zakonodatel'stva o vinovnoy otvetstvennosti // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 1. S. 14-20.
2. Dage' P.S. Printsip viny v ugodovnom prave kak proyavleniye printsipov sotsialisticheskoy zakonnosti i sotsialisticheskogo demokratizma // Tezisy dokladov i nauchnykh soobshcheniy na mezhvuzovskoy teoreticheskoy konferentsii na temu: «Rol' prava v razvitiy sotsialisticheskoy ekonomiki i demokratii na sovremennom etape». M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. S. 114-115.
3. Khilyuta V.V. Vina v ugodovnom prave: poisk novoy kontseptsii // Yurist'-Pravoved". 2021. № 4. S. 93-99.
4. Bavsun M.V., Martsev A.I., Spiridonov A.P. Razvitiye sub'yektivnoy storony prestupleniya v ugodovno-pravovoy doktrine // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2012. № 1. S. 56-59.
5. Dubovichenko S.V. Umyshlennaya forma viny v ugodovnom prave: Monografiya. M., 2021. 214 s.

6. Bavsun M.V., Amarsanaa V.-I. Problemy praktiki realizatsii otvetstvennosti za narusheniya v sfere professional'nogo sporta // Protivodeystviye prestupnosti v sfere professional'nogo sporta. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2021. S. 6-9.
7. Sarayev V.V. «Nulevaya» ugovno-pravovaya kvalifikatsiya v sporte: ot del'nyy vopros v aspekte stat'i 184 UK RF // Rossiyskiy sledovatel'. 2024. № 7. S. 47-50.
8. Prozumentov L.M. Obshchaya kharakteristika prestupleniy, posyagayushchikh na otnosheniya, obespechivayushchiye zdorov'ye naseleniya v sfere sporta (st. st. 230.1, 230.2 UK RF) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2019. № 33. S. 126-131.
9. Rarog A.I. Vina v sovetskom ugovnom prave: Monografiya. Saratov, 1987. 186 s.
10. Baburin V.V. Soderzhaniye sub'yektivnoy storony pravomernogo prichineniya vreda pri zanyatiyakh professional'nym sportom (sportivnymi yedinoborstvami) // Protivodeystviye prestupnosti v sfere professional'nogo sporta: tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk, 2019. S. 53-57.
11. Sych K.A. Kontseptual'nyye problemy viny v deystvuyushchem Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii (postanovka problemy) // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2019. № 4. S. 442-449.
12. Martsev A.I. Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii: Monografiya. Omsk, 2000. 135 s.
13. Berestovoy A.N., Tsvetkov P.V. Problemy opredeleniya sub'yektivnoy storony prestupleniy, svyazannykh s prichineniyem vreda zhizni i zdorov'yu v khode sportivnykh sostyazaniy i zanyatiy sportom // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 58-64.
14. Vardanyan A.V., Bezruchko Ye.V. Pravovaya otsenka prichineniya vreda zdorov'yu cheloveka pri provedenii sportivnykh sostyazaniy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 39-45.
15. Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupnosti v sporte: kollektivnaya monografiya / pod red. Ye.N. Rakhmanovoy. SPb, 2021. 460 s.
16. Antsygin A.V. Problemy otgranicheniya prestupleniya, predusmotrennogo st. 184 UK RF, ot smezhnykh sostavov prestupleniy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2013. № 24. S. 181-185.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Бархатова Е.Н., Якушев Э.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бархатова Е.Н., Якушев Э.В. Вина в преступлениях в сфере спорта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 9-15.

Наталья Николаевна БУГЕРА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-2459-7855

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел

knn.76@mail.ru

Научная статья

УДК 343.34:[004.6+004.9]

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Информация, неправомерный доступ, информационные технологии, «компьютерные» преступления, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

АННОТАЦИЯ. Введение. В нашей стране продолжается период преобразований в экономике.

С каждым годом возрастает число акционерных, совместных и частных предприятий, фермерских хозяйств, предствительств иностранных компаний. Эта динамика, соответствующая росту экономической активности, тесно переплетается с быстрым развитием информационных технологий, что формирует новую реальность, в которой угрозы кибербезопасности приобретают значительный масштаб. Развитие банковского сектора, активное внедрение современных вычислительных и коммуникационных технологий в деятельность государственных структур приводит к увеличению объемов хранимой и обрабатываемой информации. Неправомерный доступ к информации является одним из наиболее распространенных видов «компьютерных» преступлений. Такой доступ осуществляется с применением различных методов, в том числе посредством технологий социальной инженерии, взлома паролей, а также использования уязвимостей в программном обеспечении. Последствия неправомерного доступа могут быть весьма серьезными: утечка конфиденциальных данных, финансовые потери, репутационный ущерб, нарушение деятельности организаций и государственных учреждений. **Методы.** При проведении исследования оказался востребован общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы описания, сравнительно-правового анализа, логического осмысления, абстрагирования и обобщения. Проведено изучение динамики показателей, характеризующих количество зарегистрированных преступлений, квалифицированных по ст. 272 УК РФ. **Результаты.** Сравнительный анализ законодательства разных стран позволил установить, что существует значительная вариативность в подходах к определению состава преступления рассматриваемого нами вида, критериям их квалификации и мерам наказания за их совершение. Некоторые страны акцентируют внимание на материальном ущербе, другие – на нарушении конфиденциальности данных, третьи – на несанкционированности доступа. Унификация терминологии и критериев квалификации во всемирном масштабе, по нашему мнению, является необходимым условием для эффективного международного сотрудничества в сфере противодействия неправомерному доступу к информации.

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технический прогресс, развитие компьютерных технологий, глобальных информационных сетей в условиях рыночной экономики привели к появлению таких общественно опасных деяний, как «компьютерные» преступления. Информатизация, телекоммуникационные системы охватили все сферы государ-

ственной и общественной жизни. Общественная угроза, исходящая от «компьютерных» преступлений, заключается в том, что виновные применяют современные технологии для реализации своих преступных намерений, совершая нередко тяжкие и особо тяжкие уголовно наказуемые деяния. Использование безбумажных технологий и вычислительных средств в управленческой и про-

Natalia N. BUGERA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-2459-7855
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific
Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies
knn.76@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION: A RETROSPECTIVE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

KEYWORDS. Information, unlawful access, information technology,
«computer» crimes, criminal legislation, criminal liability.

ANNOTATION. Introduction. Our country continues to undergo economic transformations. The number of joint-stock, joint and private enterprises, farms, and representative offices of foreign companies increases every year. This dynamic, which corresponds to the growth of economic activity, is closely intertwined with the rapid development of information technology, which forms a new reality in which cybersecurity threats are acquiring a significant scale. The development of the banking sector, the active introduction of modern computing and communication technologies in the activities of government agencies leads to an increase in the volume of stored and processed information. Unlawful access to information is one of the most common types of «computer» crimes. Such access is carried out using various methods, including social engineering technologies, password cracking, and the use of software vulnerabilities. The consequences of unlawful access can be very serious: leakage of confidential data, financial losses, damage to reputation, disruption of the activities of organizations and government agencies. **Methods.** When conducting the study, the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality was in demand, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the methods of description, comparative legal analysis, logical comprehension, abstraction and generalization were used. The dynamics of indicators characterizing crimes classified under Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation was studied. **Results.** A comparative analysis of the legislation of different countries allowed us to establish that there is significant variability in approaches to defining the elements of the crime of the type under consideration, the criteria for their qualification and penalties for committing them. Some countries focus on material damage, others – on violation of data confidentiality, others – on unlawful access. Unification of terminology and criteria for qualification on an international scale, in our opinion, is a prerequisite for effective international cooperation in the field of counteracting unlawful access to information.

изводственной сферах создает возможности для совершения преступлений.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы общенаучные методы: анализ и синтез – для детального изучения отличий, имеющих место в описании объективных и субъективных признаков «компьютерных» преступлений; с помощью метода обобщения был сделан вывод о сходстве и различиях некоторых признаков «компьютерных» преступлений в зарубежных странах. Среди частнонаучных методов оказались востребованы: формально-юридический метод (для более точного правоприменения), сравнительно-правовой метод (способствовал анализу предусмотренных в разных странах санкций за совершение «компьютерных» преступлений).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Преступления в области компьютерной информации, хотя и занимают относительно небольшую долю в общей структуре преступности по сравнению с другими видами преступлений, особенно связанными с посягательствами на соб-

ственность, представляют собой серьезную угрозу как для отдельных пользователей электронно-вычислительной техники, так и для национальной безопасности в целом. На это обращали внимание многие исследователи, изучавшие соответствующую проблематику [1, 2, 3]. Такие преступления всё чаще принимают организованный транснациональный характер, а наносимый ими вред порой с трудом поддается подсчету. Согласно статистическим данным, количество зарегистрированных преступлений, квалифицированных по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ежегодно растет. Так, в 2019 году их было 242, в 2020 – 4105, в 2021 – 6392, в 2022 – 9308, в 2023 – 36788. В 2024 году их число достигло 105311¹.

В России неоднократно в разные годы рассматривались законопроекты, касающиеся ответственности за «компьютерные» преступления. Однако огромные масштабы наносимого такими преступлениями ущерба и практическое отсутствие возможности возмещения причиненного ими вреда свидетельствуют о том, что действующая в нашей стране нормативная правовая база, регламентирующая уголовную ответственность за преступления рассматриваемого нами вида, по-прежнему требует совершенствования. Инициирование законопроектов еще до принятия Уго-

¹ Состояние преступности // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 28.01.2025).

ловного кодекса Российской Федерации 1996 года позволило акцентировать внимание на необходимости решения вопросов, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, на законодательном уровне. Но, к сожалению, разработанные в то время нормативные акты не были лишены недостатков, возникла необходимость во внесении в них существенных изменений для уточнения объективных и субъективных признаков «компьютерных» преступлений. Позитивный момент подготовки тех законопроектов заключался в том, что удалось определить основные направления совершенствования законодательства, регламентирующего ответственность за «компьютерные» преступления, а некоторые их положения были использованы законодателем в дальнейшем. Разработчики новых законопроектов отказались от ранее высказанных предложений ограничиться дополнением уже имеющихся в УК РСФСР составов преступлений квалифицирующими обстоятельствами по признаку использования компьютерной техники. И первый (появившийся до принятия УК РФ 1996 года), и второй (представленный в период принятия УК РФ 1996 года) законопроекты были ориентированы на введение в уголовное законодательство отдельных норм, содержащих составы самостоятельных «компьютерных» преступлений.

Авторы законопроектов, используя законотворческий опыт зарубежных стран, положения, содержащиеся в международных соглашениях, предлагали сформировать в УК РФ отдельную самостоятельную главу 29 «Компьютерные преступления». В итоге в кодексе 1996 года появилась глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Вместе с тем сфера обработки информации и информационного обмена была регламентирована не только УК РФ, но и федеральными законами от 16 февраля 1995 г. № 15-ФЗ «О связи» и от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (оба документа утратили силу). В указанных нормативных актах были даны определения объектов правовой защиты в сфере информационных технологий, устанавливались категории доступа отдельных субъектов к конкретным видам информации, регламентировались права и обязанности владельцев этих объектов. Юридическая значимость данных законов заключалась еще и в том, что они содержали определение понятия «конфиденциальная информация», а также устанавливали пределы его правового применения и указывали конкретных лиц, ответственных за защиту такой информации от воздействия тех или иных факторов [4, с. 62].

3 апреля 1995 года был подписан Указ Президента Российской Федерации № 334 «О мерах по соблюдению законности в области разработки, производства, реализации и эксплуатации шифровальных средств, а также предоставления услуг в области шифрования информации». Это событие имело большое значение для формирования комплекса мер, направленных на улучшение безопасности информационных и телекоммуникационных систем государственных учреждений,

российских финансовых организаций, а также различных компаний и учреждений. В целях реализации этих мер Правительство Российской Федерации 26 июня 1995 года приняло постановление № 608 «О сертификации средств защиты информации», в соответствии с которым планировалось создать механизмы фиксации сведений о системе сертификации, а также о средствах защиты информации, подлежащих лицензированию, о порядке оплаты услуг, связанных с их разработкой, установкой, эксплуатацией, и т.д.

Таким образом, законодательство Российской Федерации, регламентирующее отношения, связанные с доступом к компьютерной информации, начало постепенно формироваться примерно с 1991 года. Однако, несмотря на все достоинства принятых в период с 1991 по 1997 год нормативных актов, в российской правовой системе в то время не существовало уголовно-правовых мер защиты компьютерной информации от несанкционированного доступа [5, с. 111]. И потому важнейшим событием, связанным с организацией борьбы с «компьютерными» преступлениями, включая неправомерный доступ к компьютерной информации, оказалось вступление в силу с 1 января 1997 года нового Уголовного кодекса. Ключевым моментом стала криминализация общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации [6, с. 43]. Дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, связано с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В положения гл. 28 УК РФ были внесены изменения и дополнения. Редакция диспозиции рассматриваемой нами нормы (ст. 272 УК РФ) осталась прежней, корректировке подверглась лишь ее санкция.

Изучение зарубежного законодательства, регламентирующего ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, позволило выявить разнообразие подходов иностранных законодателей к определению родового объекта исследуемого нами преступления. Таковым признаются различные группы общественных отношений. В качестве родового объекта незаконного доступа к компьютерной информации в большинстве европейских стран определены общественная безопасность и общественный порядок (в Латвии, Нидерландах и др.). В некоторых государствах, например во Франции и Бельгии, родовым объектом такого преступления признается неприкосновенность системы автоматизированной обработки информации, в ФРГ и Австрии – частная и профессиональная сфера.

По нашему мнению, можно выделить три группы зарубежных стран, различающихся подходами законодателя к криминализации неправомерного доступа к компьютерной информации. В первую группу входят государства, в уголовных законах которых имеются отдельные самостоятельные нормы, устанавливающие ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации. Это Австрия, Дания, Бельгия, Латвия,

Франция. Вторая группа стран включает в себя те государства, где неправомерный доступ к компьютерной информации криминализован лишь в качестве способа совершения иных преступлений, а самостоятельной статьи, посвященной данному преступлению, в уголовных кодексах нет. К этой группе относятся Испания и Швеция. Третью группу составляют страны, в уголовном законодательстве которых ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации предусмотрена как в отдельной самостоятельной норме, так и в качестве квалифицирующего признака в составах других преступлений. Здесь речь идет о Польше, ФРГ, Нидерландах.

Анализ включенных в иностранные кодексы уголовно-правовых норм, касающихся ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации, выявил ряд характерных черт, относящихся к объективной стороне данного преступления. В связи с этим выделяются два подхода законодателей к формулированию состава рассматриваемого нами преступления. Первый связан с криминализацией доступа именно к компьютерной информации (как в Дании и Польше), либо сведениям (в ФРГ) или электронным данным (в Австрии). Второй подход обуславливает установление ответственности за неправомерный доступ в саму систему обработки информации, то есть в информационное или компьютерное устройство, электронную систему (как сделано, например, в Латвии, Австрии, Нидерландах, Бельгии, Франции).

Еще одной характерной для зарубежного уголовного права чертой является иное восприятие способов совершения рассматриваемого нами преступления и других связанных с ним обстоятельств [7, с. 313]. Например, в Уголовном кодексе Бельгии упоминается такой признак общественно опасного деяния, как «доступ без разрешения». В Уголовном кодексе Дании законодатель указал, что подобный доступ является незаконным и несанкционированным. В уголовных кодексах Нидерландов и Польши при описании способа совершения преступления в качестве обязательного признака указывается «с нарушением мер (системы) защиты». В кодексах некоторых стран делается указание на специальный предмет преступления, а именно «сведения, имеющие особо охраняемый характер» (например в ФРГ). По-разному в зарубежных уголовных кодексах определено содержание самого общественно опасного деяния. Так, в ФРГ это «разведывание сведений», а в Австрии – «противозаконный доступ».

Различия наблюдаются также и в подходах законодателей к конструкции состава преступления. В большинстве уголовных кодексов зарубежных стран состав неправомерного доступа к компьютерной информации сформулирован по типу формального [8, с. 126], то есть общественно опасные последствия не включены в качестве конструктивных признаков в состав рассматриваемого преступления (в Дании, Нидерландах, Бельгии и др.)¹.

Исследование особенностей субъекта неправомерного доступа к компьютерной информации показало, что в большинстве зарубежных стран им признается физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста [9, с. 75]. Отличительной особенностью УК Франции является возможность привлечения к уголовной ответственности не только физического, но и юридического лица. Причем это касается и ряда других преступлений (например экологических или коррупционных направленности). Французский законодатель не только указал юридических лиц в качестве субъектов рассматриваемого нами преступления, но и подробно регламентировал виды и сроки наказаний, применяемых к юридическим лицам в случае совершения таких преступлений. Уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена также в Дании и Бельгии [10, с. 82].

Следует отметить разнообразие подходов зарубежных законодателей к возрасту субъекта рассматриваемого нами преступления. В отличие от российского законодательства, согласно которому субъектом является лицо, достигшее 16-летнего возраста, в некоторых зарубежных странах предусмотрена возможность привлечения к ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации в более раннем возрасте. 12-летний возраст субъекта такого преступления установлен в Нидерландах. В Швеции и Дании субъектом признается лицо, достигшее 15 лет. Так же как и в России, ответственность с 16 лет предусмотрена в Латвии. А вот в Польше минимальный возраст субъекта данного преступления – 17 лет.

Исследование особенностей признаков субъективной стороны неправомерного доступа к компьютерной информации показало единообразный подход зарубежных законодателей к определению формы вины [11, с. 102]. Во всех изученных нами иностранных уголовных кодексах субъективная сторона в данном случае выражается в вине в виде прямого умысла. Неосторожная форма вины указывается как признак квалифицированных составов неправомерного доступа к компьютерной информации. В некоторых кодексах (например в Бельгии) предусмотрена альтернативная форма вины (умысел или неосторожность).

Две группы государств можно выделить, рассматривая позиции их законодателей относительно обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. К первой относятся страны, в уголовных кодексах которых представлен только основной состав несанкционированного доступа, без квалифицирующих признаков (как, например, в Австрии). Вторую группу составляют государства, в уголовных кодексах которых предусмотрены квалифицирующие признаки неправомерного доступа к компьютерной информации. Среди них самыми распространенными являются: совершение деяния с использованием служебного положения; незаконный доступ, совершенный повторно, совершенный организованной группой,

¹ Ястребов Д.А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации за рубежом: Лекция / под общ. ред. Р.А. Каламкаряна. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 16.

совершенный по приказу; неправомерный доступ, повлекший ухудшение функционирования компьютерной системы¹. Кроме того, в качестве квалифицированных составов преступлений выделены: неправомерный доступ, причинивший определенный ущерб; неправомерный доступ, повлекший изменение или уничтожение данных; неправомерный доступ, совершенный с целью изъятия (копирования) данных; несанкционированный доступ с намерением совершить обманную операцию (с целью получить незаконный доход) [12, с. 129]. Таким образом, есть основания говорить о том, что законодательство большинства зарубежных стран отличается многообразием квалифицированных видов незаконного доступа к компьютерной информации.

Большое значение при проведении компаративистского исследования уголовного законодательства имеет сопоставление санкций за незаконный доступ к компьютерной информации, установленных в нормах кодексов зарубежных стран [13, с. 27]. В большинстве стран за совершение этого преступления предусмотрены альтернативные и относительно-определенные санкции, причем, как правило, указано два вида наказания. Самым распространенным видом наказания является штраф (в Австрии, Бельгии, в американском штате Техас). Во многих странах в санкцию включен и такой вид наказания, как лишение свободы. Минимальный срок лишения свободы – до 6 месяцев – предусмотрен в Дании, Норвегии, Австрии, Нидерландах; срок до 1 года установлен во Франции, Бельгии; до 3 лет – в ФРГ, Турции, КНР, Польше (то есть в этих странах общественная опасность данного преступления признается более высокой). Отличительной особенностью уголовного кодекса штата Техас является зависимость срока лишения свободы от размера ущерба, который был причинен виновным [14, с. 69]. Так, за совершение несанкционированного доступа к компьютерной информации в рамках основного состава преступления установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 180 дней, а в случае особо квалифицированного состава – до 99 лет (при условии, что в результате совершения преступления был причинен ущерб на сумму свыше 200 тысяч долларов). В некоторых странах в санкции норм, предусматривающих ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, включены такие виды наказания,

как ограничение свободы (как в Польше) и арест (например в КНР). Таким образом, результаты изучения санкций, закрепленных в уголовных кодексах зарубежных стран, показывают, что в большинстве государств неправомерный доступ к компьютерной информации относится к числу преступлений небольшой тяжести (так же как и в Российской Федерации).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, подчеркнем, что общественная опасность незаконного доступа к компьютерной информации давно признана международным сообществом, и это отразилось в отнесении деяний данного вида к группе транснациональных преступлений. Это обуславливает необходимость повышения эффективности самых репрессивных из всех имеющихся способов противодействия им, а именно уголовно-правовых средств [15, с. 551]. Несомненно, этому будет способствовать приведение к единообразию подходов законодателей разных стран к установлению оснований уголовной ответственности за незаконный доступ к компьютерной информации. Среди возможных путей решения обозначенной проблемы видится разработка единых критериев криминализации такого доступа. Причем это будет полезно для дальнейшей успешной борьбы с «компьютерными» преступлениями всех видов.

Проведенный нами анализ уголовно-правовых норм законодательства некоторых зарубежных государств показал, что незаконный доступ к компьютерной информации в том или ином виде криминализирован во всех развитых странах. Отмечаются различия в подходах к конструированию отдельных признаков состава исследуемого преступления, а также к его законодательной конструкции и определению его квалифицированных видов. Во всех странах установлен запрет на совершение несанкционированного доступа в целях защиты компьютерной информации и обеспечения безопасности ее использования.

Различия в основаниях уголовной ответственности за незаконный доступ к компьютерной информации в зарубежных странах могут носить существенный характер. В связи с этим представляется целесообразным унифицировать подход к определению признаков основного состава этого преступления, что значительно повысит эффективность противодействия данному виду транснациональной преступности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенова И.В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 158-165.
2. Сердюкова Е.В., Чуниха А.А., Зиновьева Е.О. Особенности уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации // Восточно-Европейский научный журнал. 2021. № 8-1 (72). С. 57-59.
3. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.

¹ Зинина У.В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

4. Настоящий А.В. История появления и развития преступлений в сфере компьютерной информации // Студенческий вестник. 2020. № 7-1 (105). С. 62-63.
5. Кочкина Э.Л., Сутурин М.А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: история становления и обзор нормативных документов // Актуальные вопросы совершенствования уголовной политики Российской Федерации. Сборник научных статей научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 111-116.
6. Ханмагамедова Ф.А. Методы борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник Социально-педагогического института. 2011. № 1 (2). С. 43-44.
7. Канубриков В.А., Османов М.М. Способ совершения преступления как составообразующий признак преступлений в сфере компьютерной информации // Образование и право. 2021. № 5. С. 312-315.
8. Дворецкий М.Ю. Квалификация преступлений в сфере компьютерной информации в контексте эффективной реализации уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 126-131.
9. Каримов А.М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 75-82.
10. Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография. М., 2010. 544 с.
11. Ульянов М.В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 102-108.
12. Дремлюга Р.И. Компьютерная информация как предмет посягательства при неправомерном доступе: сравнительный анализ законодательства США и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 129-133.
13. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
14. Фатьянов А.А., Григорьева М.А. Преступления в сфере компьютерной информации по законодательству Российской Федерации и штата Луизиана (США): сравнительно-правовой анализ // Российский следователь. 2022. № 8. С. 69-74.
15. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.

REFERENCES

1. Semenova I.V. Tsifrovaya informatsiya kak predmet posyagatel'stva prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2022. T. 8 (74). № 4. S. 158-165.
2. Serdyukova Ye.V., Chunikha A.A., Zinov'yeva Ye.O. Osobennosti ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii // Vostochno-Yevropeyskiy nauchnyy zhurnal. 2021. № 8-1 (72). S. 57-59.
3. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugovolnoy otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, soderzhashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // Ugovolnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-15.
4. Nastoyashchiy A.V. Istoriya poyavleniya i razvitiya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii // Studencheskiy vestnik. 2020. № 7-1 (105). S. 62-63.
5. Kochkina E.L., Suturin M.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: istoriya stanovleniya i obzor normativnykh dokumentov // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya ugovolnoy politiki Rossiyskoy Federatsii. Sbornik nauchnykh statey nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu, 2019. S. 111-116.
6. Khanmagamedova F.A. Metody bor'by s prestupleniyami v sfere komp'yuternoy informatsii // Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta. 2011. № 1 (2). S. 43-44.
7. Kanubrikov V.A., Osmanov M.M. Sposob soversheniya prestupleniya kak sostavoobrazuyushchiy priznak prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii // Obrazovaniye i pravo. 2021. № 5. S. 312-315.
8. Dvoretzkiy M.Yu. Kvalifikatsiya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii v kontekste effektivnoy realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti // Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. 2023. № 3. S. 126-131.
9. Karimov A.M. Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii i prestupleniya, sovershayemye s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: sravnitel'no-pravovoy aspekt // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 1 (51). S. 75-82.
10. Dodonov V.N., Kapinus O.S., Shcherba S.P. Sravnitel'noye ugolovnoye pravo. Osobennaya chast': Monografiya. M., 2010. 544 s.

11. Ul'yanov M.V. Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: vozmozhnosti ugovovno-pravovogo vozdeystviya i preduprezhdeniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. № 4 (35). S. 102-108.

12. Dremlyuga R.I. Komp'yuternaya informatsiya kak predmet posyagatel'stva pri nepravomernom dostupe: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva SSHA i Rossii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2018. № 6 (73). S. 129-133.

13. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.

14. Fat'yanov A.A., Grigor'yeva M.A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i shtata Luiziana (SShA): sravnitel'no-pravovoy analiz // Rossiyskiy sledovatel'. 2022. № 8. S. 69-74.

15. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovovnaya politika, ugovovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.

© Бугера Н.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бугера Н.Н. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: ретроспективный сравнительно-правовой анализ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 16-22.

Елена Лорисовна КОЗЛОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-0623-1286

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

доцент кафедры уголовного права, криминологии

и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала

k_elena1979@mail.ru

Елена Дмитриевна БАРИНОВА,

ORCID 0009-0009-4937-4840

Академия управления МВД России (г. Москва)

адъюнкт

elena.barinova.1998@mail.ru

Научная статья

УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОЖИДАНИЯ ВИНОВНОГО В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовные правоотношения, субъективные права, юридические обязанности, уголовно-правовые ожидания, защита уголовно-правовых ожиданий, либерализация, гуманизация, уголовно-правовая политика России.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, некоторые результаты которого излагаются в настоящей статье, были рассмотрены вопросы гуманизации и либерализации уголовного законодательства России. Авторы пришли к выводу о позитивном влиянии этих процессов на развитие уголовной политики. Вместе с тем сформулировано предостережение о негативных последствиях их бесконтрольного течения. Обращено внимание на рост в юридической науке интереса к феномену «ожидание». Подчеркнут его межотраслевой характер, его уголовно-правовая природа демонстрируется на примере нормативных положений действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. *Методы.* Исследование проводилось посредством использования ряда научных методов: анализа, абстрагирования, обобщения, сравнительно-правового метода, статистического метода. *Результаты.* На основе анализа состава уголовных правоотношений делается вывод о том, что ожидания выступают его элементом и стоят в одном ряду с другими элементами – субъективными правами и юридическими обязанностями. Подчеркивается необходимость защиты законно обоснованных ожиданий от нереализации по причине посторонних ошибок путем предоставления освобождаемому лицу права непосредственно либо опосредованно ходатайствовать о таком освобождении.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация системы общественных ценностей, изменение представлений о роли человека в государстве, которая сегодня сводится к тому, что личность является центром правовой политики, направленной на обеспечение приоритета прав и свобод человека и гражданина, обуславливают актуальность исследований в области уголовных правоотношений.

В настоящее время в уголовной политике российского государства проявляются тенденции гуманизации и либерализации. Гуманизация уголовного права, как пишет И.О. Кравченко, имеет базисное законодательное наполнение. «Ст. 7 УК РФ определяет идею гуманизма в уголовном праве через совокупность двух обязательных компо-

нентов, которые должны находиться в равновесии. Это, с одной стороны, направленность уголовного законодательства на обеспечение безопасности человека, а с другой – гарантия соблюдения прав лица, совершившего преступление, в части прежде всего исключения цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства при применении наказания и иных мер уголовно-правового характера» [1, с. 567].

О процессах гуманизации уголовно-правовой политики всё чаще разворачиваются дискуссии в научной среде, актуальность данной темы не снижается, чем и объясняется повышенный интерес к ней со стороны ученых. Многие гуманизацию в уголовном праве связывают прежде всего со смягчением уголовного наказания и иных мер

Elena L. KOZLOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-0623-1286

Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal-Executive Law of the Kaliningrad branch
k_elena1979@mail.ru

Elena D. BARINOVA,

ORCID 0009-0009-4937-4840

Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

Adjunct

elena.barinova.1998@mail.ru

CRIMINAL-LEGAL EXPECTATIONS OF THE GUILTY IN THE CONTEXT OF APPLICATION OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

KEYWORDS. Criminal-legal relations, subjective rights, legal obligations,
criminal-legal expectations, protection of criminal-legal expectations,
liberalization, humanization, criminal-legal policy of Russia.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, some of the results of which are presented in this article, examined the issues of humanization and liberalization of the criminal legislation of Russia. The authors came to the conclusion about the positive influence of these processes on the development of criminal policy. At the same time, a warning was formulated about the negative consequences of their uncontrolled course. Attention is drawn to the growing interest in the legal science to the phenomenon of «expectation». Its interdisciplinary nature is emphasized, its criminal-legal nature is demonstrated using the example of the regulatory provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation. *Methods.* The study was conducted using a number of scientific methods: analysis, abstraction, generalization, comparative legal method, statistical method. *Results.* Based on the analysis of the composition of criminal legal relations, a conclusion is made that expectations are its element and are on a par with other elements – subjective rights and legal obligations. The need to protect legitimate expectations from being frustrated due to extraneous errors by providing the person being released with the right to directly or indirectly apply for such release is emphasized.

уголовно-правового характера. Другие видят ее проявление в изменении категорий преступлений (снижении по усмотрению суда категории на менее тяжкую), декриминализации, создании новых оснований освобождения от уголовной ответственности, исключении из санкций нижних пределов [2, с. 236]. Представляется, что рациональность применения наказания и гуманизация уголовной политики будут более полезны [3, с. 27], чем ужесточение наказания, в качестве ответа на ухудшение криминогенной обстановки. Вместе с тем в научной литературе речь ведется и о набирающих силу в уголовно-правовой реальности процессах либерализации. В этом контексте было даже высказано мнение о «масштабной либерализации уголовного законодательства» [4, с. 69].

О процессах либерализации и гуманизации уголовной политики российского государства свидетельствует статистика. В таблице 1 приведены данные о количестве уголовных дел, прекращенных судами по нереабилитирующим и реабилитирующим основаниям за 2021-2023 годы. Из сопоставления статистических показателей следует, что существует устоявшая динамика освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, и это, по нашему мнению, подтверждает развитие уголовно-правовой политики в направлении либерализации и

гуманизации. При этом за годы анализируемого периода прекращено по нереабилитирующим основаниям соответственно 21,7%, 20,3% и 19,2% уголовных дел, что свидетельствует о разумных темпах развития институтов освобождения от уголовной ответственности и отсутствии противоречия принципам справедливости и неотвратимости уголовного наказания.

Процессы гуманизации и либерализации не являются тождественными, однако имеют общие цели – сокращение в разумных пределах мер уголовно-правовой репрессии и расширение институтов освобождения от уголовной ответственности, применение индивидуализированного подхода к назначению наказания, придающего большое значение обстоятельствам совершения преступления и личностным характеристикам преступника. Реализация уголовной политики в обозначенных направлениях должна осуществляться сдержанно, с учетом объективно возникающей необходимости, иначе неразумное расширение границ гуманного подхода при назначении уголовного наказания и освобождении от уголовной ответственности приведет к ущемлению принципа справедливости и подрыву доверия граждан к органам государственной власти.

Процесс гуманизации предполагает необходимость учета новых веяний в сфере уголовно-

Таблица 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ, ПРЕКРАЩЁННЫХ СУДАМИ ЗА 2021-2023 ГОДЫ*

Год	Всего поступило уголовных дел	Прекращено по реабилитирующим основаниям	Прекращено по нереабилитирующим основаниям
2021	782 354	1 138 (0,14%)	170 498 (21,7%)
2022	776 670	992 (0,13%)	157 072 (20,3%)
2023	720 578	1 065 (0,15%)	138 679 (19,2%)

* Использована информация с официального интернет-сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

правовых отношений. В этом контексте наше внимание было обращено к такому феномену, как уголовно-правовые ожидания лица, совершившего преступление.

МЕТОДЫ

В ходе проведенного нами исследования метод анализа позволил выявить сложившиеся в научной литературе представления о феномене «ожидание» и его проявлении в уголовно-правовых отношениях. Посредством метода абстрагирования была определена сущность уголовно-правовых отношений и уголовно-правовых ожиданий. Сравнительно-правовой метод использовался для установления места ожиданий среди элементов состава уголовных правоотношений посредством их сопоставления. Статистический метод использовался для рассмотрения динамики применения институтов освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и последующего формирования вывода о состоянии уголовно-правовой политики и ее либерализации. С помощью метода обобщения по итогам исследования были сформулированы краткие выводы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В научной литературе вопрос об ожиданиях субъектов правоотношений различной отраслевой принадлежности стал подниматься не так давно. С.А. Ядрихинский изучает законные ожидания в налоговых правоотношениях, возникающих между налогоплательщиком и налоговым органом при проведении налоговой проверки. Он пишет, что запреты, адресованные налоговому органу, проводящему проверку (ст. 94 НК РФ), порождают в силу категоричности данных нормативных положений у налогоплательщика ожидания соблюдения установленного законом порядка осуществления налоговой деятельности. «Законный интерес и ожидания налогоплательщика связаны с добросовестным исполнением налоговым органом своих обязанностей, а также с соблюдением им нормативных запретов и в исполнении ограничений» [5, с. 78].

Н.А. Арапов рассматривает правомерное ожидание в конституционных правоотношениях в правовом единстве с принципом поддержания доверия к государству. Он полагает, что доверие является совокупностью известных ожиданий, и при их нарушении данное доверие к государству автоматически утрачивается. По его мнению,

субъект правоотношений не формировал бы ожиданий о совершении со стороны государства чего-то юридически значимого для него, если бы не имел к нему доверительных отношений. При этом под правомерными ожиданиями понимается «юридически обоснованное предположение лица о правовой действительности» [6, с. 214].

В сфере гражданских правоотношений феномен ожидания рассматривает Т.П. Подшивалов. Им изучается юридическая природа правового ожидания при приобретении вещного права субъектом гражданских правоотношений. По этому поводу он пишет: «По своей юридической природе правовое ожидание частично является проявлением принципа правовой определенности и имеет связь с принципом добросовестности. Судебная защита вещно-правового ожидания вносит определенность как в вопрос, кому принадлежит вещное право, так и в вопрос, можно ли считать истца приобретшим субъективное вещное право» [7, с. 119].

Правомерные ожидания в международных правоотношениях исследует К.А. Черновол. Им рассматриваются решения ЕСПЧ, в которых правомерные ожидания выступают предметом защиты. «Основу таких ожиданий, – пишет он, – для лица могут составлять правовые акты, предписания и устоявшаяся правоприменительная и/или судебная практика, а также акты, принятые с превышением полномочий органа (*ultra vires*). Руководствуясь всем этим, лицо может обоснованно предполагать определенное положение вещей в будущем, а также то, что, действуя в рамках правового регулирования, субъект не должен предполагать наступление для себя негативных последствий со стороны органов государственной власти» [8, с. 189]. Судебная защита правомерных ожиданий направлена на поддержание принципа правовой определенности, верховенства закона, добросовестности участников публичных правоотношений, доверия к органам публичной власти.

Научные работы ряда других авторов демонстрируют многоотраслевую принадлежность феномена «ожидание». В.Р. Колеватова проводит сравнительный анализ принципа эстоппеля и принципа защиты правомерных ожиданий, выявляя схожие и отличительные признаки их юридической природы [9]. Е.Н. Ефремов, исследуя принцип эстоппеля, обнаруживает, что он, предполагая запрет ссылаться на обстоятельства

для обоснования требований, когда требования противоречат предшествующему поведению субъекта, направлен на борьбу с процессуальными злоупотреблениями и защиту законных ожиданий субъекта, порожденных противоречивым поведением второй стороны правоотношения [10]. О.А. Ногина и С.В. Овсянников, подвергнув анализу законные ожидания налогоплательщика, приходят к выводу о том, что их защита способствует балансу частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях [11].

Из представленных мнений следует, что феномен «ожидание» имеет отношение к различным отраслям права, и полагаем, что есть все основания рассматривать его и в рамках уголовного права. В связи с этим в рамках исследования, мы обратили внимание на уголовно-правовую природу ожиданий, установили с учетом сложившихся о них в юридической науке представлений, как они проявляют себя в уголовных правоотношениях, определили их сущность. Ракурс нашего исследования был смещен на уголовно-правовые ожидания виновного лица, а сам изучаемый феномен раскрыт в контексте института освобождения от уголовной ответственности. Такой узкий подход обусловлен многообразием субъектного состава ожиданий. Помимо виновного, уголовно-правовые ожидания могут формировать должностные лица правоохранительных органов и потерпевшая от преступления сторона. Данное замечание демонстрирует широту феномена «ожидание» в уголовно-правовых отношениях.

Поиск решения поставленной исследовательской задачи был начат нами с рассмотрения вопроса о сущности уголовно-правовых отношений, поскольку выявление существа ожиданий, формирующихся в рамках данных правоотношений, невозможно без определения уголовно-правовой природы, конкретизации понятия и юридической конструкции последних. Сущность интересующих нас правоотношений обнаруживается на основе анализа задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), поскольку их реализация возможна только при наличии уголовно-правового отношения.

М.Ю. Дворецкий, рассматривая уголовно-правовые отношения и формы реализации уголовной ответственности, большое внимание уделяет именно задачам Уголовного кодекса [12, с. 190]. Анализ перечисленных в ст. 2 УК РФ задач приводит к выводу о том, что сущность (значение) уголовных правоотношений сводится к:

- восстановлению нарушенных прав потерпевшей стороны и компенсации причиненного вреда;
- привлечению виновного к уголовной ответственности и назначению ему наказания и иных мер уголовно-правового характера;
- предупреждению нарушения и восстановлению общественного порядка и общественной безопасности.

Данный вывод подтверждается еще и тем, что возникновение угрозы правам и свободам челове-

ка и гражданина, собственности, общественному порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации, миру и безопасности человечества связывают с уголовно-правовыми отношениями, выступающими реакцией государства на появление опасности, и возможностью устранения угрозы исключительно в рамках данных правоотношений. В связи с этим их сущность или значение (в рассматриваемом контексте это тождественные понятия) сводится к устранению угрозы в лице виновных лиц, проведению восстановительных и компенсационных процедур в отношении потерпевшей стороны. Например, в рамках уголовно-правовых отношений по факту кражи виновный привлекается к ответственности, а потерпевшему восстанавливается право собственности на похищенное имущество, возмещается причиненный преступлением вред. Уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступного деяния, предусмотренного гл. 24 УК РФ, направлены на устранение угрозы в лице виновных, предупреждение нарушения и восстановление общественной безопасности.

Категория уголовно-правовых отношений в научном дискурсе является достаточно устоявшейся и не вызывает острых дискуссий. Под уголовно-правовыми отношениями Л.Н. Коломытцева понимает «вытекающие из факта совершения преступления и регулируемые нормами уголовного права общественные отношения между лицом, совершавшим преступление, и государством, направленные на реализацию взаимных прав и обязанностей этих субъектов в связи с применением уголовного закона по факту совершения данного преступления»¹. А.М. Быстриков под уголовно-правовыми отношениями понимает «урегулированную нормой уголовного права индивидуализированную правовую связь, являющуюся формой (результатом) конкретного уголовно-правового поведения» [13, с. 186]. Это определение представляется недостаточно предметным ввиду отсутствия описания субъектного состава и нетрадиционного подхода к определению уголовных правоотношений как правовой связи. Классический подход к толкованию уголовных правоотношений, согласно которому это разновидность общественных отношений, обладает большей логической связностью и в научный обиход вошел достаточно прочно. Но так или иначе, остается очевидным, что уголовное правоотношение урегулировано нормами уголовного законодательства и возникает только по причине общественно опасного поведения лица. Данные признаки независимы от абстрактного или предметного характера понятия в подавляющем большинстве случаев отражаются при интерпретации уголовно-правовых отношений.

К числу элементов состава уголовного правоотношения «принято относить субъектов, их права и обязанности, поведение, а также объект уголовно-правового отношения» [14, с. 90]. Существуют и иные точки зрения на содержание уголовных

¹ Колыметцева Л.Н. Субъекты уголовного правоотношения: теория, законодательство, практика: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 13.

правоотношений. Например, в него включают «субъективные корреспондирующие права и обязанности, основанные на нормах уголовного закона» [15, с. 360]. Эти подходы к определению содержания уголовных правоотношений не противоречат друг другу, однако первый из них расширяет представления о содержании рассматриваемой правовой категории, включая в нее объект, субъектов и поведение. В поддержку данной позиции с присущим ей широким пониманием содержания уголовно-правового отношения приведем авторитетное мнение видного теоретика права С.С. Алексеева. Он отметил, что «выделение в составе правоотношения наряду с субъектами и материальным содержанием его объекта позволяет осуществить подлинно научный анализ правоотношения»¹.

Интерес, проявленный в юридической науке к феномену «ожидание», подтолкнул к поиску ответа на вопрос, возможно ли считать ожидания элементом состава уголовного правоотношения наравне с субъективными правами и юридическими обязанностями или же они выходят за его пределы? В Уголовном кодексе Российской Федерации есть нормативные положения, которые могут формировать ожидания у субъекта в случае возникновения уголовно-правовых отношений. Так, само существование гл. 11 УК РФ провоцирует у лица, совершившего преступление, ожидания освобождения его от уголовной ответственности. Далее рассмотрим процесс формирования ожиданий на примерах нормативных предписаний данной главы.

В ст. 76.2 УК РФ закреплены условия освобождения от уголовной ответственности и назначения вместо уголовного наказания судебного штрафа. К их числу относятся: совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом. У подозреваемого (обвиняемого), соответствующего изложенным в названной статье кодекса требованиям, выполнившего или намеревающегося выполнить необходимые условия, может формироваться ожидание освобождения его от уголовной ответственности. Данное ожидание будет существовать до момента вынесения судом окончательного решения: об освобождении от уголовной ответственности или о привлечении к уголовной ответственности.

В ст. 90 УК РФ перечислены условия применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера в связи с освобождением его от уголовной ответственности. Такое возможно, если несовершеннолетний совершил преступление небольшой или средней тяжести и признано, что для его исправления достаточно применения к нему принудительных мер воспитательного характера. Данная норма порождает у несовершеннолетнего ожидания освобождения его от уголовной ответственности и применения к нему мер названного вида. Кроме того, ожидания освобождения от уголовной ответственности у несовершеннолетнего могут формироваться в связи с вероятностью применения судебного штрафа [16].

Аналогичным образом формируют ожидания освобождения от уголовной ответственности другие нормы гл. 11 УК РФ. В свою очередь, положения гл. 8 УК РФ могут формировать ожидания непризнания действий (или бездействия) лица преступными при наличии перечисленных в этой главе кодекса обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Приведенные примеры показывают, что у лица, совершившего преступление, помимо субъективных прав, соответствующих его процессуальному статусу (подозреваемого или обвиняемого), в рамках уголовно-правовых отношений возможны уголовно-правовые ожидания. Наиболее ярко это демонстрируют нормы гл. 11 УК РФ, поскольку их реализация (освобождение от уголовной ответственности) связана с волевыми усилиями виновного – совершением перечисленных в положениях главы действий. При этом в контексте приведенных примеров следует учитывать, что лицо, соответствующее предъявляемым требованиям и выполнившее необходимые условия, имеет законные основания рассчитывать на наиболее благоприятный для себя исход уголовно-правового конфликта.

Таким образом, *уголовно-правовые ожидания* лица можно определить как *законно обоснованные предположения по поводу развития и последствий уголовно-правовых отношений*.

Впрочем, представляется очевидным, что в силу внешних обстоятельств ожидания могут не оправдаться. К числу таких обстоятельств относятся ошибки должностных лиц (следователя или дознавателя), допущенные в ходе процессуальной деятельности, ошибки при проведении криминалистической экспертизы, неправильная квалификация деяния, ошибки судьи при исследовании материалов дела, связанные с упущением изложенных в деле обстоятельств или ложным их пониманием. Всё это не находится в сфере, на которую распространяется воля лица, имеющего уголовно-правовые ожидания. И потому перечисленные обстоятельства могут послужить причиной нереализации таких ожиданий. В связи с этим полагаем, что при соответствии требованиям и выполнении необходимых условий защита законных ожиданий лица является гарантией правомерного применения к нему институтов освобождения от уголовной ответственности и соответствует целям либерализации уголовно-правовой политики.

Для надлежащей защиты законно обоснованных уголовно-правовых ожиданий от лишения права на их реализацию ошибок должностных лиц представляется необходимым с учетом того, что решение об освобождении от уголовной ответственности принимает суд, предоставить возможность лицу, которое имеет такие ожидания, самостоятельно либо через защитника или законного представителя направлять ходатайства об освобождении от уголовной ответственности. Эти ходатайства могли бы составляться в произвольной форме, ведь не все институты освобождения от уголовной ответственности предусматривают такую юридическую возможность (кроме института освобождения в связи с примирением

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник / 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 393.

сторон, где решение принимается на основании заявления потерпевшей стороны), в большинстве случаев инициатором освобождения выступает следователь (с соответствующим ходатайством) или суд. В связи с этим было бы целесообразно предусмотреть для подозреваемого (обвиняемого) юридическую возможность непосредственно либо опосредованно направлять в суд ходатайства об освобождении его от уголовной ответственности без необходимости получения на то согласия потерпевшего. Главное, чтобы в ходатайстве было отражено выполнение необходимых для освобождения условий. На наш взгляд, это поможет, по крайней мере частично, избежать ошибок со стороны должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, а само ходатайство привлечет внимание суда к необходимости основательного изучения материалов дела на предмет наличия условий для освобождения от ответственности. Для устранения ошибок, допущенных судьей, следует использовать процедуры обжалования судебных решений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Считаем неверным рассматривать ожидания, сформированные вне рамок уголовных правоотношений. Например, в случае, когда лицом совершено преступление, а уголовное дело в отношении него еще не возбуждено. Это обусловлено тем, что лицо не может предпринять каких-либо действий для реализации ожиданий, касающихся освобождения от уголовной ответственности, вне рамок уголовных правоотношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты исследования, мы пришли к следующим выводам:

- уголовно-правовые ожидания, имеющие законное обоснование, могут формироваться только в рамках уголовно-правовых отношений;
- уголовно-правовые ожидания представляют собой законно обоснованное предположение о развитии и последствиях уголовно-правовых отношений;
- ожидания являются элементом состава уголовных правоотношений наряду с субъективными правами и обязанностями и не выступают их разновидностью;
- защита законно обоснованных уголовно-правовых ожиданий освобождения от уголовной ответственности от ошибочной их нереализации является гарантией правомерного применения правовых институтов освобождения от уголовной ответственности;
- способом защиты законно обоснованных уголовно-правовых ожиданий от их нереализации по причине ошибок третьих лиц может быть предоставление подсудимому возможности самостоятельно либо через защитника (или законного представителя в случае с несовершеннолетним) направлять в суд ходатайства об освобождении от уголовной ответственности, составленные в свободной форме, с указанием на соответствие предъявляемым для освобождения требованиям и выполнение установленных законом условий. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кравченко И.О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 565-577.
2. Петрянина О.А. Гуманизация уголовного законодательства: современное состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 236-239.
3. Александрова А.В. Либерализация уголовного наказания в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 26-31.
4. Попов В.И. «Большая» коррупция и либерализация уголовной политики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 1. С. 66-72.
5. Ядрихинский С.А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4 (17). С. 76-84.
6. Арапов Н.А. Фидуциарное государство и правомерные ожидания (на основе принципа поддержания доверия): Монография. СПб, 2020. 374 с.
7. Подшивалов Т.П. Вещно-правовые ожидания как основание применения вещных исков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 102-123.
8. Черновол К.А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. № 1. С. 181-191.
9. Колеватова В.Р. Эстоппель и доктрина законных ожиданий: общее и различное // Молодой учёный. 2023. № 40 (487). С. 212-215.
10. Ефремов Е.Н. Принцип «эстоппель» в современном гражданском праве России: основные положения и особенности применения // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 1. С. 34-41.
11. Ногина О.А., Овсянников С.В. Защита законных ожиданий налогоплательщика в условиях действия и применения антиуклонительных налоговых правил: баланс частных и публичных интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 1. С. 83-106.
12. Дворецкий М.Ю. Уголовно-правовые отношения и последствия в механизме правового регулирования и реализации уголовной ответственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. С. 190-196.
13. Быстриков А.М. Уголовно-правовые отношения в контексте применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. № 13. С. 184-191.

14. Чистяков А.А., Чистяков К.А. Структурность уголовно-правового отношения в механизме формирования правомерного поведения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 88-93.
15. Князева О.В. Вопросы содержания уголовных правоотношений // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Чебоксары, 2020. С. 356-361.
16. Козлова Е.Л., Барина Е.Д. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. 2021. № 4. С. 8-11.

REFERENCES

1. Kravchenko I.O. Liberalizatsiya i humanizatsiya ugolovno-pravovoy politiki // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2021. T. 15. № 5. С. 565-577.
2. Petryanina O.A. Gumanizatsiya ugolovnogo zakonodatel'stva: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 4 (44). С. 236-239.
3. Aleksandrova A.V. Liberalizatsiya ugolovnogo nakazaniya v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 3 (50). С. 26-31.
4. Popov V.I. «Bol'shaya» korruptsiya i liberalizatsiya ugolovnoy politiki // Ugolovnoye sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2018. № 1. С. 66-72.
5. Yadrikhinskiy S.A. Doktrina zakonnykh ozhidaniy v nalogovykh otnosheniyakh // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2018. № 4 (17). С. 76-84.
6. Arapov N.A. Fidutsiarnoye gosudarstvo i pravomernyye ozhidaniya (na osnove printsipa podderzhaniya doverya): Monografiya. SPb, 2020. 374 s.
7. Podshivalov T.P. Veshchno-pravovyye ozhidaniya kak osnovaniye primeneniya veshchnykh iskov // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2021. № 4. С. 102-123.
8. Chernovol K.A. Kontseptsiya pravomernykh ozhidaniy: yevropeyskiy i rossiyskiy opyt // Pravovedeniye. 2019. № 1. С. 181-191.
9. Kolevatova V.R. Estoppel' i doktrina zakonnykh ozhidaniy: obshcheye i razlichnoye // Molodoy uchonyy. 2023. № 40 (487). С. 212-215.
10. Yefremov Ye.N. Printsip «estoppel» v sovremenном grazhdanskom prave Rossii: osnovnyye polozheniya i osobennosti primeneniya // Gumanitarnyye i politiko-pravovyye issledovaniya. 2018. № 1. С. 34-41.
11. Nogina O.A., Ovsyannikov S.V. Zashchita zakonnykh ozhidaniy nalogoplatel'shchika v usloviyakh deystviya i primeneniya antiuklonitel'nykh nalogovykh pravil: balans chastnykh i publicznykh interesov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2022. T. 13. Vyp. 1. С. 83-106.
12. Dvoretzkiy M.Yu. Ugolovno-pravovyye otnosheniya i posledstviya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya i realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2016. № 2. С. 190-196.
13. Bystrikov A.M. Ugolovno-pravovyye otnosheniya v kontekste primeneniya srokov давности privilecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. 2019. № 13. С. 184-191.
14. Chistyakov A.A., Chistyakov K.A. Strukturnost' ugolovno-pravovogo otnosheniya v mekhanizme formirovaniya pravomernogo povedeniya // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2015. № 4 (91). С. 88-93.
15. Knyazeva O.V. Voprosy soderzhaniya ugolovnykh pravootnosheniy // Pravovyye i нравstvennyye aspekty funktsionirovaniya grazhdanskogo obshchestva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. CH. 1. Cheboksary, 2020. С. 356-361.
16. Kozlova Ye.L., Barinova Ye.D. Sudebnyy shtraf kak mera osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 4. С. 8-11.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Козлова Е.Л., Барина Е.Д., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Козлова Е.Л., Барина Е.Д. Уголовно-правовые ожидания виновного в контексте применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 23-29.

Олеся Николаевна СТАРОДУБЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0009-0274-0081

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

доцент кафедры уголовного права

lsstar189@gmail.com

Научная статья

УДК 343.21

ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовный закон, цель закона, борьба с преступностью, уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, предупреждение преступности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Исследование, результаты которого представлены в статье, было посвящено обоснованию необходимости приведения дефиниции «цель уголовного закона» в соответствие Концепции уголовно-правовой политики, проект которой обсуждался на научной конференции 22 ноября 2021 г. по инициативе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Концепция отражает современные реалии и разнообразие факторов, влияющих на криминогенную обстановку в стране, ее положения требуют тщательного изучения и учета при проведении научных исследований в данной области. Автор статьи анализирует философские аспекты определения цели закона, подчеркивая связь цели с деятельностью как индивида, так и государства. Основное внимание уделяется идее о том, что цель уголовного закона заключается в стремлении государства создать безопасные условия жизни, обусловленном потребностями индивида и общества в защите их от преступности. Отмечаются прогрессирующие тенденции гуманизации уголовного правоприменения и необходимость учета социальных изменений, связанных с политическими и экономическими трансформациями. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы исторический метод, методы логического осмысления, сравнения, обобщения, анализа, синтеза, дедукции, индукции. *Результаты.* В рамках исследования рассмотрены примеры целеполагания в международных, зарубежных и отечественных нормативно-правовых актах. Обоснована необходимость указания цели в тексте уголовного закона, а также в Концепции уголовно-правовой политики, согласно которой борьба с преступностью является необходимым условием обеспечения национальной безопасности. Делается вывод о том, что цель уголовного закона должна служить методологической основой для достижения задач криминальной политики в условиях современных вызовов. Предложена авторская формулировка цели уголовного закона: это противостояние преступности предупредительными мерами уголовно-правового воздействия.

ВВЕДЕНИЕ

Отсутствие в России официально принятой Концепции уголовно-правовой политики (далее – Концепция) не позволяет сегодня сформулировать унифицированную дефиницию понятия «цель уголовного закона». Если обобщить имеющиеся мнения по поводу того, что обозначается этим термином, то цель уголовного закона понимается как собирательное индивидуальное представление о реализации уголовной политики, основанной на доктринальных позициях, положениях Конституции Российской Федерации, международных принципах и нормах, федеральном законодательстве, складывающейся практике правоприменения (обусловленной преимущественно решениями высших судебных инстанций).

Обозначение цели в уголовном законе имеет большое идеологическое и политическое значение для обеспечения национальной безопасности как основной ценности правового государства. Це-

леполагание как способность формировать цель и образ результата деятельности должно исходить из основных начал уголовного права (в отличие от принципов уголовного права, которые сопровождают процесс реализации цели), приоритетных способов воздействия (с учетом изменяющегося понимания сущности воздействия) и смещения акцентов в зависимости от изменения показателей преступности.

Сущность и предназначение цели как категории, непосредственно связанной с деятельностью человека, раскрываются в многочисленных философских трудах. Изначально «цель» подвергалась изучению в рамках идеалистических теологических учений и определялась:

- с позиции этико-философского учения, например Сократом, как «мыслимое предельное благо, которое является конечным основанием деятельности и которое не может быть реализовано непосредственно: человек может лишь косвенно содействовать его достижению»¹;

¹ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.

Olesya N. STARODUBTSEVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate
Professor, ORCID 0009-0009-0274-0081
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law
lsstar189@gmail.com

THE PURPOSE OF THE CRIMINAL LAW

KEYWORDS. Criminal Law, purpose of the law, fight against crime, criminal policy, Criminal Law impact, crime prevention.

ANNOTATION. Introduction. The study, the results of which are presented in the article, was devoted to substantiating the need to bring the definition of the «purpose of the Criminal Law» in line with the draft Concept of Criminal Law Policy, discussed at a scientific conference on November 22, 2021, on the initiative of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. The concept reflects modern realities and the variety of factors influencing the crime situation in the country, its provisions require careful study and consideration when conducting scientific research in this area. The author of the article analyzes the philosophical aspects of defining the purpose of the law, emphasizing the connection of the purpose with the activities of both the individual and the state. The main attention is paid to the idea that the purpose of the Criminal Law is the desire of the state to create safe living conditions, due to the needs of the individual and society in protecting them from crime. Progressive trends in the humanization of Criminal Law enforcement and the need to take into account social changes associated with political and economic transformations are noted. **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of understanding the surrounding reality. In addition, the historical method, methods of logical comprehension, comparison, generalization, analysis, synthesis, deduction, and induction were used. **Results.** The study examined examples of goal setting in international, foreign, and domestic regulatory legal acts. The need to indicate the goal in the text of the Criminal Law, as well as in the Concept of Criminal Law Policy, according to which the fight against crime is a necessary condition for ensuring national security, is substantiated. It is concluded that the goal of the criminal law should serve as a methodological basis for achieving the objectives of criminal policy in the context of modern challenges. The author's formulation of the goal of the criminal law is proposed: this is the confrontation of crime with preventive measures of Criminal Law impact.

- с онтологической позиции – Аристотелем – как «то, ради чего нечто существует или осуществляется»;

- с позиции провиденциального предназначения, в частности Гегелем, и т.д.

К. Маркс рассматривал цель в ракурсе деятельности государства как «реальное основание преобразования человеком окружающей его действительности», а с точки зрения деятельности человека – как «идеальный внутренний образ, побуждение, субъективную форму будущего результата деятельности» [1, с. 718].

Ш. Монтескье ассоциировал цель уголовного закона с понятием «дух закона», который выводил из «духа народа», складывающегося в ходе длительной эволюции под влиянием природных и исторических факторов [2, с. 159]. Если рассматривать цель уголовного закона в рамках регулятивного подхода¹, сформированного послекантовской трансцендентальной философией, то она должна представляться не в виде конечного результата (как это обозначено в рамках конститутивного подхода), а в виде процесса. Цель в данном аспекте выступает в качестве правила для постоянного следования, которое не имеет законченного содержания, что, кстати, соответствует утверждению о невозможности полного искоренения преступности.

Все приведенные выше суждения подтверждают тезис о том, что цель любой деятельности как предвосхищаемый, желаемый ее результат неразрывно связана с усилиями индивида или других субъектов (общества и государства) по его достижению.

Обусловленность цели потребностями была справедливо подмечена В. Кодиным: «Цель есть практически достигаемая связь потребности со средствами ее удовлетворения, которая мысленно предвосхищается субъектом в эмпирическом и теоретическом познании»². Среди имманентных потребностей, присущих индивиду, желание обезопасить себя от внешних негативных воздействий является таким же естественным, как и реализация необходимых физиологических потребностей.

Российскому законодательству в целом свойственно определение целей. Например, цель просматривается в словах преамбулы Конституции Российской Федерации: «...возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России...». В данном случае очевидно, что достижение цели (государственное благополучие и процветание) напрямую связано с реализацией потребности в обеспечении безопасности.

¹ Регулятивный – направляющий, вносящий порядок, планомерность во что-либо (regulativ; от лат. regula – «правило»).

² Кодин В.Н. Процесс познания цели: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Калинин, 1968. С. 3, 6.

Определение цели уголовного закона необходимо для понимания устремлений законодателя в области уголовной политики, тем более что по другим направлениям государственной политики принимаются соответствующие концепции¹. В методологическом плане постановка цели предопределяет последующее формулирование задач, способствующих ее достижению. Так, в Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года цели определены достаточно четко: это создание комфортных и безопасных условий для путешествий по автомобильным дорогам и условий для строительства и развития сопутствующей и обеспечивающей инфраструктуры, обеспечение доступности к местам и объектам туристского показа, повышение качества предоставляемых услуг, в том числе на объектах в составе многофункциональных зон дорожного сервиса. В Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения цели обозначены следующим образом: формирование гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период 2030 года и на перспективу до 2036 года» обозначено несколько таких целей, в том числе: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни и др.

Цель уголовного закона в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) напрямую не обозначена, но ее следует рассматривать как отражение стремления государства и общества к достижению безопасных условий существования. Здесь цель необходима как первоначальный ориентир, создающий побуждение к действию (как фактор, направляющий активность), или мотив в стремлении создать безопасные условия жизни и тем самым достичь деятельности мышления положительного результата, ради достижения которого предпринимаются те или иные усилия². Конститутивное³ отражение конечной цели – «обеспечение безопасности» – выглядело бы вполне логично в концептуальном правовом акте широкого спектра действия, определяющем динамику уголовно-правовой политики государства с

учетом политических, идеологических, социальных, экономических, культурных факторов.

М.В. Бавсун в своей монографии вывел современное понятие цели уголовного закона как «совокупности идей, взглядов, социальных установок, сформулированных на государственном уровне, направленных на формирование нетерпимости к преступности» [3, с. 15]. По его мнению, целями уголовного закона должны стать «подавление наиболее опасных форм преступного поведения, установление контроля над преступностью, а также обеспечение безопасности общества».

Действительно, нейтрализация преступности представляет собой глобальную цель государства и общества – «идеал, к которому должен стремиться любой законодатель»⁴. Эта цель стоит не только перед отдельно взятым государством, но и перед всем мировым сообществом, и выражает потребность в защите от криминальных посягательств, в частности в таких приоритетных направлениях, как наркотизм; половые преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних; терроризм; экстремизм; коррупция; киберпреступность. Следовательно, феномен преступности формирует потребность общества в защищенности – создании безопасной среды существования человека, способной противостоять возникающим опасностям, – и в постулировании идеальной цели или «сверхцели» уголовного закона (как верно ее обозначил Ю.В. Голик [4, с. 261]) в виде «полного искоренения преступности в стране и в мире», «мировой безопасности» (по определению коллектива авторов разработанного в 2012 году проекта Концепции уголовно-правовой политики⁵). Социальная обусловленность цели уголовного закона отражает ее сущность, а она в последнее время значительно трансформировалась в связи с достижениями технологического прогресса, изменениями нравственно-этических основ общества, развитием экономики. Прослеживается прогрессирующая тенденция гуманизации уголовно-правового воздействия, которая позволяет прогнозировать дальнейшее ослабление репрессии за счет расширения сферы применения позитивных методов воздействия на правонарушителей, представляющих собой актуальный сущностный аспект уголовной политики.

Доктринальные положения уголовной политики разрабатывались отечественными учеными начиная с конца XIX века [5]. Продолжились такие исследования в советский период [6, 7], а законченный вид приобрели в Концепции уголовно-

¹ Например: Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р; Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351; и др.

² Трубников Н. Цель // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 459.

³ Термин «конститутивный» (от лат. *constituere* – устанавливать, определять и франц. *constitutive* – определяющий, основополагающий) отражает направление и структуру деятельности.

⁴ Коняхин В.П. Нормы общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 7.

⁵ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации на 2012-2018 годы // Фонд поддержки пострадавших от преступлений: сайт. 01.02.2012 // URL: <https://fondpp.org/zakon/koncepciya-ugolovno-pravovoj-politiki-rossijskoj-federacii/?ysclid=lwrlj31pj34451208>.

правовой политики Российской Федерации на 2012-2018 годы. В ее проекте было намечено три цели уголовно-правовой политики:

1) обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью;

2) минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе оптимального и справедливого урегулирования конфликта, вызванного преступлением;

3) содействие достижению социального благополучия и комфорта на основе реализации идей социальной реабилитации и социальной реинтеграции лиц, вовлеченных в конфликт, вызванный преступлением.

Следующим этапом работы над Концепцией стала подготовка коллективного научного доклада «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)»¹. Его авторами были сформулированы основные требования к разработке актуальной Концепции уголовно-правовой политики в России. Обновленный проект появился в 2021 году, ежегодно он обсуждается на различных уровнях власти², однако его принятие до сих пор так и не состоялось.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, для описания хронологии событий был использован исторический метод; метод логического осмысления позволил дать определение понятия «цель уголовного закона» и выявить его содержание. Были востребованы методы сравнения и обобщения, призванные систематизировать установленные нами факты в области уголовной политики и дать им толкование; методы анализа и синтеза, примененные для полного и всестороннего осознания цели уголовного закона; методы дедукции и индукции – для научного познания, позволившего сделать заключение о необходимости скорейшего принятия Концепции уголовно-правовой политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Система целей уголовного закона может быть представлена в двухуровневом виде:

- международный уровень (глобальная цель) – искоренение преступности во всем мире; желаемый результат достигается с помощью применения норм международного права для координации усилий различных государств в сфере противостояния преступности;
- государственный уровень (конечная цель) – обеспечение национальной безопасности путем борьбы с преступностью; желаемый результат достигается с помощью применения норм существующего в конкретной стране уголовного закона путем противостояния преступности предупредительным уголовно-правовым воздействием.

Международные цели занимают свое законное место в международных конвенциях и соглашениях. На основе таких целей определяются принципы и нормы, которыми следует руководствоваться государствам, подписавшим соответствующие документы. Например, в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятых 14 декабря 1990 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи № 45/113), указана такая цель – «защита несовершеннолетних, лишенных свободы в какой бы то ни было форме, в соответствии с правами человека и основными свободами и с целью противодействовать неблагоприятным последствиям всех видов заключения и способствовать вовлечению в жизнь общества».

Государственные цели закреплены в уголовных законах многих зарубежных стран. Так, в свое время в УК ГДР в ст. 1 цель уголовного закона была сформулирована следующим образом: «борьба со всеми проявлениями преступности, в особенности с преступными посяательствами против мира, против суверенитета ГДР и против рабоче-крестьянского государства». Позже в УК ФРГ целью уголовного закона стала «охрана правовых благ и ресоциализация преступников». В немецкой научной литературе высказывается мнение о том, что одной и самостоятельных целей уголовного закона является эффективная борьба с преступностью [8, с. 35]. По мнению бывшего министра юстиции ФРГ Г. Фогеля, эта цель реализуется в «защите правовых благ, а именно восстановлении или исправлении нарушенных преступником отношений между субъектом и обществом, а также ресоциализации преступников» [9, с. 223]. В связи с этим законодатель в Германии идет по пути постепенного преобразования УК ФРГ в «кодекс мер безопасности».

В УК Швейцарии и в проекте нового УК ФРГ, помимо уже перечисленных, нашли свое место такие цели уголовного закона, как отказ от этических оценок в уголовном праве в пользу оценки конкретной угрозы деяния общественному порядку, либерализация и гуманизация норм уголовного права.

В литовском уголовном законе его цель сформулирована как «защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства средствами уголовного права от преступных деяний». Профессор Г. Ешек в связи с этим считает, что «уголовное право имеет целью защиту общества, осуществление репрессивных и превентивных функций, а также защиту социально-правовых благ и социально-экономических ценностей» [10, с. 45].

В УК Молдовы цели уголовного закона сформулированы следующим образом: «1) защита от преступлений личности, ее прав и свобод, собственности, окружающей среды, конституционного строя, суверенитета, независимости, территориальной целостности республики, мира, безопасности человечества, а также всего право-

¹ Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.): научный доклад / Г. А. Есаков [и др.]. М., 2017.

² В Минюсте России 8 декабря 2023 года обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации: сайт. 08.12.2023 // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49883/>.

порядка; 2) предупреждение совершения новых преступлений».

В новом УК Кыргызской Республики, принятом в 2021 году, цели уголовного закона определены в виде «охраны прав, свобод личности и других значимых объектов, предупреждения преступлений и восстановления справедливости, нарушенной преступлением». Как отметила Г.Б. Жунушова, «выделение целей и задач уголовного закона традиционно для законодательства республики» [11, с. 88].

В ст. 1.02 УК Техаса (штат в США) среди целей уголовного закона представлены кара (возмездие), общая и специальная превенция, исправление (реабилитация) осужденного. В качестве разъяснения своей позиции законодатель детализирует перечисленные цели: установление системы запретов, наказаний и исправительных мер, назначаемых за поведение, которое неоправданно и неизвинительно причиняет вред личным и публичным интересам, которые подлежат защите со стороны штата, или угрожает причинением такого вреда.

В УК Нью-Йорка (штат в США) цели уголовного закона обозначены так: запрет неизвинительного поведения, способного причинить существенный вред индивидуальным или публичным интересам или угрожающего его причинением; предупреждение о наказании; обеспечение реакции общественности на посягательства; рассмотрение последствий для потерпевшего и его семьи, а также общества и обеспечение публичной безопасности; предупреждение посягательства путем устрашающего воздействия налагаемых наказаний; социальное восстановление личности осужденных, а также их изоляция, когда это требуется в интересах общества.

Как видим, цели могут иметь перспективный, классовый характер, отражать приоритетные направления, наиболее важные объекты уголовно-правовой охраны. Причем в США цели уголовного закона закрепляются гораздо более конкретизировано и детально, чем в европейских и азиатских странах.

Что касается отечественного законодательства, то у него имеется исторический опыт определения цели уголовного закона. В УК РСФСР 1922 года она была описана так: «правовая защита государства и трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания и иных мер социальной защиты». Эта формулировка позволяет получить представление о применявшихся уголовно-правовых средствах противодействия преступности (наказания и иные меры социальной защиты), о классовых приоритетах и ценностях, охраняемых на том этапе развития правовых отношений.

В современном российском законодательстве цели формулируются по отношению к тем или иным категориям, но не к уголовному закону в целом. Например, «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений

как осужденными, так и иными лицами» (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации); «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Причем в последнем случае цель уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступные посягательства, обозначена не полностью: констатируется цель уголовного наказания, а цели иных мер уголовно-правового характера не представлены. В связи с этим возникают вопросы об идентичности целей уголовного наказания и целей иных мер уголовно-правового характера.

Недостижимость цели не должна препятствовать ее постановке, специфика целеполагания состоит в стремлении и намерении ее достичь. Так, цель уголовного наказания в виде исправления осужденного на практике не всегда достигается (во всяком случае, не для каждого осужденного). Однако регулятивная сущность наказания имеет большое значение, выраженное в создании условий для исправления и социальной адаптации осужденных, а также в применении к ним мер профилактического характера [12, с. 550].

Динамичность целей уголовного наказания как естественный процесс можно наблюдать на протяжении всей истории развития уголовного права. Уголовный закон, являясь центральным институтом в борьбе с преступностью, устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет круг деяний, представляющих угрозу личности, обществу или государству, соответствующие им виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Можно констатировать, что изменение целей уголовного законодательства вполне закономерно отражает трансформацию общества и политических установок.

Представляется, что цель уголовного закона состоит в обеспечении безопасности наиболее важных объектов, находящихся под охраной государства: личности, общества и самого государства. Она реализуется путем борьбы с преступностью посредством уголовно-правового воздействия (уголовным наказанием и применением иных мер уголовно-правового характера).

Важность определения цели уголовного закона состоит не столько в том, чтобы наметить какие-то правила поведения, сколько в раскрытии ее содержания, согласующегося с перечнем задач уголовного закона, его сущностью, устремлениями законодателя. Отсутствие у уголовного закона цели нарушает его единство и системность. В регулятивном понимании цель имеет стратегическое значение и выступает в качестве движущей силы в процессе становления самой реальности. Уголовный закон в очерченных пределах призван обеспечить достижение цели, изначально устанавливаемой в концептуальном правовом акте системообразующего значения. Цель дает представление о сущности уголовного закона, индуктивно определяет содержание планируемой деятельности по ее достижению и служит отправной точкой для постановки задач. Наличие цели уголовного

закона свидетельствует о прогрессивном развитии уголовного законодательства в тот или иной определенный период времени, указывает на его направления и принципы, постулирует возможности уголовного закона с учетом обстоятельств объективной действительности.

Направленность уголовно-правового воздействия в последнее время смещается: карательный потенциал снижается, а позитивный (обеспечение мер безопасности) – возрастает. Поскольку полное искоренение преступности недостижимо, целью уголовного закона можно определить «снижение роста преступности, удержание ее в контролируемых государством рамках» (С.В. Максимов)¹ или «максимально возможное в текущий момент искоренение преступности, а также причин и условий, ее порождающих, во всех проявлениях» [4, с. 270]. В качестве конечного представляемого результата выступает состояние безопасности, то есть такое состояние нормального существования человека, при котором отсутствуют угрозы либо они своевременно пресекаются при их возникновении.

Исходя из понимания масштабности обозначенной цели, достижение которой зависит от направленности деятельности субъектов, осуществляющих уголовно-правовое воздействие, считаем важным обратить особое внимание на средства ее достижения, поскольку «цель через средство соединяется с объективностью» [13, с. 134]. Согласно правилам детерминации средство влияет на цель, корректируя и уточняя ее, «цель накладывает отпечаток на природу средства, нередко детерминируя его структуру» [14, с. 117]. Полученный результат в дальнейшем может послужить основой для корректировки средств достижения цели и направлений деятельности, что обуславливается ее динамичностью. Определение цели уголовного закона как «противостояния преступности предупредительными мерами уголовно-правового воздействия (наказания и мервми уголовно-правового характера)» отражает идеальную (глобальную) цель и средства ее реализации.

По нашему мнению, в определении цели уголовного закона наряду с используемыми уголовным законом средствами противостояния пре-

ступности, а именно мерами уголовно-правового воздействия, к числу которых относятся наказание и иные меры уголовно-правового характера, важно отразить специфические черты такого воздействия, его своеобразие. Оно выражается в предупредительном характере применяемых уголовно-правовых средств, который отражен в целях уголовного наказания, и, безусловно, носит черты социальной детерминированности и социальной направленности [15, с. 435]. Исходя из этого, под целью уголовного закона предлагаем понимать «противостояние преступности предупредительными мерами уголовно-правового воздействия». Именно приоритет предупредительного потенциала уголовно-правового воздействия отражает специфический характер уголовно-правовых средств [16, с. 26], что, на наш взгляд, свидетельствует о гуманной сущности современного уголовного закона и проясняет актуальные концептуальные установки его исполнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие в уголовном законе формулировки его цели подтверждает несформированность единой государственной идеологии и теоретическую незавершенность определения обеспечения безопасности как основной цели уголовно-правового регулирования, что порождает правотворческую гибкость (простор судейского усмотрения), возможность ситуационного правосудия и игнорирования правовых ограничений, прерывание преемственности целей, отход от научной доктрины.

Постановка цели первична по отношению к деятельности по ее реализации и выбору средств для осуществления. Определение цели уголовной политики является прерогативой государства, и она должна быть закреплена в акте целеполагания. Тогда она может служить основой для определения цели уголовного закона [17, с. 28]. А в той должны отражаться системный рационализм, исторический компаративизм, передовые реформы, социальная направленность уголовного права, тенденции гуманности, позитивный характер воздействия, приоритет ценностей, идеологическое значение (назначение справедливых, то есть отражающих «дух народа», мер воздействия). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 12: апрель 1856 - январь 1859. 879 с.
2. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
3. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие. Идеология, цели и средства реализации: Монография. Омск: ОА МВД России, 2014. 248 с.
4. Голик Ю.В. Цель и ее выражение в уголовном праве и уголовном законе // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 260-287.
5. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией: Монография. СПб, 1910. 508 с.
6. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации: Монография. Л., 1986. 176 с.
7. Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Общеутоетическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет: Монография. Томск, 1988. 198 с.
8. Рахманова Е.Н. О целях и задачах уголовного закона // Адвокатская практика. 2015. № 1. С. 34-39.
9. Шадрин Е.В. Значение цели уголовного законодательства в определении государственной стратегии в области противодействия преступности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 222-226.

¹ Максимов С.В. Цель в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 11.

10. Шиханов В.Н. Проблема классовости и равенства в уголовном праве: социолого-правовой анализ // Правоведение. 2022. Т. 66. № 1. С. 43-68.
11. Жунушова Г.Б., Салыжанова Э.С. Современная криминология: состояние и тенденции развития в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21. № 7. С. 85-89.
12. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
13. Воронович Б.А. Философский анализ практики: Монография. М., 1972. 278 с.
14. Иеринг Р. Цель в праве. Значение римского права для нового мира: Монография. СПб, 1881. 443 с.
15. Ничуговская О.Н. Перспектива реформирования современной системы уголовных наказаний // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. Материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Самара: Самарский ЮИ ФСИН, 2016. С. 435-436.
16. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
17. Наумов А.В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант? // Уголовное право. 2022. № 3 (139). С. 25-29.

REFERENCES

1. Marks K. Sochineniya: v 30 t. / K. Marks, F. Engel's. 2-ye izd. M.: Gospolitizdat, 1954. T. 12: aprel' 1856 - yanvar' 1859. 879 s.
2. Montes'ye Sh.L. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Gospolitizdat, 1955. 800 s.
3. Bavsun M.V. Ugolovno-pravovoye vozdeystviye. Ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: Monografiya. Omsk: OA MVD Rossii, 2014. 248 s.
4. Golik Yu.V. Tsel' i yeye vyrazheniye v ugovnom prave i ugovnom zakone // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. 2009. № 3. S. 260-287.
5. Gogel' S.K. Kurs ugovnoy politiki v svyazi s ugovnoy sotsiologiyey: Monografiya. SPb, 1910. 508 s.
6. Belyayev N.A. Ugolovno-pravovaya politika i puti yeye realizatsii: Monografiya. L., 1986. 176 s.
7. Panchenko P.N. Sovetskaya ugovnaya politika. Obshcheteoreticheskaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: yeye stanovleniye i predmet: Monografiya. Tomsk, 1988. 198 s.
8. Rakhmanova Ye.N. O tselyakh i zadachakh ugovnogo zakona // Advokatskaya praktika. 2015. № 1. S. 34-39.
9. Shadrina Ye.V. Znachenije tseli ugovnogo zakonodatel'stva v opredelenii gosudarstvennoy strategii v oblasti protivodeystviya prestupnosti // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2023. № 2 (151). S. 222-226.
10. Shikhanov V.N. Problema klassovosti i ravenstva v ugovnom prave: sotsiologo-pravovoy analiz // Pravovedeniye. 2022. Т. 66. № 1. S. 43-68.
11. Zhunushova G.B., Salyzhanova E.S. Sovremennaya kriminologiya: sostoyaniye i tendentsii razvitiya v Kyrgyzskoy Respublike // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta. 2021. Т. 21. № 7. S. 85-89.
12. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
13. Voronovich B.A. Filosofskiy analiz praktiki: Monografiya. M., 1972. 278 s.
14. Iyering R. Tsel' v prave. Znachenije rimskogo prava dlya novogo mira: Monografiya. SPb, 1881. 443 s.
15. Nichugovskaya O.N. Perspektiva reformirovaniya sovremennoy sistemy ugovnykh nakazaniy // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystviye nauki i praktiki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvedomstvennoy konferentsii. Samara: Samarskiy Yul FSIN, 2016. S. 435-436.
16. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
17. Naumov A.V. Kontseptsiya ugovno-pravovoy politiki: zakonodatel'nyy ili doktrinal'nyy variant? // Ugolovnoye pravo. 2022. № 3 (139). S. 25-29.

© Стародубцева О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стародубцева О.Н. Цель уголовного закона // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 30-36.

Александр Евгеньевич БЕРДНИКОВ,
ORCID 0009-0001-1084-1378
коллегия адвокатов «Поляница, Бердников
и Партнеры» Краснодарского края (г. Сочи)
адвокат
a.berdnikov0112@gmail.com

Научная статья
УДК 343.79:343.231

УЩЕРБ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовная ответственность, состав преступления, средство индивидуализации товара, незаконное использование товарного знака, крупный ущерб, крупный размер.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Предметом исследования, результаты которого излагаются в статье, являлся ущерб как элемент объективной стороны состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 180 УК РФ (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)). Целью исследования было определение сущности ущерба как элемента объективной стороны состава данного преступления и отграничение его от смежных элементов, определяющих объективную сторону преступного деяния. *Методы.* Методологическую базу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. Сравнительно-правовой метод позволил провести анализ правовых положений, касающихся определения ущерба как признака объективной стороны преступления. При подготовке статьи были изучены имеющие отношение к теме исследования судебные решения. *Результаты.* Практика судебного рассмотрения уголовных дел по ст. 180 УК РФ свидетельствует, что ущерб чаще всего определяется как упущенная выгода. В связи с этим суды, оказываясь в ситуации отсутствия конкретных указаний со стороны Верховного Суда Российской Федерации относительно способов расчета упущенной выгоды, применяют методику, уравнивающую понятия «крупный ущерб» и «крупный размер», что представляется недопустимым. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего теоретического осмысления анализируемой в статье проблемы, а также для практической апробации в рамках расследования преступлений, квалифицированных по ст. 180 УК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху стремительного развития цифровых технологий защита интеллектуальной собственности становится критически важной задачей, ставящей новые вызовы перед отечественным законодателем. Проведенное нами исследование было направлено на выявление недостатков законодательства, влияющих на определение размера ущерба как обязательного элемента объективной стороны преступления, квалифицируемого по ст. 180 УК РФ (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)) [1, с. 88].

На основе опыта собственной практики и результатов анализа судебных решений¹ был сделан

вывод о том, что правоприменители сталкиваются с затруднениями в понимании и обосновании признаков состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 180 УК РФ. В 26,5% случаев такие преступления квалифицируются в связи с причинением значительного ущерба. Квалификация, основанная исключительно на неоднократности совершения деяния [2, с. 10], имеет место в 17% случаев. Одновременно учитываются оба эти признака в 57% случаев².

Определение ущерба, нанесенного уголовно наказуемыми деяниями, представляет собой сложную задачу как для теоретиков, так и для правоприменителей. Свидетельством тому является, в частности, применение судами в делах о ненад-

¹ Проанализированы официально опубликованные (ГАС «Правосудие», «Картотека арбитражных дел») приговоры и иные итоговые решения судов общей юрисдикции по уголовным делам, возбужденным по ст. 180 УК РФ, а также арбитражных судов (83 приговора и постановления, 117 решений и определений).

² Проанализированы официально опубликованные приговоры районных судов за 2022 год (URL: <https://disk.yandex.ru/i/BGtmMplzAjksKw> (дата обращения: 31.08.2024)).

Alexander E. BERDNIKOV,
ORCID 0009-0001-1084-1378
Bar Association «Polyanitsa, Berdnikov and
Partners» of Krasnodar Region (Sochi, Russia)
Lawyer
a.berdnikov0112@gmail.com

DAMAGE AS AN ELEMENT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

KEYWORDS. Criminal liability, elements of a crime, illegal use of a trademark,
means of individualization of goods, major damage, large size.

ANNOTATION. Introduction. *The subject of the study, the results of which are presented in the article, was damage as an element of the objective side of the crime, liability for which is provided for by Art. 180 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal use of means of individualization of goods (works, services)). The purpose of the study was to determine the essence of damage as an element of the objective side of the crime and to distinguish it from related elements that determine the objective side of the criminal act. Methods.* *The methodological basis of the study included general scientific and special methods of cognition. The comparative legal method made it possible to analyze the legal provisions related to the definition of damage as a sign of the objective side of the crime. In preparing the article, court decisions related to the topic of the study were studied. Results.* *The practice of judicial consideration of criminal cases under Art. 180 of the Criminal Code of the Russian Federation shows that damage is most often defined as lost profit. In this regard, the courts, finding themselves in a situation where there are no specific instructions from the Supreme Court of the Russian Federation regarding the methods of calculating lost profits, apply a method that equates the concepts of «major damage» and «large size», which seems unacceptable. The results of the study can be used for further theoretical understanding of the problem analyzed in the article, as well as for practical testing in the context of investigating crimes classified under Art. 180 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

лежащем использовании средств идентификации (ст. 180 УК РФ) различных подходов к оценке упущенной выгоды [3, с. 259; 4, с. 41].

Согласно ст. 6 УК РФ принцип справедливости играет ключевую роль в процессе назначения уголовного наказания. При этом учитываются не только обстоятельства совершения преступления, но и его потенциальная угроза обществу. В связи с этим в некоторых ситуациях для более точной оценки причиненного ущерба, включая понесенные потерпевшей стороной непосредственные убытки, следует учитывать и упущенную вследствие совершенного преступления возможность извлечения дохода¹.

В соответствии с положениями ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации и п.п. 13 и 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25² в качестве убытков рассматриваются денежные потери, повреждения имущества, а также финансовые затраты на восстановление утраченных или поврежденных активов. Всё это представляет собой выражение реального ущерба [5, с. 17]. Кроме того, убытками признаются затраты, понесенные в целях восстановления нарушенных прав потерпевшего, включая упущенную выгоду, которую потерпевший не смог получить ввиду нарушения его прав.

МЕТОДЫ

Методологическую базу исследования составили общенаучные и специальные методы позна-

ния. Сравнительно-правовой метод позволил провести анализ правовых положений, касающихся определения ущерба как признака объективной стороны преступления, квалифицируемого по ст. 180 УК РФ. Для достижения целей исследования было проведено изучение судебных решений, вынесенных по уголовным делам, возбужденным по признакам незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), и правовых норм, на которых эти решения основывались. Этот анализ предоставил возможность прийти к выводу о том, что уголовно-правовая оценка упущенной выгоды должна производиться с учетом разумных затрат, которые потерпевшая сторона могла бы понести для достижения дохода, включая затраты на производство и транспортировку. Такой подход необходим для предотвращения чрезмерной компенсации имущественного ущерба, назначение которой может привести к незаконному обогащению потерпевшего и избыточным выплатам со стороны виновного. Данный вывод согласуется с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, касающимися вопросов гражданского процесса, а также мнением ряда ученых, в частности Т.В. Пинкевич, Е.В. Новиковой, Е.Г. Афанасьевой, М.А. Кудинова.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Отсутствие в УК РФ четких указаний на то, как следует рассчитывать убытки от утраченной прибыли, создает трудности для судей, которым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

приходится оценивать ущерб, вызванный неправомерным использованием идентификационных знаков товаров и услуг [6, с. 90]. Довольно непросто, например, определить размера ущерба. В судебной практике используется методика вычисления упущенной прибыли, согласно которой рыночная цена единицы оригинального товара умножается на количество единиц конфискованного поддельного товара¹. У этой формулы есть недостатки. Один из них заключается в том, что в расчете упущенной выгоды учитывается только продукция, которая была изъята. А ведь часто бывает так, что изъятая партия контрафактной продукции составляет лишь небольшую долю от общего выпущенного ее объема, в то время как значительная часть продукции уже могла быть реализована и, следовательно, не подлежит изъятию по обоснованным причинам. Поэтому, как представляется, если имеются доказательства деятельности по сбыту контрафактной продукции, то эти данные должны учитываться при вычислении размера упущенной выгоды².

На основании вышеизложенных доводов и предписаний п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ следует сделать вывод о том, что для расчета упущенной прибыли необходимо использовать розничную стоимость оригинальных товаров (аналогичных изъятым контрафактным), а также учитывать не только товарные экземпляры, изъятые в рамках уголовного процесса, но и те, которые были реализованы и не подлежали изъятию [7, с. 104].

ОБСУЖДЕНИЕ

В постановлении от 26 апреля 2007 г. № 14 Пленум Верховного Суда Российской Федерации акцентировал внимание на необходимости тщательной и взвешенной оценки убытков с учетом специфики каждого отдельного случая. При этом следует иметь в виду положения ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 147 УК РФ, которые важны для определения истинного масштаба ущерба и потенциальных убытков в виде утраченной выгоды, а также для оценки незаконных финансовых доходов, получаемых правонарушителями в результате неразрешенного использования объектов интеллектуальной собственности. Представляется, что аналогичная точка зрения применима и к элементам состава преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 180 УК РФ [8, с. 14].

Результаты анализа судебных актов³ демонстрируют отсутствие в уголовном судопроизводстве единой и последовательной методики оценки материальных убытков, понесенных потерпевшей стороной в результате совершения преступления, квалифицированного по ст. 180 УК РФ. Это приводит к существенным расхождениям в позициях различных судебных инстанций.

Согласно положениям ст. 73 УК РФ определение размера ущерба, нанесенного в результате преступных действий, осуществляется в процессе судебного разбирательства. Однако на практике имеют место случаи, когда суммы убытков по требованиям, подлежащим удовлетворению в рамках арбитражного разбирательства, отвергаются по причине недостатка доказательственной базы или неопределенности самих этих требований даже при признании вины в совершении преступления, квалифицированного по ст. 180 УК РФ. В свою очередь, невозможность применения института преюдиции не только может привести в целом к пересмотру уголовных дел при появлении новых обстоятельств, но и может быть использована в рамках аргументации стороны защиты в пользу подсудимого, свидетельствующей об отсутствии объективных оснований для квалификации инкриминируемых ему деяний по ст. 180 УК РФ [9, с. 48].

Например, в решении Пушкинского городского суда Московской области от 1 июня 2022 г. по делу № 1-122/2022, отмечено, что деятельность, осуществленная С. и его пособниками, была направлена на применение в отношении контрафактной алкогольной продукции товарного знака, принадлежащего компании «А.». Суд указал на то, что этими действиями владельцу товарного знака были причинены финансовые потери в размере 473085 рублей, что рассматривается как значительный ущерб. Отсутствие апелляций со стороны участников процесса не исключает сомнений в правомерности квалификации этих действий как оконченного преступления по ст. 180 УК РФ в силу того, что сам по себе факт хранения товара, предназначенного для последующей реализации, не является достаточным основанием для оценки убытка в виде недополученной прибыли, если изъятие товара произошло до его непосредственной продажи [10, с. 103].

Отметим еще одно важное обстоятельство: необходимо правильно определить рыночную стоимость оригинальных изделий на момент обнаружения подделок. При этом следует иметь в виду, что оценка стоимости подлинных товаров на момент совершения преступления может привести к нарушению норм, изложенных в ч. 4 ст. 14 УПК РФ, поскольку обвинительное заключение должно основываться на действительных фактах, а не на теоретических допущениях. Более того, если с момента создания подделки до ее изъятия прошло значительное время, установить рыночную стоимость может быть затруднительно даже для специалистов.

Все эти обстоятельства обуславливают трудности, с которыми суды сталкиваются при оценке

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

² См: Приговор Мордовского районного суда Тамбовской области от 07.02.2023 по делу № 1-7/2023 (1-51/2022).

³ Приговор мирового судьи Прилузского района от 22.03.2021 по делу № 1-9/2021, решение Арбитражного суда Республики Коми от 21.06.2022 по делу № А29-2088/2022, приговор мирового судьи судебного участка № 99 Минусинска от 14.12.2021 по делу № 01-0020/99/2021, решение Арбитражного суда Красноярского края от 04.04.2023 по делу № А33-2714/2023, приговор мирового судьи Катаевского района города Сыктывкара от 24.06.2019 по делу № 1-14/2019, решение Арбитражного суда Республики Коми от 04.04.2022 по делу № А29-11243/2021 и др.

ущерба, причиненного преступными действиями. Отсюда – разночтения в выносимых ими решениях. Судебные органы зачастую ошибочно полагают, что при определении убытков необходимо учитывать только изъятую контрафактную продукцию и игнорируют ранее проданную ее часть.

Необходимо акцентировать внимание на цене, сложившейся на момент выявления признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, поскольку упущенная выгода имеет относительный характер, что значительно усложняет возможность ее точного определения¹. Таким образом, учитывая фактор времени, оценить размер ущерба возможно лишь приблизительно, что является неприемлемым в контексте уголовного судопроизводства [11, с. 4413].

Для эффективного урегулирования вопросов, касающихся определения содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, представляется необходимым конкретизировать в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 методы, рекомендуемые для установления размера ущерба, причиненного в результате нарушения авторских прав, патента или незаконного использования товарных знаков [12, с. 106]. При разработке критериев, определяющих содержание ущерба как объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, следует обратить внимание на выводы Верховного Суда Российской Федерации, сформулированные в определении № 308-ЭС22-17045, вынесенном 7 февраля 2023 г. по делу № А63-6499/2021. В этом акте уточняются основные категории возможных потерпевших в случае причинения значительного ущерба, а также излагаются методические подходы к его оценке с учетом реального ущерба, упущенной выгоды и прибыли, полученной в результате нарушения прав на товарные знаки, используемые для обозначения товаров и услуг [13, с. 230]. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что приказом Министерства имущественных отношений Российской Федерации от 26 ноября 2002 г. № СК-4/21297 закреплены методические указания по определению рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности. Их следует использовать в правоприменительной практике в качестве инструмента для установления размера причиненных преступлением, квалифицированным по ст. 180 УК РФ, убытков.

К примеру, индивидуальный предприниматель И. в течение нескольких лет изготавливал средство для укрепления грунта под наименованием «А.»: в 2018 году – 9880 л; в 2019 году – 2618 л; в 2020 году – 33780 л. Средняя цена литра составила 2640 рублей. Для расчетов был взят год с минимальным объемом выпуска продукции. Исходя из этого, рыночная стоимость товарного знака была рассчитана с использованием коэффициента дисконтирования по формуле:

$$C = C1K2 + ArR,$$

где С1 – затраты на создание (приобретение) товарного знака, равные сумме средств, затраченных на договор отчуждения товарного знака, включая государственную пошлину, – 23500 рублей (в соответствии с приложенными документами);

К2 – коэффициент старения товарного знака, который рассчитывается по формуле:

$$K2 = 1 + Tф / Tн,$$

где Tн – общий срок действия свидетельства,

Tф – расчетный год;

Ar – годовой объем использования товарного знака;

R – коэффициент риска (в пределах 0,7-1,0).

В 2019 году К2 составил 1,9.

$$C = 44650 + 2618 \times 2640 \times 0,8 = 44650 + 5529216 = 5573866 \text{ рублей.}$$

Таким образом, ущерб от незаконного использования товарного знака составил 5 миллионов 573 тысячи 866 рублей.

Конкретизация расчета размера ущерба позволяет устранить проблемы правоприменения и избежать споров между судами [14, с. 96]. При этом попытки обхода в гражданском порядке норм о взыскании ущерба² путем их подмены понятием «компенсация» в контексте ст. 1515 ГК РФ не отвечают требованиям законодательства. Более того, они позволяют судам снижать размер такой компенсации, что опять же входит в противоречие с нормативными положениями, а именно с теми, которые закреплены ст.ст. 73, 90 УПК РФ, ст. 69 АПК РФ [15, с. 136].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Межотраслевая преюдиция при рассмотрении уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 180 УК РФ, нуждается в существенной доработке и разъяснении. Судебная практика по таким уголовным делам показывает, что суды выбирают путь наименьшего сопротивления при оценке доказанности размера ущерба, приравнивая его к стоимости оригинальной продукции. Такая позиция, по нашему мнению, не согласуется с положениями ч. 2 ст. 15 ГК РФ. Подобного рода действия должны вести к отказу в удовлетворении иска в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Предложенная в настоящей статье методика расчета размера причиненного преступлением, квалифицированным по ст. 180 УК РФ, ущерба, как представляется, будет способствовать минимизации вероятности возникновения коллизий и противоречий в правоприменительной практике. Несмотря на различия в подходах гражданского и уголовного законодательства к вопросам определения ущерба, судебные акты не могут противоречить друг другу, а должны иметь преюдициальное значение.

В связи с этим полагаем, что при рассмотрении уголовных дел о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг) должны предъявляться повышенные требования к институту доказывания. Необходимо внести изме-

¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2008. С. 180.

² См., например: решение Арбитражного суда Республики Коми от 25.09.2023 по делу А29-5694/2023, решение Арбитражного суда Свердловской области от 18.09.2023 по делу А60-44554/2023.

нения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», разъяснив и систематизировав методику расчета ущерба для квалификации деяния как преступного и уголовно наказуемого

по ст. 180 УК РФ. На наш взгляд, эти разъяснения позволят устранить межотраслевую коллизию норм права, когда суды, рассматривая одно и то же дело в рамках различных видов судопроизводства, приходят к противоположным выводам о размере ущерба и его доказанности, что не может не отражаться на представлениях о преступности и наказуемости деяний по ст. 180 УК РФ. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есаков Г.А. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5. С. 88-89.
2. Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» // Уголовное право. 2023. № 11. С. 10-24.
3. Мартыхина М.В. Некоторые проблемы правоприменительной практики в сфере защиты прав на товарные знаки // Образование и право. 2023. № 4. С. 258-263.
4. Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. № 11. С. 39-50.
5. Кудинов М.А. Теоретические аспекты структуры и содержания понятия «интеллектуальные права» // Новый юридический вестник. 2022. № 3. С. 13-19.
6. Петрыкина Н.И. О мерах юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) на территории ЕАЭС // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 9. С. 90-97.
7. Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. 207 с.
8. Ермаков С.В. Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. 2024. № 1. С. 14-21.
9. Шагеева Р.М. Возникновение и развитие института преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве России // Juvenisscientia. 2018. № 9. С. 46-49.
10. Рамзанова У.Ш. Защита прав на товарный знак // Вестник науки. 2022. № 7. С. 101-104.
11. Новикова Е.В. Актуальные вопросы защиты исключительных прав на товарные знаки // Столыпинский вестник. 2022. № 8. С. 4409-4416.
12. Панкевич Л.Л. Некоторые проблемы практики рассмотрения дел, связанных с незаконным использованием товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 2. С. 103-111.
13. Бердников А.Е. Подходы к определению размера ущерба при незаконном использовании средств индивидуализации товаров, работ, услуг (ст. 180 УК РФ) // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 227-231.
14. Машаев П.А. К вопросу о характеристике преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 83-98.
15. Аристова Я.А. Особенности правовой ответственности за преступления, связанные с незаконным использованием товарных знаков // Следственная деятельность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2021. № 1. С. 134-138.

REFERENCES

1. Yesakov G.A. O ponimanii krupnogo ushcherba, razmera i neodnokratnosti v sostavakh prestupleniy protiv intellektual'noy sobstvennosti // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 5. S. 88-89.
2. Parkhomenko S.D. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoye ispol'zovaniye tovarnykh znakov: tolkovaniye priznakov «neodnokratnost'» i «krupnyy ushcherb» // Ugolovnoye pravo. 2023. № 11. S. 10-24.
3. Martykhina M.V. Nekotoryye problemy pravoprimenitel'noy praktiki v sfere zashchity prav na tovarnyye znaki // Obrazovaniye i pravo. 2023. № 4. S. 258-263.
4. Yani P.S. Rol' Verkhovnogo Suda RF v reshenii problem kvalifikatsii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Zakon. 2008. № 11. S. 39-50.
5. Kudinov M.A. Teoreticheskiye aspekty struktury i sodержaniya ponyatiya «intellektual'nyye prava» // Novyy yuridicheskiy vestnik. 2022. № 3. S. 13-19.
6. Petrykina N.I. O merakh yuridicheskoy otvetstvennosti za nezakonnoye ispol'zovaniye sredstv individualizatsii tovarov (rabot, uslug) na territorii YEAEs // Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Yevraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2018. № 9. S. 90-97.

7. Pinkevich T.V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: ugovovno-pravovaya kharakteristika, sistema, osobennosti kvalifikatsii. Stavropol': Stavropol'servisskola, 2000. 207 s.
8. Yermakov S.V. Voprosy yuridicheskoy otvetstvennosti za nezakonnoye ispol'zovaniye sredstv individualizatsii tovarov, rabot, uslug // Pravovoye regulirovaniye ekonomicheskoy deyatel'nosti. 2024. № 1. S. 14-21.
9. Shageyeva R.M. Vozniknoveniye i razvitiye instituta preyuditsii v ugovovno-protsessual'nom zakonodatel'stve Rossii // Juvenisscientia. 2018. № 9. S. 46-49.
10. Ramazanova U.Sh. Zashchita prav na tovarnyy znak // Vestnik nauki. 2022. № 7. S. 101-104.
11. Novikova Ye.V. Aktual'nyye voprosy zashchity isklyuchitel'nykh prav na tovarnyye znaki // Stolypinskiy vestnik. 2022. № 8. S. 4409-4416.
12. Pankevich L.L. Nekotoryye problemy praktiki rassmotreniya del, svyazannykh s nezakonnym ispol'zovaniyem tovarnogo znaka // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2012. № 2. S. 103-111.
13. Berdnikov A.Ye. Podkhody k opredeleniyu razmera ushcherba pri nezakonnom ispol'zovanii sredstv individualizatsii tovarov, rabot, uslug (st. 180 UK RF) // Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti: sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2023. S. 227-231.
14. Mashavets P.A. K voprosu o kharakteristike prestupleniya, predusmotrennogo st. 180 UK RF // Kriminologicheskii zhurnal. 2023. № 1. S. 83-98.
15. Aristova Ya.A. Osobennosti pravovoy otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannyye s nezakonnym ispol'zovaniyem tovarnykh znakov // Sledstvennaya deyatel'nost': materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2021. № 1. S. 134-138.

© Бердников А.Е., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бердников А.Е. Ущерб как элемент объективной стороны незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 37-42.

Эльвира Андреевна ВЛАСЕНКОВА,

ORCID 0009-0006-6793-6577

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала

eshavorova@yandex.ru

Научная статья

УДК 343.5

СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Жестокое обращение, обязанности по воспитанию, несовершеннолетний, преступление, категория преступлений, оценка общественной опасности, степень общественной опасности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* На современном этапе развития юридической науки и уголовного законодательства не выработано формального определения категории «степень общественной опасности преступления», нет единого мнения о ее содержании. В правоприменительной практике данное обстоятельство затрудняет процесс объективной оценки общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Более того, происходит смешение смежных правовых категорий и подмена понятий, что существенно осложняет процедуру квалификации таких преступлений. Это не способствует приведению правоприменительной практики к единообразию. В осуществленном автором статьи исследовании была предпринята попытка сформулировать научно обоснованные выводы, которые помогли бы разрешению проблемы. *Методы.* В ходе исследования проведено обобщение материалов следственной и судебной практики по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединенном с жестоким обращением; проанализированы положения действующего законодательства; сопоставлены полученные эмпирические данные. *Результаты.* Рассмотрены различные ситуации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, выявлены их специфические особенности в контексте оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ. Сформулирован вывод о том, что степень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является количественно-оценочным критерием, применяемым для уголовно-правовой оценки общественной опасности деяния, определено его содержание.

ВВЕДЕНИЕ

Степень общественной опасности преступления относится к числу уголовно-правовых категорий, которые не имеют формального определения на научном [1, с. 231; 2; 3, с. 306] и законодательном уровнях. Тем не менее данное понятие активно используется в правоприменительной практике. Степень общественной опасности имеет ориентирующее значение и в каждом конкретном случае влияет на определение вида наказания, назначаемого за совершенное преступление. Исследователи обращают внимание на то, что к настоящему времени остро назрел вопрос о необходимости конкретизации уголовно-правовой категории «степень общественной опасности преступления» на уровне официального разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4, с. 138; 5, с. 112; 6, с. 126]. Данная потребность обусловлена тем, что возникающие на практике противоречия в отсутствие официальной позиции преодолеваются силами

субъектов правоприменения, что приводит к разночтениям и неоднородности следственной и судебной практики.

Часть 3 ст. 60 УК РФ, регламентируя общие начала назначения наказания, указывает на необходимость учета характера и степени общественной опасности преступления, что свидетельствует о непосредственной взаимосвязи данных категорий и их влиянии на результат расследования и рассмотрения уголовного дела в суде [7, с. 63-64; 8, с. 159; 9, с. 118]. В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 отмечено, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание и относящиеся к совершенному

Elvira A. VLASENKOVA,
ORCID 0009-0006-6793-6577
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer of the Department of Criminalistics
of the Kaliningrad Branch
eshavorova@yandex.ru

THE DEGREE OF PUBLIC DANGER OF FAILURE TO FULFILL THE DUTIES OF RAISING A MINOR

KEYWORDS. Cruel treatment, parenting responsibilities, minor, crime, category of crimes, assessment of public danger, degree of public danger.

ANNOTATION. Introduction. At the present stage of development of legal science and criminal legislation, no formal definition of the category «degree of public danger of a crime» has been developed, and there is no consensus on its content. In law enforcement practice, this circumstance complicates the process of objectively assessing the public danger of crimes provided for in Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (failure to fulfill duties to raise a minor). Moreover, there is a confusion of related legal categories and a substitution of concepts, which significantly complicates the procedure for qualifying such crimes. This does not contribute to the uniformity of law enforcement practice. In the study carried out by the author of the article, an attempt was made to formulate scientifically substantiated conclusions that would help resolve the problem. **Methods.** The study summarized the materials of investigative and judicial practice in cases of failure to fulfill duties to raise minors, combined with cruel treatment; analyzed the provisions of the current legislation; compared the obtained empirical data. **Results.** Various situations of failure to fulfill duties to raise a minor are considered, their specific features are identified in the context of assessing the degree of public danger of crimes provided for in Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. A conclusion is formulated that the degree of public danger of failure to fulfill duties to raise a minor is a quantitative assessment criterion used for criminal-legal assessment of the public danger of an act, its content is determined.

преступлению, также учитываются при определении степени общественной опасности преступления¹.

С учетом данной формулировки для оценки степени общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего должны быть исследованы форма вины и фактические обстоятельства совершенного преступления. Важно отметить, что необходимость оценки последствий напрямую соотносится с определением вреда, причиненного преступлением [10, с. 16; 11, с. 139], а форма вины и фактические обстоятельства взаимосвязаны, поскольку последние обуславливаются субъективным отношением виновного лица к фактически совершаемым действиям. Данное утверждение основано на результатах обобщения и анализа актуальной правоприменительной практики в рассматриваемой сфере: в 78 % случаев в материалах уголовных дел имелись доказательства, подтверждавшие взаимосвязь добровольного выбора (как под воздействием обстоятельств трудной жизненной ситуации, так и вне ее) субъектом преступления стратегии воспитания несовершеннолетних, предполагавшей применение к ним методов жестокого обращения, и наступивших общественно опасных последствий. Данный выбор на фоне наличия у субъекта преступления осознания недопустимости и незаконности применения указанных методов в дальнейшем предопределил

содержание конкретных обстоятельств деяний, квалифицированных по ст. 156 УК РФ [12, с. 26-27].

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, проводилось автором в инициативном порядке путем обобщения, систематизации и анализа материалов следственной и судебной практики по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединенном с жестоким обращением. Всего изучено 226 уголовных дел, возбужденных, расследованных и рассмотренных судами в период с 2014 по 2024 год. Был использован метод соотнесения выявленных особенностей и обстоятельств с положениями действующего законодательства. Результаты исследования позволили составить полное, всестороннее и объективное представление об основных способах совершения преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ; субъектах этих преступлений, их характеристиках; содержании и специфике поступков виновных лиц, составляющих содержание событий рассматриваемых преступлений, и их субъективным отношением к содеянному; особенностях следственных ситуаций; способах сокрытия преступлений изучаемого нами вида. В тексте статьи приводятся примеры из следственной и судебной практики, представляющие научный интерес.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Верховный Суд Российской Федерации: сайт // URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 01.02.2023).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоги проведенного нами обобщения и анализа правоприменительной практики подтверждают, что содержание степени общественной опасности преступлений, квалифицируемых по ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) включает в себя: конкретные обстоятельства совершенного преступления, оказывающие непосредственное влияние на характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, умышленную форму вины и обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

В силу того, что до сих пор не разработаны единые методологические основы оценки степени общественной опасности, следственная и судебная практика применения ст. 156 УК РФ лишена единообразия, положения этой статьи применяются субъектами правоприменительной деятельности на основании субъективного подхода, а содержание процессуальных решений, принимаемых в отношении виновных лиц, не отражает реальной степени общественной опасности совершенных ими деяний, что не способствует решению в рассматриваемой сфере задач уголовного судопроизводства, установленных ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Подтвердим вышесказанное примерами из следственной и судебной практики.

Несовершеннолетняя А. в период времени с октября по декабрь 2019 года ненадлежащим образом исполняла свои родительские обязанности по воспитанию дочери, родившейся в июне того же года, жестоко обращалась с ребенком: не создавала благоприятных условий для проживания новорожденной, не ухаживала за ней, уклонялась от ее ежемесячного медицинского обследования, причиняла ей физические страдания путем оставления на продолжительный срок в неотапливаемом помещении в зимнее время, вследствие чего ребенок заболел острым бронхитом и был покусан блохами. Малолетняя была доставлена в больницу с переохлаждением, истощением, атопическим дерматитом и множественными укусами насекомых.

В ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения дела А. поясняла, что за новорожденной дочерью ухаживала на протяжении месяца после рождения и даже кормила ее грудью, но заботы очень изматывали ее. В дальнейшем она оставляла дочь без присмотра в доме, где проживали ее родственники, поскольку влюбилась и желала устроить свою личную жизнь, для чего уезжала на длительное время. Девочка была обнаружена в доме Н. медицинским работником территориального участка патронажного наблюдения после неоднократного уклонения А. от посещения с ребенком врача. При визите девочка находилась в неотапливаемом помещении в полураздетом состоянии. При осмотре ее дыхание было с хрипами, нос был забит слизью, в глазах присутствовало гнойное отделяемое, на щеках – коркообразный кожный покров. Ребенок имел визуальные признаки истощения и переохлажде-

ния, поэтому был экстренно госпитализирован. Свою вину А. признала и подтвердила, что знала о том, что новорожденная нуждается в надлежащем уходе.

Результаты подробного анализа материалов данного уголовного дела (изучение протоколов допросов, актов обследования жилищно-бытовых условий, характеристик и пр.) указывают на то, что в случае невмешательства медицинского работника в обстоятельства длящегося неисполнения А. обязанностей по воспитанию дочери развитие событий представляло для малолетней угрозу летального исхода. Преступление причинило вред здоровью ребенка, и его последствия в дальнейшем будут негативно сказываться на развитии девочки. Можно утверждать, что форма вины А. в виде умысла оставалась неизменной на протяжении всего времени совершения преступления.

Приведем еще один пример. Т. в период времени с апреля 2018 года по январь 2022 года, проживая совместно с несовершеннолетним сыном К., 2010 года рождения, умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, а также бездействия, не исполнял свои родительские обязанности по воспитанию ребенка. При этом его действия и бездействие были соединены с жестоким обращением, выражавшемся в неисполнении предписаний психолого-медико-педагогической комиссии по оформлению сыну инвалидности в связи с выраженной глухотой, непредоставлении ему медицинской помощи профильных специалистов и невыполнении рекомендаций по переводу его на обучение по специализированной образовательной программе.

При рассмотрении уголовного дела было установлено, что Т. своей вины не отрицает. Он самостоятельно воспитывает К. и еще двух детей от брака с Н. Брак между ним и Н. был расторгнут более года назад по причине ее систематического пьянства, длительных загулов и неисполнения ею родительских обязанностей. Т. имеет постоянное место работы, небольшой, но стабильный доход, по месту работы характеризуется положительно. Сложность в оформлении инвалидности К. состояла в том, что заключение профильной медицинской комиссии действительно в течение двух месяцев, а профильных специалистов (сурдолога, отоларинголога), направление от которых обязательно, в местной больнице нет. Т. необходимо было возить К. на обследования в областной центр, а оттулы, которые он должен был брать на работе, сказываются на размере заработка. В то же время медицинскими документами подтверждался прогресс в ухудшении слуха К. и общее ухудшение его психофизического состояния. Согласно материалам уголовного дела, по месту проживания Т. с детьми были созданы необходимые условия, в периоды его отсутствия ему помогала Б. (его мать и бабушка детей), все дети обучались в общеобразовательной школе, их успеваемость была на среднем уровне, между всеми проживающими в доме были уважительные родственные взаимоотношения.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на квалификацию вины в

форме умысла, большое значение имеет оценка фактических обстоятельств содеянного в совокупности с наступившими последствиями. В то же время при одинаковых формах вины и тяжести наступивших последствий в двух приведенных примерах субъективное отношение виновных лиц к обязанностям по воспитанию несовершеннолетних, объем и направленность предпринимавшихся ими действий существенно различаются. Это свидетельствует о том, что совокупность объективных жизненных обстоятельств, в условиях которых происходит неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, а также фактическое поведение виновного лица в данных условиях предопределяют (наряду с прочими факторами) степень общественной опасности преступления, квалифицируемого по ст. 156 УК РФ, в каждом конкретном случае.

А теперь обратим внимание на исход рассмотрения уголовных дел в описанных случаях. В первом, когда имела место реальная угроза жизни и здоровью малолетней, в отношении ее матери А., вина которой в совершении преступления была доказана, суд принял решение о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием подсудимой. В отношении Т., действия которого не содержали угрозы жизни сына и были направлены на создание необходимых условий для всех его детей, судом принято решение о назначении наказания в виде штрафа в размере 6 тысяч рублей. Эти факты свидетельствуют о неразработанности единых критериев оценки степени общественной опасности преступлений, квалифицируемых по ст. 156 УК РФ, и об отсутствии единообразия правоприменительной практики в сфере назначения наказания за совершение таких преступлений.

В данном контексте не меньшую важность представляет и способ совершения преступления. Рассмотрим это обстоятельство также на примерах из следственной и судебной практики.

Б., являясь отцом несовершеннолетней М. 2004 года рождения, 13 июня 2020 года в дневное время, пребывая в состоянии алкогольного опьянения, будучи недовольным поведением своей дочери, под малозначительным предлогом, унижая ее человеческое достоинство и применяя недозволённые методы воспитания, демонстрируя свое физическое превосходство, умышленно нанес ей удар книгой по голове, чем причинил ей физическую боль и психические страдания. 22 декабря 2021 года в вечернее время Б. при аналогичных обстоятельствах нанес дочери два удара ладонью по лицу. На следующий день Б. вывернул М. кисть левой руки, тем самым причинив ей физическую боль и психические страдания, а также телесные повреждения в виде кровоподтека и отека мягких тканей в области левого лучезапястного сустава.

В судебном заседании Б. пояснил, что его несовершеннолетняя дочь М. на протяжении последних трех лет часто вела себя по отношению к родителям неуважительно, намеренно провокационно, ее показатели в учебе значительно ухудшились. При этом беседы с М. результатов не давали, иные приемы педагогического воздействия оказывались

неэффективными. Когда Б. употреблял алкоголь, она специально вела себя еще более вызывающе, а под воздействием алкоголя Б. в этих ситуациях терял контроль. Б. своей вины не отрицал, но объяснял свои поступки их с супругой тревогой за будущее дочери, а также злоупотреблениями и провокациями с ее стороны. Иные имеющиеся в деле доказательства свидетельствовали о том, что родителями были созданы достойные условия для жизни и развития М. По месту работы и в быту Б. характеризовался положительно, на специализированных учетах не состоял. В результате судом было принято решение о признании Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, и назначении ему наказания в виде обязательных работ продолжительностью 160 часов.

В противовес этому приведем другой пример. Ш., имея на иждивении и воспитании четверых несовершеннолетних детей, длительный период времени (6 лет) нигде не работала, жила случайными заработками, злоупотребляла спиртными напитками, не исполняла обязанности по воспитанию и содержанию детей, школу дети не посещали в течение двух лет. Ш. отказывала детям в предоставлении питания, унижала их, заставляла сыновей заниматься попрошайничеством, просить еду у соседей. 2 июля 2015 года во второй половине дня во дворе своего дома Ш., привязав своего сына Н. (7 лет) за шею синтетическим шпагатом, тащила его домой, при этом наносила ему удары по голове, рукам, ногам деревянной палкой и ногами. Свидетели заявили, что Ш. была в состоянии алкогольного опьянения, ребенок хрипел и задыхался, пытался звать на помощь, его тело было в ссадинах и ранах от многократных падений на асфальт. Соседи вмешались в ситуацию и освободили Н. из удавки, причем Ш. требовала прекратить мешать ей воспитывать ее непослушного сына.

Сопоставление этих двух примеров выявляет, что при внешней формальной схожести способов совершения преступлений (применение физической силы в качестве приема воспитания как реакция родителей на непослушание ребенка) обстоятельства их совершения определяют значительную разницу в характере и размере наступивших последствий, что, в свою очередь, существенным образом различает степень общественной опасности описанных преступлений [10, с. 9; 13, с. 65; 14, с. 116; 15]. В первом случае эпизоды преступных действий отца носили единичный характер, между ними имелись значительные временные промежутки, они были намеренно спровоцированы поведением дочери и не вызвали наступления стойких негативных последствий. Во втором случае преступные действия матери носили регулярно повторяющийся характер, имели признаки систематичности, отражали взгляды виновного лица на воспитание несовершеннолетних в целом, определялись беспомощным состоянием и зависимостью потерпевших от виновного лица, способствовали наступлению последствий в виде физических и моральных страданий.

Необходимо также отметить, что результаты проведенного нами исследования позволили вы-

явить различия в подходах отдельных субъектов правоприменения к необходимости учета относящихся к совершенному преступлению обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, указанных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. Так, дознавателями (следователями) в качестве тяжелых жизненных обстоятельств учитываются ситуации отсутствия источника регулярного материального дохода у лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетних, их проблемы с трудоустройством, вынужденная нетрудоспособность. В аналогичных ситуациях иными субъектами правоприменительной деятельности всё это не расценивается в качестве обстоятельств, смягчающих возможное наказание. При этом обращается внимание на обязанность лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетних, в любых обстоятельствах обеспечивать надлежащие условия их жизни, воспитания и развития как самостоятельно, так и путем обращения в специализированные органы социальной защиты.

Кроме того, органами дознания (следствия) и судами по-разному оцениваются факты привлечения родителей к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ, предшествовавшие возбуждению уголовного дела. Отдельными субъектами правоприменения данные обстоятельства признаются в качестве отягчающих уголовную ответственность, другими рассматриваются как

самостоятельные юридические факты и учитываются лишь факт исполнения сопутствующих обязательств (например уплаты наложенного штрафа), а некоторыми данные обстоятельства не принимаются во внимание вовсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Степень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является количественно-оценочным критерием, применяемым для уголовно-правовой оценки общественной опасности деяния. Обстоятельства преступного деяния оцениваются в контексте его общественной опасности в количественных характеристиках, измеряемых и описываемых в объективных величинах¹. Данный критерий позволяет субъектам уголовного преследования достоверно и объективно оценить общественную опасность преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ, с позиции верной уголовно-правовой квалификации содеянного, последующего выбора рациональной тактики расследования и принятия обоснованных процессуальных решений. Соответственно, степень общественной опасности рассматриваемых преступлений включает в себя: конкретные обстоятельства совершенного преступления и обусловленные ими характер и размер наступивших последствий; способ совершения преступления; умысел как основную форму вины; обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бачманова М.О. Вопрос учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления является дискуссионным в науке уголовного права // Успехи современного естествознания. 2011. № 8. С. 231-232.
2. Смирнов А.М. К вопросу о критериях общественной опасности // Дневник науки. 2018. № 10 // URL: <https://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2018/10/law/Smirnov.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).
3. Солодков И.А. Содержание категории «степень общественной опасности» // Современная юридическая наука: от теории к практике. Сборник материалов общероссийской научно-практической конференции. Тамбов, 2012. С. 304-311.
4. Ищенко И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и неправомерных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3. Т. 7 (73). Ч. 2. С. 133-147.
5. Михаль О.А. Характер и степень общественной опасности как критерий классификации преступлений // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 106-118.
6. Хамтагу Р.Ш. Категория общественной опасности деяния в структуре преступлений: вопросы элементной иерархии и использования в качестве критерия классификации преступлений // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 125-128.
7. Благов Е.В. Применение общих начал назначения уголовного наказания: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 190 с.
8. Боковня А.Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 2 (95). Т. 1. С. 156-162.
9. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 113-122.
10. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 8-18.
11. Кондратьева К.Ю. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления как основание применения условного осуждения // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 1 (19). С. 138-141.

¹ В рамках гуманитарных и естественных наук понятие величины используется для количественной характеристики свойств физических тел и процессов. См.: Гвоздев В.Д. Прикладная метрология: Величины и измерения: Учебное пособие. М.: МИИТ, 2015. 74 с.; Правовая статистика: Учебник / под ред. В.Г. Булавчика. СПб: СПбУ МВД России; «Р-копи», 2015. 160 с.

12. Власенкова Э.А. К вопросу о наказании за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 23-30.
13. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. СПб, 2019. С. 57-67.
14. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. 224 с.
15. Фиськов И.А. О понятии и содержании признака «общественная опасность» // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). С. 116-118.

REFERENCES

1. Bachmanova M.O. Vopros ucheta kharaktera i stepeni obshchestvennoy opasnosti sovershennogo prestupleniya yavlyayetsya diskussionnym v nauke ugovnogo prava // Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya. 2011. № 8. S. 231-232.
2. Smirnov A.M. K voprosu o kriteriyakh obshchestvennoy opasnosti // Dnevnik nauki. 2018. № 10 // URL: <https://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2018/10/law/Smirnov.pdf> (data obrashcheniya: 07.03.2025).
3. Solodkov I.A. Soderzhaniye kategorii «stepen' obshchestvennoy opasnosti» // Sovremennaya yuridicheskaya nauka: ot teorii k praktike. Sbornik materialov obshcherossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tambov, 2012. S. 304-311.
4. Ishchenko I.V. Kharakter i stepen' obshchestvennoy opasnosti prestupleniy i neprestupnykh deyaney: problemy ponyatiya i kriteriyev opredeleniya // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2021. № 3. T. 7 (73). CH. 2. S. 133-147.
5. Mikhal' O.A. Kharakter i stepen' obshchestvennoy opasnosti kak kriteriy klassifikatsii prestupleniy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Pravovedeniye. 2012. № 6 (305). S. 106-118.
6. Khamtakh R.Sh. Kategoriya obshchestvennoy opasnosti deyaniya v strukture prestupleniya: voprosy elementnoy iyerarkhii i ispol'zovaniya v kachestve kriteriya klassifikatsii prestupleniy // Obshchestvo i pravo. 2014. № 3 (49). S. 125-128.
7. Blagov Ye.V. Primeneniye obshchikh nachal naznacheniya ugovnogo nakazaniya: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2013. 190 s.
8. Bokovnya A.Yu. Ponyatiye i sistema kriteriyev tipovoy stepeni obshchestvennoy opasnosti lichnosti vinovnogo v sovershenii prestupleniya // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2020. № 2 (95). T. 1. S. 156-162.
9. Voronin V.N. Individualizatsiya nakazaniya s uchetom kharaktera i stepeni obshchestvennoy opasnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2016. № 11. S. 113-122.
10. Yegorova N.A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (48). S. 8-18.
11. Kondrat'yeva K.Yu. Kharakter i stepen' obshchestvennoy opasnosti sovershennogo prestupleniya kak osnovaniye primeneniya uslovnogo osuzhdeniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2016. № 1 (19). S. 138-141.
12. Vlasenkova E.A. K voprosu o nakazanii za neispolneniye obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2023. № 4 (57). S. 23-30.
13. Pudovochkin Yu.Ye. Ponyatiye, kriterii i predely ucheta obshchestvennoy opasnosti prestupleniya sudom // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2019. S. 57-67.
14. Pudovochkin Yu.Ye. Otsenka sudom obshchestvennoy opasnosti prestupleniya: Nauchno-prakticheskoye posobiye. M.: RGUP, 2019. 224 s.
15. Fis'kov I.A. O ponyatii i soderzhanii priznaka «obshchestvennaya opasnost'» // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2020. № 10 (190). S. 116-118.

© Власенкова Э.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Власенкова Э.А. Степень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 43-48.

Евгений Игоревич ГУБАРЕВ,
ORCID 0009-0005-4860-5783
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)
аспирант
gubareff1432@gmail.com

Научный руководитель:
Василий Владимирович ВЕКЛЕНКО,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права Санкт-Петербургского государственного
университета, Заслуженный юрист Российской Федерации

Научная статья
УДК 343.7

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовно-правовая охрана
имущества, исторический аспект, предмет преступления,
имущественные преступления, уголовное законодательство.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Обеспечение правовой охраны имущественных отношений является не только одной из приоритетных задач уголовного законодательства, но и конституционно закрепленной гарантией, обязанностью государства. В истории России имущественные отношения претерпевали множество изменений, что отражалось, в частности, и на правовых актах. Разрешение проблем, касающихся обеспечения уголовно-правовой охраны имущества, соответствующей современному уровню развития общественных отношений, во многом зависит от состояния законодательства. Его нормы необходимо рассматривать в исторической перспективе. Так, например, вопрос об определении предмета имущественных преступлений в разное время решался по-разному. Целью проведенного нами исследования было выявление особенностей предмета таких преступлений посредством изучения исторического опыта. По нашему мнению, его целесообразно учитывать при разрешении поставленного вопроса. Задачами исследования стали изучение нормативных актов разных исторических периодов развития нашего государства, проведение сравнительного анализа их положений в части определения предмета имущественных преступлений, выявление отличий, а также особенностей терминологии. *Методы.* В ходе исследования, результаты которого излагаются в статье, применялись: методы сравнительного анализа и синтеза, с помощью которых выявлены сходства и различия нормативных актов, регламентирующих в разное время уголовно-правовую охрану имущества в нашей стране; метод абстрагирования, который способствовал выявлению особенностей становления и развития представлений о предмете имущественных преступлений, а также понятий, используемых в современном уголовном законодательстве. Сравнительно-правовой и историко-правовой методы позволили сопоставить исторические нормативные акты в сфере обеспечения уголовно-правовой охраны имущества, сравнить их положения и выявить отличительные особенности. *Результаты.* Раскрыты особенности предмета имущественных преступлений, характерные для разных исторических периодов развития нашего государства. Определены положения изученных нормативных актов, которые представляется целесообразным использовать в современной интерпретации в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о предмете общественно опасных деяний, ответственность за совершение которых закреплена в гл. 21 УК РФ (преступления против собственности), сохраняет свою актуальность. Это, в частности, связано с отсутствием в научном сообществе единого мнения относительно объекта этих преступлений как элемента их составов. В научной литературе встречается позиция, что предметом преступлений данного вида

является имущество. Толкование предмета сквозь призму гражданско-правового понятия собственности, на взгляд авторов, придерживающихся такой позиции, нецелесообразно ввиду необходимости наличия совокупности трех правомочий, без которых имущество не считается находящимся в чьей-либо собственности. Это мнение аргументируется тем, что при совершении хищения, субъект преступления изымает или обращает в свою пользу именно чужое имущество. При этом

Evgeny I. GUBAREV,
ORCID 0009-0005-4860-5783
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
Graduate Student
gubareff1432@gmail.com

Scientific supervisor:
Vasily V. VEKLENKO,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law at the
Saint-Petersburg State University, Honored Lawyer of the Russian Federation

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE SUBJECT OF PROPERTY CRIMES

KEYWORDS. Criminal and legal protection of property, historical aspect, subject of crime, property crimes, criminal legislation.

ANNOTATION. Introduction. Ensuring legal protection of property relations is not only one of the priority tasks of criminal legislation, but also a constitutionally enshrined guarantee, an obligation of the state. In the history of Russia, property relations have undergone many changes, which was reflected, in particular, in legal acts. The resolution of problems related to ensuring criminal-legal protection of property corresponding to the modern level of development of social relations largely depends on the state of legislation. Its norms must be considered in a historical perspective. Thus, for example, the issue of determining the subject of property crimes was resolved differently at different times. The purpose of our study was to identify the features of the subject of such crimes through the study of historical experience. In our opinion, it is advisable to take it into account when resolving the issue posed. The objectives of the study were the study of regulatory acts of different historical periods of the development of our state, a comparative analysis of their provisions in terms of determining the subject of property crimes, identifying differences, as well as features of terminology. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, the following were used: the method of comparative analysis and synthesis, which helped to identify similarities and differences in regulations that regulated the criminal-legal protection of property in our country at different times; the method of abstraction, which helped to identify the features of the formation and development of ideas about the subject of property crimes, as well as concepts used in modern criminal legislation. Comparative-legal and historical-legal methods made it possible to compare historical regulations in the sphere of ensuring criminal-legal protection of property, compare their provisions and identify distinctive features. **Results.** The article presents the features of the subject of property crimes characteristic of different historical periods of development of our state. The provisions of the studied regulations are determined, which seem appropriate to be used in a modern interpretation in the current criminal legislation of the Russian Federation.

единой точки зрения относительно того, что подразумевается под используемым понятием «чужое имущество», в научной литературе не сформировалось.

Проведенное нами исследование позволило выявить закономерность развития законодательства в сфере уголовно-правовой охраны имущества, а также определить некоторые важные особенности толкования предмета имущественных преступлений.

МЕТОДЫ

В ходе исследования были применены методы сравнительного анализа и синтеза. С их помощью выявлены сходства и различия представлений о предмете имущественных преступлений, а также нормативных актов разных исторических периодов, действовавших в сфере уголовно-правовой охраны имущества. Применение этих методов позволило выявить последовательность и закономерности развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере, установить особенности определения предмета имущественных преступлений в современном уголовном законодательстве Российской Федерации. В совокупности с методами сравнительного анализа и синтеза применен метод абстрагирования, что

дало возможность выявить специфику отдельных нормативных положений, касающихся предмета имущественных преступлений. Кроме того, в ходе проведения исследования оказались востребованы сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Они помогли решению задач по сопоставлению вызвавших интерес нормативных актов и выявлению их отличительных черт, включая терминологию, использовавшуюся в различные исторические периоды.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках историко-правового исследования предмета имущественных преступлений в первую очередь наше внимание было обращено на договор Руси с Византией 911 года. В этом документе речь, в частности, шла и об обеспечении охраны имущества. Предметом совершения хищений представлялось имущество не в современном понимании, а в более широком смысле. Например, наравне с имуществом в договоре рассматривались отношения по поводу челяди, а к этой категории относилась вся зависимая часть населения. При этом в отличие от хищения имущества, за которое в ряде случаев предусматривалось наказание в виде возмещения в тройном размере, за хищение челядина на виновное лицо возлагалась

только обязанность вернуть похищенного. Подчеркнем значимость подобных международных договоров: она связана с тем, что такие документы оказывали влияние на внутреннюю нормативную базу, в частности на уголовное законодательство. Отметим, что понятия, которое характеризовало бы предмет имущественных преступлений, в то время не существовало. В качестве предмета хищений законодатель указывал в нормативных текстах конкретные объекты: коня, ладью, собаку, сено, овцу, козу, голубя, гуся и т.д.

Далее, в Русской Правде получила закрепление как имущественное преступление кража. В тексте обнаруживается указание на несколько видов краж. Помимо того, предусматривалась ответственность за повреждение имущества. При этом наказание устанавливалось также за повреждение личного имущества, в категорию которого были отнесены одежда, щит, копье. Ответственность дифференцировалась в зависимости от предмета хищения и лица, совершившего преступление [1]. Предметом хищения являлось имущество в вещном выражении. Отдельно выделялся такой предмет преступления, как личное имущество, что, кстати говоря, в дальнейшем нашло свое место в советском уголовном законодательстве. Подобное разграничение связано с различной общественной значимостью личного имущества и государственного. Кроме того, данная позиция законодателя обосновывается дифференциацией ответственности за хищение имущества разного вида [2]. Понятие собственности не было закреплено на законодательном уровне, как и дефиниция имущества. Предмет преступления не подразделялся на группы в зависимости от стоимостной оценки или исторической значимости. Законодательно закреплялись конкретные виды имущества, за хищение или порчу которых предусматривалась ответственность.

Псковской Судной грамотой 1467 года в качестве имущественных преступлений рассматривались различные формы хищений, уничтожение или повреждение имущества, а также завладение чужим имуществом. Ответственность за совершение хищений стала более дифференцированной, зависящей от предмета, на который посягало преступление. Например, за хищение коня предусматривалась смертная казнь, за совершение кражи животного или птицы (овцы, гуся, утки и т.д.) – штраф. В части более строгого наказания за хищение коня можно провести аналогию с ответственностью за хищение транспортного средства, закрепленной в современном уголовном законодательстве. Отметим, что градация строгости наказания в зависимости от предмета хищения не применялась в случаях разбоя и грабежа. Вне зависимости от того, какое именно имущество было похищено при совершении этих преступлений, законодатель расценивал их как более общественно опасные по сравнению с хищениями других видов, в связи с чем и ужесточил меру наказания.

Судебник 1497 года содержал несколько норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления. К числу таковых относились воровство (кража) и разбой. Кража, в свою очередь, подразделялась на несколько видов в зависимости от способа совершения. Например, отдельно речь шла о краже в церкви, о краже, сопровождающейся убийством. А вот дифференциация ответственности в зависимости от вида имущества, которое оказывалось предметом хищения, закреплена не была: законодательно устанавливалась единая мера наказания – смертная казнь.

Соборное Уложение 1649 года предусматривало ответственность не только за кражу, разбой, уничтожение или повреждение имущества, но и за мошенничество. Однако точного понятия, что именно подразумевалось под мошенничеством, в тексте не содержится. Некоторые исследователи, например И.Я. Фойницкий, считали, что мошенником признавалось лицо, совершившее карманную кражу¹, другие же (И.В. Осыко, А.А. Ташкенбаев) считают, что мошенник – это лицо, совершившее хищение путем обмана [3]. Законодатель видел в хищении, совершенном в церкви, и в хищении, сопряженном с убийством, деяния, обладающие большей общественной опасностью. Имущество подразделялось на государственное, церковное и иное. В частности, были закреплены нормы, предусматривающие ответственность за совершение хищения в государственном дворе. Таким образом, существовало несколько видов предмета имущественного преступления: государственное имущество, церковное и личное.

По нашему мнению, в отличие от предшествовавших им нормативных актов в Судебнике 1497 года и Соборном Уложении было начато формирование еще одного вида предмета хищения. Речь об имуществе, имеющем особую историческую или иную ценность. Об этом свидетельствует закрепление такого квалифицирующего признака преступления, как совершение хищения в церкви.

В более систематизированном виде имущественные преступления представлены в Артикулах Петра I. К числу таких преступлений относились: кража (подразделялась на простую и квалифицированную), грабеж (совершенный с оружием и без оружия), поджог (умышленный и неосторожный), а также утайка находки (Артикул воинский, 1715 год). Понятие имущества закреплено не было, предмет преступления различался в зависимости от принадлежности имущества: государственное, церковное, иное.

Нормативные положения об имущественных преступлениях приобрели характер системности в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1846 года. Это был кодифицированный акт, содержавший как нормы, регулировавшие общие вопросы уголовного права, так и нормы, устанавливавшие ответственность за совершение конкретных преступлений². Предметом хищения теперь признавалось не просто имущество. Важным признаком стала принадлеж-

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. СПб: Общественная польза, 1871. С. 128.

² Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб, 2005. С. 35.

ность похищенного имущества иному лицу, что подтверждалось закреплением понятия «чужое имущество». Впрочем, в тексте не разъяснено, в каких случаях имущество признавалось чужим. Именно в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных законодатель отошел от практики использования в конструкции уголовно-правовых норм в качестве предмета преступления конкретно-определенного имущества, введя в действие более широкое по своему смыслу и обобщающее понятие чужого имущества.

Уголовное уложение 1903 года существенно изменило подход к обеспечению уголовно-правовой охраны имущества, его составители пошли по пути упрощения законодательства. Например, здесь не нашлось места такому составу преступления, как грабеж, а под кражей подразумевалось как тайное, так и открытое хищение имущества. Новацией также стало то, что предметом мошенничества признавалось не только движимое имущество, но и имущественные права и блага. Отметим, что в современной научной литературе существует созвучное мнение: например, Л.Л. Кругликов полагает, что предметом имущественных преступлений должны являться не только вещи, но и имущественные права [4, с. 541, 546].

Таким образом, очевидно, что системность законодательных представлений о сущности и механизме уголовно-правовой охраны имущества зарождается во времена Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Несмотря на это, нельзя не согласиться с тем, что история ее развития берет начало именно с древнейших законодательных актов.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года впервые в практике отечественного уголовного законодательства появилась самостоятельная глава, в которой были собраны составы имущественных преступлений. Общественно опасные деяния, представленные в этой главе, в ряде случаев совпадают с преступлениями против собственности действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако в главе «Имущественные преступления» содержались и нормы, устанавливавшие ответственность за деяния, по современной классификации относящиеся к числу преступлений в экономической сфере. Это, например, пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, пользование в недобросовестных целях чужим товарным или ремесленным знаком, рисунком и т.д. Выделение имущественных преступлений в отдельную главу обусловлено совпадением объекта преступления. Таким объектом, по мнению некоторых ученых, в честности А.Г. Безверхова, в данном случае являются имущественные права в гражданско-правовом смысле, блага и интерес имущественного характера¹.

Под имущественными преступлениями понимались общественно опасные деяния в форме как действия, так и бездействия, посягающие на имущественные отношения рыночной природы, которые причиняют имущественный вред собственни-

ку, владельцу или иным участникам отношений или угрожают причинением такого вреда. Причем вред, причиненный имущественным преступлением, может выражаться как в виде реального ущерба, так и в виде неполученных доходов.

Предметом совершения хищений являлось имущество в вещном выражении, отвечающее трем обязательным признакам:

- 1) экономический признак – возможность стоимостной оценки;
- 2) физический признак – имущество должно относиться к вещам материального мира;
- 3) юридический признак – имущество должно быть в собственности или в ином законом владении лица.

Законодателем также закреплялись некоторые квалифицированные составы преступлений, в которых определялось конкретное имущество, обладающее особой общественной значимостью.

Отметим, что выделение имущественных преступлений в отдельную главу связано с развитием рыночной экономики, а также с расширением круга объектов и субъектов преступлений². Кроме того, появление в кодексе отдельной главы, посвященной имущественным преступлениям, по мнению П.А. Скобликова, свидетельствовало и о большой значимости общественных отношений по поводу имущества, а также о значительном интересе государства к обеспечению уголовно-правовой охраны имущества [5].

Исходя из признаков понятия хищения, закрепленного в УК РСФСР, следует говорить о том, что под имуществом законодателем понималось нечто в материальном выражении, то есть вещь. Подчеркнем, что состав преступления «Кража» и относящаяся к нему дефиниция содержались в главе, посвященной преступлениям против собственности. В связи с этим следует сделать вывод о том, что понятия «имущество» и «собственность» законодатель рассматривал как равные. Фактически происходило отождествление предмета преступления (по смысловой нагрузке) с объектом преступления.

В связи с понятием хищения речь шла о трех обязательных правомочиях, характерных для правоотношений собственности, а именно о праве пользования, распоряжения и владения. Имущество и отношения по поводу имущества отдельно от категории собственности законодателем в дальнейшем не рассматривались, а имущественные правоотношения и имущественные права, которые по своему пониманию значительно шире права собственности, которое является одной из составляющих имущественных прав, отдельно от правоотношений собственности не учитывались. Такое положение дел связано в первую очередь с неопределенностью предмета преступления. При этом имущество в нематериальном выражении, которое включало в себя права лица относительно имущества (имущественные права), в качестве такового не принималось во внимание, а соответственно, и не находилось в сфере действия уголовно-правовой охраны.

¹ Безверхов А.Г. Имущественные преступления: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 11.

² Там же. С. 9-10.

В 1932 году в связи с увеличением количества хищений общественной собственности законодатель часть такого имущества (грузы, имущество колхозов и кооперативов) приравнял к имуществу государственному. Таким образом, подчеркивалась общественная значимость имущества и общественная опасность преступлений против государственного имущества, которое являлось, по мнению законодателя, основой советского строя. Иными словами, совершение хищения приравнивалось к угрозе национальной безопасности. В Конституции 1936 года экономической основой советского государства признавалась социалистическая собственность, что непосредственно повлияло на дифференциацию преступлений против собственности [6, с. 72].

Особенностью Уголовного кодекса РСФСР 1960 года стало разграничение уголовной ответственности за совершение преступлений против социалистической и против личной собственности. В главе второй были закреплены уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершение общественно опасных деяний против социалистической собственности, а в главе пятой – против личной собственности. Подобное разделение обосновывалось как идеологической установкой государства, так и необходимостью обеспечения приоритетной охраны собственности. Разграничивались и предметы хищений: в одном случае это социалистическое имущество, в другом – личное. При этом важным аспектом было наличие трех правомочий, характерных праву собственности на имущество, являющееся предметом хищения. Однако утверждать, что имущество обеспечивалось охраной не в равной степени, неверно, так как уголовная ответственность наступала как за совершение преступления в отношении личного имущества, так и в отношении иного имущества. Градация ответственности связана в первую очередь с различной общественной значимостью предметов хищений, их стоимостной оценкой, величиной, количеством и т.д.

Несмотря на отсутствие в уголовном законодательстве закрепления понятий «имущество» и «собственность», в научном сообществе существовали различные точки зрения относительно данных дефиниций, а также отдельных элементов составов преступлений. Под хищением понимался захват чужого движимого имущества, которое находится в чужом владении с целью его присвоения. Предметом преступления считалось исключительно движимое имущество, соответственно, о праве на имущество как предмете преступного посягательства не было речи¹.

В период действия УК РСФСР 1960 года возникли споры относительно предмета и объекта хищений. В научной литературе утверждалось, в частности, что предметом преступлений против социалистической собственности являются материальные блага, продукты производства. Авторы не обращались к понятиям имущества и собственности, а лишь пытались определить, в какой именно момент продукт производства или

материальное благо переходило из сферы экономических отношений в сферу действия уголовно-правовой охраны [7].

Некоторыми учеными поддерживалось мнение о том, что предметом имущественных преступлений является личная и общественная собственность. При этом между собой данные формы собственности соотносятся на основе принципа равенства, который выражается в едином правовом регулировании. Иными словами, за совершение любого имущественного преступления следовала уголовная ответственность, которая устанавливалась уголовным законодательством [1].

Понятие собственности как предмета имущественных преступлений в научной литературе не рассматривалось. Данная категория характеризовалась наличием у лица трех правомочий, которые в совокупности составляли право собственности [8].

После того, как в уголовном законе перестала идти речь об имущественных преступлениях, законодателем понятия «имущество» и «собственность» (как в советский период, так и в настоящее время) стали отождествляться. То есть собственность и имущество, с точки зрения уголовного закона, по своей смысловой нагрузке равны, что противоречит действительности. Более того, в связи с позицией о равной степени обеспечения охраны собственности законодатель отказался от градации ответственности за совершение преступлений в отношении имущества разных видов (государственного, личного, иного) [9, с. 150]. Законодательное закрепление сохранило выделение такого предмета преступления, как имущество, имеющее особую историческую и иную ценность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо не просто разграничение дефиниций, но и изменение структуры уголовного закона, а именно изменение наименования главы, предусматривающей уголовную ответственность за преступления против собственности, на «Имущественные преступления», что позволит решить проблему определения объекта преступных посягательств в той части, которая неразрывно связана с вопросом определения предмета преступления [10, с. 20].

В качестве предмета преступления целесообразно рассматривать не собственность с характерными для нее тремя правомочиями, а имущество, в связи с чем представляется возможным закрепление данного понятия в уголовно-правовом смысле в гл. 21 УК РФ.

В научной литературе встречается мнение о том, что предметом преступления является собственность с характерными правомочиями пользования, владения и распоряжения [11, с. 32-33]. Однако такое толкование предмета ограничивает возможность обеспечения уголовно-правовой охраны в случае, если отсутствует право собственности на то или иное имущество.

Применение позиции гражданского права относительно понятия имущества в уголовно-право-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные / 5-е изд. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 227.

вой сфере сужает круг общественных отношений, подлежащих охране, так как в таком случае предметом преступления будет являться не имущество как таковое, а собственность, что напрямую влияет на квалификацию преступлений, а также содержание составов преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ [12].

Вопрос определения и толкования предмета преступления имеет большое значение при квалификации действий субъекта преступления [13, с. 34].

Позиция относительно того, что дифференциация предмета преступления способна повлиять на нарушение принципа обеспечения равенства форм собственности, в уголовно-правовом смысле представляется неверной ввиду того, что равенство должно обеспечиваться неизбежностью наступления уголовной ответственности за совершение хищения имущества, а не тем, что за хищение государственного имущества, причиняющее общественно опасный вред, ставящее под угрозу экономический строй государства, законодатель обязан устанавливать такую же меру наказания, как за совершение иного менее опасного хищения, фактически уравнивая их положение по значимости и общественной опасности [12, с. 110]. Законодатель в таком случае уже нарушает данный принцип, выделяя в качестве отдельного квалифицированного состава преступления хищение предметов, имеющих особую ценность.

Однако рассматриваемое разделение законодателем производится не в целях нарушения принципа равенства форм собственности, а в целях обеспечения должного уровня уголовно-правовой защиты имущества.

Вопрос об определении предмета преступления также затрагивается в научной литературе. Некоторые авторы считают, что целесообразно восстановление института имущественных пре-

ступлений в целях осуществления комплексной уголовно-правовой охраны имущества [14, с. 92].

Применение дефиниции, закреплённой в гражданском законодательстве, способствует расширительному толкованию уголовно-правовых норм. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации имуществом как объектом гражданских прав признаются не только вещи, но и имущественные права, ценные бумаги, денежные средства в наличной и безналичной форме, результаты интеллектуальной деятельности, информация, находящаяся в частной или иной собственности, нематериальные блага. То есть имуществом законодательно признаются как материальные, так и нематериальные объекты гражданских прав.

В качестве предмета преступлений следует рассматривать имущество не с точки зрения наличия или отсутствия трех правомочий, закреплённых в гражданском законодательстве, а с точки зрения характеристики по признаку «чужое» [15]. Чужим имуществом применительно к уголовному законодательству следует называть те вещи, предметы, к которым субъект преступления относился как к чужому и не имел законного права распоряжения этим имуществом [10]. При этом целесообразно разграничение уголовной ответственности за хищение государственного и личного имущества. Данное разделение не противоречит принципу равенства степени обеспечения уголовно-правовой охраны, так как за совершение хищения в любом случае предусмотрена уголовная ответственность.

Таким образом, по нашему мнению, необходимо дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от предмета общественно опасных деяний, взяв за основу исторический опыт отечественного законодательства, разграничив государственное имущество и личное, определив общественную значимость предмета имущественного преступления. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов А.А. Право личной собственности граждан СССР: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 52-60.
2. Исаев М.М. Уголовное право Киевской Руси // Ученые труды ВШЮН. 1946. Вып. 8. С. 153-176.
3. Осыко И.В., Ташкенбаев А.А. Злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества // Наука и реальность. 2021. № 1 (5). С. 200-203.
4. Круткин Л.Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2000-2009 гг.). Ярославль: ЯрГУ, 2010. 590 с.
5. Скобликов П.А. Понятие «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и правовой доктрине: история вопроса // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 4. С. 520-527.
6. Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием. М.: Юнити-Дана, 2011. 400 с.
7. Пинаев А.А. Система преступлений против социалистической собственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 1. С. 67-72.
8. Толстой Ю.К. Собственность и право собственности в условиях перестройки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 4. С. 3-15.
9. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
10. Векленко В.В. Квалификация хищений: Монография. Омск: ОА МВД России, 2001. 256 с.
11. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. 405 с.
12. Борисова О.В. Уголовно-правовое обеспечение равенства форм собственности // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 104-111.

13. Дорохина Ю.А. Особенности квалификации преступлений против собственности // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 3 (32). С. 34-43.

14. Шульга А.В. Развитие имущественных отношений в условиях современного общества и преступных посягательств на них // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 91-96.

15. Векленко В.В. Преступления против собственности как уголовно-правовая фикция // Российский юридический журнал. 2000. № 3 (27). С. 12-16.

REFERENCES

1. Ivanov A.A. Pravo lichnoy sobstvennosti grazhdan SSSR: problemy i perspektivy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 1988. № 5. S. 52-60.

2. Isayev M.M. Ugolovnoye pravo Kiyevskoy Rusi // Uchenyye trudy VIYUN. 1946. Vyp. 8. S. 153-176.

3. Osyko I.V., Tashkenbayev A.A. Zloupotrebleniye doveriyem kak sposob soversheniya moshennichestva // Nauka i real'nost'. 2021. № 1 (5). S. 200-203.

4. Kruglikov L.L. Problemy teorii ugolovnogo prava: izbrannyye stat'i (2000-2009 gg.). Yaroslavl': YarGU, 2010. 590 s.

5. Skoblikov P.A. Ponyatiye «imushchestvennyye prestupleniya» v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve i pravovoy doktrine: istoriya voprosa // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2022. T. 6. № 4. S. 520-527.

6. Bakradze A.A. Teoreticheskiye osnovy ugolovno-pravovoy okhrany sobstvennosti ot prestupleniy, sovershayemykh putem obmana ili zloupotrebleniya doveriyem. M.: Yuniti-Dana, 2011. 400 s.

7. Pinayev A.A. Sistema prestupleniy protiv sotsialisticheskoy sobstvennosti // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 1989. № 1. S. 67-72.

8. Tolstoy Yu.K. Sobstvennost' i pravo sobstvennosti v usloviyakh perestroyki // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 1990. № 4. S. 3-15.

9. Boytsov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPB: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. 775 s.

10. Veklenko V.V. Kvalifikatsiya khishcheniy: Monografiya. Omsk: OA MVD Rossii, 2001. 256 s.

11. Lopashenko N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoye issledovaniye. M.: LeksEst, 2005. 405 s.

12. Borisova O.V. Ugolovno-pravovoye obespecheniye ravenstva form sobstvennosti // Lex Russica (Russkiy zakon). 2015. T. 98. № 1. S. 104-111.

13. Dorokhina Yu.A. Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy protiv sobstvennosti // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2015. № 3 (32). S. 34-43.

14. Shul'ga A.V. Razvitiye imushchestvennykh otnosheniy v usloviyakh sovremennogo obshchestva i prestupnykh posyagatel'stv na nikh // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4 (30). S. 91-96.

15. Veklenko V.V. Prestupleniya protiv sobstvennosti kak ugolovno-pravovaya fiktsiya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2000. № 3 (27). S. 12-16.

© Губарев Е.И., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Губарев Е.И. Историко-правовой анализ предмета имущественных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 49-55.

Мария Андреевна МЯЛИЦЫНА,
ORCID 0009-0008-6332-5933
Омская академия МВД России (г. Омск)
адъюнкт
myalitsynamari@yandex.ru

Научный руководитель:
Виктор Николаевич БОРКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.36

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 302 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Правосудие, показания, принуждение
к даче показаний, следственные действия, устные сведения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье излагаются результаты исследования уголовно-правового содержания показаний в контексте ст. 302 УК РФ. Термин «показания» в уголовно-правовом значении трактуется слишком узко, что не способствует достижению необходимого уровня обеспечения охраны общественных отношений в сфере отправления правосудия. Объектом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 302 УК РФ, являются интересы правосудия, в связи с чем данная правовая норма охраняет не только законный порядок получения показаний в рамках допроса, но и добровольность передачи сведений при производстве иных следственных действий. *Методы.* В ходе исследования применялись методы анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, аналогии, индукции, дедукции, историко-правовой, сравнительно-правовой и социологический методы. *Результаты.* Для нужд применения ст. 302 УК РФ показания следует рассматривать не только как процессуальное доказательство, получаемое в ходе допроса, но и как сведения, получаемые в рамках иных следственных действий. Предлагается расширить понимание термина «показания» в уголовно-правовом контексте. По мнению автора, применительно к ст. 302 УК РФ под показаниями следует понимать любые устные и письменные сообщения, сделанные под принуждением в ходе следственных действий, включая очную ставку, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др. Ключевым критерием квалификации деяния в данном случае должно быть наличие принуждения, а не процессуальная форма фиксации сообщений. Такой подход позволит более эффективно защищать общественные отношения, связанные с охраной интересов правосудия. Представляется целесообразным его отражение в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, в частности в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

ВВЕДЕНИЕ

Норма, закрепленная ч. 1 ст. 302 УК РФ, содержит уголовно-правовой запрет на принуждение к даче показаний в отношении подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего, свидетеля и эксперта, к даче заключения или показаний – в отношении специалиста. Ограничиваясь только таким кругом лиц и определенными процессуальными форма-

ми доказательств, законодатель значительно сужает сферу применения рассматриваемой нормы. Исходя из буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ допустимо сделать вывод о том, что преступное принуждение возможно только в ходе тех следственных действий, в результате которых появляются «показания». Подобное положение дел приводит к тому, что однородные по своему содержанию действия, причиняющие

Maria A. MYALITSYNA,
ORCID 0009-0008-6332-5933
Omsk Academy of the Ministry of
the Interior of Russia (Omsk, Russia)
Adjunct
myalitsynamari@yandex.ru

Scientific supervisor:

Victor N. BORKOV,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal
Law of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

**CRIMINAL-LEGAL CONTENT OF TESTIMONY IN THE CONTEXT
OF ARTICLE 302 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

KEYWORDS. Justice, testimony, coercion to give
testimony, investigative actions, oral information.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of the study of the criminal-legal content of testimony in the context of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation. The term «testimony» in the criminal-legal sense is interpreted too narrowly, which does not contribute to achieving the necessary level of protection of public relations in the sphere of administration of justice. The object of the crime, liability for which is provided for by Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, are the interests of justice, in connection with which this legal norm protects not only the legal procedure for obtaining testimony during interrogation, but also the voluntariness of the transfer of information during other investigative actions. **Methods.** The study used the methods of analysis, synthesis, abstraction, generalization, analogy, induction, deduction, historical and legal, comparative legal and sociological methods. **Results.** For the needs of applying Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, testimony should be considered not only as procedural evidence obtained during interrogation, but also as information obtained in the framework of other investigative actions. It is proposed to expand the understanding of the term «testimony» in the criminal law context. According to the author, in relation to Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, testimony should be understood as any oral and written messages made under duress during investigative actions, including a confrontation, presentation for identification, investigative experiment, etc. The key criterion for qualifying an act in this case should be the presence of coercion, and not the procedural form of recording messages. Such an approach will allow for more effective protection of public relations related to the protection of the interests of justice. It seems appropriate to reflect it in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, in particular in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 № 20 «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes against Justice».

вред одним и тем же общественным отношениям в сфере осуществления правосудия, квалифицируются по разным статьям Уголовного кодекса, охраняющим разные общественные отношения. В частности, преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 302 УК РФ, «маскируются» под превышение должностных полномочий.

При построении диспозиции нормы, закрепленной ч. 1 ст. 302 УК РФ, законодатель учитывал два взаимосвязанных элемента: «кого принуждают?» и «к чему принуждают?». В связи с этим имеет юридическое значение, к даче чего могут принуждаться участники уголовного судопроизводства.

Представляется, что корректное понимание показаний для применения ст. 302 УК РФ может основываться на положениях ст. 74 УПК РФ, которая содержит исчерпывающий перечень доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Исходя из предписаний ст. 302 УК РФ охраняются общественные отношения, связанные

с получением показаний подозреваемого, обвиняемого; показаний потерпевшего, свидетеля; заключений и показаний эксперта; заключений и показаний специалиста. Поэтому считаем, что необходимо провести анализ понятия «показания», используемого в целях применения ст. 302 УК РФ.

МЕТОДЫ

В ходе исследования сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления различных процессуальных действий (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания и следственный эксперимент) с точки зрения их схожести и различий в контексте принуждения к даче показаний; историко-правовой метод – при анализе генезиса рассматриваемых следственных действий; социологический метод – при изучении мнений ученых и правоведов, анализе судебной практики. Анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, индукция, дедукция были использованы для определения понятий «показания» и «заключения» в контексте ст. 302 УК РФ, для выявления пробелов в законодательстве и формулирования предложений по их устранению.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие «показания» не закреплено в законодательстве, в связи с чем вопрос об их сущности остается предметом теоретического осмысления. В толковом словаре Д.Н. Ушакова под показанием понимается свидетельство, знак (слово, запись и т.п.), по которому можно судить о чем-нибудь¹. В юридической литературе достаточно широко поддерживается позиция, согласно которой показания – это сообщения лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанное в ходе допроса (очной ставки), зафиксированное в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых допрашиваемый сообщил в ходе допроса (очной ставки) [1, с. 269].

В уголовно-правовой науке вопрос о сущности показаний в рамках рассматриваемого нами состава преступления остается недостаточно изученным. Ответ на него имеет большое значение для правильной квалификации преступления по ст. 302 УК РФ и отграничения его от других составов преступлений. Для разрешения проблемы взглянем на показания с разных сторон: как на деяние в составе преступления, как на предмет преступления и как на цель преступления.

В уголовном праве деяние понимается как осознанное, волевое, активное (действие) или пассивное (бездействие) поведение лица, причиняющее существенный вред объекту уголовно-правовой охраны или создающее угрозу причинения такого вреда. Деяние является одним из ключевых элементов состава преступления и имеет строго определенные характеристики. В рамках совершения преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ, деяние выражается в активных действиях преступника, таких как угрозы, насилие или иные формы принуждения, направленных на получение показаний от потерпевшего, свидетеля или подозреваемого [2, с. 106].

Строгое юридическое понимание деяния не предоставляет возможности включения в него последствий, они рассматриваются как отдельный элемент объективной стороны состава преступления. В данном контексте показания, полученные в результате принуждения, не могут быть частью деяния, так как они исходят от потерпевшего, а не от преступника. Показания являются результатом деяния. Они представляют собой вред, причиняемый объекту уголовно-правовой охраны, – правому порядку получения доказательств и правам личности.

Роли преступника и потерпевшего в уголовном праве строго разграничены. Деяние относится исключительно к действиям преступника, тогда как показания – это действия потерпевшего. Смешение этих категорий может привести к нарушению

логики квалификации преступления, поскольку деяние и его результат должны анализироваться отдельно. Например, в случае с элементами состава преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ, деяние – это принуждение (угрозы, насилие), а показания – результат, который формируется под влиянием принуждения. Поэтому в строгом юридическом понимании показания не могут быть частью деяния.

Отметим, что показания нельзя рассматривать и в качестве общественно опасных последствий принуждения, поскольку какой-либо опасности сами по себе они не несут. Показания представляют собой информацию, которая может быть как достоверной, так и ложной. Информация не причиняет вреда, если она не используется для нарушения прав или интересов других лиц. Общественная опасность возникает не из-за содержания показаний, а из-за способа их получения и последствий, к которым использование данного способа приводит. Принуждение к даче показаний нарушает установленный законом порядок получения доказательств, что подрывает доверие к правосудию и создает угрозу справедливому рассмотрению дела. Именно это нарушение правопорядка, а не сами показания, является общественно опасным последствием.

В качестве общественно опасных последствий принуждения к даче показаний необходимо рассматривать нарушение нормального процесса осуществления правосудия, подрыв авторитета органов государственной власти, вред, причиненный жизни и здоровью пострадавшего, причинение ему нравственных страданий, понесенные им убытки и т.д. Именно данные последствия наступают в случае нарушения порядка получения показаний от участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, показания, полученные в результате принуждения, не являются ни деянием в составе преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ, ни общественно опасными последствиями такого преступления, поскольку они представляют собой информацию, которая сама по себе не несет вреда.

Возникает закономерный вопрос: можно ли рассматривать показания в качестве предмета преступления? Для поиска ответа необходимо обратиться к уголовно-правовой доктрине. В советский период господствовало представление, согласно которому предметом преступного посяательства является объект материального мира, в отношении которого выполняются деяния, формирующие объективную сторону состава преступления². Однако в современной юридической науке наблюдается тенденция к расширению толкования этого понятия. Например, Н.В. Вишнякова полагает, что в качестве предмета преступления могут рассматриваться блага (материальные и идеальные), по поводу которых существуют охраняемые отношения, на которые направлено и может быть

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 3. С. 489.

² Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 99-104; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 58.

осуществлено преступное воздействие, причиняющее вред либо создающее угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям [3, с. 87]. В.Н. Винокуров считает, что предмет преступления как форма выражения общественных отношений – это предметы внешнего мира, информация, энергия и объекты экологии, существующие до преступления, удовлетворяющие потребности людей (являющиеся социально значимыми), доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию, изменению и учету произошедших в них изменений [4, с. 121]. По мнению М.П. Бикмурзина, предмет преступления – это указанный в уголовном законе объект материального мира либо информация, путем создания которых или воздействия на которые виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления [5, с. 17].

Современное понимание предмета преступления вышло за рамки материальных объектов. Теперь оно охватывает нематериальные блага, и информацию, и энергию, и экологические объекты, и многое другое. Однако показания в качестве предмета преступления рассматривать нельзя, так как преступное воздействие направлено не на сами показания как информацию, а на человека – участника уголовного процесса. Объективная сторона состава преступления реализуется именно в отношении личности, подвергаемой принуждению.

Охраняемым объектом здесь выступает не информация (показания), а правовой порядок ее получения, который исключает применение физического или психологического насилия к участникам уголовно-процессуальных отношений. Поэтому в отличие, например, от государственной тайны, которая представляет собой определенные сведения, охраняемые уголовным законом сами по себе, показания предметом преступления признаны быть не могут. Это связано с тем, что предмет преступления должен быть объектом, на который может быть оказано непосредственное воздействие. Государственная тайна (ст. 283 УК РФ), личная тайна (ст. 137 УК РФ) и коммерческая тайна (ст. 183 УК РФ) выступают предметами соответствующих преступлений, поскольку воздействие на них (путем собирания, разглашения, копирования и т.д.) возможно без прямого влияния на человека. Эти сведения охраняются законом, и их незаконное распространение создает угрозу безопасности государства.

Показания являются результатом принуждения, а не объектом воздействия. Преступник воздействует не на сами показания, а на лицо, которое их дает, нарушая его права и порядок правосудия. Показания в данном случае не представляют сами по себе общественной опасности, вред возникает из-за способа их получения. Поэтому их нельзя рассматривать в качестве предмета преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ. Они могли бы быть предметом преступления, например, в составах фальсификации доказа-

тельств (ст. 303 УК РФ) или разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), где общественно опасное воздействие осуществляется непосредственно на информацию, а не на личность.

На наш взгляд, в показаниях применительно к составам преступлений, предусмотренным ст. 302 УК РФ, следует видеть предполагаемую преступную цель, ради которой выполняется объективная сторона преступного замысла в форме принуждения человека к определенным действиям. Данная позиция согласуется с положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», где указано, что принуждение к даче показаний совершается со специальной целью, которой является получение показаний для воздействия на правосудие.

Конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ, не содержит указания на цель, то есть она не является составообразующим признаком принуждения к даче показаний. Но, по нашему мнению, она предполагается законодателем. Более того, цель в данном случае позволяет отграничить рассматриваемый состав преступления от других. При совершении преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ, общественную опасность несет именно деяние, то есть само принуждение. Его общественная опасность признается и без указания в конструкции состава преступления конкретной цели. Показания же выступают в качестве финального результата, на достижение которого преднамеренно направлен процесс принуждения.

В приговорах, вынесенных по итогам рассмотрения уголовных дел, возбужденных в связи с выявлением фактов принуждения лиц к даче показаний, суды используют такие формулировки, как, например «потребовал признаться в совершении кражи металлолома»¹, «с целью склонения его к признанию своей причастности к хищению принадлежащих К. ...»², «неоднократно требовал от ФИО2 сообщить интересующие его сведения»³ и т.п. Это свидетельствует о том, что как в рамках производства предварительного расследования по уголовному делу, так и при рассмотрении дела судом устанавливается цель совершенного преступления – дача показаний. Хотя приведенные выше формулировки не содержат слова «показания», в них предполагается, что «признание» или «сообщение интересующих сведений» осуществляется путем фиксации показаний.

Таким образом, показания в исследуемых нами случаях необходимо рассматривать как цель преступления, а не как деяние, предмет или общественно опасные последствия. Это позволит правильно квалифицировать действия виновного и отграничить составы преступлений, предусмотренные ст. 302 УК РФ, от других (смежных) составов.

При этом отметим, что показания могут выступать лишь в качестве цели-средства, но не в каче-

¹ Приговор Терского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 04.09.2012 №1-2/2012.

² Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярск от 27.02.2013 № 1-144/2013.

³ Приговор Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 02.04.2016 № 1-1/2016.

стве цели-результата, к которому стремится преступник, принуждающий к их даче. Если показания были бы целью-результатом, это означало бы, что преступник стремился исключительно к их получению и не имел дальнейших намерений. Однако в реальности это маловероятно, так как сами по себе показания не имеют самостоятельной ценности для преступника. Совершая данное преступление, он стремится к достижению более масштабных целей: незаконно привлечь лицо к уголовной ответственности, незаконно освободить лицо от привлечения к уголовной ответственности и т.д. И тогда получение показаний под принуждением становится определенным этапом для достижения указанных целей, а само принуждение – средством их достижения.

Для полноценной защиты общественных отношений, связанных с правовым порядком получения доказательств по уголовному делу, необходимо учитывать, что принуждение к даче показаний может происходить не только в ходе допроса, но и в рамках других следственных действий. Это связано с тем, что показания как цель преступного деяния могут быть добыты посредством применения различных процессуальных форм, предусматривающих предоставление информации участниками следственной деятельности. Например, в ходе очной ставки, предъявления для опознания или следственного эксперимента их участники также могут подвергаться принуждению к даче пояснений, которые имеют доказательственное значение.

В соответствии с нормами УПК РФ (например ст.ст 76-78 и т.д.) показания определяются как сведения, сообщенные на допросе, проведенном в ходе досудебного производства или в суде в соответствии с требованиями закона, полученные от определенных участников уголовного судопроизводства. Из такого понимания показаний следует, что, во-первых, принудить можно только лицо, обладающее соответствующим уголовно-процессуальным статусом (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста), во-вторых, данные действия можно совершить исключительно в ходе такого процессуального действия, как допрос. Этот подход, по нашему мнению, не вполне приемлем для нужд уголовно-правовой охраны интересов правосудия (ст. 302 УК РФ), в связи с тем, что существует возможность принуждения других лиц, являющихся участниками уголовного процесса, к совершению действий, аналогичных даче показаний, в схожих ситуациях, связанных с причинением вреда интересам правосудия. Такой же позиции придерживается Г.А. Решетникова. Она справедливо отмечает, что «эти действия не следует ограничивать принуждением к даче показаний или к

даче заключения исключительно в ходе допроса. Это вполне могут быть и другие следственные действия» [6, с. 45]. Более широкое толкование предлагает и С.Б. Россинский, указывая на то, что «вербальный характер, близкий к допросу, имеют и многие другие следственные или судебные действия»¹. К числу таковых он относит очную ставку, предъявление для опознания и проверку показаний на месте. В.Л. Кудрявцев считает, что «показания даются в ходе следственного эксперимента, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте» [7, с. 15]. По мнению П.В. Козловского, показания могут быть получены в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания [8, с. 93].

Придерживается подобной позиции и Верховный Суд Российской Федерации, который подчеркивает, что доказательством при производстве очной ставки и проверки показаний на месте выступает не протокол, а показания соответствующих участников данных следственных действий². Другие следственные и процессуальные действия, имеющие вербальный характер, не упомянуты Верховным Судом Российской Федерации в качестве способа получения именно показаний. Не содержит каких-либо пояснений по вопросам содержания понятия «показания» и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

Результатом производства предъявления для опознания и следственного эксперимента становится протокол следственного действия, который, в соответствии со ст. 83 УПК РФ, является доказательством. Сущность этих следственных действий состоит в том, что их участники, также как и в ходе допроса, сообщают имеющую значение для уголовного дела информацию в ходе беседы с лицом, ведущим производство по уголовному делу. Закрепление этих сведений в иной процессуальной форме – в качестве протокола следственных действий, а не показаний – не позволяет осуществлять охрану общественных отношений, возникающих в связи с принуждением к сообщению как правдивых, так и ложных сведений в ходе предъявления для опознания или следственного эксперимента.

Довольно часто результаты предъявления для опознания в дальнейшем оспариваются и исключаются из доказательственной массы³. Причиной, как правило, служит проведение этого следственного действия в отсутствие защитника или несовпадение результатов допроса опознающего с результатами очной ставки (когда, к примеру, на допросе опознающий утверждает, что не знаком с подозреваемыми лицами и не видел ранее, а в

¹ Россинский С.Б. Уголовный процесс: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». М.: Эксмо, 2009. С. 436.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 6. С. 29, 30.

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2023 № 77-1654/2023. Приговор: по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции); Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 № 77-4560/2022). Приговор: по ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой). Определение: приговор изменен, исключены протоколы предъявления лица для опознания с участием свидетелей как доказательства по делу.

ходе предъявления для опознания опознает их¹). Безусловно, признание таких доказательств недопустимыми оказывает благоприятное влияние на процесс отправления правосудия, поскольку при возникновении сомнений в виновности лица приговор подлежит отмене, а уголовное дело – направлению на новое рассмотрение. Каждый случай должен проверяться на предмет принуждения опознающих лиц к подтверждению сведений, изобличающих опознаваемое лицо. Если перед проведением предъявления для опознания или в его ходе применялось принуждение, то такие действия необходимо квалифицировать по ст. 302 УК РФ. В теории уголовного процесса высказывается точка зрения о признании устных сведений, закрепленных в протоколе предъявления для опознания, в качестве показаний² [9, с. 8-9].

В процессе проведения следственного действия опознающий сообщает сведения необходимые для формирования доказательства (на основе каких признаков опознается лицо). Обязательным условием, при котором предъявление для опознания можно считать состоявшимся, является озвучивание опознающим примет и особенностей, ранее закрепленных в протоколе допроса, по которым он опознал предмет или лицо. Однако остается дискуссионным вопрос о допустимости проведения предъявления для опознания в случае, когда опознающий в ходе допроса не называет признаков, по которым может узнать опознаваемое лицо. Например, А.Р. Ратинов считает, что такое допустимо [10, с. 322]. Другой позиции придерживается Л.Н. Исаев [11, с. 20]. На практике предъявление для опознания в таких условиях проводится [12, с. 73], поскольку прямого запрета на это не предусмотрено. Подобные ситуации создают значительные риски для достоверности доказательств, так как велика вероятность принуждения лица к даче показаний в ходе опознания. Это особенно актуально в случаях, когда опознание осуществляется на основе признаков, которые не были обозначены в ходе предварительного допроса или были описаны слишком кратко и недостаточно подробно.

Например, в ходе расследования по уголовному делу о разбойном нападении потерпевший З. опознал подозреваемого М., хотя на предварительном допросе смог назвать лишь приблизительный возраст нападавшего и цвет его одежды. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассматривавшая данное дело в порядке надзора, отменила обвинительный приговор в отношении М., подчеркнув, что требования к содержанию предварительного допроса опознающего лица были нарушены³. Подобные случаи демонстрируют, что в условиях отсутствия четких признаков опознаваемого, установленных в ходе

допроса, возникает высокий риск принуждения к даче показаний в рамках предъявления для опознания. Это подтверждает необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений данного вида.

В ходе следственного эксперимента лицами, также как и при предъявлении для опознания, даются те или иные пояснения, воссоздается картина ранее имевших место событий. Как правило, в ходе следственного эксперимента подтверждаются или опровергаются сведения, данные лицами в ходе допроса. И поскольку в таком случае информация, как и в рамках выше рассмотренных следственных действий, исходит от лица, существует опасность принуждения к ее даче. А значит и здесь есть основания для уголовно-правовой охраны в соответствии с положениями ст. 302 УК РФ.

Обращение к истории становления и развития системы следственных действий в российском уголовном процессе позволяет говорить о том, что эта система в современном ее виде стала значительно шире, и в частности за счет «отпочкования» ряда действий от существовавших ранее⁴. Каждое рассмотренное нами выше следственное действие «отпочковалось» от допроса. Объединяет очную ставку, проверку показаний на месте, предъявление для опознания и следственный эксперимент то, что они являются продолжением допроса. В ходе их производства от лица также поступает устная информация, которая подтверждает или опровергает ранее данные показания. Другими словами, эти показания подтверждаются новыми. Каждое следственное действие имеет свою конкретную цель, однако их объединяет наличие такого элемента, как передача устных сведений их участниками. И это ключевой элемент, так как без него невозможно рассматривать полученные сведения в качестве доказательств.

Устная информация, кроме того, может поступать от участников уголовного судопроизводства в ходе осмотра, выемки, обыска и т.д. Хотя эти следственные действия не предполагают получения вербальной информации, в ходе их производства лица, участвующие в них, могут делать заявления. Такие заявления, в соответствии с ч. 4 ст. 166 УПК РФ, в обязательном порядке должны фиксироваться в протоколе следственного действия, и в связи с этим они приобретают доказательственное значение. Вопрос о том, можно ли считать устные пояснения, поступающие от участников следственного действия в ходе обыска, выемки или осмотра, показаниями является довольно важным и требует рассмотрения.

В юридическом смысле полученная подобным образом информация не является показаниями по ряду причин. Во-первых, в ходе обыска, выемки или осмотра у следователя нет цели сбора пока-

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2023 № 77-1654/2023. Приговор: по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции).

² Гришина Е.Б. Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14; Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 8.

³ Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.1997 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 2.

⁴ Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: Учебное пособие. Омск, 2015. С. 36.

заний, он занимается поиском доказательств или подтверждением фактов [13, с. 149]. Следовательно может зафиксировать, что было сказано участниками следственного действия, если их слова касаются тех обстоятельств, которые значимы для расследования. Но такие пояснения скорее будут рассматриваться как дополнительная информация, а не как полноценные показания. Во-вторых, процессуальный порядок названных следственных действий значительно отличается от порядка производства допроса, что не дает оснований считать полученные вербальным путем сведения эквивалентом показаний, данных в ходе допроса.

Однако, если в ходе обыска, выемки или осмотра лицо предоставляет устные пояснения под принуждением, то эти пояснения, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как «показания», поскольку сведения будут получены в таком случае с нарушением основных принципов уголовно-процессуального закона (ст. 51 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ). В.Н. Борков пишет: «Принуждение к даче показаний вступает в жесткое противоречие с принципами судопроизводства» [14, с. 89]. Поэтому такое принуждение должно квалифицироваться в соответствии с нормами ст. 302 УК РФ.

Отметим, что и в уголовно-процессуальной теории существует мнение о возможности расширительного толкования понятия «показания». Так, например, А.В. Победкин относит «устные сообщения, не имеющие в своей основе метод расспроса, в смысле видов доказательств к протоколам следственных действий» [15, с. 263]. В свою очередь, О.А. Глобенко справедливо отмечает, что «рассматривать устные сообщения обвиняемого в ходе иных процессуальных действий как часть протокола следственного действия нельзя. В этом случае игнорируется специфика источника получения сведений». В связи с этим высказывается предложение считать показаниями любые устные сообщения обвиняемого, сделанные в ходе любых следственных и процессуальных действий¹. Следует отметить, что эта идея не является новой. Аналогичные предположения об отнесении к категории показаний обвиняемого любых его устных заявлений, сделанных в ходе следственных и судебных действий, высказывались еще в советское время А.И. Абасовым² и некоторыми другими учеными.

В контексте ст. 302 УК РФ сведения рассматриваемого вида должны считаться показаниями в том случае, когда они имеют определенное доказательственное значение для уголовного дела. Как правило, такие сведения носят изобличительный

или оправдательный характер, вместе с тем они могут подтверждать существующую следственную версию или опровергать ее. За основу отношения к ним необходимо брать их суть, а не наличие процессуального статуса у предоставляющего их лица (например обвиняемого), как это делается в рамках выше представленных подходов, поскольку и иные участники уголовного судопроизводства (в том числе и не обладающие процессуальным статусом [16, с. 101; 17, с. 209]) могут оказаться потерпевшими в результате принуждения к предоставлению информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При толковании понятия «показания» в контексте ст. 302 УК РФ необходимо учитывать особенности их уголовно-правового содержания, отличающегося от содержания уголовно-процессуального. В структуре состава преступления показания следует рассматривать как цель преступления, которая достигается путем принуждения, осуществляемого в ходе различных следственных действий. Однако важно подчеркнуть, что показания в данном случае являются не конечной целью (целью-результатом), а целью-средством, поскольку они используются преступником для достижения более масштабных задач, таких как незаконное привлечение к уголовной ответственности, фальсификация доказательств или сокрытие иных преступлений.

Для формирования корректной правоприменительной практики по расследованию преступлений, квалифицированных по ст. 302 УК РФ, под показаниями, по нашему мнению, следует понимать любые устные и письменные сообщения, сделанные под принуждением в ходе следственных действий, включая очную ставку, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др. При этом показания (сведения) могут фиксироваться не только в протоколе допроса, но и в протоколах иных следственных действий (протокол предъявления для опознания, протокол очной ставки и т.д.), так как ключевым критерием в данном случае является наличие принуждения, а не форма фиксации таких сообщений.

Такой подход позволит более эффективно защищать общественные отношения, связанные с обеспечением интересов правосудия. Представляется, что он должен найти отражение в новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: Монография. М., 2005.
2. Гаг И.А. Особенности объективной стороны принуждения к даче показаний // Социогуманитарный вестник. 2013. № 1 (10). С. 106-110.
3. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008. 247 с.

¹ Глобенко О.А. Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 23-24.

² Абасов А.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 16.

4. Винокуров В.Н. Три аспекта понимания объекта преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 112-122.
5. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. 183 с.
6. Решетникова Г.А. Субъект принуждения к даче показаний в контексте законопроекта об установлении уголовной ответственности за пытки // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (2). С. 40-46.
7. Кудрявцев В.Л. Принуждение к даче показаний (состав преступления) как обстоятельство, исключающее допустимость доказательства (вопросы теории и практики). СПб, 2018. 84 с.
8. Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 196 с.
9. Новиков С.А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья. 2002. № 6. С. 8-9.
10. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
11. Исаева Л. Предъявление лиц для опознания // Законность. 2002. № 10. С. 17-21.
12. Григорьев О.Г. Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 72-82.
13. Харина Э.Н. Обыск: виды и цели, особенности производства в современных условиях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 148-159.
14. Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: Монография. Омск, 2022. 180 с.
15. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. 408 с.
16. Чекмезова Е.И. Преступления против правосудия. Омск, 2024. 293 с.
17. Мялицына М.А. Принуждение заподозренных лиц к даче показаний // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3 (56). С. 203-209.

REFERENCES

1. Grishina Ye.B. K voprosu o ponyatii dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. 2009. Vyp. 1. S. 354-359.
2. Gaag I.A. Osobennosti ob'yektivnoy storony prinuzhdeniya k dache pokazaniy // Sotsiogumanitarnyy vestnik. 2013. № 1 (10). S. 106-110.
3. Vishnyakova N.V. Ob'yekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti: Monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2008. 247 s.
4. Vinokurov V.N. Tri aspekta ponimaniya ob'yekta prestupleniya // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2010. № 3 (290). S. 112-122.
5. Bikmurzin M.P. Predmet prestupleniya: teoretiko-pravovoy analiz. M.: Yurlitinform, 2006. 183 s.
6. Reshetnikova G.A. Sub'yekt prinuzhdeniya k dache pokazaniy v kontekste zakonoprojekta ob ustanovlenii ugolovnoy otvetstvennosti za pytki // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 14 (2). S. 40-46.
7. Kudryavtsev V.L. Prinuzhdeniye k dache pokazaniy (sostav prestupleniya) kak obstoyatel'stvo, iskluchayushcheye dopustimost' dokazatel'stva (voprosy teorii i praktiki). SPb, 2018. 84 s.
8. Kozlovskiy P.V. Vidy dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: evolyutsiya, reglamentatsiya, sootnosheniye: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2014. 196 s.
9. Novikov S.A. Ponyatiye «pokazaniya» po novomu ugolovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu: neobkhodimyye utochneniya // Rossiyskiy sud'ya. 2002. № 6. S. 8-9.
10. Ratinov A.R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley. M.: Yurlitinform, 2001. 352 s.
11. Isayeva L. Pred'yavleniye lits dlya opoznaniya // Zakonnost'. 2002. № 10. S. 17-21.
12. Grigor'yev O.G. Osobennosti pred'yavleniya dlya opoznaniya lyudey v khode predvaritel'nogo rassledovaniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2009. № 4 (10). S. 72-82.
13. Kharina E.N. Obysk: vidy i tseli, osobennosti proizvodstva v sovremennykh usloviyakh // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). 2019. № 3 (55). S. 148-159.
14. Borkov V.N. Prestupleniya, sovershayemye pri osushchestvlenii pravosudiya, predvaritel'nogo rassledovaniya i operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Monografiya. Omsk, 2022. 180 s.
15. Pobedkin A.V. Ugolovno-protsessual'noye dokazyvaniye. M.: Yurlitinform, 2009. 408 s.
16. Chekmezova Ye.I. Prestupleniya protiv pravosudiya. Omsk, 2024. 293 s.
17. Myalitsyna M.A. Prinuzhdeniye zapodozrennykh lits k dache pokazaniy // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 3 (56). S. 203-209.

© Мялицына М.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мялицына М.А. Уголовно-правовое содержание показаний в контексте статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 56-63.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Юлия Сергеевна МИТЬКОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-5180-3880

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Волгоград)

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления (филиала РАНХиГС)

romanovka297676133@rambler.ru

Вероника Викторовна СИНКЕВИЧ,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0009-6120-6866

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел

mvik29@mail.ru

Научная статья
УДК 343.18

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Правосудие, судебный контроль,
конституционные права, судопроизводство, суд, судебная власть.

АННОТАЦИЯ. Введение. В настоящее время нет единого мнения по поводу содержания понятия судебный контроль, а также форм его осуществления, что обуславливает проблемы как теоретического, так и прикладного характера. Нормы законодательства не содержат соответствующей терминологии, что порождает неоднозначность правоприменительного толкования рассматриваемого понятия и актуализирует научную дискуссию на эту тему. **Методы.** В исследовании, результаты которого представлены в настоящей статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы общенаучные (анализ, синтез, дедукция, обобщение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. **Результаты.** В ходе исследования на основе существующих теоретических разработок ученых-процессуалистов, а также норм уголовно-процессуального закона, регулирующих отдельные вопросы осуществления правосудия, было проанализировано понятие судебного контроля в уголовном процессе и рассмотрена сущность такого контроля в условиях современного уголовного судопроизводства. Выявлена система понятиеобразующих признаков, определено значение судебного контроля в настоящее время. Подчеркнута необходимость законодательного закрепления понятия «уголовное правосудие» в целях формирования единого подхода к определению судебного контроля как одной из форм осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве.

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на судебную защиту. Уголовное судопроизводство, начало которого обусловлено совершением общественно опасного деяния, неизбежно связано с существенными правоограничениями в отношении лиц, вовлеченных в данную сферу деятельности.

Роль суда в создании необходимых условий для осуществления предоставленных лицам в уголовном судопроизводстве прав с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) значительно возросла, поскольку законодатель придал данному участнику уголовного судопроизводства особый статус. Наряду с важнейшей функцией разреше-

Juliya S. MITKOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0001-5180-3880
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics at the Volgograd
Institute of Management (branch of RANEPa)
romanovka297676133@rambler.ru

Veronika V. SINKEVICH,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0009-6120-6866
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure of the Educational and Scientific Complex
for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies
mvik29@mail.ru

THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF JUDICIAL CONTROL IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

KEYWORDS. Justice, judicial control, constitutional
rights, legal proceedings, court, judicial power.

ANNOTATION. *Introduction.* Currently, there is no consensus on the content of the concept of judicial review, as well as the forms of its implementation, which causes problems of both theoretical and applied nature. The norms of legislation do not contain the appropriate terminology, which gives rise to ambiguity in the law enforcement interpretation of the concept in question and actualizes the scientific discussion on this topic. *Methods.* The study, the results of which are presented in this article, used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, general scientific (analysis, synthesis, deduction, generalization) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal) methods were used. *Results.* In the course of the study, based on the existing theoretical developments of procedural scientists, as well as the norms of the criminal procedure law regulating certain issues of the administration of justice, the concept of judicial review in criminal proceedings was analyzed and the essence of such control in the context of modern criminal proceedings was considered. The system of concept-forming features is revealed, the significance of judicial review at present is defined. The necessity of legislative consolidation of the concept of «criminal justice» is emphasized in order to form a unified approach to defining judicial review as one of the forms of implementation of justice in criminal proceedings.

ния уголовного дела по существу в рамках судебного разбирательства законодатель наделил суд полномочиями в досудебном производстве.

В силу ст. 29 и ряда иных норм УПК РФ на суд возложены полномочия по осуществлению контрольных производств по проверке законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования в части санкционирования мер процессуального принуждения, проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права личности, разрешения вопросов о применении правоограничительных мер в отношении специальных субъектов, перечисленных в ст. 448 УПК РФ (сенаторы, депутаты, председатель Счетной палаты Российской Федерации, судьи судов всех уровней, прокурор, следователь, адвокат и т.д.), рассмотрения и разрешения жалоб на действия и бездействие, а также решения субъектов уголовного судопроизводства, ограничения срока ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ). Количество выданных судом органам предварительного расследования разрешений на производство

правоограничительных следственных действий свидетельствует о том, что механизмы судебного контроля востребованы, они оказываются задействованными практически по каждому уголовному делу.

Некоторые авторы научных работ в содержании уголовно-процессуальной деятельности суда на досудебных стадиях включают проверку законности задержания лица по подозрению в совершении преступления, основываясь на положениях п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, которая наделяет судью правом продления срока задержания при рассмотрении ходатайства следователя (дознателя) о заключении лица под стражу. Условием такого продления является признание судом проведенного органами досудебного производства задержания законным и обоснованным.

Положения о праве лица на безотлагательную судебную проверку внесудебного уголовно-процессуального задержания имеют международно-правовой характер. Так, в силу п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый задержанный или заключенный

под стражу незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда¹. В 2022 г. Россия вышла из числа участников названной Конвенции. Однако приведенное положение относится к числу общепризнанных принципов международного права, и, восприняв их, Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 22 закрепила недопустимость задержания лица без судебного решения на срок более 48 часов.

Согласно ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах², нормы которого в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации, каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на проверку в суде правомерности его задержания, по итогам которой суд либо удостоверяет правильность применения уголовно-процессуального принуждения, либо освобождает незаконно лишенного свободы.

Таким образом, с учетом рассмотренных выше положений международных документов и Конституции Российской Федерации можно сделать вывод о том, что и для российского суда в уголовном процессе характерно полномочие по проверке законности задержания.

На активное развитие уголовно-процессуального института судебного контроля указывает постоянное обновление его норм, причем исключительно в сторону расширения компетенции суда³. Полномочия, которыми располагает суд, позволяют ему эффективно реализовывать контрольные функции на досудебных стадиях уголовного производства.

МЕТОДЫ

В исследовании применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Этот метод предполагает полное и всестороннее изучение явлений, включая их анализ в развитии и взаимосвязи. Исследователь рассматривает не только отдельные факты и события, но и связи и противоречия между ними, что позволяет глубже понять природу изучаемых явлений и процессов. Кроме диалектического метода, были использованы научные методы: анализ – разделение сложного явления на составные части для детального изучения каждой из них; синтез – объединение отдельных элементов в единое целое для формирования общего представления о явлении; дедукция – вывод частных положений из общих закономерностей; обобщение – объединение общих свойств и характе-

ристик из множества отдельных фактов. Также в исследовании применялись частные научные методы: формально-юридический метод – анализ текстов нормативных правовых актов, их систематизация и толкование; сравнительно-правовой метод – сопоставление различных правовых систем, институтов и норм для выявления их общих и отличительных черт. Использование этих методов в совокупности позволило обеспечить комплексный подход к исследованию судебного контроля в уголовном процессе, учесть различные его аспекты и получить более полное и объективное представление о нем.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В уголовно-процессуальной науке по-разному относятся к значению судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Одни авторы склонны абсолютизировать механизмы судебного контроля, считая его важнейшим и действенным средством обеспечения конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве, предсказывая масштабное расширение сферы его действия [1, с. 184; 2, с. 122]. Другие не признают за рассматриваемыми судебными процедурами особого значения, являются противниками судебного контроля как в целом, так и в части проверки законности следственных действий [3, с. 121; 4, с. 5-6; 5, с. 73].

Безусловно, судебный контроль относится к числу эффективных правозащитных механизмов, обеспечивающих должную реализацию конституционных прав человека. Однако, как справедливо отмечают некоторые ученые, данный институт нуждается в дальнейшем исследовании и совершенствовании в целях минимизации его недостатков [6, с. 225].

В науке уголовно-процессуального права по вопросу определения судебного контроля сложилось несколько позиций. Они отражают развитие представлений о судебном контроле. Предлагаемые определения по-разному наполняются понятиеобразующими признаками в зависимости от функциональной и темпорально-временной составляющих с дифференциацией сущности судебного контроля на основе советского и постсоветского уголовно-процессуального законодательства.

Ю.И. Таричко видит в судебном контроле функцию суда, представляющую собой не связанную с решением вопроса о виновности либо невиновности лица судебную деятельность по легализации решений и действий субъектов, наделенных полномочиями по осуществлению должностного уголовного преследования, реализуемую с целью охраны и защиты прав и интересов лич-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

³ См., например: Федеральный закон от 29.12.2017 № 468-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

ности в уголовном процессе и ориентированную на достижение назначения уголовного судопроизводства¹. Такое определение, на наш взгляд, является слишком обобщенным, не отражающим всех существенных свойств содержания рассматриваемого понятия.

Впрочем, еще более широко трактует его применительно ко всем сферам функционирования органов судебной власти Н.М. Чепурнова. Определение судебного контроля она формулирует следующим образом: «Это конституционно закрепленная особая правовая форма реализации контрольной власти, выражающаяся в охране судами конституционной, общей и арбитражной юрисдикции конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечении режима законности, верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации, осуществляемая в особом процессуальном порядке в целях восстановления и охраны законных прав и интересов человека и всего гражданского общества» [7, с. 59]. Безусловно, это определение заслуживает внимания, поскольку акцентирует внимание на конституционной значимости и особой процессуальной форме осуществления судебного контроля. Однако оно не конкретизирует цель и не отражает специфику судебного контроля в рамках предварительного расследования.

Н.Г. Муратова, исследуя проблемы теории и практики судебного контроля в уголовном судопроизводстве, трактует его как «многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность суда, призванную обеспечивать защиту конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве, в вышестоящих судебных инстанциях и при исполнении процессуальных решений, гарантирующих непосредственную проверку законности и обоснованности процессуальных действий и решений в уголовном судопроизводстве»².

Р.Н. Ласточкина в работе, посвященной судебному контролю в уголовном процессе, формулирует следующее определение: «Судебный контроль – регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность суда по предварительной или последующей проверке законности и обоснованности действий (бездействия) и (или) решений органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, направленная на разрешение правового спора относительно соблюдения прав и законных интересов участников процесса и иных лиц, имеющая целью защиту прав и законных интересов и завершающаяся вынесением общеобязательного судебного решения»³.

Таким образом, в понятие судебного контроля и Н.Г. Муратова, и Р.Н. Ласточкина вкладывают

признак дифференцированности деятельности суда по осуществлению предварительного и последующего судебного контроля с обозначением его цели, задач и результата: разрешение правового спора с целью защиты прав и интересов личности посредством принятия соответствующего решения. На наш взгляд, такой признак судебного контроля, как вынесение «общеобязательного судебного решения», не имеет понятиеобразующего характера, так как любая деятельность суда в форме судебного заседания неизбежно завершается принятием решения, которое, в соответствии с законом, является общеобязательным.

Представляется более обоснованной позиция Е.А. Зайцевой и Н.В. Кастериной, которые, возражая Н.Г. Муратовой, полагают, что неверно относить деятельность суда в вышестоящих инстанциях к судебному контролю, поскольку необходимо разделять контрольные и надзорные полномочия судов [8, с. 124]. Для проведения различия полномочий судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций следует именовать «судебным надзором».

Аналогичное мнение высказывает А.Д. Назаров. Он полагает, что «понятие судебного контроля применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Судебный контроль распространяется на сравнительно ограниченный круг следственных действий и сводится к досудебной проверке законности и обоснованности следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан»⁴.

Н.А. Колоколов, формулируя понятие судебного контроля в досудебном производстве, перечисляет такие его признаки, как особый характер и обособленность деятельности, ограниченные уголовным судопроизводством пределы, цель – обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а также незамедлительное восстановление таких прав в случае их нарушения должностными лицами стороны обвинения⁵. Следует подчеркнуть, что здесь закономерно обращено внимание на оперативность данного вида деятельности суда в досудебном производстве, она представляется весьма значимой для реализации главной цели судебного контроля – правообеспечения, защиты и восстановления нарушенных прав личности в деятельности органов уголовного преследования.

Э.А. Адильшаев предлагает иной подход к трактовке судебного контроля, понимая под ним лишь рассмотрение судом жалоб участников уголовного судопроизводства и выделяя в самостоятельный вид судебной уголовно-процессуальной деятельности санкционирование следственных действий и мер процессуального принуждения,

¹ Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 18.

² Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 6.

³ Ласточкина Р.Н., Язева Е.Е., Кулев А.Г. Судебный контроль в уголовном процессе: Учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 9.

⁴ Назаров А.Д. Проблемы следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса (по материалам Средне-Сибирского региона): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 195.

⁵ Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: Учебное пособие. М., 2004. С. 125.

ограничивающих конституционные права и свободы личности¹. Есть основания согласиться с предлагаемой в данном случае терминологией относительно именованного судебным санкционированием выдачи судом разрешений на производство определенных следственных действий и применение отдельных мер процессуального принуждения. Однако мы не поддерживаем мнение о разграничении судебного санкционирования и судебного контроля. Считаем, что судебное санкционирование является разновидностью судебного контроля в уголовном процессе.

Во взаимосвязи с категорией «правосудие» рассматривают понятие судебного контроля Э.К. Кутуев и Э.Р. Миргородская. Они видят в нем форму осуществления правосудия [9]. По поводу интерпретации понятия «правосудие» дискуссия выражается в дуальности подходов в зависимости от периода развития процессуального законодательства (советский и постсоветский), а также наполненности понятиеобразующими признаками (узкий и широкий подходы к пониманию правосудия). В связи с этим одни процессуалисты полагают, что судебный контроль – это форма осуществления правосудия [10, с. 45-46; 11, с. 9-32; 12, с. 13], другие ученые под правосудием понимают лишь деятельность суда по разрешению уголовного дела по существу [13, с. 12; 14, с. 49; 15, с. 17]. Придерживаясь точки зрения, высказанной И.С. Дикаревым [10], поддерживая мнение Э.К. Кутуева, Э.Р. Миргородской и ряда других правоведов, считаем, что в современном российском уголовно-процессуальном праве под правосудием должна пониматься вся деятельность суда, связанная как с основной его функцией – разрешением уголовного дела, так и с контрольно-надзорной деятельностью. Именно такой вывод следует из результатов анализа процессуальных норм-дефиниций. Если исходить из смысла п. 48 ст. 5 УПК РФ, то суд – это любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК РФ. Согласно п. 50 ст. 5 УПК РФ процессуальной формой осуществления правосудия является судебное заседание, которое служит формой осуществления судебной деятельности как в судебном, так и в досудебном производстве, в том числе и при разрешении вопросов о проведении следственных и процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Полагаем, что под уголовным правосудием следовало бы понимать процессуальную деятельность суда в досудебном и судебном производстве по разрешению уголовного дела, а также осуществлению иных полномочий, предусмотренных УПК РФ. Думаем, что законодательное закрепление понятия «уголовное правосудие» позволило бы сформировать единый подход к определению понятия и сущности судебного контроля в уголовном судопроизводстве и положить конец дискуссии о том, является ли судебный контроль формой осуществления правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе предложенных учеными-процессуалистами трактовок понятия «судебный контроль» можно констатировать, что эти авторы справедливо едины в главном – обозначенной ими правообеспечительной и правозащитной цели судебного контроля. Наличие такой цели подчеркивает ценность и востребованность института судебного контроля в уголовном судопроизводстве и позволяет точнее сформулировать основные его черты.

1. Отсутствие инициативы суда в начале процедуры судебного контроля. Суд реализует контрольную деятельность исключительно в связи с поступившим обращением должностного лица либо гражданина, ходатайством органа предварительного расследования (о применении (продлении), проверке законности меры процессуального принуждения; производстве следственного действия правоограничительного характера) или жалобой лица, чьи конституционные права и интересы были нарушены.

2. Судебный контроль представляет собой активную целенаправленную деятельность суда, что предполагает совершение определенных процессуальных действий (изучение поступивших в суд материалов, проведение судебных заседаний, разрешение ходатайств участников, заслушивание позиций сторон, исследование материалов уголовного дела) с определенными целями: достижение максимального уровня правообеспеченности в досудебном уголовном производстве и принятие мер к восстановлению нарушенных прав.

3. Целями судебного контроля на стадии предварительного расследования являются соблюдение и защита прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Иными словами, любое лицо, независимо от наличия у него процессуального статуса, вправе обратиться за судебной защитой в случае ущемления своих прав и интересов в уголовном судопроизводстве.

4. Судебный контроль – деятельность суда, осуществляемая им на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Как указывалось выше, процедуры, осуществляемые судом в рамках реализации полномочий вышестоящих проверочных инстанций, необходимо именовать «судебным надзором».

5. Деятельность суда в рамках судебного контроля реализуется в определенной процессуальной форме – судебном заседании, которому, в свою очередь, присущи черты традиционного судебного разбирательства (открытие судебного заседания, объявление состава суда, регламент судебного заседания, роль председательствующего и т. п.).

6. Полномочия по осуществлению судебного контроля возложены законом на суд общей юрисдикции в составе судьи федерального суда единолично. Рассмотрение жалоб участников на состоявшиеся судебные акты, принятые посредством судебного-контрольных процедур апелляционными

¹ Адильшаев Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2011. С. 9.

инстанциями, осуществляется также судьей единолично.

Современный судебный контроль в досудебном уголовном производстве представляет собой предварительную или последующую проверку законности действий и решений органов досудебного производства, которые ограничивают конституционные права и свободы личности и могут затруднить доступ граждан к правосудию.

Институт судебного контроля, пройдя в системе российского уголовного процесса несколько этапов развития, в настоящее время основывается на сочетании лучших отечественных правовых традиций, результатах научных исследований, многолетнем опыте правоприменительной судебной и следственной практики. Он может считаться эффективным механизмом судебной защиты

конституционных прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, используемым в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. Судебный контроль по уголовным делам – это форма осуществления правосудия, под которым в уголовном судопроизводстве предлагается понимать процессуальную деятельность суда в досудебном и судебном производстве по разрешению уголовного дела, а также осуществлению иных полномочий, предусмотренных УПК РФ. Становление и стремительное качественное развитие российского уголовного процессуального права в части регулирования компетенции суда в досудебном и судебном производстве обусловило дефиниционную трансформацию основных понятий и дискреционное расширение форм осуществления правосудия. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. 352 с.
2. Головинская И.В., Гушчин С.В. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // Современное право. 2018. № 11. С. 121-126.
3. Свиридов М.К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского университета. 2008. № 11. С. 119-122.
4. Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей. Томск: ТГУ, 2001. Вып. 7. С. 3-6.
5. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 70-75.
6. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского университета. 2017. № 423. С. 225-235.
7. Чепурнова Н.М. Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии, теории и государственно-правовой практики. Ростов-на-Дону, 1999. 154 с.
8. Зайцева Е.А., Кастерина Н.В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 148 с.
9. Кутуев Э.К., Миргородская Э.Р. Судебный контроль как форма осуществления правосудия // Российский судья. 2022. № 6. С. 19-24.
10. Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 45-51.
11. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики): Монография. Екатеринбург, 1999. 187 с.
12. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 13-17.
13. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 467 с.
14. Даровских С.М. Еще раз о судебном контроле в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 4. С. 48-52.
15. Камардина А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2014. № 3 (164). С. 14-17.

REFERENCES

1. Volodina L.M. Problemy ugolovnoy protsessy: zakon, teoriya, praktika. M.: Yurist, 2006. 352 s.
2. Golovinskaya I.V., Gushchin S.V. Sudebnyy kontrol' za primeneniye mer preseceniya v vide domashnego aresta i zaklyucheniya pod strazhu // Sovremennoye pravo. 2018. № 11. S. 121-126.
3. Sviridov M.K. Priroda sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniyem // Vestnik Tomskogo universiteta. 2008. № 11. S. 119-122.
4. Sviridov M.K. Sootnosheniye funktsiy razresheniya ugolovnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatel'nosti suda // Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. Sbornik statey. Tomsk: TGU, 2001. Vyp. 7. S. 3-6.

5. Kal'nitskiy V.V. «Sanktsionirovaniye» i proverka sudom zakonnosti sledstvennykh deystviy v khode dosudebnogo proizvodstva ne effektivny // Ugolovnoye pravo. 2004. № 1. S. 70-75.
6. Rossinskiy S.B. Razmyshleniya ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za proizvodstvom sledstvennykh deystviy // Vestnik Tomskogo universiteta. 2017. № 423. S. 225-235.
7. Chepurnova N.M. Sudebnyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii: problemy metodologii, teorii i gosudarstvenno-pravovoy praktiki. Rostov-na-Donu, 1999. 154 s.
8. Zaytseva Ye.A., Kasterina N.V. Polnomochiya suda na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: Monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2007. 148 s.
9. Kutuyev E.K., Mirgorodskaya E.R. Sudebnyy kontrol' kak forma osushchestvleniya pravosudiya // Rossiyskiy sud'ya. 2022. № 6. S. 19-24.
10. Dikarev I.S. Pravosudiye i sudebnyy kontrol' v ugolovnom protsesse: sootnosheniye ponyatiy // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 2. S. 45-51.
11. Bozrov V.M. Sovremennyye problemy rossiyskogo pravosudiya po ugolovnym delam v deyatelnosti voyennykh sudov (voprosy teorii i praktiki): Monografiya. Yekaterinburg, 1999. 187 s.
12. Petrukhin I.L. Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol' za sledstviyem // Rossiyskaya yustitsiya. 1998. № 9. S. 13-17.
13. Ryabtseva Ye.V. Pravosudiye v ugolovnom protsesse Rossii: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2010. 467 s.
14. Darovskikh S.M. Yeshche raz o sudebnom kontrole v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2007. № 4. S. 48-52.
15. Kamardina A.A. O ponyatii i sushchnosti pravosudiya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik OGU. 2014. № 3 (164). S. 14-17.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Митькова Ю.С., Синкевич В.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Митькова Ю.С., Синкевич В.В. Понятие и значение судебного контроля в современном уголовном процессе России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 64-70.

Илья Николаевич НЕХАЕВ,

ORCID 0009-0002-0441-0616

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орёл)

адъюнкт

ilya.nexaev.1997@gmail.com

Научный руководитель:

Евгений Алексеевич СЕМЕНОВ,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного

процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Научная статья

УДК 343.1

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ПРАВОВЫМИ СИСТЕМАМИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Преступный ущерб, правовая система, эволюция правовой ответственности, возмещение вреда, жертва преступления, совершенствование законодательства, институт возмещения вреда.

АННОТАЦИЯ. *Ведение.* В статье представлены результаты исследования механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением, действующих в зарубежных странах с различными правовыми системами. Обращается внимание на правовые особенности механизмов возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений. Проводится анализ возможности внедрения в российскую правовую систему положительного опыта, накопленного в рассматриваемой сфере за рубежом. **Методы.** Теоретической основой исследования выступили работы отечественных правоведов, посвященные проблемам возмещения (компенсации) причиненного преступлением вреда. Эмпирическую основу исследования составили результаты анализа переводов оригинальных иностранных источников права. Методологической базой исследования стали общенаучные приемы и способы познания: моделирование, анализ, синтез, формально-логический подход, частнонаучные методы, метод обобщения (статистический анализ, включающий описание и объяснение обобщенных фактов). **Результаты.** По итогам исследования института и механизмов возмещения преступного вреда потерпевшим от преступлений лицам, существующих в ряде зарубежных стран, сделан вывод о том, что в государствах романо-германской и англосаксонской правовых систем рассматриваемый институт более развит, чем в странах со смешанной правовой системой и мусульманских странах.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире от экономически развитых стран требуется не только защита людей от преступлений, но и создание действенной системы поддержки тех, кто стал жертвой преступных посягательств [1, с. 805]. Вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, перестают быть исключительно статистической формальностью и становятся предметом пристального внимания ученых и практиков. Об этом свидетельствует проведение сравнительно-правовых исследований, в которых анализируется уголовное судопроизводство различных стран. Изучение многогранного зарубежного опыта, охватывающего различные правовые системы, представляется не просто актуальным, но и принципиально необходимым для совершенствования российско-

го уголовного судопроизводства. Целью такого исследования выступает выявление наиболее эффективных моделей, которые могли бы лечь в основу модернизации отечественных правовых норм и обеспечить действенную защиту лиц, потерпевших от преступлений. В связи с этим всесторонний анализ процессов функционирования механизмов возмещения преступного вреда, применяемых в государствах с различными правовыми системами, становится своевременным и ключевым шагом для создания оптимально функционирующей модели восстановления нарушенных прав жертв преступлений.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого нашли отражение в настоящей статье, осуществлен анализ законодательного урегулирования

Илья Н. НЕКХАЕВ,
ORCID 0009-0002-0441-0616
Oryol Law Institute of the Ministry of Interior
of Russia named after V.V. Lukyanov (Oryol, Russia)
Adjunct
ilya.nexaev.1997@gmail.com

Scientific supervisor:
Evgeny A. SEMENOV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the
Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute
of the Ministry of Interior of Russia named after V.V. Lukyanov

GENESIS AND CURRENT STATE OF COMPENSATION MECHANISMS FOR CRIMINAL HARM IN FOREIGN COUNTRIES WITH DIFFERENT LEGAL SYSTEMS

KEYWORDS. Criminal harm, legal system, evolution of legal liability, harm compensation, victim of crime, improvement of legislation, institution of harm compensation.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of a study of mechanisms for compensation for harm caused by a crime, operating in foreign countries with different legal systems. Attention is drawn to the legal features of the harm compensation for damage to persons who have suffered from crimes. An analysis is made of the possibility of introducing positive experience accumulated abroad in the considered area into the Russian legal system. **Methods.** The theoretical basis of the study is the works of domestic legal scholars devoted to the problems of harm compensation caused by a crime. The empirical basis of the study is the results of the analysis of translations of original foreign sources of law. The methodological basis of the study is general scientific techniques and methods of cognition: modeling, analysis, synthesis, formal-logical approach, specific scientific methods, generalization method (statistical analysis, including description and explanation of generalized facts). **Results.** Based on the results of the study of the institute and mechanisms of compensation for criminal harm to victims of crimes that exist in a number of foreign countries, it was concluded that in states with a Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal system, the institution in question is more developed than in countries with a mixed legal system and Muslim countries.

проблем, связанных с возмещением преступного вреда потерпевшим от преступлений в странах, относящихся к различным правовым системам. Для получения объективных сведений изучались международные акты, зарубежное законодательство. Целью было определение эффективности действующих за рубежом, не известных отечественной правовой системе, механизмов компенсации и возмещения вреда. Методологическим базисом исследования стал комплекс общенаучных методов. В частности, метод контент-анализа применялся для изучения юридических составляющих отдельных нормативно-правовых актов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сотрудники органов предварительного расследования, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию, в частности те, которые характеризуют личность обвиняемого, могут столкнуться со сложностями, связанными с отсутствием у этого участника уголовного судопроизводства какого-либо имущества. Причины могут быть разными. Например, человек действительно в силу жизненных обстоятельств и социального статуса не имеет имущества в собственности. Или же он умышленно осуществил регистрацию де-факто принадлежащего ему имущества на кого-то другого в интересах осуществления преступной деятельности и минимизации возможностей наложения на это имущество ареста и обращения его в доход государства.

В настоящее время в уголовно-правовой системе Российской Федерации нет механизма, посредством использования которого представителям органов исполнительной власти можно было бы быстро и качественно противодействовать таким поступкам лиц, совершивших преступления. И это значительно затрудняет возмещение причиненного потерпевшему вреда. Что, в свою очередь, заставляет обратить внимание на необходимость использования положительного опыта зарубежных стран в вопросах восстановления имущественных прав лиц, пострадавших от преступлений. Н.П. Кобец выделяет несколько прогрессивных моделей правового регулирования отношений, возникающих при возмещении такого вреда. Первая реализуется в таких странах, как Китай, Кипр, Исландия. Для нее характерно использование государственной и добровольной систем социального страхования. Вторая модель действует в Италии, Швейцарии, Чехии. Ключевым звеном в ней являются специальные реабилитационные службы, которые работают под кураторством правоохранительных органов. Третья модель, функционирующая в США, Австралии, Франции, предусматривает непосредственную выплату пострадавшим денежных средств из специализированных государственных фондов. В рамках четвертой модели (Австрия, Германия, Венгрия) выплаты осуществляются из негосударственных социальных фондов, созданных в интересах жертв преступлений [2, с. 32]. Е.И. Слипчен-

ко и О.В. Фахретдинова пишут о том, что следующим этапом развития перечисленных выше механизмов является переоценка объекта, на который осуществлено посягательство. И это уже сделано, например, в Великобритании, Германии и Японии, где за потерпевшим сохраняется право получить компенсацию вреда лишь в том случае, когда вред причинен жизни и/или здоровью. При этом исключена возможность иной компенсации преступного вреда [3, с. 677].

Все эти механизмы существовали не всегда и прошли длительный путь формирования и развития. Так, например, законодательство Великобритании, относящееся к англосаксонской правовой системе, содержало и вплоть до настоящего времени содержит целый комплекс различных правовых инструментов, используемых при компенсации преступного вреда. Ключевую роль в нем играет иск о взыскании вреда, причиненного специальным деликтом – действием, нарушающим конкретные правовые обязательства. Британские авторы научных работ указывают на то, что этот механизм восходит к ранним формам общего права, расцвет которого пришелся на XIII-XIV века [4]. Механизм был доступен ранее и используется в настоящее время в случае совершения противоправных деяний трех видов: это побои, угроза нападения, незаконное ограничение свободы. Побои трактовались судебной практикой расширительно. В число таких преступлений включались и случаи, когда виновный кидал в потерпевшего те или иные предметы, а также когда его действия привели к падению потерпевшего либо с высоты собственного роста, либо с лошади. Принципиальное значение наличия такого института в английской системе права состоит в том, что потерпевший вправе истребовать взыскание компенсации за понесенные им страдания даже в случае, когда действиями не был причинен вред. Правда, в настоящее время этот механизм стремительно теряет свою актуальность в силу законодательного закрепления права жертвы на получение компенсации [5, с. 183].

Значительный интерес представляет механизм компенсации вреда, причиненного преступлением, из специализированных публичных фондов. Его отличительной чертой является отсутствие связи между раскрытием преступления и компенсацией вреда. Для ее получения необходимо лишь соответствие требованиям «достойного потерпевшего». Таковым может быть лицо, которое в момент совершения в отношении него преступления не находилось в состоянии алкогольного (токсического, наркотического) опьянения, ранее не судимое, не спровоцировавшее преступление в отношении себя, оказывавшее содействие в отыскании виновного. Возможность обращения за компенсационной выплатой сохраняется за таким лицом в течение двух лет [6, р. 151].

Необходимо обратить также внимание на механизм возмещения преступного вреда, основанный на подаче гражданского иска. Отличительным позитивным признаком его использования (по за-

конодательству Великобритании) является то, что сумма, взыскиваемая с виновного лица, потенциально больше той, которая может быть компенсирована из фонда. При этом получение выплаты не лишает потерпевшего права на заявление гражданского иска.

Значительным опытом восстановления нарушенных прав потерпевшего располагает законодательство Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ). Одним из традиционных механизмов компенсации преступного вреда, по законодательству этой страны, являлось взыскание возмещения в рамках гражданского судопроизводства. Разрешение вопроса о компенсации в таком случае осуществлялось обособленно от уголовного дела, то есть посредством деликтного права [7, с. 33]. Позднее законодатель допустил возможность заявлять имущественные требования в ходе расследования по уголовному делу и рассмотрения дела по существу (по аналогии с гражданским иском в уголовном деле, представленным в российском судопроизводстве). Затем в силу отсутствия соответствующих инструментов у судебных органов Германии и малой эффективности восстановления нарушенных прав была инициирована разработка нового механизма защиты потерпевших. Решением проблемы стало создание в 1976 году публичного компенсационного фонда в связи с принятием закона о компенсациях жертвам насилия¹. Согласно положениям этого закона правом на получение компенсации наделена жертва насильственного нападения, если такими действиями был причинен вред ее здоровью. Судебная практика по настоящее время применяет расширенное толкование закона, причисляя к случаям причинения такого рода вреда, например, умышленную передачу потерпевшему яда.

Действующая в Германии система возмещения преступного вреда имеет свои изъяны, обуславливающие неоднозначность правоприменительной практики. Это выражается, в частности, в спорах относительно оснований и размеров компенсационных выплат. Как отмечает Т.Е. Сушина, немецкие ученые связывают такое состояние дел с недостаточной разработанностью компенсационного механизма [8, с. 104-105].

Примечательно, что в 1975 г. Уголовный кодекс ФРГ был дополнен инновационным институтом временного отказа от возбуждения публичного обвинения (уголовного дела). Суть его сводится к тому, что прокурор по согласованию с судом и с согласия обвиняемого вправе временно отказаться от возбуждения обвинения (по общему правилу, на срок до 6 месяцев), предоставив обвиняемому возможность осуществить одно из предусмотренных законом компенсационных действий для возмещения причиненного им преступного вреда. Причем, предусматривается право выбора обвиняемым, какое именно действие предпринять: возместить вред; выполнить работу, направленную на заглаживание вреда; взять на себя бремя содержания потерпевшего, выплачивая утвержденную сумму; внести денежные средства в пользу

¹ Opferentschädigungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. Januar 1985 (BGBl. I S. 1), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 20. Juni 2011 (BGBl. I S. 1114) geändert worden ist (дата обращения: 25.12.2024).

государственного общественно полезного учреждения; выполнить общественно значимую работу. Осуществление обвиняемым принятого таким образом на себя обязательства приводит к отказу прокурора от возбуждения публичного обвинения. В случае невыполнения обязательства уголовный процесс продолжается в обычном порядке со стадии возбуждения публичного обвинения.

Опыт Французской республики, заключающийся в существовании механизма возмещения преступного вреда в соединительном процессе, во многом схож с опытом Российской империи во время действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Рассматриваемый нами институт во Франции был закреплен ордонансами (королевскими указами, имевшими силу закона) 1539 и 1670 годов [9, с. 116]. Вопрос о компенсации решался тем же составом суда, в производстве которого находилось уголовное дело.

Законодательство и судебная практика Франции закрепляют право потерпевшего на возмещение любого из видов вреда, причиненного личности. Кроме традиционно признанных морального, физического и материального, к числу таковых относят последствия некоторых деликтов, например физические и душевные страдания, вызванные телесными повреждениями.

Основным же вектором развития восстановительных механизмов во Франции стало формирование публичных компенсационных фондов. По причине затруднений, связанных с ограниченностью доступа к иным способам компенсации вреда, причиненного преступлением, была рассмотрена и законодательно реализована инициатива, предусматривавшая создание такого способа восстановления прав потерпевших, использование которого отличалось бы высоким уровнем доступности. Для решения проблемы был учрежден Гарантийный фонд для жертв терроризма и других преступлений (*Fonds de garantie des victimes des actes de terrorisme et d'autres infractions*). Кроме того, в законодательстве Франции предусмотрен условный отказ от возбуждения уголовного дела, аналогичный тому, который существует в ФРГ.

Правовая система Китайской Народной Республики (далее – КНР) относится к смешанному типу. До начала XXI века в ней преобладал традиционный подход к процессу и результатам компенсации вреда, причиненного преступлениями. Причем механизм компенсации был представлен в сильно ограниченном виде. Так, к 2000 году в КНР имелся всего один способ компенсации преступного вреда – гражданский иск в уголовном процессе. Потерпевшие с помощью такого иска могли заявлять требования не только о непосредственном возмещении вреда, причиненного преступлением, но и о компенсации расходов на лечение, проживание, а также о выплате упущенного заработка [10, с. 284]. Ситуация складывалась таким образом, что выбор средств к защите и вероятность наступления благоприятных для потерпевшего последствий сводились к минимуму.

С течением времени правовая система КНР трансформировалась, вследствие чего в законодательстве появился механизм заключения со-

глашения между подозреваемым и потерпевшим, которое позволяет прекратить уголовное дело и, соответственно, уголовное преследование [11, р. 303]. Действие этого механизма распространяется на преступления небольшой тяжести, а также иные преступления, совершенные по неосторожности, наказание за которые не превышает 7 лет лишения свободы. Должностные преступления в этот перечень не входят. Одним из значимых условий заключения данного соглашения является возмещение потерпевшему вреда, который причинило преступление.

Проанализировав законодательство нескольких стран, представляющих англосаксонскую, романо-германскую и смешанную правовые семьи, далее обратим внимание на инструменты восстановления прав потерпевших, существующие в государствах с так называемой «религиозной правовой системой», в частности мусульманских странах.

Ядром мусульманской правовой системы являются религиозные нормы, они обеспечивают единство и целостность регулирования общественных отношений. В Средние века ислам оказал определяющее влияние на все сферы жизни общества, что привело к доминированию религиозных норм над правовыми. Именно религиозные предписания на протяжении длительного времени оставались основным регулятором поведения людей, неразрывно переплетаясь с юридическими, нравственными нормами и обычаями. Именно это сочетание религиозных, правовых, моральных норм и обычаев сформировало основу исламской системы социально-нормативного регулирования [12, с. 42].

Проявление этой тенденции при конструировании правовых норм, касающихся вопросов компенсации (возмещения) вреда, неразрывно связано с религиозными принципами ислама, изложенными в главной священной книге мусульман – Коране. Кроме того, большое значение для построения норм, имеющих юридическую силу, имело и то обстоятельство, что они в ходе развития мусульманского права вплоть до VIII в. принимались для разрешения конкретного нарушения (с учетом имевшихся смягчающих и отягчающих обстоятельств), то есть казуальным путем. Л.Р. Сюкияйнен указал на то, что правившие после Мухаммеда «праведные» халифы, в частности Абу Бекр, Омар, Осман и Али (632-661 гг.), как и другие последователи пророка, при рассмотрении конкретных споров руководствовались Кораном и Сунной [12, с. 64]. В этих источниках содержатся описания основ мести при убийстве и иных нарушениях неприкосновенности личности, излагаются способы возмещения вреда родственникам. Это, например, дача и принятие выкупа за жизнь убитой (виновного), иначе – дийа – плата за кровь.

Правовой обычай у мусульман, считает Н.М. Михайленко, обладает рядом характерных отличительных черт. К их числу он относит спонтанность, повторяемость, обязательность. При этом обычай выступает и социальной нормой, нарушать которую запрещено. Ее обязательность определена обществом, а в дальнейшем санкциониро-

вана законодательными и судебными органами [13, с. 185].

Специфическим свойством этой правовой системы является принцип равного воздаяния за причиненный вред (принцип талиона), в связи с чем распространена кровная месть. Иными компенсационными механизмами выступают примирение с потерпевшим (как правило через представителей), штрафы и конфискации, закрепленные на законодательном уровне. При этом, как отмечает А. Гаджиев, компенсация морального вреда не покрывается имущественным возмещением [14, с. 28].

В ст.ст. 22, 23 Уголовно-процессуального закона Королевства Саудовская Аравия¹ (далее – УПЗ КСА) установлено, что публичное и частное уголовное преследование прекращается в первом случае при помиловании виновного королем, во втором случае при получении помилования от жертвы преступления или ее наследников – прощения. В УПЗ КСА предусмотрен круг лиц, которые могут подать гражданский иск о возмещение вреда, причиненного преступлением. В соответствии со ст. 148 УПЗ КСА потерпевший и его родственники (дети, супруг, родители и т.д.) в любое время в ходе судебного разбирательства вправе заявить иск в суд, направленный на защиту частных прав, независимо от размера претензий, даже если такое заявление уже было отклонено ранее в ходе расследования преступления.

В ст. 7 Федерального закона Объединенных Арабских Эмиратов «Об освобождении от ответственности»² закреплён механизм освобождения от уголовной ответственности. Это возможно, если осуждённый выполнит все назначенные ему приговором финансовые обязательства перед государством и конкретными лицами. В Уголовно-процессуальном кодексе Объединенных Арабских Эмиратов³ установлено, что лицо, являющееся потерпевшим, вправе предъявить требования в отношении принадлежащих ему гражданских прав в адрес обвиняемого. В случае причинения вреда юридическому лицу суд принимает решение о самостоятельном возмещении лицом, совершившим преступление, причиненного вреда.

В Уголовно-процессуальном кодексе Афганистана⁴ механизм возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступления, не предусмотрен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий анализ практики зарубежных стран относительно возмещения вреда, причиненного преступлением, показывает, что гарантией восстановления нарушенных гражданских прав личности, потерпевшей от совершения в отношении нее преступления, является выплата компенсаций, осуществляемая государством, либо иными организациями, заинтересованными в восстановлении таких прав. С учетом этого можно сделать вывод,

что в Российской Федерации уделяется меньше внимания правовой защите жертв преступлений, чем в зарубежных странах из-за отсутствия механизмов, бескомпромиссно гарантирующих возмещение вреда, несмотря на наличие в законодательстве различных восстановительных процедур [15].

Считаем, что наличие компенсационного фонда (государственного, частного, общественного (социального)) оказывает позитивное влияние на процессы возмещения преступного вреда. Учитывая обязанности государства в иных сферах деятельности и другие его расходные статьи, полагаем, что рациональным будет формирование такого фонда не из средств федерального бюджета, а за счет иных источников. Такие источники могут быть сформированы из средств следующих видов:

- 1) штрафы, наложенные на подозреваемых (обвиняемых) при освобождении от уголовной ответственности;
- 2) залоги, обращенные в доход государства по судебным решениям;
- 3) доходы от реализации арестованного имущества, обращенного в доход государства;
- 4) пошлины, возлагаемые на участника уголовного судопроизводства;
- 5) добровольные пожертвования лиц, ранее являвшихся потерпевшими;
- 6) доходы с организаций, осуществивших благотворительные взносы и получивших в связи с этим налоговые льготы;
- 7) спонсорские пожертвования.

Бремя пополнения подобного рода фондов может быть возложено на органы власти субъектов федерации, правоохранительные органы. Целесообразно привлекать также средства добровольных перечислений граждан и организаций. Рассматриваемая нами модель возмещения позволит освободить этот правовой механизм от зависимости от желания подозреваемого компенсировать преступный вред и наличия у него в собственности имущества или денежных средств. Потерпевшим же будет безусловно гарантировано возмещение причиненного им преступлением вреда.

При создании фонда необходимо определить юридическое положение лиц, потенциально имеющих право обратиться за компенсацией преступного вреда. Например, таким лицом может быть «жертва преступления» (считаем, что в уставной документации фонда целесообразно отразить такой статус, а не уголовно-процессуальное положение). Это лицо будет обладать теми же правами, что и потерпевший, а наделяться названным статусом в знак того, что оно имеет право на компенсацию вреда. При возмещении (компенсации) вреда, по-нашему мнению, стоит учитывать его характер и обстоятельства, при которых он был причинен. Речь в данном случае идет о жерт-

¹ Law of Criminal Procedure. Royal Decree No. (M/39) 28 Rajab 1422 - 16 October, 2001. Published in Umm al - Qura Gazette No. (3867) 17 sha'ban 1422 - 3 November, 2001 (дата обращения: 25.12.2024).

² Federal Law No. 5 Issued on 13/12/2022 Corresponding to 19/Jumada Al-Awwal/1444 H. On Exoneration (дата обращения: 25.12.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов / пер. С.Н. Осипова. СПб, 2015.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Афганистана, от 04.12.2019 // Российский правовой портал: библиотека Пашкова // URL: <https://constitutions.ru/?p=24296> (дата обращения: 25.12.2024).

вах стихийных бедствий, наступивших вследствие преступной неосторожности; участников ДТП, не являющихся водителями транспортных средств; пострадавших при акте терроризма; заложниках и иных лицах, получивших вред по стечению независимых от них обстоятельств в результате совершения преступления.

Немаловажно иметь в виду, на наш взгляд, и воздействие экономического принципа «спрос рождает предложение». Как было отмечено ранее при рассмотрении опыта законодательства Великобритании, интерес граждан к выплатам из компенсационных фондов выше, нежели к отстаиванию своих прав в гражданско-процессуальном порядке. Таким образом, механизм компенсации является как раз тем, что интересует потерпевших, а именно, гарантией получения возмещения вреда.

Не вызывает сомнений, что деятельность компенсационных фондов, ориентированная на под-

держание лиц, потерпевших от преступлений, позитивно скажется на реализации целей уголовного законодательства, в частности касающихся обеспечения восстановления социальной справедливости. С другой стороны, в случае получения компенсации лицо не должно лишаться права заявления гражданского иска в частном порядке по поводу совершенного в отношении него деликта с целью получения дополнительной компенсации с виновного лица. Особенно актуальным это представляется тогда, когда размер причиненного вреда превышает «вред компенсированный». По мнению Д. Майерса, такое нередко встречается, например, в Соединенных Штатах Америки. Возникновение этих ситуаций связывается с психологическими особенностями жертв преступлений и объясняется уровнем морального удовлетворения потерпевшего в связи с привлечением преступника к публичной ответственности [6, р. 159]. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кобец П.Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 4. С. 800-813.
2. Кобец П.Н. Совершенствование механизма правового регулирования возмещения вреда, причиняемого жертвам совершенных преступлений: отечественный и зарубежный опыт // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 29-38.
3. Слипченко Е.И., Фахретдинова О.В. Сравнительно-правовые аспекты возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека и гражданина, по законодательству зарубежных государств // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 2. С. 675-679.
4. McBride N.J., Bagshaw R. Tort Law / Sixth edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2018. 888 p.
5. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: Научно-практическое пособие / А.С. Автономов, В.Ю. Артемов, И.С. Власов и др.; отв. ред. С.П. Кубанцев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. 304 с.
6. Meiers D. Offender and State Compensation for Victims of Crime: Two Decades of Development and Change // International Review of Victimology. 2014. Vol. 20. P. 145-168.
7. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Федеративной Республики Германия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 31-35.
8. Сушина Т.Е. Особенности развития и современное состояние германской модели возмещения вреда, причиненного преступлением // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 100-109.
9. Головки Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107-118.
10. Чан В.-Ч. Поддержка жертв преступлений в Азии. Лондон: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. 432 с.
11. Shi Y. On restorative justice practiced in China // Front. Law China. 2008. № 3. P. 294-323.
12. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 254 с.
13. Михайленко Н.М. Трансформация национальных правовых систем в условиях глобализации (проблемы теории) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 183-187.
14. Гаджиев А. Возмещение ущерба по шариату // Черновик. 2020. № 1. С. 28-30.
15. Лантух Н.В., Лантух Э.В. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: правовая природа, значение, перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 94-100.

REFERENCES

1. Kobets P.N. Genezis instituta vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniyem: ot karatel'nykh mer k stimuliruyushchim // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2020. T. 14. № 4. S. 800-813.
2. Kobets P.N. Sovershenstvovaniye mekhanizma pravovogo regulirovaniya vozmeshcheniya vreda, prichinyayemogo zhertvam sovershennykh prestupleniy: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt // Viktimologiya. 2023. T. 10. № 1. S. 29-38.

3. Slipchenko Ye.I., Fakhretdinova O.V. Sravnitel'no-pravovyye aspekty vozmeshcheniya vreda, prichinnogo zhizni i zdorov'yu cheloveka i grazhdanina, po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv // *Alleya nauki*. 2019. T. 2. № 2. S. 675-679.
4. McBride N.J., Bagshaw R. Tort Law / Sixth edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2018. 888 p.
5. Vozmeshcheniye material'nogo vreda poterpevshim. Sravnitel'no-pravovoye issledovaniye: Nauchno-prakticheskoye posobiye / A.S. Avtonomov, V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov i dr.; otv. red. S.P. Kubantsev. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; Yuridicheskaya firma KONTRAKT, 2016. 304 s.
6. Meiers D. Offender and State Compensation for Victims of Crime: Two Decades of Development and Change // *International Review of Victimology*. 2014. Vol. 20. P. 145-168.
7. Dubrovin V.V. Pravovoye regulirovaniye vozmeshcheniya vreda, prichinnogo prestupleniyem, po zakonodatel'stvu Federativnoy Respubliki Germaniya // *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2009. № 4. S. 31-35.
8. Sushina T.Ye. Osobennosti razvitiya i sovremennoye sostoyaniye germanskoy modeli vozmeshcheniya vreda, prichinnogo prestupleniyem // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2019. № 1. S. 100-109.
9. Golovko L.V. Uchastiye gosudarstva v ugovnom sudoproizvodstve: ot «ravenstva oruzhiya» k realistichnym kontseptsiyam // *Gosudarstvo i pravo*. 2020. № 6. S. 107-118.
10. Chan V.-Ch. Podderzhka zhertv prestupleniy v Azii. London: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. 432 s.
11. Shi Y. On restorative justice practiced in China // *Front. Law China*. 2008. № 3. P. 294-323.
12. Syukiyaynen L.R. Musul'manskoye pravo: voprosy teorii i praktiki. M.: Nauka, 1986. 254 s.
13. Mikhaylenko N.M. Transformatsiya natsional'nykh pravovykh sistem v usloviyakh globalizatsii (problemy teorii) // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*. 2014. № 3-2. S. 183-187.
14. Gadzhiyev A. Vozmeshcheniye ushcherba po shariatu // *Chernovik*. 2020. № 1. S. 28-30.
15. Lantukh N.V., Lantukh E.V. Institut vozmeshcheniya vreda, prichinnogo prestupleniyem, v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: pravovaya priroda, znachenije, perspektivy razvitiya // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. № 4 (76). S. 94-100.

© Нехаев И.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нехаев И.Н. Генезис и современное состояние механизмов возмещения преступного вреда в зарубежных странах с различными правовыми системами // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 1 (79). С. 71-77.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Ольга Ивановна БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0007-9093-4761
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
belokob-olga@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.85:[343.721:004]

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВ И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Кибермошенничество, способ совершения преступления, дистанционная форма совершения преступления, цифровизация, противодействие кибермошенничеству, кибербезопасность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В России преступления против собственности традиционно совершаются чаще других. За последние десять лет в структуре корыстной преступности доля краж сократилась, в то время как доля мошенничеств существенно выросла. Это связано с развитием технологий и повышением уровня доступности информации в современном мире. Люди всё больше зависят от Интернета и мобильных устройств, что делает их уязвимыми для дистанционного обмана. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы метод описания, абстрагирование и обобщение, статистический метод. *Результаты.* За последний год в России увеличился объем незаконно выведенных из банков средств. Одним из наиболее распространенных сегодня способов кибермошенничества является хищение денег с виртуальных карт через сайты-двойники. Новым видом преступлений стало заражение компьютеров криптомайнером, которое приводило к снижению мощности устройства, его перегреву, перерасходу электроэнергии. Наряду с новыми способами для совершения кибермошенничеств используются и ранее известные, например, когда преступники пытаются убедить граждан в мнимом содействии правоохранительным органам, заставляя их передавать злоумышленникам наличные деньги. В 2024 году проявилась негативная тенденция, связанная с привлечением мошенниками несовершеннолетних к совершению незаконных операций с помощью мобильных устройств родителей. Противодействие кибермошенничеству представляет собой важное для страны и требующее постоянного к себе внимания направление работы. Ключевую роль в этом процессе играет государство, так как от его своевременного реагирования на возникающие угрозы зависит не только безопасность отдельных граждан и компаний, но и национальная безопасность в целом.

ВВЕДЕНИЕ

Преступления против собственности в России традиционно занимают лидирующие позиции в статистике зарегистрированных противоправных деяний. Их доля, как правило, составляет более половины общего количества преступлений. Вместе с тем необходимо отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к перераспределению долей внутри корыстной преступности. Так, если доля краж за прошедшие десять лет существенно сократилась (в 2015 году она составляла 42,4% в общем объеме преступности, в 2019 – 38,2%, в 2024 – 26,1%), то доля мошенничеств значительно выросла (в 2015 году – 8,4% в общем объеме преступности, в 2019 – 12,7%, в 2024 – 23,3%)¹.

По нашему мнению, вполне очевидно, что сокращение количества краж и увеличение числа зарегистрированных мошенничеств связано с развитием технологий и повышением уровня доступности информации в современном мире. В эпоху, когда люди активно пользуются Интернетом, различными мобильными устройствами и разработанными для них приложениями, они становятся всё более уязвимыми для дистанционного обмана. Кражи же, как правило, требуют прямого контакта с жертвой, поэтому такой способ совершения преступления постепенно теряет свою привлекательность для преступников. В условиях стремительной цифровизации общества предпринимаемые меры по обеспечению безопасности, в том числе улучшение систем видеонаблюдения, внедрение управляемых с помощью искусственного интеллекта комплексов и т.д., препятствуют сокрытию следов краж, способствуют установлению и изобличению виновных. Другое дело – мошенники, применяющие новые способы совершения хищений (фишинг, спуфинг, скам, трояны и т.д.): сведения об их личности и местонахождении остаются скрытыми благодаря анонимности их деятельности в Интернете, что осложняет процесс привлечения их к ответственности за содеянное.

По заявлению руководителя Центробанка России Э.С. Набиулиной, в 2024 году было зафиксировано увеличение на 15% объема средств, незаконно выведенных из кредитных организаций. У физических лиц злоумышленникам удалось похитить более 27 миллиардов рублей, что выше показателя 2023 года на 74,4%². Э.С. Набиулина объяснила сложившуюся ситуацию ростом популярности безналичных операций, связанных с приобретением товаров, оплатой услуг и т.д. При этом нет уверенности в том, что все банки в полном объеме передавали в общую базу данных ставшую им известной информацию о противо-

правных деяниях в отношении их клиентов. Некоторые финансовые организации могли умышленно занижать уровень кибермошенничества, опасаясь репутационных потерь, обвинений в недостаточном внимании к обеспечению безопасности вкладчиков и т.д.

С мнением руководителя Центробанка России вполне согласуется вывод некоторых исследователей о том, что в 2024 году наиболее популярным способом кибермошенничества стало хищение денег с виртуальных карт, которыми пользуются покупатели маркетплейсов [1, с. 64; 2, с. 36]. Преступники для этого создают сайты-двойники, которые внешне практически неотличимы от оригиналов. При попытке совершения покупателем оплаты товаров (услуг) мошенник получает доступ к сведениям о банковской карте жертвы, после чего происходит незаконное списание всех имеющихся на ней средств. Аналогичная схема действует и при попытке оплаты покупки через двойники мобильных приложений.

Еще одним недавно выявленным способом получения незаконного дохода путем обмана граждан является заражение компьютеров физических лиц так называемым криптомайнером через установленную на устройство популярную игру. Вместе с игрой на компьютер без ведома его владельца устанавливается вредоносное программное обеспечение (троян), которое вместе с игрой запускает программу майнинга, используемую для получения криптовалюты. Сгенерированные доходы отправляются злоумышленникам³. Среди наиболее очевидных последствий такого заражения можно отметить снижение мощности устройства, его перегруженность, перегрев, перерасход электроэнергии и т.д.

Наряду с новыми видами кибермошенничества продолжают фиксироваться и известные ранее варианты его совершения, когда преступникам удается убедить граждан в том, что они содействуют правоохранительным органам [3, с. 110]. Так, например, мошенники убедили Н. в том, что ее квартира находится в опасности из-за действий мужа, и предложили ей сотрудничество с ФСБ, чтобы решить эту проблему. Н., не подозревая об истинных намерениях мошенников, согласилась помогать и стала курьером, передавая наличные деньги от обманутых жертв «инкассаторам»⁴. Отличие этого и других похожих случаев от ранее зафиксированных заключается в том, что в последнее время мошенники пытаются любыми способами получить именно наличные деньги. Из-за того, что службы безопасности банков стали всё чаще блокировать сомнительные транзакции, у мошенников перестало получаться доводить

¹ Статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 23.02.2025).

² ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году // РБК: сайт. 18.02.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516>.

³ Злоумышленники заражали устройства российских пользователей криптомайнером под видом игр-симуляторов // Лаборатория Касперского: сайт. 25.02.2025 // URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/zloumyshlenniki-zarazhali-ustrojstva-rossijskih-polzovatelej-kriptomajnerom-pod-vidom-igr-simulyatorov>.

⁴ Российская учительница хотела поймать мошенников, но стала их соучастницей // Московский комсомолец: сайт. 20.02.2025 // URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/02/20/rossijskaya-uchitelnica-khotela-poymat-moshennikov-no-stala-ikh-souchastnicey.html>.

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Olga I. BELOKOBILSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0007-9093-4761
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities and Special Equipment
belokob-olga@yandex.ru

**MODERN METHODS OF COMMITTING CYBERFRAUD
AND THE MAIN WAYS TO COUNTER THEM**

KEYWORDS. Cyberfraud, method of committing a crime, remote form
of committing a crime, digitalization, counteraction to cyberfraud, cybersecurity.

ANNOTATION. *Introduction.* In Russia, property crimes are traditionally committed more often than others. Over the past ten years, the share of thefts in the structure of acquisitive crime has decreased, while the share of fraud has increased significantly. This is due to the development of technology and the increasing availability of information in the modern world. People are increasingly dependent on the Internet and mobile devices, which makes them vulnerable to remote fraud. *Methods.* The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the description method, abstraction and generalization, and the statistical method were used. *Results.* Over the past year, the volume of funds illegally withdrawn from banks has increased in Russia. One of the most common methods of cyber fraud today is the theft of money from virtual cards through duplicate sites. A new type of crime has become the infection of computers with a cryptominer, which led to a decrease in the power of the device, its overheating, and excessive energy consumption. Along with new methods, previously known ones are also used to commit cyber fraud, for example, when criminals try to convince citizens of imaginary assistance to law enforcement agencies, forcing them to hand over cash to the attackers. In 2024, a negative trend emerged related to fraudsters attracting minors to commit illegal transactions using their parents' mobile devices. Counteracting cyber fraud is an important area of work for the country that requires constant attention. The state plays a key role in this process, since not only the safety of individuals and companies, but also national security as a whole depends on its timely response to emerging threats.

свой умысел до конца и завладеть сбережениями жертв при помощи проведения электронных операций.

Среди негативных тенденций кибермошенничества, проявившихся в 2024 году, стоит выделить повышение интереса преступников к ранее не охваченной их вниманием аудитории. Теперь мошенники пытаются уговаривать детей и подростков совершать незаконные операции с помощью мобильных устройств их родителей [4, с. 360; 5, с. 83]. Злоумышленники связываются с несовершеннолетним посредством мессенджеров, в ходе разговора представляются сотрудниками банка или другой организации, убеждают ребенка в том, что его родители нуждаются в помощи. Затем просят продиктовать им информацию с банковской карты или сообщить пароль от мобильного приложения банка, якобы чтобы предотвратить хищение денег.

Значительную опасность кибермошенничество представляет не только для физических лиц, но и для организаций, для бизнеса. Так, в аналити-

ческом отчете российской компании «F6», являющейся разработчиком технологий для борьбы с киберпреступлениями, отмечена повышенная опасность программ-вымогателей, с помощью которых преступники получают доступ к электронным устройствам фирм, затем зашифровывают хранящуюся на них информацию и требуют выкуп за возможность ее расшифровать [6, с. 124]. Запрашиваемые в таких случаях суммы в 2024 году варьировались для малого бизнеса от 100 тысяч до 5 миллионов рублей, а для крупных и средних компаний – от 5 миллионов рублей и выше. Вместе с тем было спрогнозировано, что в 2025 году программы-вымогатели продолжат оставаться основными киберугрозами для российских компаний. В условиях геополитического конфликта ожидается увеличение количества кибератак и осуществляющих их хакерских групп. В отчете указано, что если в 2023 году было зафиксировано 14 таких групп, то в 2024-м их было уже 27¹.

Между тем, по данным Роскомнадзора, произошло снижение числа случаев несанкциониро-

¹ Главные киберугрозы 2025 года назвали в F6 // Ведомости: сайт. 19.02.2025 // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/02/19/1093056-glavnie-kiberugrozi> (дата обращения: 23.02.2025).

ванного доступа к информации, содержащейся в базах данных компаний: со 168 в 2023 году до 135 в 2024-м. Эти базы данных включали в себя в прошлом году более 710 миллионов записей о гражданах Российской Федерации (годом ранее – 300 миллионов)¹. Соответственно, объем сведений, к которым был получен незаконный доступ, стал больше, однако количество зафиксированных случаев утечки данных уменьшилось. С одной стороны, снижение числа эффективно реализованных эпизодов незаконного доступа к сведениям было обусловлено по большей части высокой степенью готовности финансовых организаций к внедрению инновационных технологий безопасности. Банки сегодня располагают значительными материальными и человеческими ресурсами для развития систем защиты информации, что и позволяет им сравнительно быстро адаптироваться к постоянно меняющимся угрозам. С другой стороны, само по себе сокращение количества случаев не всегда является гарантией существенного улучшения кибербезопасности. Поэтому важно не только констатировать снижение числа посягательств, но и постоянно принимать меры для предотвращения новых инцидентов, особенно, когда речь идет о конфиденциальных сведениях, охраняемых государством. Косвенным подтверждением нашего вывода является значительный рост доли незаконно раскрытой информации, относящейся к категории коммерческой тайны. Если в 2023 году этот показатель составил 8,9% от общего объема зафиксированных случаев несанкционированного доступа к информации, то в 2024 году он увеличился до 20%. В основном такие инциденты в российских финансовых организациях были связаны с кибератаками проукраинских активистов на небольшие банки и страховые компании – 88% случаев, причем за 2024 год их число выросло на 7%. Еще 8% – это результат незаконных действий сотрудников, предавших интересы своей организаций (эта доля, напротив, уменьшилась на 4,6%) [7, с. 216]. Злоумышленники сразу же публиковали незаконно полученные сведения. Например, в Интернет попали файлы из бухгалтерской базы данных одной из известных страховых фирм [8, с. 134].

Стоит отметить, что государственные организации, крупные компании и предприятия всё чаще привлекают к сотрудничеству независимых программистов (так называемых «белых хакеров»), которые целенаправленно ищут уязвимости в объектах информационной инфраструктуры. Несмотря на то, что цель их деятельности кардинально отличается от целей злоумышленников, внешне используемые ими способы поиска часто похожи на кибератаки. В связи с этим актуальным стал вопрос о юридической оценке подобной деятельности. Для того чтобы легализовать такого рода работу независимых программистов,

законодателем был разработан законопроект², в котором предложено закрепить необходимость идентификации таких специалистов через портал «Госуслуги» и лицензирования их работы с помощью Федеральной службой по техническому и экспортному контролю. Реализация этих мер позволит исключить непрофессиональный подход к поиску уязвимостей электронных систем, а также снизить вероятность незаконного доступа к информации государственных организаций, крупных компаний и предприятий.

Таким образом, есть основания говорить о том, что уменьшение количества случаев несанкционированного доступа к информации происходит из-за развития технических средств ее защиты, особенно в части программного обеспечения. Впрочем, эти же обстоятельства создают предпосылки для обострения угрозы кибератак. Тем не менее компании научились эффективно противостоять наиболее распространенным формам противоправного воздействия, таким как вирусные и DDoS-атаки. Однако координирующая роль в противодействии совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий посягательствам должна принадлежать государству [9, с. 550].

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Для сбора фактического материала о способах совершения кибермошенничеств был использован метод описания; абстрагирование и обобщение были востребованы для систематизации установленных фактов и их толкования; статистический метод применен в целях изучения динамики показателей, характеризующих современное кибермошенничество, и сопутствующих данных, а также для извлечения полезной информации из полученных сведений, выявления тенденций, закономерностей и зависимостей, принятия обоснованных решений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В целях реализации ключевой роли государства в противодействии посягательствам, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, 15 февраля 2025 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был представлен проект Федерального закона «О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее – Законопроект).

¹ Эксперты зафиксировали снижение числа утечек данных в России // РБК: сайт. 20.02.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/02/2025/67b5fb6a9a79472cf3f61553> (дата обращения: 23.02.2025).

² В России легализуют «белых хакеров». «Дыры» в ИТ-системах за деньги можно будет искать на законных основаниях // CNews: сайт. 27/12/2024 // URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2024-12-27_rossijskih_belyh_hakeroev?p=homecnewsmob (дата обращения: 23.02.2025).

³ Законопроект № 842276-8 «О создании государственных информационных систем по противодействию

Данным документом предусматривается возможность онлайн-обмена информацией между органами государственной власти, банками и цифровыми платформами. Оператором системы такого онлайн-обмена должен выступать Минцифры России. В пояснительной записке к Законопроекту отмечается, что автоматический мониторинг позволяет практически мгновенно выявлять подозрительные действия, блокировать их и оперативно информировать правоохранительные органы о возможных нарушениях. Кроме того, в рамках Законопроекта предусмотрены и другие инновации, направленные на защиту от противоправных действий, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предлагается: ввести новые обязательные правила по идентификации и проверке личности пользователей услуг связи; закрепить обязательную маркировку звонков, при которой на экране устройства пользователя должно отображаться название организации, инициировавшей вызов, что поможет быстро понять, является ли звонок подлинным или исходит от злоумышленников; запретить сотрудникам органов государственной власти, финансовых организаций, операторов связи и иным специализированным субъектам общаться с гражданами посредством мессенджеров; установить запрет на передачу SIM-карт третьим лицам; ввести для граждан возможность самозапрета на заключение договоров об оказании услуг связи без личного присутствия (установить через «Госуслуги» или при обращении в МФЦ, а снять – только при личном посещении МФЦ). Предложено также запретить частным лицам и организациям использовать сервисы, которые маскируют российские телефонные номера под иностранные.

В рамках общей политики противодействия совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий посягательствам Центральный банк России намерен обязать все финансовые учреждения внедрить специальные инструменты («спецкнопки») для подачи жалоб от физических лиц на мошеннические действия. Кроме того, все финансовые организации должны будут предоставлять клиентам в случае обнаружения мошенничества возможность онлайн-обращения в банк и полицию посредством банковских приложений. В этих же приложениях граждане смогут отвечать на запросы банка о том, была ли какая-либо подозрительная, по мнению банка, операция мошеннической. Если запрос поступит в банк от МВД России, пользователь сможет дать ответ прямо в приложении.

Интересный опыт в сфере противодействия мошенникам накоплен не только финансовыми организациями, но и компаниями, работающими в сфере информационных технологий. Так, в 2024 году автоматический определитель номера от «Яндекс» обработал почти 1,5 миллиарда телефонных звонков, поступивших с неизвестных номеров. Из них 800 миллионов были классифи-

цированы как нежелательные, включая мошеннические. По сравнению с 2023 годом их количество возросло на 16% [10, с. 20]. Среди наиболее распространенных предлогов для звонков, которые впоследствии были определены как нежелательные, можно выделить следующие:

1) продление договора с оператором связи (44% от общего числа зафиксированных мошеннических вызовов): злоумышленники, представляясь сотрудниками фирмы - оператора связи, сообщают о необходимости «продлить договор» и требуют предоставить код из СМС [11, с. 50];

2) двухэтапное давление на пользователя (20%): в первом звонке пользователю ясно дают понять, что с ним разговаривает мошенник, затем, во втором звонке, якобы от имени банка предлагают обезопасить счета от действий ранее звонившего злоумышленника [12, с. 53];

3) обещание оформить пособие или повысить его размер, увеличить размер пенсии или пересчитать выплаты с учетом ранее упущенного стажа или иных данных (16%) [13, с. 335];

4) предложение разблокировать аккаунт (11%), который якобы был заблокирован из-за подозрительной активности, например на портале «Госуслуги» или в программе, используемой банком [14, с. 49];

5) доставка письма из отделения почты или службы доставки (5%): в этом случае от жертвы также требуют назвать код из СМС [15, с. 459].

Специалисты компании «Яндекс», используя возможности искусственного интеллекта, разработали новые меры по противодействию мошенникам в рекламе. Компания значительно усилила защитные механизмы в этой сфере благодаря постоянно совершенствующимся ML-моделям и «YandexGPT». Теперь скорость обнаружения и блокировки нарушителей возросла в 12 раз. В 2024 году «Яндексом» было заблокировано около 300 тысяч аккаунтов, пытавшихся обойти правила рекламной политики, что на 40% больше, чем годом ранее. Ежедневно система анализирует более 230 миллионов рекламных объявлений, выявляя не только непосредственно нарушения установленных правил, но и случаи подмены контента после модерации. За попытки фишинга, включая массовые хищения данных через QR-коды, было заблокировано более трех тысяч рекламных доменов [10, с. 21].

Вопросам противодействия мошенникам как важной проблеме современности был посвящен прошедший в Екатеринбурге 19-21 февраля 2025 года Уральский форум кибербезопасности в финансах, в котором приняли участие Председатель Центрального банка России Э.С. Набиуллина и Министр цифрового развития России М.И. Шадеев. На мероприятии была представлена новая разработка российских ученых, которая, по мнению специалистов, может существенно снизить количество телефонных звонков мошенников, вплоть до полной блокировки данного вида преступной

деятельности. Речь идет о так называемой «Фрод-рулетке» – системе, которая помогает выявлять новые методы, используемые мошенниками, отнимая у их колл-центров время, силы и ресурсы. Эта система распознает вызов от злоумышленника и автоматически перенаправляет его на специалиста, участвующего в проекте. При этом мошенник уверен в том, что общается с ним о чем не подозревающей жертвой, которую он намеревается обмануть. Для повышения эффективности этой технологии Правительство Российской Федерации планирует собирать векторы голосов людей, которые были замечены в совершении противоправных действий рассматриваемого нами вида. Полученные от органов государственной власти и участников интернет-рынка сведения будут аккумулироваться на единой антифрод-платформе. Такой разноплановый подход позволит не только противостоять современным киберугрозам, но и эффективно выявлять и раскрывать совершенные преступления, доказывать с помощью вышеназванных цифровых разработок вину мошенников для привлечения их к ответственности.

Представляется, что описанный нами комплекс организационно-управленческих, технических и правовых мер при условии его успешной реализации будет способствовать значительному повышению эффективности защиты физических и юридических лиц от кибермошенников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях противодействия кибермошенничеству, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, законодателем, финансовыми организациями, коммерческими компаниями предлагается осуществление ряда эффективных мер, включая внедрение прогрессивных инноваций. Законодатель рассматривает возможность создания государ-

ственных информационных систем, онлайн-обмена сведениями между органами государственной власти, банками и цифровыми платформами, введения новых правил по идентификации и проверке личности пользователей услуг связи, маркировке звонков и др. Центральный банк России намерен обязать финансовые учреждения внедрять специализированные онлайн-инструменты для подачи физическими лицами жалоб на мошеннические действия. Кроме того, все финансовые организации, как предполагается, должны будут предоставлять клиентам возможность онлайн-обращения в банк и полицию через банковские приложения.

Компании, работающие в сфере информационных технологий, внедряют автоматические определители номеров телефонов, которые классифицируют входящие звонки как допустимые, нежелательные или мошеннические. На базе использования искусственного интеллекта и постоянно совершенствующихся ML-моделей разработаны новые меры по противодействию мошенникам в рекламе. Особого внимания заслуживает «Фрод-рулетка» – система, которая должна помогать выявлению новых способов совершения мошеннических действий, распознавать вызовы, поступающие от злоумышленников, и автоматически перенаправлять их на специалиста по кибербезопасности.

Таким образом, очевидно, что противодействие кибермошенничеству представляет собой важное для страны и требующее постоянного к себе внимания направление работы. Ключевую роль в этом процессе играет государство, так как от его своевременного реагирования на возникающие угрозы зависит не только безопасность отдельных граждан и компаний, но и национальная безопасность в целом. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Милованова М.М., Шурухнов В.А. Кибермошенничество: взаимосвязь способа совершения преступления и личности преступника // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 2 (44). С. 63-71.
2. Кузнецов В.В. Управление рисками в современной платежной системе // Банковское дело. 2024. № 7. С. 34-39.
3. Москальков А.В. Виктимологическая характеристика кибермошенничества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 107-118.
4. Кабанов П.А. Криминальная виктимность несовершеннолетних от имущественной киберпреступности: анализ статистических показателей и перспективы формирования ювенальной кибервиктимологии // Виктимология. 2024. Т. 11. № 3. С. 359-366.
5. Карпасюк И.В., Карпасюк А.И., Давидюк Н.В., Чертина Е.В. Формализация процедуры выявления личностных характеристик потенциальной жертвы кибермошенничества // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2024. № 2. С. 77-84.
6. Орлова Л.В., Саламон В.Ю. Кибермошенничество как сдерживающий фактор развития безналичных платежей // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115-5. С. 122-127.
7. Долотова Н.П. Киберпреступность в банковской сфере в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 12. С. 215-219.
8. Мамаева Д.Ч., Рудакова О.С. Кибермошенничество: угрозы и защита в цифровом мире // Финансовые рынки и банки. 2024. № 12. С. 132-135.
9. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.

10. Яджин Н.В. Некоторые способы совершения мошеннических действий с использованием сети «Интернет» // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2024. № 1 (22). С. 18-22.
11. Соколов А. Кибермошенничество. Актуальные схемы и меры противодействия // Наука и Техника. 2024. № 3. С. 50-51.
12. Евтушенко И.И. Предупреждение виктимизации дистанционных хищений и сферы его воздействия // Виктимология. 2024. Т. 11. № 1. С. 43-56.
13. Каширин К.Д., Куровский С.В., Мишин Д.А., Блащинский С.А., Чумакова А.А. Разработка и внедрение антифродовых систем в банках // Финансовые рынки и банки. 2024. № 6. С. 333-336.
14. Таков А.З. Некоторые вопросы противодействия совершению киберпреступлений // Юридическая наука и практика. 2025. № 1. С. 48-50.
15. Лукошкин А.А. Цифровая безопасность личности в условиях развития цифрового права // Образование и право. 2024. № 2. С. 459-466.

REFERENCES

1. Milovanova M.M., Shurukhnov V.A. Kibermoshennichestvo: vzaimosvyaz' sposoba soversheniya prestupleniya i lichnosti prestupnika // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. 2024. № 2 (44). S. 63-71.
2. Kuznetsov V.V. Upravleniye riskami v sovremennoy platezhnoy sisteme // Bankovskoye delo. 2024. № 7. S. 34-39.
3. Moskal'kov A.V. Viktimologicheskaya kharakteristika kibermoshennichestva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2024. T. 14. № 2. S. 107-118.
4. Kabanov P.A. Kriminal'naya viktimnost' nesovershennoletnikh ot imushchestvennoy kiberprestupnosti: analiz statisticheskikh pokazateley i perspektivy formirovaniya yuvenal'noy kiberviktimologii // Viktimologiya. 2024. T. 11. № 3. S. 359-366.
5. Karpasyuk I.V., Karpasyuk A.I., Davidiyuk N.V., Chertina Ye.V. Formalizatsiya protsedury vyyavleniya lichnostnykh kharakteristik potentsial'noy zhertvy kibermoshennichestva // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravleniye, vychislitel'naya tekhnika i informatika. 2024. № 2. S. 77-84.
6. Orlova L.V., Salamon V.Yu. Kibermoshennichestvo kak sderzhivayushchiy faktor razvitiya beznalichnykh platezhey // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 115-5. S. 122-127.
7. Dolotova N.P. Kiberprestupnost' v bankovskoy sfere v Rossiyskoy Federatsii // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2024. № 12. S. 215-219.
8. Mamayeva D.Ch., Rudakova O.S. Kibermoshennichestvo: ugrozy i zashchita v tsifrovom mire // Finansovyye rynki i banki. 2024. № 12. S. 132-135.
9. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovornaya politika, ugovornyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
10. Yadzhin N.V. Nekotoryye sposoby soversheniya moshennicheskikh deystviy s ispol'zovaniyem seti «Internet» // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2024. № 1 (22). S. 18-22.
11. Sokolov A. Kibermoshennichestvo. Aktual'nyye skhemy i mery protivodeystviya // Nauka i Tekhnika. 2024. № 3. S. 50-51.
12. Yevtushenko I.I. Preduprezhdeniye viktimizatsii distantsionnykh khishcheniy i sfery yego vozdeystviya // Viktimologiya. 2024. T. 11. № 1. S. 43-56.
13. Kashirin K.D., Kurovskiy S.V., Mishin D.A., Blashchinskiy S.A., Chumakova A.A. Razrabotka i vnedreniye antifrodovyykh sistem v bankakh // Finansovyye rynki i banki. 2024. № 6. S. 333-336.
14. Takov A.Z. Nekotoryye voprosy protivodeystviya soversheniyu kiberprestupleniy // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2025. № 1. S. 48-50.
15. Lukoshkin A.A. Tsifrovaya bezopasnost' lichnosti v usloviyakh razvitiya tsifrovogo prava // Obrazovaniye i pravo. 2024. № 2. S. 459-466.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Белокобыльская О.И. Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 78-84.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дарья Александровна МОСКАЛЕНКО,
ORCID 0009-0009-4938-5304
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
darya2013lavrova@yandex.ru

Научный руководитель:
Евгений Иванович ЗАМЫЛИН,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
криминалистики Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.98

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 264.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминалистический портрет, личность преступника, водитель, транспортное средство, состояние опьянения, дознаватель, криминалистическая характеристика.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Сегодня транспортные средства – неотъемлемая часть инфраструктуры каждого города. Развитие возможностей аренды, лизинга, покупки в кредит, в свою очередь, делает управление транспортным средством всё более доступным. Однако вместе с тем возрастает и уровень аварийности. Автором статьи представлена гипотеза о том, что в структуре криминалистической характеристики такого преступления, как управление транспортным средством в состоянии опьянения, ключевым и системообразующим элементом является личность преступника. Выявлены и проанализированы типичные социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые, административно-правовые, физические признаки лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, а также признаки имущественно-правовых отношений и связей, в которых оно находится. *Методы.* В ходе исследования использовался всеобщий метод познания, а также методы анкетирования, анализа и синтеза, гипотетико-дедуктивный и сравнительно-правовой методы. *Результаты.* На основании анализа теоретических положений криминалистической методики расследования преступлений, а также материалов 109 уголовных дел, возбуждённых по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, определены пять основных признаков личности преступника как элемента криминалистической характеристики рассматриваемого состава преступления. При проведении исследования была подтверждена гипотеза о том, что субъектом данного преступления не является водитель, на профессиональной основе осуществляющий управление транспортными средствами общественного пользования. В статье представлен разработанный автором криминалистический портрет лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, ранее подвергнутого административному наказанию или имеющего судимость.

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно в Российской Федерации совершается значительное количество автодорожных преступлений. За 2020-2024 гг. в 76618 дорожно-транспортных происшествиях, совершённых водителями в состоянии опьянения, погибло 18769 человек, травмировано 98103 чело-

века. За то же время сотрудниками Госавтоинспекции МВД России было выявлено 266130 преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость). Среди лиц, их совершивших, 5% ранее были лишены

Darya A. MOSKALENKO,
ORCID 0009-0009-4938-5304
Volograd Academy of the Ministry
of Interior of Russia (Volograd, Russia)
Adjunct
darya2013lavrova@yandex.ru

Scientific supervisor:

Evgeny I. ZAMYLIN,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics
of the Volograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

**THE CRIMINAL'S PERSONALITY AS A SYSTEM-FORMING ELEMENT
OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE ACT PROVIDED FOR
IN ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

KEYWORDS. Criminalistic portrait, criminal's personality, driver,
vehicle, state of intoxication, investigator, criminalistic characteristics.

ANNOTATION. *Introduction.* Today, vehicles are an integral part of the infrastructure of every city. The development of rental, leasing, and credit options, in turn, makes driving a vehicle more and more accessible. However, the accident rate is also increasing. The author of the article presents a hypothesis that the key and system-forming element in the structure of the criminalistic characteristics of such a crime as driving a vehicle while intoxicated is the personality of the offender. The typical socio-demographic, moral and psychological, criminal-legal, administrative-legal, physical characteristics of a person who committed a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as characteristics of property and legal relations and connections in which he or she is located, are identified and analyzed. *Methods.* The study used a general method of cognition, as well as methods of questionnaires, analysis and synthesis, hypothetico-deductive and comparative-legal methods. *Results.* Based on the analysis of theoretical provisions of the criminalistic methodology for investigating crimes, as well as materials of 109 criminal cases initiated under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, five main characteristics of the criminal's personality as an element of the criminalistic characteristics of the crime in question were determined. During the study, the hypothesis was confirmed that the subject of this crime is not a driver who professionally drives public transport vehicles. The article presents a criminalistic portrait of a person driving a vehicle while intoxicated, previously subjected to administrative punishment or having a criminal record, developed by the author.

права управления транспортным средством, а 13% никогда его не получали¹. Водители, управлявшие транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутыми административному наказанию или имея судимость, в 53712 случаях находились в состоянии алкогольного, а в 5239 случаях – наркотического опьянения. При этом 4140 водителей, осознавая преступность своих деяний, умышленно, в целях уклонения от установленной законом ответственности, после остановки транспортного средства сотрудниками Госавтоинспекции употребляли алкогольную продукцию, наркотические средства, психотропные и (или) иные психоактивные вещества. В остальных 13527 выявленных случаях водители отказывались от прохождения освидетельствования².

Вместе с тем необходимо отметить, что актуальность тематики исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, обоснована, кроме прочего, высокой латентностью преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

В последнее время в связи с сокращением штата сотрудников Госавтоинспекции и уменьшением числа стационарных постов основным способом выявления водителей, находящихся в состоянии опьянения, стало проведение рейдов. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что нетрезвые водители не опасаются привлечения их к административной и уголовной ответственности. Статистика демонстрирует, что большинство осуждённых не осознают серьезности и общественной опасности совершенного административного правонарушения (ст. 12.8, ст. 12.26 КоАП РФ) и преступления (чч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ) и вновь допускают факты управления транспортным средством в состоянии опьянения.

На основании вышеизложенного нами сделан вывод о том, что сведения о личности преступника являются ключевым криминалистически значимым элементом состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. В случаях совер-

¹ См.: Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения за 2020–2024 гг. // Госавтоинспекция: сайт // URL: <http://www.stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2022. С. 32, 45; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2023. С. 36, 47; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2023 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 40, 49; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 32.

шения таких преступлений, как представляется, необходимо более тщательное изучение данных о личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осуждённого). Это будет полезно не только в контексте проведения исследований в рамках криминалистической, криминологической и уголовно-процессуальной наук, но и для совершенствования правоприменительной практики должностных лиц органов предварительного расследования, судов, сотрудников уголовно-исполнительной системы.

МЕТОДЫ

При проведении исследования были использованы следующие методы:

- всеобщий метод познания применялся для анализа и выявления динамичной взаимосвязи теории криминалистического учения о личности подозреваемого (обвиняемого) и правоприменительной деятельности;
- метод анкетирования использовался для сбора информации о правоприменительном опыте дознавателей и сотрудников Госавтоинспекции МВД России;
- метод анализа был востребован в ходе ознакомления с материалами 109 уголовных дел, возбуждённых в 2022-2024 гг. по ст. 264.1 УК РФ, а также при анализе библиографических источников, статистических и аналитических данных правоохранительных органов, отражающих актуальность проблематики исследования;
- метод синтеза положен в основу выработки на основе социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых, административно-правовых, физических признаков криминалистического портрета лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ;
- гипотетико-дедуктивный метод применялся при выдвижении гипотезы о характеристике личности подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам, возбуждённым по ст. 264.1 УК РФ;
- сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть личность преступника в контексте расследования по уголовным делам об управлении транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы, связанные с познанием личности, считаются наиболее актуальными в таких отраслях научного познания, как психология, философия, право и история [1, с. 44]. Профессор Н.Т. Ветерников является одним из основоположников становления и развития криминалистического учения о личности. В рамках этого учения рассматривается деятельность правоохранительных органов, направленная на сбор и анализ информации об антропометрических, биографических, социальных, психологических и иных данных, характеризующих лицо, совершившее преступление [2, с. 75].

Если уголовно-процессуальную науку интересуют обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), криминологию – непосредственно личность преступника как совокупность индивидуальных психофизиологических свойств и качеств, то в криминалистике, по нашему мнению, научную значимость представляет описание личности подозреваемого (обвиняемого) как основополагающего криминалистически значимого элемента состава преступления. Согласимся с Н.Н. Демидовым в том, что под личностью преступника следует понимать устойчивую криминалистически значимую совокупность психофизиологических свойств и качеств, мотивационных установок, эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания, отразившихся в следах преступления в процессе его подготовки, совершения и сокрытия его следов, а также его постпреступном поведении¹. Должностному лицу органа предварительного расследования необходимо помнить о том, что получение сведений о личности преступника осуществляется в рамках различных разделов криминалистики: в криминалистической технике – габитоскопии, трасологии, криминалистической фотографии и др.; в разделе криминалистической методики – личность преступника рассматривается при составлении криминалистической характеристики преступлений того или иного вида; в разделе организации раскрытия и расследования преступлений – при изучении совокупности частных криминалистических теорий и практических рекомендаций, выдвижении криминалистических версий, проведении отдельных следственных и судебных действий [3, с. 94].

По причине того, что ценной для должностного лица органа предварительного расследования является лишь та информация, которая может быть полезной для оптимизации расследования преступления, представляется правильным выделять в криминалистической характеристике преступления не личность преступника, а лишь сведения о личности преступника [4, с. 102]. Целесообразно в качестве элемента криминалистической характеристики преступления рассматривать характеристику личности преступника², которая наиболее полно раскрывается в его поведении и действиях.

Безусловно, управление транспортным средством в состоянии опьянения носит общественно опасный характер, так как в данном психофизиологическом состоянии водитель в значительной степени утрачивает функциональные, физиологические, психологические возможности управления транспортом, что создает реальную угрозу для безопасности дорожного движения. Эта угроза выражается в опасности причинения вреда здоровью или смерти физическим лицам [5, с. 472].

Поведение обвиняемого является результатом взаимодействия всех сторон его личности: мыслей, чувств, характера, воли, способностей, интересов,

¹ Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 13.

² Криминалистика: Учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; 4-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 249.

нравственных установок и мировоззрения, которые реализуются в конкретной ситуации, связанной с расследованием по уголовному делу. Профессор А.Р. Ратинов говорит о том, что «цитаты, выписанные в тетради из книг, могут раскрывать личность лучше, чем характеристика из домоуправления или отзыв сослуживца» [6, с. 26]. С учетом современных реалий можно говорить также о постах и записях в социальных сетях. Подозреваемый или обвиняемый мог выкладывать на этих интернет-платформах фотографии и видео, демонстрирующие употребление им алкогольной продукции, наркотических средств, психотропных, иных психоактивных веществ перед управлением транспортным средством. Сегодня цифровой профиль составляют не только регистрационные данные субъектов в цифровой системе правоотношений (биометрические персональные данные, цифровые идентификаторы личности), но и сами информационные системы и компьютерные сети [7, с. 281], которые представляют интерес для процесса расследования по уголовному делу. Если, например, в серии постов опубликована информация указанного вида, то для дознавателя она может иметь не столько доказательственное, сколько информационное значение.

На основании результатов изучения материалов 109 уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, за 2022-2024 гг., считаем целесообразным при описании характеристики личности подозреваемого (обвиняемого) в совершении такого преступления выделять следующие признаки:

1. *Социально-демографические признаки.* Применительно к ст. 264.1 УК РФ необходимо рассматривать пол, возраст, гражданство, семейное положение, наличие или отсутствие несовершеннолетних детей и (или) иждивенцев, профессию, образование субъекта преступления. Указанные признаки, по нашему мнению, важны для индивидуализации личности подозреваемого (обвиняемого), управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутым административному наказанию или судимым.

По данным Научного центра безопасности дорожного движения МВД России (далее по тексту – НЦ БДД МВД России), в целом по России по половому признаку доли от общего количества субъектов данного преступления соотносятся следующим образом: 10% – женщин, 90% – мужчины¹. При этом проведенное нами изучение материалов уголовных дел показало, что во всех рассмотренных случаях водителями, управлявшими транспортными средствами в состоянии опья-

нения, были мужчины². Нами установлено также, что большая часть подозреваемых (обвиняемых) относилась к возрастной группе 35-45 лет. Данные НЦ БДД МВД России показывают, что за рассматриваемый период наиболее часто за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, осуждались лица в возрасте от 30 до 49 лет³. Отметим, что совершение данного преступного деяния не характерно для несовершеннолетних. В связи с этим стоит упомянуть о том, что возраст привлечения как к административной, так и к уголовной ответственности, по общему правилу, составляет 16 лет. Впрочем, очень часто несовершеннолетние, особенно в летнее время, управляют мопедами и скутерами, в том числе и в состоянии опьянения, не имея водительского удостоверения. Молчаливое согласие родителей (законных представителей) на управление транспортным средством без специального, предусмотренного законом права приводит к тому, что несовершеннолетние нередко оказываются задержанными сотрудниками Госавтоинспекции [8, с. 107].

По изученным нами уголовным делам в качестве обвиняемых проходили в основном водители, являющиеся гражданами Российской Федерации, только один из 109 был гражданином иностранного государства. В браке (в том числе в незарегистрированном) состояли 77 человек, 32 были холосты. 55% из числа состоящих в браке лиц имели несовершеннолетних детей и иных иждивенцев. Что касается профессиональной принадлежности и постоянного места работы, то 2,7% подозреваемых (обвиняемых) были государственными служащими; 22% – наемными работниками; 0,9% – индивидуальными предпринимателями; 0,9% – самозанятыми; 66,2% – безработными; 1,8% – учащимися; 5,5% – пенсионерами. По уровню образования: 5,5% подозреваемых (обвиняемых) имели основное общее образование; 33,1% – среднее общее; 47,7% – среднее специальное (профессиональное); 13,7% – высшее.

Таким образом, по социально-демографическим признакам подозреваемый (обвиняемый) в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, – это мужчина, 35-45 лет, гражданин Российской Федерации, состоящий в зарегистрированном браке, имеющий несовершеннолетних детей, официально не трудоустроен (чаще всего), имеет среднее профессиональное образование.

2. *Нравственно-психологические признаки.* Здесь, по нашему мнению, необходимо учитывать: характеристики по месту работы и жительства, факты постановки на учет в психоневрологическом и (или) наркологическом диспансерах, признание вины в содеянном.

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2023 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России» 2024. С. 42; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 34.

² Здесь и далее представлены статистические данные, полученные на основании изучения материалов 109 уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в Волгоградской и Пензенской областях, Республиках Калмыкия и Северная Осетия-Алания за 2022-2024 гг.

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2023. С. 36-47; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2023 год. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 40-49.

В 92,6% рассмотренных нами случаев нетрезвые водители, совершившие преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, характеризовались удовлетворительно как по месту работы, так и по месту проживания. При изучении ответов на запросы дознавателей, направленные в психоневрологические и наркологические диспансеры, установлено, что только 7,4% подозреваемых состояли на учете в наркологическом диспансере с диагнозом «систематическое употребление алкогольной продукции или наркотических средств, психотропных веществ».

Наиболее интересным с точки зрения правоприменительной практики является такая характеристика субъекта преступления, как признание вины в содеянном (как оценка лица своей роли в совершенном им преступлении). Как правило, на месте остановки транспортного средства сотрудниками Госавтоинспекции МВД России водители после предложения пройти освидетельствование на состояние опьянения избирают одну из двух моделей поведения: согласие или отрицание. В первом случае водитель соглашается пройти освидетельствование либо на месте посредством использования поверенного алкотестера, либо в учреждении здравоохранения. Как показывают изученные нами материалы, после возбуждения уголовного дела данные лица продолжают придерживаться позиции согласия, не противодействуют расследованию, зачастую совместно с защитником заявляют ходатайство об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В большинстве случаев (52%) такой стратегии поведения придерживались лица, привлеченные к административной ответственности, а не имеющие судимость.

Агрессивное поведение и модель отрицания характерны для другого типа водителей, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ: такие лица, как правило, отказываются от прохождения освидетельствования в любой форме и различными способами противодействуют расследованию. Часто пьяные водители в ситуации задержания, когда им грозит уголовная ответственность, выбирают стратегию агрессивного поведения [9, с. 175]. В дальнейшем – на этапе предварительного расследования – эти подозреваемые (обвиняемые) отрицают свою вину. Более того, и в ходе судебного рассмотрения уголовного дела они настаивают на том, что не совершали преступления (впрочем, такое зафиксировано нами всего в 3,6% случаев).

Итак, по нравственно-психологическим особенностям субъект преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, как правило, характеризуется по месту работы и жительства удовлетворительно, на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах не состоит, вину в совершенном преступлении признает. Мотивы или побуждения продуцируются сознанием лица, совершившего преступление, отражают его психическую составляющую (включая индивидуально-психологические особенности), и поэтому они образуют коррелятивные связи со способами совершения преступлений [10, с. 26].

3. Административно-правовые и уголовно-правовые признаки. В данной группе признаков мы считаем целесообразным рассмотреть сведения, раскрывающие антисоциальную биографию изучаемого лица: ранее совершенные правонарушения; поведение в процессе расследования и судебного разбирательства по предыдущим делам; способ совершения и сокрытия преступления; отношение к представителям власти и лицам, осуществляющим производство по делу; и т.д.

В ходе производства по всем изученным нами уголовным делам дознаватели в первую очередь для установления наличия в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, устанавливали, что водитель, управлявший транспортным средством в состоянии опьянения является специальным субъектом преступления. То есть выясняли наличие ранее наложенного на него административного наказания по ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ или имеющейся у него судимости по чч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ. Следовательно, неоднократность управления транспортным средством в состоянии опьянения и является тем обстоятельством, которое настолько усиливает степень общественной опасности содеянного, что оно признается преступлением [11, с. 187].

В соответствии с требованиями закона лицо должно быть привлечено к ответственности именно за те преступления (правонарушения), которые указаны в статье Особенной части УК РФ. Согласно данным анкетирования дознавателей наибольшие затруднения у них вызывает определение того, в течение какого промежутка времени лицо пребывает в соответствующем статусе специального субъекта преступления [12, с. 22], и, соответственно, когда этот статус (подвергнутого административному наказанию или судимого) утрачивается как обязательный признак состава преступления. Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение в контексте определения признаков состава преступления [13, с. 165]. Это означает, что дознавателю на этапе доследственной проверки необходимо в наиболее короткие сроки проверить (при наличии) или собрать (при отсутствии) сведения относительно факта привлечения лица к административной и (или) уголовной ответственности, имеющие значение для будущего расследования по уголовному делу, а затем на основании анализа полученных данных выстроить алгоритм производства следственных действий и определить линию расследования в целом.

Результаты изучения материалов уголовных дел позволили нам установить, что в 67% случаев подозреваемыми (обвиняемыми) были лица, подвергнутые административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ; в 33% случаев – лица, имеющие неснятую и непогашенную в установленном законом порядке судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ.

4. Физические признаки. К их числу мы относим опыт вождения, наличие (отсутствие) права управления транспортным средством, осуществление

водителем профессиональной деятельности, связанной с вождением.

В ходе производства большинства из уголовных дел, материалы которых были изучены нами, не устанавливался опыт вождения транспортного средства, имевшийся у подозреваемого (обвиняемого). Сотрудники Госавтоинспекции в рамках административного производства и дознаватели в ходе производства по уголовному делу выясняли, имелось ли у лица, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения, право управления им. Нами установлено, что водители не имели водительского удостоверения в 70,6% случаев в связи с тем, что были лишены соответствующего специального права по судебному решению, а в 10,2% случаев – никогда его не имели и не получали. В 19,2% случаев водители имели такое удостоверение при себе в связи с тем, что не сдали его в Госавтоинспекцию в установленные сроки либо закончился срок его действия, и оно не было заменено.

В ходе исследования мы сделали предположение о том, что профессиональные водители практически никогда не становятся субъектами преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Данная гипотеза подтвердилась в результате изучения материалов уголовных дел: в 5,5% случаев субъект преступления являлся водителем транспортного средства общественного пользования, но на момент производства расследования по уголовному делу был уволен. Подозреваемым (обвиняемым) ни по одному уголовному делу не был профессиональный водитель рейсовых транспортных средств (трамвая, троллейбуса, автобуса, электробуса и т.п.). Мы пришли к выводу, что причиной тому является неукоснительное соблюдение требования по прохождению ежедневного предрейсового медицинского осмотра: у профессиональных водителей перечисленных транспортных средств меньше возможностей избежать контроля и быть допущенными к осуществлению перевозок в состоянии опьянения. Впрочем, следует иметь в виду, что процедура ежедневного медицинского осмотра не исключает вероятности ошибки медицинского работника, а также употребления алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, наркотических средств, психотропных и иных психоактивных веществ после его прохождения.

Обратим внимание и на такой признак, как опыт вождения лица, допустившего повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения. Так, в Пензенской области и Республике Калмыкия в ходе производства дознания по каждому уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в обязательном порядке устанавливался не только опыт вождения, но и сроки обучения водителя в автошколе, получения им водительского удостоверения впервые. В Волгоградской области, напротив, водительский стаж ни в протоколах допроса подозреваемого (обвиняемого), ни в обвинительных актах или постановлениях не отражался. На основании изложенного указанный признак не был рассмотрен нами в качестве элемента характеристики личности водителя.

Таким образом, по физическим признакам водители, совершившие преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, характеризуются как лишённые права управления транспортным средством и не осуществляющие деятельность по управлению транспортным средством на профессиональной основе.

5. *Признаки имущественно-правовых отношений и связей.* К их числу можно отнести правомочия водителя по отношению к транспортному средству: он являлся собственником (в 40,1% случаев); транспортное средство находилось в общей долевой собственности супругов, иных родственников (24,3%); в пользовании подозреваемого (обвиняемого) на постоянной основе (8,7%); во временном пользовании (24,3%); находилось в собственности, но на момент производства дознания было продано по договору купли-продажи (1,8%); было взято в аренду (только один случай; 0,8%). В результате изучения эмпирического материала нами выявлена тенденция, связанная с изменением принадлежности транспортного средства, которым лицо управляло в момент совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. В 2022 г. по большинству уголовных дел, возбуждённых по признакам состава данного преступления, транспортное средство принадлежало на праве собственности преступнику. К середине 2023 г. ситуация стала иной. Получила распространение преступная схема, по которой подозреваемый составлял фактически ничтожный договор купли-продажи транспортного средства на третье лицо. В результате на данный автомобиль в ходе производства расследования не накладывался арест, и он не мог быть подвергнут последующей конфискации в пользу государства.

В эту же группу признаков представляется возможным отнести действия, производящиеся лицами, в отношении которых должно осуществляться уголовное преследование по ст. 264.1 УК РФ. Во-первых, это распитие алкогольной продукции, употребление наркотических средств, психотропных и (или) иных психоактивных веществ водителем, управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения, после того как его остановил сотрудник Госавтоинспекции. Такие действия водителя – состав административного правонарушения, и он знает, что не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ. Во-вторых, если водитель употребляет наркотические средства, психотропные и (или) иные психоактивные вещества, то с большей вероятностью он откажется от прохождения освидетельствования, так как знает, что в случае установления состояния наркотического опьянения будет поставлен на учет в наркологическом диспансере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что правильная оценка сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), в том числе его мотивов, позволяет повысить эффективность предварительного расследования [14, с. 11], способствует привлечению виновного к ответственности и назначению ему справедливого наказания.

Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) является одним из важных направлений развития криминалистической техники и методики расследования транспортных преступлений. Полученные нами в результате исследования сведения о личности преступника в организационном, методическом и тактическом плане могут быть полезны для повышения качества выдвигаемых следственных версий, улучшения процессов планирования расследования и осуществления доказывания [15, с. 71].

Характеристика личности подозреваемого (обвиняемого), основанная на изучении статистических и эмпирических данных, содержит социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и административно-правовые, физические признаки, а также признаки сопутствующих вещей, связей и отношений. В результате исследования материалов 109 уголовных дел и с учетом положений криминалисти-

ческой науки нами сформулирован актуальный криминалистический портрет подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Это мужчина, 35-45 лет, гражданин Российской Федерации, ранее подвергавшийся административному наказанию по ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ или имеющий судимость по чч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ, лишенный права управления транспортным средством, не являющийся собственником транспортного средства, не осуществляющий деятельность по управлению транспортным средством на профессиональной основе, состоящий в браке, имеющий несовершеннолетних детей, официально не трудоустроен, со средним профессиональным образованием, по месту работы и жительства характеризуется удовлетворительно, на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах не состоит, вину в совершенном преступлении признает. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Начарова А.В., Смирнова В.С., Удалов М.И. Основные положения личности преступника в криминалистике. Роль и значение данного института // Достижения науки и образования. 2020. № 18 (72). С. 44-46.
2. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 74-77.
3. Агафонов А.С. Характеристика личности преступника, совершающего преступления, связанные с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Социокультурные аспекты деятельности силовых структур. Материалы межведомственной научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 94-97.
4. Подольный Н.А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 100-104.
5. Гончаров И.В. Субъективные свойства основания уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 465-474.
6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
7. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281-308.
8. Мажинский Р.А. Повторность как административно-преюдициальный признак для установления уголовной ответственности за управление транспортным средством несовершеннолетним водителем, не имеющим права управления // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 106-110.
9. Жмуров Д.В. Криминальная алкоголизация за рулем: взгляд правоприменителя и перспективы профилактики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 174-179.
10. Айвазова О.В. Криминалистическое изучение субъектов преступлений в контексте тенденции интеграции и дифференциации юридического научного знания // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 19-27.
11. Плешаков А.М., Осипов В.А., Мордовец А.А. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184-189.
12. Долгих Т.Н. Вопросы, возникающие при квалификации действий по статье, содержащей административную преюдицию // Уголовное право. 2019. № 3. С. 20-24.
13. Карпов К.Н., Кузнецов А.А., Миронова Г.Н. Особенности определения правового статуса субъекта преступлений с административной преюдицией (на примере статьи 264.1 УК РФ) // Закон и право. 2022. № 5. С. 164-170.
14. Волохова О.В. Личность подозреваемого при установлении механизма преступления // Правовой альманах. 2023. № 8. С. 6-11.
15. Чинёнов Е.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 65-72.

REFERENCES

1. Nacharova A.V., Smirnova V.S., Udalov M.I. Osnovnyye polozheniya lichnosti prestupnika v kriminalistike. Rol' i znachenie dannogo instituta // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. 2020. № 18 (72). S. 44-46.
2. Vedernikov N.T. Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya // Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy. M., 1984. S. 74-77.
3. Agafonov A.S. Kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya, svyazannyye s izmeneniyem markirovochnykh oboznacheniy transportnykh sredstv // Sotsiokul'turnyye aspekty deyatel'nosti silovykh struktur. Materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk, 2018. S. 94-97.
4. Podol'nyy N.A. Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2011. № 3. S. 100-104.
5. Goncharov I.V. Sub'yektivnyye svoystva osnovaniya ugovnoy otvetstvennosti za upravleniye transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya // Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 19. S. 465-474.
6. Ratinov A.R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley M.: Yurlitinform, 2001. 352 s.
7. Zaytsev O.A., Pastukhov P.S. Tsifrovoy profil' litsa kak element informatsionno-tekhnologicheskoy strategii rassledovaniya prestupleniy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. 2022. Vyp. 56. S. 281-308.
8. Mazhinskiy R.A. Povtornost' kak administrativno-preyuditsial'nyy priznak dlya ustanovleniya ugovnoy otvetstvennosti za upravleniye transportnym sredstvom nesovershennoletnim voditelem, ne imeyushchim prava upravleniya // Yevraziyskaya advokatura. 2020. № 6 (49). S. 106-110.
9. Zhmurov D.V. Kriminal'naya alkogolizatsiya za rulem: vzglyad pravoprimenitelya i perspektivy profilaktiki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430. S. 174-179.
10. Ayvazova O.V. Kriminalisticheskoye izucheniye sub'yektov prestupleniy v kontekste tendentsii integratsii i differentsiatsii yuridicheskogo nauchnogo znaniya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 1. S. 19-27.
11. Pleshakov A.M., Osipov V.A., Mordovets A.A. Neodnokratnost' administrativnogo pravonarusheniya kak konstruktivnyy priznak sostava prestupleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 7. S. 184-189.
12. Dolgikh T.N. Voprosy, voznikayushchiye pri kvalifikatsii deystviy po stat'ye, sodержashchey administrativnuyu preyuditsiyu // Ugolovnoye pravo. 2019. № 3. S. 20-24.
13. Karpov K.N., Kuznetsov A.A., Mironova G.N. Osobennosti opredeleniya pravovogo statusa sub'yekta prestupleniy s administrativnoy preyuditsiyey (na primere stat'i 264.1 UK RF) // Zakon i pravo. 2022. № 5. S. 164-170.
14. Volokhova O.V. Lichnost' podozrevayemogo pri ustanovlenii mekhanizma prestupleniya // Pravovoy al'manakh. 2023. № 8. S. 6-11.
15. Chinonov Ye.V. Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy v sfere ekonomiki, sovershayemykh na zheleznodorozhnom transporte i ob'yektakh transportnoy infrastruktury // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2022. № 4. S. 65-72.

© Москаленко Д.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Москаленко Д.А. Личность преступника как системообразующий элемент криминалистической характеристики деяния, предусмотренного статьёй 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 85-92.

Назар Валерьевич ТАРАНОВ,
ORCID 0009-0005-9424-3293
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (г. Москва)
аспирант
nazarrf2008@mail.ru

Научный руководитель:
Елена Вячеславовна ИВАНОВА,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научная статья
УДК 340.6:343.985

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ (ВНЕВЕДОМСТВЕННЫЕ) ЭКСПЕРТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Расследование преступлений, следователь, эксперт, взаимодействие, назначение судебной экспертизы, уголовный процесс, судебно-экспертное исследование.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В современном российском уголовном процессе большую значимость сохраняют вопросы, касающиеся назначения и производства судебно-экспертных исследований, в том числе в негосударственных (вневедомственных) экспертных учреждениях и частными экспертами. Данное направление деятельности приобретает сегодня особую актуальность в связи со стремительным развитием наук и технологий, ремесел и искусства, а также с появлением новых методик проведения экспертных исследований. Грамотные действия следователя при назначении судебной экспертизы по уголовному делу являются залогом успешности расследования, установления всех подлежащих доказыванию обстоятельств совершенного преступления и решения задач по профилактике преступности. При назначении судебной экспертизы следователь должен выстроить эффективное взаимодействие с экспертными учреждениями и экспертами, что способствует соблюдению разумного срока предварительного следствия и обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса. *Методы.* Анализ особенностей деятельности следователя при назначении судебных экспертиз в негосударственные (вневедомственные) экспертные учреждения проводился на основе изучения материалов уголовных дел. В ходе исследования был также задействован метод логического анализа норм действующего законодательства. *Результаты.* Исследование позволило определить актуальность дальнейшего изучения проблемы назначения экспертных исследований в негосударственные (вневедомственные) экспертные учреждения и частным экспертам. В статье излагается позиция автора о позитивных и негативных сторонах использования специальных знаний в рамках судебных экспертиз, назначаемых не только в государственные экспертные учреждения. По итогам исследования выработаны и предложены для практического использования приемы обеспечения наиболее эффективного взаимодействия следователя с экспертными учреждениями и частными экспертами при назначении экспертизы по уголовному делу. Проанализированы типичные ошибки органов расследования при осуществлении деятельности данного вида, рассмотрены пути их решения.

ВВЕДЕНИЕ

Для успешного достижения целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), применяются различные правовые средства, предусмотренные законодательством. Одним из важных и наиболее эффективных правовых инструментов, предостав-

ляющих следователю возможность провести сбор, систематизацию и оценку доказательств, необходимых для вынесения справедливого и обоснованного решения по конкретному уголовному делу, является судебная экспертиза.

В научной среде и следственной практике сложились устойчивые подходы к роли и значению судебной экспертизы в уголовном процессе. «Сама

Nazar V. TARANOV,
ORCID 0009-0005-9424-3293
Moscow Academy of the Investigative Committee of the
Russian Federation named after A.Ya. Sukharev (Moscow, Russia)
Graduate Student
nazarrf2008@mail.ru

Scientific supervisor:
Elena V. IVANOVA,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Forensic Expertise and Operative Investigative Activities
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

ASSIGNMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS TO NON-STATE (EXTRA-DEPARTMENTAL) EXPERT INSTITUTIONS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

KEYWORDS. Investigation of crimes, investigator, expert, interaction,
assignment of forensic examination, criminal proceedings, forensic research.

ANNOTATION. Introduction. In modern Russian criminal proceedings, issues related to the appointment and conduct of forensic examinations, including in non-governmental (non-departmental) expert institutions and by private experts, remain of great importance. This area of activity is becoming especially relevant today due to the rapid development of science and technology, crafts and art, as well as the emergence of new methods for conducting expert research. Competent actions of the investigator when appointing a forensic examination in a criminal case are the key to a successful investigation, establishing all the circumstances of the crime committed that need to be proven, and solving crime prevention problems. When appointing a forensic examination, the investigator must build effective interaction with expert institutions and experts, which contributes to compliance with a reasonable period of preliminary investigation and ensuring the rights and legitimate interests of participants in the criminal process. **Methods.** The analysis of the features of the investigator's activities when appointing forensic examinations in non-governmental (non-departmental) expert institutions was carried out on the basis of a study of criminal case materials. The study also used the method of logical analysis of the norms of the current legislation. **Results.** The study allowed to determine the relevance of further study of the problem of assignment of expert examinations to non-governmental (non-departmental) expert institutions and private experts. The article presents the author's position on the positive and negative aspects of using special knowledge in the framework of forensic examinations, assigned not only to state expert institutions. Based on the results of the study, techniques for ensuring the most effective interaction of the investigator with expert institutions and private experts when assigning an examination in a criminal case were developed and proposed for practical use. Typical errors of investigative bodies in the implementation of this type of activity are analyzed, and ways to solve them are considered.

идея равнодоступности судебной экспертизы для всех участников процесса, заинтересованных в ее результатах, – пишут А.М. Зинин и Ю.И. Горянов, – как думается, безусловно позитивна и близка к концепции построения состязательной модели в уголовном процессе» [1, с. 510].

Процедуры назначения и производства судебной экспертизы регламентированы гл. 27 УПК РФ, а также Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ). По мнению К.И. Юровой и А.А. Гурина, к числу отличительных признаков судебной экспертизы относятся: «опосредованное средство доказывания; проведение специальным субъектом; проведение с целью получения фактов, которые не могут быть установлены иными способами; оформление результатов исследования заключением эксперта, которое является самостоятельным средством доказывания» [2, с. 92].

Согласно нормам ст. 9 вышеназванного федерального закона судебная экспертиза – это про-

цессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в различных сферах деятельности человека (техника, наука, ремесло, искусство). Целью судебной экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Самого эксперта законодатель относит к числу лиц, способствующих осуществлению правосудия. Это отражено в ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ, из которой следует, что задача судебно-экспертной деятельности заключается в оказании содействия судам, судьям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, при помощи разрешения вопросов, требующих специальных знаний.

Исследование должно проводиться экспертом объективно, в пределах его специализации, на основании научного и практического критериев, всесторонне и в полном объеме. Свое заключение эксперту необходимо основывать на таких положениях, которые предоставляют возможность

осуществить проверку обоснованности и достоверности сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ).

Судебная экспертиза в уголовном процессе обладает процессуальным характером, что предполагает строгую процессуальную регламентацию и проведение ее в установленном порядке компетентным(-ми) лицом(-ами).

В связи с этим полагаем целесообразным перечислить важные особенности судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве:

- основана на нормах действующего закона и имеет особый процессуальный порядок производства;
- выполнение экспертизы для уголовно-правовых целей может поручаться только уполномоченному законом лицу – судебному эксперту, обладающему соответствующей компетенцией;
- обладание экспертом достаточным объемом специальных знаний для проведения судебной экспертизы;
- наличие регламентированных законом этапов проведения судебной экспертизы;
- обязательное письменное оформление полученных в результате проведения судебной экспертизы данных;
- результаты, полученные в рамках судебной экспертизы, обладают самостоятельным доказательственным значением.

Интерес к вопросам судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве обусловлен потребностями как практики, так и науки. Специалисты в области экспертизы указывают на наличие ряда проблемных вопросов в данной сфере. Одним из них является, по мнению Т.В. Демидовой, вопрос о выборе экспертного учреждения или конкретного эксперта. «Зачастую следователь или суд, – пишет она, – стараются назначать судебные экспертизы в государственные учреждения, а заинтересованное лицо настаивает на частном. Закон уравнивает права частного и государственного эксперта, поэтому экспертное заключение, полученное в негосударственной организации, будет иметь такую же силу, как и заключение государственного эксперта. Однако возникает другая проблема: кто будет оплачивать частного эксперта и как проверить его компетентность, ведь частный эксперт не обязан подтверждать свою квалификацию и только по собственному усмотрению может пройти добровольную сертификацию» [3, с. 31].

К исследованию теоретических и практических аспектов производства судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях в разное время обращались многие авторы [4, 5, 6]. Среди основных проблем, связанных с их назначением и проведением, указывают недостаточную компетентность экспертов [7], наличие пробелов в законодательной структуре [8], затруднения с обеспечением возможности реального выбора экспертного учреждения или эксперта [9] и др. Вместе с тем отметим, что в настоящее время сохраняет свою актуальность вопрос об изучении

организационных и правовых основ взаимодействия следователей с негосударственными судебно-экспертными учреждениями.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, анализ особенностей деятельности следователя при назначении судебных экспертиз в негосударственные (вневедомственные) экспертные учреждения проводился на основе изучения материалов уголовных дел. Применялся метод логического анализа норм действующего законодательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Принимая во внимание потребности практики, законодатель в ст. 41 Федерального закона № 73-ФЗ установил возможность производства судебной экспертизы в негосударственных экспертных учреждениях. Этой статьей не только закреплена государственная форма судебно-экспертной деятельности эксперта, которая реализуется судебно-экспертными учреждениями, но и упорядочена судебно-экспертная деятельность лиц, которые не являются работниками государственных судебно-экспертных учреждений. При этом подчеркивается, что данная деятельность осуществляется в случаях и на условиях, определенных Федеральным законом № 73-ФЗ и уголовно-процессуальным законодательством [10, с. 441]. Вместе с тем следователю необходимо учитывать требования распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р¹, которым определены виды экспертиз, проводящихся исключительно государственными экспертными учреждениями.

Для следователей приоритетным является взаимодействие с экспертными учреждениями Министерства здравоохранения, МВД, ФСБ, Минюста, так как эти учреждения осуществляют экспертную деятельность за счет средств государственного бюджета. В данных судебно-экспертных учреждениях проводятся экспертизы как традиционных (трасологическая, баллистическая, портретная и др.), так и специальных видов (экспертиза ДНК, экспертиза пищевых продуктов, экспертиза взрывчатых веществ и проч.). Перечни проводимых экспертиз устанавливаются ведомственными нормативно-правовыми актами государственных учреждений. В целом спектр возможных экспертиз достаточно широк, но не в каждом экспертном учреждении имеются эксперты всех специальностей, и это обстоятельство является основанием для привлечения следователем негосударственного (вневедомственного) эксперта.

Производство экспертиз в негосударственных (вневедомственных) экспертных учреждениях, как правило, оплачивается из бюджетных средств следственных органов. Поэтому для их назначения требуется согласие руководителей этих органов. Данным обстоятельством обусловлено то, что на практике такие экспертизы назначаются только в случаях возникновения крайней необходимости, если иных возможностей не имеется.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями».

Судебные экспертизы могут назначаться и проводиться не только в специализированных экспертных учреждениях, но и в других учреждениях (организациях), не являющихся экспертными, имеющих другие функциональные задачи (например в музеях, библиотеках, научно-исследовательских центрах). В таком случае экспертиза поручается следователем конкретному эксперту, который, как предварительное должно быть установлено инициатором экспертизы, обладает необходимыми и достаточными специальными знаниями в интересующей следствие сфере. Услуги такого эксперта также оплачиваются из бюджетных средств.

Показательный пример подобного рода взаимодействия был обнаружен нами в материалах уголовного дела по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 258.1 УК РФ. В рамках расследования потребовалось назначение и производство экспертизы по обнаруженным останкам амурского тигра для установления их принадлежности к данному подвиду хищных животных и определения причины смерти. Выходом из сложившейся ситуации явилось назначение экспертного исследования в автономную некоммерческую организацию «Центр изучения и сохранения популяции амурского тигра». Данная сфера научных и практических знаний является весьма специфичной, государственные судебные экспертные учреждения не имеют специалистов соответствующего профессионального профиля. Успешное взаимодействие следователя с вышеуказанной некоммерческой организацией позволило установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, и направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу.

Отметим позитивные и негативные аспекты назначения судебных экспертиз в негосударственные (вневедомственные) судебно-экспертные учреждения. К первой группе можно отнести:

- более широкий выбор видов судебных экспертиз;
- сокращение сроков производства экспертных исследований;
- индивидуальный подход к производству экспертизы, обусловленный меньшей загруженностью экспертов.

Ко второй группе относится:

- наличие редких, порой неапробированных, методик проведения экспертных исследований, что может приводить к сложности при назначении повторной судебной экспертизы;
- большая удаленность экспертного учреждения от места производства расследования (в основном такие учреждения находятся в крупных городах);
- необходимость оплаты экспертизы за счет средств ограниченного ведомственного бюджета.

Залогом успешности использования специальных знаний при расследовании преступления является взвешенный выбор следователем экспертного учреждения с учетом всех перечисленных выше аспектов, сделанный на основании результатов анализа совокупности обстоятельств конкретного уголовного дела, по которому возникла необходимость назначения экспертизы.

Постановление следователя представляет собой юридическое основание для назначения экспертизы (ст. 19 Федерального закона № 73-ФЗ). Фактическим основанием для ее назначения является необходимость использования специальных знаний для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Обязанности по решению вопроса о назначении судебной экспертизы законодатель возложил на следователя. При этом в случаях, прямо указанных в законе (ст. 196 УПК РФ), производство судебной экспертизы обязательно, и ее назначение не зависит от мнения следователя.

Следователь, принявший решение о назначении экспертизы, должен:

- 1) определить вид (род) экспертизы, установить область специальных знаний, подлежащих использованию при проведении экспертизы;
- 2) определить экспертное учреждение, в котором будет проведена экспертиза;
- 3) сформулировать перечень вопросов, подлежащих разрешению при проведении экспертизы;
- 4) определить перечень объектов, которые должны быть представлены эксперту(-ам) для исследования (выяснить, нужно ли получать образцы для сравнительного исследования, возможно ли изменение состояния объектов в ходе исследований вплоть до их уничтожения);
- 5) вынести постановление о назначении экспертизы.

Важным, по нашему мнению, обстоятельством является определение последовательности назначения экспертиз в отношении объекта, где, возможно, сохранены несколько следов, исследование которых должно проводиться в рамках разных экспертиз. Правильное разрешение данного вопроса позволит не утратить криминалистически значимую информацию во время проведения экспертных исследований. На проблему выбора последовательности назначения судебных экспертиз указывали, например, Л.М. Мандарханова [11], А.А. Беляков и А.Д. Цветкова [12] и другие авторы.

Рассмотрим пример из материалов уголовного дела по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Исходя из криминалистических свойств следов, оставленных на ноже, изъятом с места преступления, оказалось целесообразным сначала назначить молекулярно-генетическую судебную экспертизу для установления лица, державшего нож в руке. После получения экспертного заключения стало возможным назначать экспертизу холодного оружия для выяснения, является ли изъятый нож холодным оружием или имеет хозяйственно-бытовое предназначение. Такой подход требует как процессуального взаимодействия следователя и экспертов (вынесение постановлений о назначении экспертиз с грамотно поставленными вопросами), так и непроцессуального – консультации со всеми экспертами, привлечение которых предполагается, для определения правильной последовательности проведения экспертных исследований.

Для достижения максимально успешного результата следователь должен взаимодействовать с тем экспертным учреждением, где будет произ-

водиться экспертиза, и с тем экспертом, который будет ее проводить.

Во-первых, на первоначальной стадии взаимодействия следователю необходимо правильно и доступно разъяснить эксперту задачу, подлежащую разрешению при производстве экспертизы. Это, по нашему мнению, важное обстоятельство при обращении к негосударственным (вневедомственным) экспертам, которые не всегда могут самостоятельно определить цели следователя. Кроме того, необходимо учитывать редкость и специфичность некоторых видов экспертиз. Если будущий эксперт не получит четкого представления о том, решения каких задач ждет от него следователь, он не сможет понять, способен ли провести соответствующие исследования. Такая беседа с экспертом полезна и для следователя. По ее итогам он решает, правильно ли сделал выбор или необходимо обратиться к другому эксперту, эксперту другой специальности (нескольких специальностей) того же учреждения либо другого экспертного учреждения.

Во-вторых, следователь должен уточнить у эксперта, какие объекты требуются для проведения экспертизы выбранного вида. Также следует выявить особенности изъятия и получения образцов для проведения исследования.

В-третьих, чтобы успешно планировать свою деятельность, и в том числе предусмотреть возможность продления срока предварительного следствия, следователю необходимо выяснить примерные сроки производства экспертизы и получения заключения эксперта.

В-четвертых, после предварительного формулирования вопросов следователю целесообразно обратиться к эксперту для их возможной корректировки, чтобы они правильно воспринимались экспертом, соответствовали его компетенции, не дублировали друг друга.

Приведем пример. В ходе расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам совершения К. серии преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 158 УК РФ, на территории г. Батайска Ростовской области, при проведении первоначальных следственных действий с подозреваемым у него была изъята обувь с образцами грунта. Решая вопрос о целесообразности назначения и проведения почвоведческой судебной экспертизы, следователь провел консультацию с экспертом Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России. Выяснилось, что необходимо дополнительно изъять множество объектов, что потребовало бы значительных затрат времени. Учитывая, что подозреваемый сотрудничал со следователем и давал подробные показания о совершенных им преступлениях, согласующиеся с другими доказательствами, в том числе показаниями потерпевших, следователем было принято решение об отсутствии необходимости назначения и проведения почвоведческой судебной экспертизы. Это позволило сократить срок расследования и никак не отразилось на его полноте и объективности.

Важно уточнить у эксперта либо его руководителя, каков уровень материально-технического

обеспечения судебно-экспертного учреждения, достаточны ли технические возможности для проведения исследования. Так, например, для экспертного исследования взрывных устройств, имеющих тротиловый эквивалент до 2 граммов, достаточно экспертной взрывной переносной камеры «ВК-2», а для проведения взрывотехнической экспертизы взрывных устройств с массой взрывчатого вещества до 1 тысячи граммов в тротиловом эквиваленте необходим специальный стационарный комплекс «ВК-1000» [13, с. 75].

Необходимо иметь в виду, что лицо, обладающее специальными знаниями, достаточными для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, путем производства экспертизы, может не занимать никакой должности. Статус безработного или пенсионера не является препятствием для выбора следователем такого лица в качестве эксперта. В этом случае, по нашему мнению, рекомендуется проведение встречи между следователем и таким кандидатом. До этой встречи следователь, при наличии возможности, в полном объеме истребует биографические данные предполагаемого эксперта и знакомится с ними, выясняет его специализацию, изучает сведения о повышении им квалификации, определяет, имеется ли у данного лица практика подготовки экспертных заключений по уголовным делам, и т.д.

Е.Р. Россинская предлагает внести изменения в ст. 57 УПК РФ, касающиеся того, что «эксперт делать вправе (ч. 3), а что не вправе (ч. 4)». При этом она отмечает: «Принуждение лиц, обладающих специальными знаниями к производству экспертизы, против их желания противоречит ст. 17 Конституции РФ, согласно которой принудительный труд в Российской Федерации запрещен, а также ст. 4 Трудового кодекса РФ» [14, с. 371]. Предлагаемые изменения относятся к привлечению частных экспертов и не могут быть ориентированы на тех, кто осуществляет свою деятельность в государственных экспертных учреждениях по трудовому договору, в котором предусматривается ответственность за невыполнение трудовых функций, например за немотивированный отказ от производства экспертного исследования.

Назначив экспертизу, следователь должен ознакомиться с постановлением о ее назначении подозреваемого, обвиняемого, их защитников, потерпевшего, его представителей (представителя юридического лица, представителя-адвоката, законного представителя). На большое значение точного соблюдения требований, предъявляемых к осуществлению данной процедуры, указывали многие ученые, в частности А.В. Мишин и П.Н. Мазуренко [15, с. 87]. После выполнения процедуры ознакомления следователь составляет протокол и разъясняет вышеуказанным лицам их права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. В свою очередь, они имеют право заявить ходатайство о постановке перед экспертом дополнительных вопросов, выразить несогласие с выбором негосударственного (вневедомственного) экспертного учреждения либо эксперта. В связи с этим при определении следователем негосударственной (вневедомственной) экспертной организации либо эксперта

необходимо истребовать достаточные сведения и документы, свидетельствующие о возможности их привлечения к экспертной деятельности. Все лица, знакомящиеся с постановлением о назначении экспертизы, имеют право получить сведения, подтверждающие профессиональную квалификацию эксперта [16, с. 159]. Кроме того, следователю необходимо ознакомить заинтересованные стороны с постановлением о назначении экспертизы до фактического предоставления объектов на экспертизу, что может существенно сократить в дальнейшем время ожидания получения экспертного заключения. Если постановление о назначении экспертизы будет предъявлено для ознакомления одновременно с полученным заключением эксперта, стороны уголовного процесса потеряют возможность реализовать законные права, что может привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством.

На практике нередки случаи, когда следователи при вынесении постановления допускают ошибки, ставящие под сомнение законность всех последующих действий при проведении судебной экспертизы. Проведенное нами исследование позволило выявить наиболее распространенные ошибки такого вида:

- технические ошибки при указании названия экспертного учреждения. В случае с негосударственными (вневедомственными) экспертными учреждениями, названия которых могут быть сложными и многосоставными, необходимо быть особенно внимательным, тщательно выверять написание наименования учреждения, запрашивать от него письменное подтверждение правильности написания либо обращаться к официальным документам такого юридического лица;

- неверная постановка вопросов перед экспертом. Данное обстоятельство может существенно увеличить объем ненужной работы эксперта, привести его к даче, по сути, одних и тех же ответов в разной интерпретации;

- неверное перечисление объектов для экспертного исследования. Такого рода неточности могут послужить основанием для признания факта нарушения прав сторон, которые могли не в полной мере реализовать их при ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы и быть не ознакомлены с исчерпывающим (итоговым) списком объектов исследования.

Следует отметить, что эксперт не несет ответственности за незаконность и недостоверность материалов уголовного дела и образцов для сравнительного исследования, предоставленных ему. Вся ответственность за такие нарушения лежит на следователе, являющемся инициатором экспертизы.

Далее перечислим некоторые обстоятельства, приводящие к возникновению следственных ошибок при назначении судебной экспертизы:

1. Следователь знает, как необходимо подготовить материалы и объекты исследования для производства экспертизы, но в силу невнимательности допускает ошибки (небрежная упаковка объектов, плохое (нечитаемое) качество копий материалов уголовного дела, предоставляемых эксперту).

Например, по уголовному делу по обвинению несовершеннолетнего С. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, следователем при подготовке материалов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшей были ненадлежащим образом изготовлены копии материалов уголовного дела. Это повлекло обоснованное заявление ходатайства о предоставлении читаемых копий некоторых протоколов следственных действий с одновременным приостановлением производства экспертизы до устранения допущенных нарушений. Данное обстоятельство привело к увеличению документооборота и эксперта, и следователя, а также срока производства судебной экспертизы.

2. Следователь не знает, как вести поиск, изъятие, хранение и транспортировку объектов для запланированной им экспертизы (упаковка биологических материалов в полиэтилен, помещение различных объектов в одну упаковку, отсутствие фиксации объекта при перевозке на дальние расстояния). К примеру, неправильная упаковка пули, изъятая с места преступления, может видоизменить следы нарезов огнестрельного оружия, которые являются основным идентификационным признаком при проведении баллистической судебной экспертизы.

3. Следователь знает, как нужно готовить материалы для экспертизы, но в силу недобросовестности, личной заинтересованности не делает так, как требуется (ненадлежащее изготовление фототаблиц к проколам следственных действий, изъятие недостаточного количества объектов с места происшествия, искажение протоколов первоначальных следственных действий).

Примером такого развития событий может служить изготовление следователем черно-белой фототаблицы в качестве приложения к осмотру места происшествия, где было совершено убийство, и предоставление ее эксперту для проведения медико-криминалистической судебной экспертизы. В данном случае эксперт лишается возможности увидеть все обнаруженные и зафиксированные на месте происшествия (на полу, стенах, предметах) следы крови, определить их характер, свойства, расстояние между ними для моделирования обстоятельств совершения преступления.

По нашему мнению, недопустимо предоставление в распоряжение судебного эксперта всех материалов уголовного дела для того, чтобы он сам отобрал необходимое для производства экспертизы. Безусловно, эксперт вправе знакомиться с материалами дела, но только с теми, которые относятся к предмету экспертизы или требуются для экспертного исследования. Отбирая материалы для экспертизы по своему усмотрению, эксперт, по существу, оценивает доказательства при отсутствии у него такого права. В связи с этим полагаем, что в постановлении о назначении судебной экспертизы целесообразно точно перечислять, какие именно материалы уголовного дела представлены эксперту и на скольких листах.

В соответствии с нормами УПК РФ руководитель экспертного учреждения либо эксперт вправе

вернуть постановление следователя о назначении экспертизы без ее проведения при наличии обстоятельств, препятствующих исполнению постановления и производству назначенной следователем экспертизы.

Заключение эксперта составляется по результатам проведенной экспертизы при отсутствии предусмотренных законом препятствий, форма и содержание заключения эксперта определены уголовно-процессуальным законом (ст. 204 УПК РФ), а также ст. 25 Федерального закона № 73-ФЗ.

Следователь обязан ознакомить всех заинтересованных лиц с заключением эксперта либо его заявлением о невозможности дать заключение. При этом в обязательном порядке составляется протокол с разъяснением права заявить ходатайство о проведении дополнительной или повторной экспертизы. Заинтересованные лица могут представить замечания, имеющие, по их мнению, значение для расследования. Выполнение данного требования уголовно-процессуального закона позволит

следователю понять отношение сторон к произведенной экспертизе, к ее общим результатам и частным обстоятельствам, отраженным в заключении эксперта. Всё это необходимо для принятия окончательного решения о признании такого доказательства допустимым по уголовному делу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для назначения и проведения судебных экспертиз часто требуется продолжительное время. Следователю важно иметь в виду, что на производство экспертизы может быть затрачено от нескольких дней до нескольких месяцев в зависимости от ее вида. Грамотный подход к назначению судебной экспертизы позволит избежать ошибок и станет залогом успешного разрешения вопросов, требующих экспертной оценки, установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также способствовавших совершению преступления, послужит соблюдению прав участников уголовного процесса на доступ к правосудию в разумный срок. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зинин А.М., Горянов Ю.И. Использование института судебной экспертизы в условиях реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). 2005. Т. 64. № 3. С. 497-513.
2. Юрова К.И., Гурин А.А. Понятие судебной экспертизы в уголовном процессе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2017. С. 91-93.
3. Демидова Т.В. Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 29-32.
4. Сергеев В.В., Скоморохов О.Н. О некоторых проблемах организации производства судебных экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях и частными экспертами // Право: история и современность. 2021. № 3 (16). С. 124-130.
5. Степанов К.В., Малина М.А. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 144-148.
6. Лазарева Л.В. Особенности назначения в уголовном процессе судебных экспертиз в негосударственные судебно-экспертные учреждения // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2023. С. 125-130.
7. Иванова Е.В. Квалификация судебного эксперта и ее формальное подтверждение // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 61-66.
8. Нерозина С.Ю., Шальнев О.Г., Ключева А.Ю., Меркулова Е.В. Роль и деятельность негосударственных экспертных учреждений при производстве судебной экспертизы // Безопасность строительного фонда России. Проблемы и решения. Материалы Международных академических чтений. Курск, 2020. С. 276-282.
9. Аристархов А.Л. Пути устранения трудностей производства судебной экспертизы в условиях реализации принципа состязательности сторон // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4 (90). С. 41-49.
10. Плешаков С.М. Определение правового статуса негосударственных экспертных организаций // Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Саранск, 2020. С. 440-443.
11. Мандарханова Л.М. Последовательность назначения судебных экспертиз в ходе расследования неочевидных дорожно-транспортных преступлений // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД России, 2024. С. 56-59.
12. Беляков А.А., Цветкова А.Д. Следственные ошибки при назначении судебных экспертиз // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 1 (95). С. 124-132.
13. Аминев Ф.Г. По вопросу о тактике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Юрист-Правовед. 2017. № 4 (83). С. 74-78.
14. Россинская Е.Р. Вопросы совершенствования законодательства о судебной экспертизе // Россинская Е.Р. Избранное. М.: Норма, 2019. С. 361-378.
15. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 86-89.

16. Неупокоева И.А. Назначение судебной фоноскопической экспертизы при расследовании мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий // Закон и право. 2021. № 3. С. 158-160.

REFERENCES

1. Zinin A.M., Goryanov Yu.I. Ispol'zovaniye instituta sudebnoy ekspertizy v usloviyakh realizatsii printsipa sostyazatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve // Lex Russica (Russkiy zakon). 2005. T. 64. № 3. S. 497-513.
2. Yurova K.I., Gurin A.A. Ponyatiye sudebnoy ekspertizy v ugovnom protsesse // Fundamental'nyye i prikladnyye nauchnyye issledovaniya: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Penza, 2017. S. 91-93.
3. Demidova T.V. Problemnyye voprosy naznacheniya sudebnykh ekspertiz // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 4. S. 29-32.
4. Sergeyev V.V., Skomorokhov O.N. O nekotorykh problemakh organizatsii proizvodstva sudebnykh ekspertiz v negosudarstvennykh ekspertnykh uchrezhdeniyakh i chastnymi ekspertami // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2021. № 3 (16). S. 124-130.
5. Stepanov K.V., Malina M.A. Problemy ispol'zovaniya v ugovnom protsesse zaklyucheniya spetsialista, a takzhe rezul'tatov sudebnykh ekspertiz negosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2022. T. 9. № 4. S. 144-148.
6. Lazareva L.V. Osobennosti naznacheniya v ugovnom protsesse sudebnykh ekspertiz v negosudarstvennyye sudebno-ekspertnyye uchrezhdeniya // Sudebnyye ekspertizy v ugovnom protsesse: teoriya i praktika. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2023. S. 125-130.
7. Ivanova Ye.V. Kvalifikatsiya sudebnogo eksperta i yeye formal'noye podtverzhdeniye // Kriminologicheskii zhurnal. 2024. № 1. S. 61-66.
8. Nerozina S.Yu., Shal'nev O.G., Klyuyeva A.Yu., Merkulova Ye.V. Rol' i deyatel'nost' negosudarstvennykh ekspertnykh uchrezhdeniy pri proizvodstve sudebnoy ekspertizy // Bezopasnost' stroitel'nogo fonda Rossii. Problemy i resheniya. Materialy Mezhdunarodnykh akademicheskikh chteniy. Kursk, 2020. S. 276-282.
9. Aristarkhov A.L. Puti ustraneniya trudnostey proizvodstva sudebnoy ekspertizy v usloviyakh realizatsii printsipa sostyazatel'nosti storon // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2022. № 4 (90). S. 41-49.
10. Pleshakov S.M. Opredeleniye pravovogo statusa negosudarstvennykh ekspertnykh organizatsiy // Rol' i znachenie nauki v vuze i yeye vliyaniye na obrazovatel'nyy protsess. Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Saransk, 2020. S. 440-443.
11. Mandarkhanova L.M. Posledovatel'nost' naznacheniya sudebnykh ekspertiz v khode rassledovaniya neoschevidnykh dorozhno-transportnykh prestupleniy // Aktual'nyye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2024. S. 56-59.
12. Belyakov A.A., Tsvetkova A.D. Sledstvennyye oshibki pri naznachenii sudebnykh ekspertiz // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2024. T. 25. № 1 (95). S. 124-132.
13. Aminev F.G. Po voprosu o taktike naznacheniya sudebnykh ekspertiz pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s ekstremizmom i terrorizmom // Yurist"-Pravoved". 2017. № 4 (83). S. 74-78.
14. Rossinskaya Ye.R. Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o sudebnoy ekspertize // Rossinskaya Ye.R. Izbrannoye. M.: Norma, 2019. S. 361-378.
15. Mishin A.V., Mazurenko P.N Aktual'nyye problemy naznacheniya i proizvodstva sudebnoy ekspertizy // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2017. № 1. S. 86-89.
16. Neupokoyeva I.A. Naznacheniye sudebnoy fonoskopicheskoy ekspertizy pri rassledovanii moshennichestva s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Zakon i pravo. 2021. № 3. S. 158-160.

© Таранов Н.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Таранов Н.В. Назначение судебных экспертиз в негосударственные (вневедомственные) экспертные учреждения при расследовании преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 93-100.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Андрей Игоревич ПАХОМКИН,
ORCID 0009-0006-1826-5447
Санкт-Петербургский университет
МВД России (г. Санкт-Петербург)
адъюнкт
pahomkin1995@yandex.ru

Научный руководитель:
Александр Викторович РАВНЮШКИН,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья
УДК [342.9:636.083]:93/94

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЖИВОТНЫХ В РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Домашние животные, административное регулирование, обращение с животными, содержание животных, административная ответственность, историко-правовые предпосылки.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* По мере развития общества существенно изменялись цели содержания животных. Со временем широко распространилось содержание в жилых помещениях домашних животных, в том числе представителей экзотических видов. Данное обстоятельство при отсутствии эффективной системы административного регулирования содержания таких животных, по мнению автора статьи, может привести к нарушению прав граждан, проживающих по соседству. Усложнение общественных отношений, связанных с содержанием животных, предопределяет необходимость совершенствования системы административного регулирования данной сферы. В связи с этим приобретает актуальность ретроспективный анализ правовых норм, регулировавших содержание животных на предыдущих этапах развития общества. В рамках проведенного автором статьи исследования было выявлено отсутствие преемственности между системой административно-правового регулирования содержания животных, существовавшей в Советском Союзе, и правовыми нормами, регулирующими рассматриваемую сферу общественных отношений, пришедшими им на смену. Подчеркивается, что недостатки в правовом регулировании содержания животных могут негативно сказываться на деятельности по защите прав граждан. **Методы.** Методологическую основу исследования составили: общетеоретические методы (дедукция и индукция), метод анализа документов, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения. **Результаты.** Изучение нормативно-правовых актов советского периода истории нашей страны, регламентировавших содержание животных, позволило выявить положительный опыт в области административного регулирования, который, по мнению автора, следует учитывать в современных реалиях. В ходе исследования установлено, что увеличивается количество животных, содержащихся в многоквартирных жилых домах и частных домовладениях. В связи с этим отмечается необходимость нормативного закрепления требований, предъявляемых к их содержанию в жилом секторе.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе весьма актуальными стали вопросы административно-правового регулирования обращения с животными. За последние десятилетия существенно усложнились общественные отношения, связанные с содержанием животных, что послужило причиной для развития нормативной базы в данной сфере. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил административно-правовые основы обращения с животными. Принятие этого закона стало важным шагом на пути к формированию системы административно-правового регулирования содержания животных. Однако он не является первым отечественным нормативным актом, призванным урегулировать общественные отношения в рассматриваемой сфере. Поэтому представляется важным провести ретроспективный анализ законодательства, имеющего отношение к содержанию животных. Анализ исторического опыта является одним из средств совершенствования действующего законодательства.

Целью проведенного нами исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, было выявление особенностей действовавших ранее административно-правовых норм, регулировавших содержание животных, для того, чтобы установить, каким образом можно повысить эффективность существующей в наше время системы административно-правового регулирования данной области общественных отношений.

Для решения поставленной задачи нами было обращено внимание на отношение к обращению с животными в отечественном праве в различные периоды его существования. Отметим, что по мере развития общества существенно менялись цели содержания животных. С.С. Сергеев пишет: «Содержание животных на протяжении многих веков развития человечества носило в первую очередь хозяйственный характер. Представители животного мира, прирученные нашими предками, сыграли существенную роль в развитии социума, так как появление домашних животных и специальное их выведение с целью использования в хозяйственных нуждах поспособствовало значительному сокращению времени, необходимого людям для добычи себе пропитания» [1, с. 59].

Определим основные этапы развития законодательства в данной области. Стоит отметить, что в рамках науки административного права этот аспект недостаточно исследован, в связи с чем обратимся к результатам научных изысканий в смежных отраслях права. Значительный интерес вызывает позиция, высказанная Р.Б. Осокиным в его фундаментальном научном исследовании на тему «Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против обще-

ственной нравственности». Он, в частности, ведет речь о четырех периодах развития регулирования уголовной ответственности за жестокое обращение с животными: это периоды некодифицированного (до 1845 года), «уложенческого» (с 1845 по 1917 год), советского (с 1917 по 1991 год) и постсоветского (с 1991 года по настоящее время) регулирования¹. Однако в рамках нашего исследования акцент делался на уникальных особенностях формирования отечественной системы административного регулирования содержания животных, в связи с чем предложенная Р.Б. Осокиным периодизация была упрощена. Нами определены три основных этапа развития в российском праве административно-правовых норм, регулирующих содержание животных:

- 1) досоветский этап (до 1917 года);
- 2) советский этап (1917-1991 годы);
- 3) современный этап (1991 год - настоящее время).

МЕТОДЫ

Использованы основные теоретические методы (индукция, дедукция, анализ и синтез), позволяющие проводить анализ нормативно-правовых актов и мнений ученых, проводивших исследования в рассматриваемой сфере. Посредством метода анализа документов были установлены особенности нормативно-правовых актов, регламентирующих содержание животных в разные исторические периоды. Оказался востребован метод сравнительного правоведения. С его помощью выявлена тенденция усиления административно-правового регулирования по мере развития общества. Формально-юридический метод позволил исследовать юридические понятия, связанные с регулированием содержания животных.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрение предпосылок формирования правовых норм, регулировавших содержание животных на досоветском этапе, целесообразно начать со времен Древнерусского государства, в котором животноводство имело огромное значение. На это указывает Б.Д. Греков, изучивший сведения об останках различных представителей домашнего скота в поселениях данного периода [2, с. 42]. В своих исследованиях он опирается, в частности, на выводы В.В. Хвойки: «Обитатели Среднего Приднепровья Славянской эпохи знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения – первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству» [3, с. 103]. А.С. Трофимов, изучавший содержание животных жителями Древней Руси, пишет: «Скот, как и земля, являлся одним из источников богатства и знатности их владельцев. Даже кованые железом деревянные сундуки, в которых хранились золотые и серебряные украшения, богатая одежда, меха, деньги и другие вещи, назывались скотницами»².

¹ Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 581 с.

² Трофимов А.С. Зоогигиена и ветеринарная санитария в Древней Руси // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000947> (дата обращения: 22.09.2024).

Andrei I. PAHOMKIN,
ORCID 0009-0006-1826-5447
Saint-Petersburg University of the Ministry of
the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Adjunct
pahomkin1995@yandex.ru

Scientific supervisor:
Alexander V. RAVNYUSHKIN,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Deputy Head
of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg
University of the Ministry of the Interior of Russia

HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ANIMAL KEEPING IN RUSSIA

KEYWORDS. Domestic animals, administrative regulation, treatment of animals, keeping animals, administrative responsibility, historical and legal background.

ANNOTATION. *Introduction.* As society developed, the purposes of keeping animals changed significantly. Over time, keeping domestic animals, including representatives of exotic species, in residential premises became widespread. This circumstance, in the absence of an effective system of administrative regulation of keeping such animals, according to the author of the article, can lead to the violation of the rights of citizens living in the neighborhood. The complication of social relations associated with keeping animals predetermines the need to improve the system of administrative regulation in this area. In this regard, a retrospective analysis of the legal norms regulating the keeping of animals at previous stages of society's development becomes relevant. As part of the study conducted by the author of the article, a lack of continuity was revealed between the system of administrative and legal regulation of keeping animals that existed in the Soviet Union and the legal norms regulating the considered sphere of social relations that replaced them. It is emphasized that shortcomings in the legal regulation of keeping animals can negatively affect the activities to protect the rights of citizens. *Methods.* The methodological basis of the study was made up of: general theoretical methods (deduction and induction), document analysis method, formal legal method, comparative law method. *Results.* The study of normative legal acts of the Soviet period of our country's history that regulated the keeping of animals allowed us to identify positive experience in the field of administrative regulation, which, in the author's opinion, should be taken into account in modern realities. The study established that the number of animals kept in apartment buildings and private households is increasing. In this regard, the need for regulatory consolidation of requirements for their keeping in the residential sector is noted.

В.И. Цалкин, изучив обширный массив археологических данных, обратил внимание на значительные трудности в содержании домашнего скота, которые испытывали жители Древней Руси [4].

На основе анализа результатов научных исследований можно сделать вывод о том, животноводство, в отличие от ремесел, в Древней Руси было хорошо развито, оно служило одним из главных источников пищи. Утрата животного в результате противоправных действий наносила существенный ущерб их владельцу, в связи с чем сфера обращения с животными нуждалась в государственном регулировании с момента становления первых государственных образований.

Правовые нормы, так или иначе защищавшие животных от противоправных посягательств, впервые появились в Русской Правде 1016 года. Проведя анализ этого документа, В.Н. Сафонов пришел к выводу о том, что Русская Правда рассматривала жестокое обращение с животными как преступление против собственности. К примеру, за хищение или уничтожение княжеского коня виновного ожидало денежное взыскание в размере 3 гривен, за те же действия в отношении коня смерда – в размере 2 гривен [5, с. 259]. С.В. Ивано-

ва исследовала вторую часть краткой редакции Русской Правды с целью изучения наказаний за противоправные действия в отношении животных. Например, предусматривались штрафы за хищение сельскохозяйственных животных – не более 60 резан. При этом штраф за хищение животных, использовавшихся в охоте, достигал 3 гривен [6, с. 96]. Можно сделать вывод о том, что в данном нормативном акте законодатель разграничил ответственность за хищение животных в зависимости от сферы человеческой деятельности, в которой они использовались.

Существенный вклад в развитие нормативно-правовой базы регулирования общественных отношений, связанных с содержанием животных, был внесен Соборным уложением 1649 года. Е.А. Батурина отмечает, что в этом акте, помимо уголовной, устанавливалась и гражданско-правовая ответственность за посягательства на домашних животных, в том числе за их уничтожение [7, с. 20].

В XVIII веке в России активно развиваются города, привлекая всё больше переселенцев из сельской местности. Однако, несмотря на процессы, связанные с урбанизацией, люди не отказались от содержания животных в домашних условиях.

В города, кроме кошек и собак, содержание которых в жилом секторе не вызывает больших проблем, «переехали» и животные других видов. Как отмечает А.Н. Журов, в XVIII веке многие жители Санкт-Петербурга содержали в городе скот, что создавало значительные трудности для других людей. 8 июня 1719 года столичным генерал-полициеймейстером А.М. Девиером был издан указ «О воспрещении выпускать на городские улицы домашний скот, об определении к оному пастухов и об отводе пастбищных мест». Указ полностью не запрещал содержания скота в Санкт-Петербурге, однако ограничивал места его выпаса и обязывал пастухов регистрироваться в полициеймейстерской канцелярии [8, с. 8]. Данный указ можно считать первым в России нормативным актом, регулировавшим содержание животных в жилом секторе. Субъектом регулирования выступало полицейское управление.

В XIX веке значительное распространение получило содержание домашних животных, не используемых для какой-либо хозяйственной цели, что, в свою очередь, вызвало необходимость совершенствования законодательства, регулировавшего общественные отношения в этой сфере. Поэтому важным шагом было выделение в отдельную главу преступлений против общественной нравственности в Уложениях о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года. Это было сделано, как подчеркивает Р.Б. Осокин, впервые в российской истории [9, с. 11]. Позднее вклад в развитие регулирования содержания животных внесла гл. 13 «О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью» Уголовного уложения 1903 года. Статья 287 устанавливала ответственность за совершение действий, связанных с неоправданным и необоснованным мучением домашнего животного. Впрочем, применение терминов «неоправданное» и «необоснованное» в тексте этой статьи Уголовного уложения существенным образом затрудняло ее правоприменение [5]. Согласно точке зрения Н.С. Таганцева, объектом указанного преступного деяния являлось не само животное существо, а интересы общественной нравственности, так как уголовно-правовая норма запрещала исключительно мучения домашнего животного, в то время как причинение смерти домашнему животному (без мучений) не являлось уголовно наказуемым деянием¹.

Таким образом, очевидно, что регулирование содержания животных на досоветском этапе осуществлялось главным образом посредством уголовного законодательства. Начавшийся процесс урбанизации создал предпосылки для принятия на местном уровне нормативно-правовых актов, регулирующих содержание животных в населенных пунктах.

Далее, необходимо рассмотреть динамику изменения подхода к регулированию содержа-

ния животных в советское время. В начале XX века содержание домашних животных получило весьма существенное распространение. Однако изувечение и умерщвление животных оставались лишь способами совершения преступлений, посягающих на собственность. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года в гл. VI «Имущественные преступления» ст. 196 устанавливала ответственность за уничтожение, истребление или повреждение имущества, принадлежащего учреждению, предприятию или частному лицу. Преступление каралось лишением свободы на срок до одного года, или принудительными работами на тот же срок, или штрафом до 500 рублей золотом [10, с. 19].

В 1928 году Советом Народных Комиссаров РСФСР было принято постановление «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак», которым во всех городах и курортных поселках республики вводилась обязательная регистрация собак местными отделами коммунального хозяйства². Отметим изменение подхода к субъектам надзора за соблюдением условий содержания животных. Функции по регулированию в данной сфере переданы местным отделам коммунального хозяйства – государственным органам, имеющим хозяйственное, а не правоохранительное назначение.

Изучив постановление, можно сделать вывод о том, что Совет Народных Комиссаров достаточно прогрессивно подошел к вопросу о значимости устанавливавшихся документом мер именно для крупных населенных пунктов. Была, в частности, закреплена обязанность проживавших в них граждан регистрировать своих собак. Однако сохранялась возможность в случае необходимости введения подобных мер и в более мелких поселениях: обязательная регистрация собак могла вводиться постановлениями краевых, областных и губернских исполнительных комитетов и советов народных комиссаров автономных республик³.

Особое значение рассматриваемое постановление имело для развития категориального аппарата в области регулирования содержания животных. Отделы коммунального хозяйства, чьи полномочия были значительно расширены, стали субъектами надзора. Кроме того, введение вышеуказанной меры именно в крупных городах, то есть в тех местах, где нарушение условий содержания животных может нарушать права широкого круга граждан, говорит о важности административного регулирования содержания животных в жилом секторе.

Необходимо отметить, что в постановлении «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак» была и еще одна значимая новация: наделение местных органов власти правами самостоятельно осуществлять административное регулирование содержания животных. Также стоит обратить внимание и на закрепление такой меры администра-

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2016.

² Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 01.10.1928 «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391317-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-o-meropriyatiyah-po-borbe-s-beshenstvom-sobak-1-oktyabrya-1928-goda>.

³ Пункт 1 постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 01.10.1928 «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак».

тивного воздействия, как отлов собак (имеет место и в действующем законодательстве¹).

Рассмотренное постановление действовало до 1980 года. Оно утратило силу с принятием Советом Министров РСФСР постановления «Об упорядочении содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР». В преамбуле данного постановления сказано: «Владельцы собак и кошек не всегда обеспечивают надлежащее их содержание, вследствие чего создается антисанитарная обстановка в жилых домах, дворах, скверах, на улицах и в других общественных местах, а в ряде случаев приводит к причинению вреда здоровью людей. Вместе с тем имеют место случаи жестокого обращения с собаками и кошками, некоторые владельцы этих животных, не желая в дальнейшем содержать их, оставляют собак и кошек безнадзорными. Допускаются негуманные способы отлова безнадзорных животных, нередко в присутствии детей, что вызывает обоснованные жалобы граждан»². Подчеркнем, что в этом нормативно-правовом акте впервые делаются акценты на профилактике заболеваний, на обеспечении нормальных условий проживания граждан, сталкивающихся с нарушением правил содержания животных, а также на недопустимости жестокого обращения с животными.

Основной мерой, предложенной для достижения поставленных целей, стала обязательная регистрация собак. Постановление потребовало ввести в городах, рабочих, курортных и дачных поселках обязательные регистрацию и ежегодную перерегистрацию собак, принадлежащих гражданам, предприятиям, организациям и учреждениям³. При этом особое внимание было уделено разъяснительной работе с гражданами на предмет ответственного обращения с животными. Разработку правил содержания собак и кошек Совет Министров поручил осуществить в двухмесячный срок Министерству жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, Министерству сельского хозяйства РСФСР, Министерству здравоохранения РСФСР, Министерству юстиции РСФСР и Роспотребсоюзу⁴.

Обратим внимание на значительную распространенность содержания собак в крупных городах Советского Союза. «По данным Главного управления ветеринарии МСХ СССР, – пишет Б.Д. Хоботов, – в 1980 г. в городах и сельской местности было зарегистрировано и привито против бешенства 7973 тыс. собак. В 15 крупнейших городах нашей страны (Москва, Ленинград, Киев, Волгоград и другие) в 1980 г. зарегистрировано более 523,5 тыс. собак – в среднем 20 собак на 1000 жителей» [11, с. 21].

Правила содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР (далее – Правила содержания собак и кошек) были утверждены Советом Министров РСФСР 29 июня 1981 года. Содержание этих животных в отдельных квар-

тирах, занятых одной семьей, допускалось при условии соблюдения санитарно-гигиенических и ветеринарно-санитарных правил и Правил содержания собак и кошек, а в квартирах, занятых несколькими семьями, кроме того, лишь при наличии согласия всех проживающих (п. 1.2). Данный нормативно-правовой акт обязывал владельцев животных не допускать загрязнения их собаками и кошками квартир, лестничных клеток, лифтов, подвалов и других мест общего пользования в жилых домах, а также дворов, тротуаров, улиц. Такие загрязнения должны были немедленно устраняться владельцами животных (п. 2.2). Помимо ряда ограничений, Правилами содержания собак и кошек предусматривалась обязанность владельцев собак своевременно регистрировать и перерегистрировать своих питомцев. При переезде о наличии этих животных необходимо было ставить в известность жилищно-эксплуатационные организации по новому месту жительства (п. 2.5).

Отметим, что обязательная регистрация животных применяется и в наше время. Несмотря на то, что федеральным законодательством данная мера административного регулирования не предусмотрена, она нашла свое отражение в законодательстве некоторых субъектов федерации. Так, в соответствии с Законом Московской области от 23 декабря 2022 г. № 230/2022-ОЗ «О регулировании отдельных правоотношений в области обращения с животными в Московской области и о внесении изменений в Закон Московской области «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области», регистрация собак для лиц, проживающих в Московской области, является обязательной. Она регулируется постановлением Правительства Московской области от 20 июня 2023 г. № 406-ПП «Об утверждении Порядка регистрации домашних животных на территории Московской области». На наш взгляд, подобный подход к регистрации животных не является комплексным. На это же указывает и Н.А. Кулаков: «Административно-процессуальные нормы, регламентирующие регистрационное производство в отношении таких объектов, как домашние животные, следует принять на федеральном уровне. Нормы должны быть единообразными для всего правового пространства Российской Федерации. Это обусловлено, в частности, вопросами внутренних миграционных процессов» [12, с. 188]. Согласимся с приведенным мнением и обратим внимание на то, что население Московской области существенно увеличивается в летний период по причине сезонной субурбанизации – переезда жителей крупных городов на дачи. Многие граждане, постоянно проживающие в Москве, приезжают в загородные дома, находящиеся на территории Московской области, вместе со своими животными на время выходных или отпусков. В подобных условиях обязательная регистрация

¹ Статья 7 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Постановление Совета Министров РСФСР от 23.09.1980 № 449 «Об упорядочении содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах РСФСР» (ред. от 29.10.1992).

³ Там же. П. 1.

⁴ Там же. П. 5.

домашних животных в рамках одного субъекта федерации не представляется достаточно эффективной мерой, так как граждане, постоянно проживающие, например, в Москве, своих животных регистрировать не обязаны.

Итак, изучение нормативных актов позволяет сделать вывод об изменении общественных отношений, связанных с содержанием животных, произошедшем в период времени со вступления в законную силу в 1928 году постановления «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак» до вступления в законную силу в 1981 году Правил содержания собак и кошек. Первое из названных постановлений наделяло государственные органы серьезными полномочиями в области регулирования содержания животных в жилом секторе, но само это регулирование в первую очередь было направлено на профилактику распространения болезней, переносимых животными. Такую же цель имели и нормативные акты досоветского этапа развития регулирования содержания животных. А вот в принятых в 1981 году Правилах содержания собак и кошек акцент сделан уже на соблюдении правил обращения с животными в местах общего пользования. Кроме того, уделено особое внимание местам содержания животных. В качестве предмета регулирования указаны общественные отношения в области содержания животных именно на территории городов и населенных пунктов. Подобный подход говорит об имевшейся необходимости в регулировании общественных отношений в зависимости от места содержания животного.

С целью выявления причин изменения подхода к регулированию содержания животных обратимся к статистике. Р.А. Попов, изучив динамику показателей урбанизации РСФСР во второй половине XX века, отметил, что доля городского населения республики за время с 1959 до 1989 год увеличилась на 75 процентов [13, с. 226]. «В Москве в 1980 г. владельцев собак было примерно 150 тыс. – вдвое меньше, чем владельцев автомашин, пишет Б.Д. Хоботов. – В Ленинграде немногим более 100 тыс., в Киеве – 55 тыс. В 15 крупнейших городах нашей страны количество собак с 1970 по 1980 г. увеличилось в 1,4 раза, а численность населения возросла в 1,2 раза, реальные доходы на душу населения – в 1,46 раза, более 40% населения переселились из коммунальных квартир в отдельные, то есть рост количества собак отражает рост благосостояния населения» [11, с. 20].

Обратим внимание на то, что значительная часть населения крупных городов в рассматриваемый период жила в коммунальных квартирах, что еще сильнее увеличивало плотность проживания граждан. В связи с этим граждане, сами не содержащие животных, стали чаще вступать в общественные отношения, связанные с содержанием животных в жилом секторе, поэтому возникла необходимость в совершенствовании регулирования таких отношений и развитии соответствующего категориально-понятийного аппарата.

На наш взгляд, существенный рост урбанизации стал причиной усложнения общественных отношений, связанных с содержанием животных в

жилом секторе, в связи с чем была расширена система административно-правового регулирования в данной сфере. Одной из основных задач принятых в 1981 году Правил содержания собак и кошек была защита прав граждан от нарушения условий содержания животных их хозяевами.

Жилищно-эксплуатационные организации стали еще одним субъектом надзора в области содержания животных. Их роль в административном регулировании содержания животных была весьма значительной. Правила содержания собак и кошек (п. 4.1) к кругу их обязанностей относили:

- осуществление систематического контроля за своевременной регистрацией и перерегистрацией собак их владельцами;

- выделение на территории домовладения по согласованию с органами ветеринарного и санитарного надзора площадки для выгула собак, ее оборудование, а также обеспечение поддержания нормального санитарного состояния этой площадки;

- сообщение организациям, занимающимся отловом, о появлении на своей территории бродячих собак и кошек.

Важная роль в области административного регулирования содержания животных отводилась местным органам исполнительной власти. Горисполкомы и райисполкомы (их функции в настоящее время перешли к городским и районным администрациям) должны были устанавливать, согласно п. 2.6 Правил содержания собак и кошек, количество кошек и собак, содержание которых разрешалось на вверенной им территории.

Пунктом 2.7 рассматриваемых правил предусматривалась обязанность владельцев гуманно обращаться с животными (не выбрасывать, не оставлять их без присмотра, пищи, воды, не избивать их и т.п.). При нежелании владельцев в дальнейшем содержать собак и кошек их требовалось сдавать в организации, занимающиеся отловом, либо передавать в установленном порядке другим организациям или гражданам, либо продавать их.

Отдельное внимание в Правилах содержания собак и кошек было уделено комфорту и безопасности граждан, проживавших в жилом секторе, использовавшемся для выгула собак их владельцами. Так, п. 3.1 предписывал «выводить собак из жилых помещений (домов), а также изолированных территорий в общие дворы и на улицу только на коротком поводке или в наморднике, с номерным знаком на ошейнике (кроме щенков до трехмесячного возраста)». Пункт 3.2 обязывал владельцев собак выгуливать животных только на специально отведенной для этого площадке, а при ее отсутствии – на пустырях и в других местах, определенных исполкомами местных Советов народных депутатов. Кроме того, п. 3.3 ограничивал выгул собак временным промежутком с 7.00 до 23.00, а владельцы собак должны были принимать меры к обеспечению тишины. Пунктом 3.4 запрещался выгул собак лицами, находящимися в нетрезвом состоянии.

Обязанности по регистрации, перерегистрации, выдаче регистрационных удостоверений и номерных знаков возлагались на органы ветери-

нарного надзора (п. 4.2). Им наряду с другими организациями предписывалось также вести разъяснительную работу с населением с целью предупреждения заболеваемости животных и соблюдения санитарно-ветеринарных правил. Осуществление контроля за соблюдением санитарных правил содержания дворов и других территорий возлагалось на органы здравоохранения и милицию.

Отметим значительное увеличение количества субъектов надзора за соблюдением условий содержания животных. На наш взгляд, это связано с существенным усложнением общественных отношений в данной сфере. Имевший место в XX веке существенный рост урбанизации привел к увеличению количества содержащихся в жилом секторе животных, что повлекло за собой и повышение числа негативных явлений, связанных с их содержанием. В подобных условиях эффективное регулирование возможно только при взаимодействии различных государственных органов власти, имеющих как хозяйственные, так и правоохранительные функции.

Ответственность за нарушение норм, закрепленных в рассмотренных Правилах содержания собак и кошек, была введена лишь спустя некоторое время. В 1984 году был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР), в ст. 102 которого предусматривалась ответственность за нарушение правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах. А в 1988 году в КоАП РСФСР указом Президиума Верховного Совета РСФСР была введена ст. 102.1, закрепившая ответственность за жестокое обращение с животными. Стоит отметить, что при квалификации правонарушения по ст. 102 КоАП РСФСР особое значение имело место нарушения правил содержания животных – им мог быть город или другой населенный пункт. Если проступок совершался вне этих мест, например на объектах морского или железнодорожного транспорта, административное правонарушение могло квалифицироваться по ст. 102.1 КоАП РСФСР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа исторического аспекта регулирования содержания животных можно сделать вывод о том, что за многие века существенно изменились как цели содержания животных человеком, так и сам подход к их содержанию. Со временем люди всё чаще стали использовать животных в качестве домашних питомцев, и, несмотря на процесс урбанизации, это увлечение не утратило популярности.

Содержание животных в сельской местности, несомненно, более естественный процесс, чем содержание животных в условиях городских квартир. В сельской местности большинство распространенных видов животных содержится в условиях, приближенных к условиям их естественной среды обитания. Кроме того, нарушение условий содержания животных в сельской местности, на наш взгляд, имеет меньшую общественную опасность, как минимум в силу гораздо меньшей плотности проживания населения.

При этом подход к определению области регулирования содержания животных, отразившийся в Правилах содержания собак и кошек, на наш взгляд, не представляется совершенным в виду того, что жилые строения в отдельных населенных пунктах могут занимать меньшую часть их площади. Более правильным представляется развитие административного регулирования рассматриваемого вида в рамках жилого сектора.

Понятие жилого сектора не закреплено в действующем законодательстве, однако оно часто упоминается в различных научных трудах. Так, по мнению А.В. Коркина, «жилой сектор – это часть территории муниципального образования, включающая территории многоквартирных домов, находящихся в ведении товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных потребительских кооперативов, управляющих организаций, а также территории частных домовладений, расположенных как в муниципальных образованиях, так и за их пределами» [14, с. 6]. Впрочем, применительно к нашему научному исследованию целесообразно использовать другое определение: жилой сектор – это совокупность всех помещений многоквартирных жилых домов, частных домовладений, используемых в качестве жилища, территорий и общественных мест, располагающихся в непосредственной близости от жилых помещений и используемых как в повседневных бытовых взаимоотношениях, так и в рекреационных целях, за исключением помещений и территорий, имеющих коммерческое назначение, совершение правонарушения в которых может нарушать права проживающих на данной территории граждан [15].

Значительно увеличившаяся плотность населения в крупных городах и улучшение качества жизни граждан повлекли за собой рост количества домашних животных, что стало причиной возникновения большего числа противоправных деяний, связанных с их содержанием. При этом с развитием общественных отношений, связанных с содержанием животных, возрастало и количество субъектов надзора в данной сфере, что говорит о низкой эффективности административного регулирования содержания животных одним субъектом административного надзора. Более эффективным выглядит подход, при котором субъектами надзора выступают несколько государственных органов, каждый из которых осуществляет административное регулирование содержания животных в рамках своей компетенции.

В завершение перечислим особенности действовавшего ранее законодательства, учет которых мог бы позитивно сказаться на качестве современного административно-правового регулирования содержания животных:

1. Административному регулированию подвергались в первую очередь общественные отношения в области содержания животных в населенных пунктах. В условиях растущего уровня урбанизации современной России особую актуальность приобретают правовые нормы, регулирующие содержание животных в жилом секторе.

2. По мере развития общественных отношений, связанных с содержанием животных, увеличивалось количество субъектов надзора, имеющих функции в различных сферах жизнедеятельности. Подобный подход, на наш взгляд, может позитивно сказаться на эффективности мер административного регулирования содержания животных.

3. Наличие уголовной ответственности за совершенное повторно административное правонарушение, имеющее признаки жестокого обращения с животным, представляется эффективной мерой по противодействию жестокому обращению с животными.

4. В целях соблюдения принципа универсальности и единообразия регулирования вопросов, связанных с содержанием животных в жилом секторе, необходимо установить единые требования и единый порядок регистрации животных, включив соответствующие правовые нормы в Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ

«Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Обязательная регистрация животных на всей территории Российской Федерации, по нашему мнению, имеет существенные преимущества перед реализацией подобной меры в границах отдельных субъектов федерации. Это исключает возникновение правовой неопределенности в случае временной миграции лиц, содержащих животных, из одного субъекта федерации в другой.

Население современной России, вступившей в постиндустриальную эпоху, в основном проживает в городах. Кроме того, растет уровень жизни граждан. Результаты проведенного нами исследования указывают на взаимосвязь между данными обстоятельствами и тенденцией к усложнению общественных отношений, связанных с содержанием животных, в связи с чем сохраняется необходимость в усилении административного регулирования данной сферы. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергеев С.С. Утилитарные функции животных в истории // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. Новосибирск: Золотой колос, 2021. С. 58-62.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л.: Госполитиздат, 1953. 567 с.
3. Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев: тип. «т-ва Е.А. Синькевич», 1913.
4. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. М: Издательство АН СССР, 1955. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 51). 184 с.
5. Сафонов В.Н., Юшина Ю.Р. Историко-правовое исследование становления уголовной ответственности в России за жестокое обращение с животными // Закон. Право. Государство. 2022. № 1 (33). С. 258-264.
6. Иванова С.В. Этапы становления законодательства о животном мире // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 96-100.
7. Батуринская Е.А. Жестокое обращение с животными // Механизмы защиты прав человека и гражданина в России. Материалы научно-практической конференции. СПб, 2015. С. 19-23.
8. Журов А.Н., Гостев С.С., Ермаков Е.Г. Участие полиции в обеспечении благоустройства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 7-10.
9. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности: история и зарубежный опыт противодействия: Монография. Тамбов, 2013. 156 с.
10. Отбоева Р.Р. Ответственность за жестокое обращение с животными: история и современность // Юриспруденция и Право: Исследования. Инновации. Практика. 2019. № 1. С. 18-23.
11. Хоботов Б.Д. Собаководство в СССР // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 8. С. 20-22.
12. Кулаков Н.А. Проблемы административно-правового регулирования содержания домашних животных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 186-192.
13. Попов Р.А. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005 с. С. 215-244.
14. Коркин А.В. Актуальные вопросы профилактики правонарушений в жилом секторе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 2-7.
15. Пахомкин А.И. Понятие жилого сектора в целях совершенствования мер по административному регулированию содержания животных // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 1431-1437.

REFERENCES

1. Sergeyev S.S. Utilitarnyye funktsii zhivotnykh v istorii // Problemy formirovaniya pravovogo sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoy Rossii. Materialy Vserossiyskoy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Novosibirsk: Zolotoy kolos, 2021. S. 58-62.
2. Grekov B.D. Kiyevskaya Rus'. L.: Gospolitizdat, 1953. 567 s.
3. Khvoyka V.V. Drevniye obiteli Srednego Pridneprov'ya i ikh kul'tura v doistoricheskoye vremena (po raskopkam). Kiyev: tip. «t-va Ye.A. Sin'kevich», 1913.

4. Tsalkin V.I. *Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v drevney Rusi*. M: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. № 51). 184 s.
5. Safonov V.N., Yushina Yu.R. Istoriko-pravovoye issledovaniye stanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti v Rossii za zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi // *Zakon. Pravo. Gosudarstvo*. 2022. № 1 (33). S. 258-264.
6. Ivanova S.V. *Etapy stanovleniya zakonodatel'stva o zhivotnom mire* // *Agrarnoye i zemel'noye pravo*. 2016. № 10 (142). С. 96-100.
7. Baturinskaya Ye.A. Zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi // *Mekhanizmy zashchity prav cheloveka i grazhdanina v Rossii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. SPb, 2015. S. 19-23.
8. Zhurov A.N., Gostev S.S., Yermakov Ye.G. Uchastiye politsii v obespechenii blagoustroystva Sankt-Peterburga v pervoy chetverti XVIII v. // *Yuridicheskaya nauka*. 2020. № 11. S. 7-10.
9. Osokin R.B. *Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennoy npravstvennosti: istoriya i zarubezhnyy opyt protivodeystviya: Monografiya*. Tambov, 2013. 156 s.
10. Otboyeva R.R. Otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi: istoriya i sovremennost' // *Yurisprudentsiya i Pravo: Issledovaniya. Innovatsii. Praktika*. 2019. № 1. S. 18-23.
11. Khobotov B.D. *Sobakovodstvo v SSSR* // *Okhota i okhotnich'ye khozyaystvo*. 1983. № 8. S. 20-22.
12. Kulakov N.A. Problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya sodержaniya domashnikh zhivotnykh // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2021. № 3 (91). S. 186-192.
13. Popov R.A. *Urbanizirovannost' regionov Rossii vo vtoroy polovine XX veka* // *Rossiya i yeye regiony v XX veke: territoriya – rasseleniye – migratsii*. M.: OGI, 2005 s. S. 215-244.
14. Korkin A.V. Aktual'nyye voprosy profilaktiki pravonarusheniy v zhilom sektore // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2015. № 4. S. 2-7.
15. Pakhomkin A.I. Ponyatiye zhilogo sektora v tselyakh sovershenstvovaniya mer po administrativnomu regulirovaniyu sodержaniya zhivotnykh // *Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya). Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 1431-1437.

© Пахомкин А.И., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомкин А.И. Исторический аспект формирования системы административно-правового регулирования содержания животных в России // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 1 (79). С. 101-109.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Игорь Александрович ГОРКОВЕНКО,
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
начальник Калининградского филиала
kfspbu@mvd.ru

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,
кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0009-5680-989X
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала
alexpolyakov1503@mail.ru

Научная статья
УДК 351.74

СОДЕЙСТВИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Несовершеннолетний, подростковая преступность, противодействие преступности, содействие граждан, конфиденциальность, обеспечение безопасности, оперативные подразделения, оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Несмотря на снижение в 2024 году общего количества зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, в том числе преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них, пристального внимания требуют вопросы, касающиеся состояния оперативной обстановки. Это необходимо для обеспечения незамедлительного реагирования на возникновение угроз обществу и государству. Эффективность выполнения возложенных на органы внутренних дел (далее – ОВД) задач по борьбе с преступностью во многом зависит от качества осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД). Ее возможности нередко оказываются единственным способом решения этих задач, что, в свою очередь, предопределяет необходимость совершенствования ОРД ОВД. И здесь значимую роль играет содействие граждан осуществлению ОРД. Вместе с тем существуют проблемы, связанные с его оказанием, которые снижают эффективность проводимой оперативными подразделениями ОВД работы. Целью проведенного авторами статьи исследования являлось определение мер, реализация которых способствовала бы совершенствованию оперативно-разыскного законодательства в сфере содействия граждан оперативным подразделениям ОВД. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы: метод описания; метод логического осмысления; методы анализа, классификации и обобщения, призванные систематизировать установленные факты и дать им толкование. *Результаты.* В борьбе с преступностью, в том числе в подростковой среде, оперативным подразделениям ОВД отводится особая роль. Это связано с наделением их правом на осуществление ОРД, что обуславливает не только проведение оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), но и установление отношений содействия с гражданами. Вместе с тем существующие в законодательстве пробелы в сфере регламентации такого содействия негативно отражаются на решении задач ОРД. Внесение в нормативно-правовые акты необходимых изменений позволит более эффективно реализовывать деятельность по решению задачи в области противодействия преступности, в частности подростковой. По мнению авторов статьи, детальное нормативное закрепление условий и процедуры привлечения несовершеннолетних к содействию оперативным подразделениям ОВД позволит обеспечить защиту прав таких лиц и исключить недоверие органов предварительного расследования и суда к результатам ОРМ, проведенных с их участием. Сформулированные по результатам исследования выводы ориентированы на совершенствование оперативно-разыскной работы, осуществляемой при содействии несовершеннолетних.

ВВЕДЕНИЕ

Сотрудники оперативных подразделений, решая задачи, возложенные на них Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), неизбежно сталкиваются с необходимостью использования для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений помощи граждан, в том числе несовершеннолетних, как на гласной, так и на конфиденциальной основе. Метод, который в данном случае применяют органы, осуществляющие ОРД, называется агентурным. Это совокупность приемов и способов поведения сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие, направленных на получение значимой для достижения целей ОРД информации, ее документирование и реализацию. Данный метод активно применяется в оперативной работе для противодействия всем видам преступности, в том числе и преступности несовершеннолетних.

Согласно данным МВД России¹, за 2024 год на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 миллион 911 тысяч 258 преступлений, из них раскрыто 899 тысяч 610 преступлений, осталось не раскрыто 1 миллион 011 тысяч 648 преступлений. 26 тысяч 398 преступлений было совершено несовершеннолетними или при их участии. В сравнении с предшествовавшим годом их количество уменьшилось на 3,4%, что может указывать на повышение качества проводимой ОВД работы, в том числе профилактической [1, с. 549].

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 2 апреля 2024 года, отметил: «...уровень подростковой преступности снижается... Это свидетельствует о том, что линия на системную профилактику подростковых преступлений была выбрана правильно. И нужно ее продолжать»². Значимость борьбы с преступлениями в среде несовершеннолетних подчеркнута и в Стратегии национальной безопасности, где прямо указано на то, что достижение целей обеспечения безопасности общества и государства осуществляется решением в числе других и такой задачи, как «предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи»³.

Говоря о деятельности по борьбе с преступностью, необходимо иметь в виду, что несовершеннолетние могут выступать не только в качестве правонарушителей, но и в качестве лиц, помогающих раскрывать преступления. Об этом, например, писал профессор А.Ю. Шумилов⁴, представляя классификацию участников ОРД. Несовершеннолетние он рассматривал и как объект ОРД, и как лиц, оказывающих содействие в оперативной работе.

«Востребованность и оправданность установления отношений сотрудничества с лицами, не достигшими совершеннолетия, – пишет профессор О.М. Овчинников, – продиктована современной ситуацией, требующей адекватного и соразмерного ответа преступным элементам, демонстрирующим постоянное совершенствование способов совершения и сокрытия преступлений, использующим пробелы и слабые места действующего законодательства» [2, с. 77].

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений по борьбе с преступностью несовершеннолетних; абстрагирование и обобщение, призванные систематизировать установленные факты и дать им толкование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на снижение уровня преступности несовершеннолетних, работа по противодействию ей не теряет своей актуальности, оставаясь одним из приоритетных направлений деятельности ОВД. Она требует постоянного внимания едва ли не всех государственных органов и принятия всевозможных мер по повышению ее результативности, включая и меры оперативно-разыскного характера. Особое место в этой работе занимают оперативные подразделения ОВД, в распоряжении которых находятся необходимые для обеспечения ее эффективности силы и средства. Чтобы достичь целей в решении задач ОРД, сотрудники оперативных подразделений применяют особую тактику получения и использования оперативно-разыскной информации [3, с. 208]. Владение информацией оперативно-разыскного характера о преступных проявлениях в подростковой среде обеспечивается комплексом методов и средств, и в частности посредством использования конфиденциальной помощи лиц, привлеченных к содействию.

В соответствии с ФЗ «Об ОРД» оперативные подразделения могут привлекать отдельных лиц с их согласия к подготовке или проведению ОРМ, в том числе по контракту, и сохранять при необходимости в тайне сам факт такого содействия. Вместе с тем законодатель устанавливает, что контракты могут заключаться только с совершеннолетними дееспособными лицами. При этом, как следует из определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, заключенный с органами внутренних

¹ Информация с официального сайта МВД России // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721>.

² Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России.

02.04.2024 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73770>.

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400

«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁴ Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник. М., 2008. С. 84.

Igor A. GORKOVENKO,

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Head of the Kaliningrad Branch

kfspbu@mvd.ru

Alexey V. POLYAKOV,

Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0009-0009-5680-989X

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities

of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch

alexpolyakov1503@mail.ru

ASSISTANCE OF MINORS IN SOLVING THE TASKS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Minor, juvenile delinquency, crime prevention, citizen assistance, confidentiality, security, operational units, operational investigative activities, internal affairs agencies.

ANNOTATION. Introduction. Despite the decrease in the total number of crimes registered in the Russian Federation in 2024, including crimes committed by and against minors, issues related to the state of the operational situation require close attention. This is necessary to ensure an immediate response to threats to society and the state. The effectiveness of the tasks assigned to the internal affairs bodies (hereinafter referred to as IAB) to combat crime largely depends on the quality of operational investigative activities (hereinafter referred to as OIA). Its capabilities are often the only way to solve these problems, which, in turn, determines the need to improve the OIA of the IAB. And here, citizen assistance in the implementation of OIA plays a significant role. At the same time, there are problems associated with its provision, which reduce the effectiveness of the work carried out by the operational units of the IAB. The purpose of the study conducted by the authors of the article was to identify measures, the implementation of which would contribute to the improvement of operational-search legislation in the field of citizen assistance to the operational units of the IAB. **Methods.** The general scientific dialectical method of understanding the surrounding reality was used in the course of the study. In addition, the following were used: description method; logical comprehension method; methods of analysis, classification and generalization, designed to systematize the established facts and give them an interpretation. **Results.** In the fight against crime, including among adolescents, operational units of the Internal Affairs Directorate have a special role. This is due to their right to carry out operational search activities, which determines not only the implementation of operational search activities (hereinafter referred to as OSA), but also the establishment of relations of assistance with citizens. At the same time, existing gaps in the legislation in the sphere of regulation of such assistance negatively affect the solution of operational search tasks. The introduction of the necessary changes to regulatory legal acts will allow more effective implementation of activities to solve the problem in the field of combating crime, in particular juvenile crime. According to the authors of the article, detailed regulatory consolidation of the conditions and procedure for involving minors in assisting operational units of the Internal Affairs Directorate will ensure the protection of the rights of such persons and eliminate the mistrust of the preliminary investigation bodies and the court in the results of OSA conducted with their participation. The conclusions formulated based on the results of the study are aimed at improving operational search work carried out with the assistance of minors.

дел контракт о конфиденциальном сотрудничестве не идентичен ни контракту о прохождении службы в органах внутренних дел, ни трудовому договору¹.

Регулирование вопросов, касающихся содействия несовершеннолетних лиц, привлекаемых к сотрудничеству оперативными подразделениями ОВД в целях выявления и раскрытия преступлений, несомненно, нуждается в особом внимании, о чем свидетельствуют, в частности, результаты научных исследований. Так, профессор О.М. Овчинников, рассматривая проблемы правовой защиты несовершеннолетних, содействующих оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы, обращает внимание на Постановление Верховного Суда Республики Коми от 17 января 2014 г. по делу № 4А-5/2014, в котором указано, что государственные органы при осуществлении своих полномочий должны обеспечить защиту детей от воздействия факторов, негативно влия-

ющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [2, с. 80]. Данным судебным решением факт привлечения несовершеннолетних к участию в ОРМ признается нарушением требований федеральных законов от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», «Об ОРД» и от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Кроме того, суд акцентирует внимание на том, что для оказания содействия в проведении ОРМ возможно привлечение лишь совершеннолетних. Таким образом, участие несовершеннолетнего в проведении ОРМ, по мнению вышестоящего суда, в принципе невозможно.

Другая позиция относительно возможности оказания несовершеннолетними содействия оперативным подразделениям отражена в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2875-О и от 23 июня 2016 г. № 1323-О. В частности, отмечено, что

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2014 № 80-АПГ14-8.

положения ст. 17 ФЗ «Об ОРД» «ограничивают использование содействия несовершеннолетних лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещают использование их содействия для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе»¹. Кроме того, содействие тех или иных лиц в проведении ОРМ не может рассматриваться в качестве ограничения прав.

В связи с этим возникает два вытекающих друг из друга вопроса. Первый – о возрастном критерии: с какого возраста могут привлекаться к содействию оперативным подразделениям несовершеннолетние, в том числе при подготовке и проведении ОРМ? Второй вопрос касается самой процедуры привлечения несовершеннолетних к участию в ОРМ.

Рассматривая первый вопрос, на наш взгляд, следует обратить внимание на возраст привлечения к уголовной ответственности. Согласно ст. 20 УК РФ такой ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, а по ряду преступлений – четырнадцатилетнего возраста. Как отмечает И.А. Абрамов, законодатель, определяя возрастные критерии привлечения к уголовной ответственности, считает, что несовершеннолетний уже способен осознавать смысл своих поступков, их общественную опасность и предусмотренную законом ответственность [4, с. 81]. Подтверждением данного тезиса можно считать результаты исследований ученых в области психологии², которые показывают, что в возрасте от 11 до 14 лет у подростков расширяются познавательные интересы, растет самосознание, обостряются отдельные черты характера, происходит развитие способности к умозаключениям. Это позволяет подросткам по достижению четырнадцатилетнего возраста развить достаточные способности к волевому поведению и рефлексии. К 16 годам у человека уже в целом формируется правосознание.

Исследуя возрастной критерий привлечения несовершеннолетних к участию в ОРМ, И.А. Вормсбахер предлагает внести изменения в ФЗ «Об ОРД»: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, имеют право привлекать к проведению оперативно-розыскных мероприятий лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста, с их письменного согласия, а в исключительных случаях – лиц, не достигших указанного возраста, но с согласия родителей или законных представителей» [5, с. 76]. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие ученые³. Они

считают, что лицо, осознающее опасность своего поведения, способно осознать действия других лиц и информировать об этом оперативные подразделения.

Зарубежный опыт содействия граждан правоохранительным органам раскрывает в своей работе А.В. Гамзина. Так, в США с лицом, которое изъявило желание сотрудничать на конфиденциальной основе, подписывается контракт, а в случае содействия несовершеннолетнего такое соглашение имеет разовую основу и после получения полицией необходимых сведений не продлевается. Кроме того, в рамках программы предупреждения преступлений несовершеннолетних с целью получения оперативной информации предусматривается привлечение конфиденентов из числа лиц, обучающихся в школах [6, с. 111].

Еще более радикальной точки зрения придерживается Г.М. Решетов, который, проводя исследование оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, предлагает понизить возраст их привлечения к уголовной ответственности до 12 лет по ряду особо тяжких деяний⁴. Соответственно, следуя логики данного автора, и помогать в выявлении преступлений несовершеннолетние могут уже с этого возраста.

Диаметрально противоположную точку зрения имеет А.А. Хайдаров. Он представляет результаты проведенного им опроса сотрудников органов прокуратуры, в ходе которого респонденты «выразили единодушное мнение, что привлекать несовершеннолетних для проведения проверочных закупок и оперативных экспериментов нельзя» [7, с. 83].

Принимая во внимание мнения ученых, считаем, что уже четырнадцатилетний возраст может говорить о способности несовершеннолетнего в силу своего психического развития оказывать содействие оперативным подразделениям ОВД. Что касается шестнадцатилетнего возраста, то на данном этапе своего развития подростки вполне могут быть полноправными участниками ряда правоотношений с соответствующими правами и обязанностями.

На наш взгляд, необходимость привлечения к содействию в борьбе с преступностью лиц, не достигших совершеннолетия, является очевидной. При отсутствии оперативных позиций говорить об эффективности выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений в среде несовершеннолетних довольно затруднительно. В то же время содействие ОВД в борьбе с преступностью со стороны несовершеннолетнего, так или иначе втянутого в криминальную среду,

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 2875-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова Кирилла Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»».

² Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.; Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: ГУПИ, 1935. 496 с.; Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 272 с.; Кон И.С. Психология юношеского возраста: проблема формирования личности: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1979. 175 с.

³ См., например: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А.И. Алексеев, О.А. Вагин, Д.В. Закаляпин и [др.]; под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011. С. 89.

⁴ Решетов Г.М. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними (на примере Северо-Западного региона): Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб, 2008. 17 с.

оказывает на него профилактическое влияние, способствующее отказу от совершения дальнейших противоправных поступков, формированию нетерпимости к криминальному поведению. Партнерство несовершеннолетних с правоохранительными органами в некоторых случаях становится способом защиты подростков от преступных посягательств. На это обстоятельство обратили внимание профессор А.П. Алексеева и профессор Т.В. Анисимова. По их мнению, сотрудничество с правоохранительными органами, том числе и с ОВД, является важным аспектом деятельности по защите несовершеннолетних, обеспечивающим быстрый обмен информацией о вероятных угрозах и своевременное реагирование на преступления [8, с. 112]. В связи с этим А.В. Аносов и Я.Г. Ищук, в свою очередь, справедливо замечают, что «основной целью индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями является формирование правомерной направленности личности, которая служит основой для осознанной мотивации поведения, в том числе при выборе между правомерным поведением и правонарушением» [9, с. 123].

Таким образом, участие несовершеннолетних в борьбе с преступностью, в том числе в подростковой среде, считаем необходимым условием успешного решения стоящих перед ОВД задач. Вместе с тем мы не поддерживаем использование радикальных методов в данной сфере, полагая, что возрастной критерий, обуславливающий возможность реального участия несовершеннолетнего в проведении ОРМ, должен соотноситься с возрастом привлечения к уголовной ответственности. В случаях же, когда от несовершеннолетнего требуется только кратковременное негласное содействие в виде предоставления оперативно значимой информации, способствующей предупреждению или раскрытию преступления, и дальнейшее его участие в подготовке и проведении ОРМ не предполагается, возрастной критерий вообще значения не имеет.

Однако нельзя забывать и о том, что оказание помощи оперативным подразделениям (как гласное, так и негласное) потенциально может нести в себе риски наступления неблагоприятных последствий для содействующего ОВД лица. Сотруднику оперативного подразделения, привлеченному несовершеннолетнего к содействию, необходимо детально проанализировать ход и дальнейшее развитие событий. При появлении угроз причинения подростку какого-либо вреда следует немедленно отказаться от получения помощи с его стороны.

В целях минимизации рисков наступления неблагоприятных последствий для лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, законодатель определил, что такие лица находятся под защитой государства, для них установлены меры и гарантии правовой и социальной защиты. Условием предоставления защиты является не выходящее за рамки закона выполнение обще-

ственного долга или возложенных на лицо обязанностей, то есть осуществление содействующим как специально возложенных на него на основании контракта обязанностей, так и совершение иных, не указанных в контракте действий (например пресечение правонарушений, сообщение правоохранительным органам о готовящемся или уже совершенном преступлении). В определении Конституционного Суда Российской Федерации подчеркнуто: «Лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства (часть первая статьи 18), независимо от наличия или отсутствия контракта»¹. Кроме того, отметим, что в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» меры государственной защиты распространяются, в частности, на заявителя, очевидца, жертву преступления и иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, до возбуждения уголовного дела.

Значительные затруднения у правоприменителя вызывает не только определение возраста, с которого допустимо привлечение лица к содействию ОВД, но и сама процедура участия несовершеннолетнего в ОРМ, поскольку она законодательно не урегулирована. Следует согласиться с мнением Н.С. Железняк о том, что «как это ни покажется странным, проблемы в борьбе с преступностью напрямую связаны с недолжным законодательным регулированием антикриминальной работы» [10, с. 57].

Нормативное закрепление реализации агентурного метода, используемого в деятельности по борьбе с преступностью, безусловно, является объективной необходимостью. Это в первую очередь связано с неочевидностью совершения преступлений, маскировкой преступниками следов своих деяний, оказываемым с их стороны противодействием работе правоохранительных органов [11, с. 28]. Важным и необходимым условием содействия оперативным подразделениям ФЗ «Об ОРД» называет добровольное согласие лица, что не исключает права этого лица в дальнейшем отказаться от содействия на любом его этапе. Что же касается инициативы в отношении содействия то, как правило, она принадлежит сотруднику оперативного подразделения. Причем в случае с несовершеннолетними реализация агентурного метода осложняется наличием ряда пробелов в законодательстве.

В частности, четко не определена необходимость получения согласия родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего на его помощь правоохранителям. В.Н. Кукарцев в связи с этим дает следующие рекомендации:

- не привлекать несовершеннолетнего к ОРМ, если возможно их провести с участием совершеннолетнего;

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2014 № 2980-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

- исключить участие несовершеннолетнего в ОРМ в условиях наличия реальной угрозы его жизни и здоровью;

- придерживаться принципа добровольности участия несовершеннолетнего в ОРМ, оформлять письменное согласие как самого несовершеннолетнего, так и его законных представителей;

- обеспечивать конфиденциальность участия несовершеннолетнего в ОРМ, а также аудио- и видеofиксацию проведения мероприятия [12, с. 49].

В.В. Семенчук и В.Д. Ларичев, исследуя участие несовершеннолетних в отношениях оперативно-разыскного характера, отмечают отсутствие в сложившейся практике предусмотренных законом необходимых условий для привлечения подростков к негласному содействию, что сказывается на оценке в дальнейшем полученных с их помощью результатов. При определении законности содействия несовершеннолетнего суды обращают внимание на наличие согласия родителей или законных представителей на такую помощь¹, а при его отсутствии полученные результаты ОРМ признаются недопустимыми доказательствами². По мнению ученых, такая правовая неопределенность способствует снижению мотивации сотрудников ОВД к деятельности, связанной с привлечением несовершеннолетних к решению задач ОРД [13, с. 65].

О.Л. Кузьмина полагает, что получать от законного представителя согласие на участие несовершеннолетнего в ОРМ необходимо во всех случаях, поскольку это является обязательным условием всестороннего обеспечения прав и свобод последнего. А при проведении гласного ОРМ требуется не только согласие, но и непосредственное участие на некоторых этапах его реализации вместе с несовершеннолетним его законного представителя, педагога или психолога. Для этого О.Л. Кузьмина предлагает внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об ОРД» [14, с. 117].

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие авторы, обращая внимание на обязательность получения согласия одного из родителей на участие несовершеннолетнего в проведении ОРМ. В качестве обоснования своей позиции они приводят положения ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой «родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами»³.

Таким образом, ученые настаивают на том, что для привлечения несовершеннолетнего к содействию в осуществлении ОРД требуется письменное согласие законного представителя, оперативный сотрудник обязан обеспечить безопасность содействующего лица, и он несет ответственность за исполнение данной обязанности [15, с. 58]. Действительно, выполнение требований по обеспечению безопасности и ответственность за это является обоснованием целесообразности отно-

шений негласного содействия. В связи с этим Н.С. Железняк справедливо отмечает, что в оперативно-разыскной практике многое определяется фактором целесообразности, которым, однако, можно иногда пренебречь, но лишь при условии весомого контраргумента. Таким контраргументом может как раз быть фактор ответственности, который будет оказывать влияние на целесообразность отношений негласного содействия [15, с. 59].

Подводя итог нашим рассуждениям о процедуре привлечения несовершеннолетнего к участию в ОРМ, отметим, что подростков в возрасте до 14 лет в силу их психофизических особенностей задерживать в оперативной работе вряд ли целесообразно. В случае привлечения к проведению ОРМ несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 16 лет необходимо учитывать, является ли подросток потенциальным субъектом того преступления, содействовать в выявлении и раскрытии которого он собирается. Начиная с 16-летнего возраста подростки становятся субъектами большинства преступлений и, соответственно, могут осознавать смысл своих поступков, их общественную опасность и предусмотренную законом ответственность, что позволяет привлекать их к проведению ОРМ. Во всех случаях содействия несовершеннолетних правоохранительным органам требуется получение на это согласия родителей или иных законных представителей.

Факт осуществления конфиденциального содействия относится к категории сведений, составляющих государственную тайну, что обусловлено характером ОРД, которая преимущественно осуществляется негласными методами и средствами. Разглашение сведений о таком содействии может нанести ущерб как проводимым в каждом конкретном случае ОРМ, так и ОРД в целом, поставив под угрозу жизнь и здоровье конфиденанта. Исходя из практического опыта оперативной работы, можно утверждать, что ОРМ теряют свою актуальность, если об их проведении становится известно в криминальной среде. В связи с этим при получении от законного представителя согласия на участие несовершеннолетнего в проведении ОРМ, а также в случае получения отказа от участия, оперативный сотрудник обязан разрешить вопрос, связанный с нераспространением информации. В данном случае, как представляется, возможно получение подписки о неразглашении от всех осведомленных лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфиденциальное содействие, осуществляемое как взрослыми, так и несовершеннолетними, способствует обеспечению взаимодействия между правоохранительными органами и гражданами в вопросах противодействия преступности. Выявление нами в ходе проведения исследования пробелов в законодательстве свидетельствует о том, что процедура организации и осуществления такого содействия нуждается в корректировке.

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.06.2020 по делу № А67-9540/2019.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 304-ЭС20-12696 по делу № А67-9540/2019.

³ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А.Е. Чечетина. Барнаул: БЮИ МВД России. 2022. 378 с.

Установление отношений содействия с несовершеннолетними лицами представляет собой необходимую в рамках проведения ОРД меру, обусловленную прежде всего потребностями проводимой оперативными подразделениями работы, направленной на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений. Детальное нормативное закрепление условий, а также процедуры привлечения подростков к содействию позволит обеспечить защиту прав несовершеннолетних и исключить недоверие органов предварительного расследования и суда к результатам ОРМ, в которых они принимали участие. Выводы, сформулированные нами по результатам исследования, ориентированы на совершенствование оперативно-разыскной работы, осуществляемой при содействии несовершеннолетних:

- возрастной критерий не имеет значения для возможности негласного содействия несовершеннолетнего, выражающегося в предоставлении им

значимой информации, способствующей предупреждению или раскрытию преступления, на основании которой происходит дальнейшая подготовка и проведение ОРМ без участия подростка;

- несовершеннолетнего допустимо привлекать к проведению ОРМ по преступлению с того возраста, с которого он может нести ответственность за его совершение;

- необходимо нормативно закрепить обязанность сотрудников оперативных подразделений получать письменное согласие законных представителей несовершеннолетнего в случае его привлечения к проведению ОРМ;

- требуется дополнить ст. 18 ФЗ «Об ОРД» указанием на меры социальной защиты лиц, оказывающих содействие на бесконтактной основе, поскольку законодательство не дает возможности заключать контракты с несовершеннолетними, привлекаемыми к содействию в рамках осуществления ОРД. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
2. Овчинников О.М. Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4 (64). С. 77-88.
3. Ханнанов Р.Р., Харитонов А.А., Парфенов А.В. К вопросу о содействии несовершеннолетних в решении задач оперативно-розыскной профилактики преступности в подростковой среде // Право и управление. 2022. № 10. С. 207-211.
4. Абрамов И.А. К вопросу о возрасте лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 77-82.
5. Ворсбехер И.А. Возрастной критерий привлечения к участию в оперативно-розыскных мероприятиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2 (52). С. 76-82.
6. Гамзина А.В. Оперативно-розыскное противодействие преступности несовершеннолетних за рубежом (на примере Соединенных Штатов Америки) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4 (45). С. 110-115.
7. Хайдаров А.А. Законно ли привлекать несовершеннолетних для участия в ОРД // Уголовный процесс. 2018. № 6 (162). С. 80-84.
8. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.
9. Аносов А.В., Ищук Я.Г. Оперативно-разыскная профилактика преступлений несовершеннолетних: направления, содержание, меры // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 120-124.
10. Железняк Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты внедряемых в преступные группы сотрудников оперативных подразделений и содействующих им лиц // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 50-59.
11. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
12. Кукарцев В.Н. К вопросу об участии несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-разыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 48-49.
13. Семенчук В.В., Ларичев В.Д. Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 9 (214). С. 62-71.
14. Кузнецов Д.В., Кузьмина О.Л. Права, законные интересы и обязанности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 113-121.
15. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 332 с.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovornaya politika, ugovornyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
2. Ovchinnikov O.M. Diskussionnyye voprosy sotsial'no-pravovoy zashchity nesovershennoletnikh, okazyvayushchikh sodeystviye operativnym podrazdeleniyam ugovorno-ispolnitel'noy sistemy v bor'be s prestupnost'yu // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2022. № 4 (64). S. 77-88.
3. Khannanov R.R., Kharitonov A.A., Parfenov A.V. K voprosu o sodeystvii nesovershennoletnikh v reshenii zadach operativno-rozysknoy profilaktiki prestupnosti v podrostkovoy srede // Pravo i upravleniye. 2022. № 10. S. 207-211.
4. Abramov I.A. K voprosu o vozraste lits, okazyvayushchikh neglasnoye sodeystviye na kontraktnoy osnove organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2020. № 10. S. 77-82.
5. Vormsbekher I.A. Vozrastnoy kriteriy privilecheniya k uchastiyu v operativno-rozysknykh meropriyatiyakh // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 2 (52). S. 76-82.
6. Gamzina A.V. Operativno-rozysknoye protivodeystviye prestupnosti nesovershennoletnikh za rubezhom (na primere Soyedinennykh Shtatov Ameriki) // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (45). S. 110-115.
7. Khaydarov A.A. Zakonno li privilekat' nesovershennoletnikh dlya uchastiya v ORD // Ugolovnyy protsess. 2018. № 6 (162). S. 80-84.
8. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.
9. Anosov A.V., Ishchuk YA.G. Operativno-rozysknaya profilaktika prestupleniy nesovershennoletnikh: napravleniya, soderzhaniye, mery // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1 (45). S. 120-124.
10. Zheleznyak N.S. O nekotorykh aspektakh sotsial'noy zashchity vnedryayemykh v prestupnyye gruppy sotrudnikov operativnykh podrazdeleniy i sodeystvuyushchikh im lits // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 1 (4). S. 50-59.
11. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyeв sootnosheniya terminov, vkluchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
12. Kukartsev V.N. K voprosu ob uchastii nesovershennoletnikh lits v provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2016. № 16-1. S. 48-49.
13. Semenchuk V.V., Larichev V.D. Uchastie nesovershennoletnikh v operativno-rozysknykh otnosheniyakh // Lex Russica (Russkiy zakon). 2024. T. 77. № 9 (214). S. 62-71.
14. Kuznetsov D.V., Kuz'mina O.L. Prava, zakonnyye interesy i obyazannosti nesovershennoletnikh uchastnikov ugovornogo sudoproizvodstva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 4 (58). S. 113-121.
15. Zheleznyak N.S. Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti»: Monografiya. Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2019. 332 s.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Горковенко И.А., Поляков А.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Горковенко И.А., Поляков А.В. Содействие несовершеннолетних лиц в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 110-117.

Алексей Павлович АНИСИМОВ,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0003-3988-2066
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
anisimovap@mail.ru

Елена Александровна ФИЛИМОНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-0903-6654
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
доцент кафедры теории и истории государства и права
lenarnd1008@mail.ru

Научная статья
УДК [340.11+349.6]:004.9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО: ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровизация, право, экология, отходы, загрязнение, цифровые платформы, кибербезопасность, блокчейн, искусственный интеллект, Интернет.

АННОТАЦИЯ. Введение. В последние десятилетия мир переживает качественно новую стадию развития, обусловленную стремительным ростом информационных технологий и масштабной цифровизацией всех сфер общественной жизни. Этот процесс не только затрагивает экономику и социальные институты, но и фундаментально изменяет традиционные правовые системы, порождая новые вызовы и противоречия. Актуальность темы проведенного авторами статьи исследования обусловлена следующим. Во-первых, глобальная цифровизация требует появления новых правовых институтов, регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения кибербезопасности, защиты персональных данных и т.д. Во-вторых, необходимы новые теоретические разработки вопросов, касающихся возможностей адаптации правовых механизмов к быстроменяющейся цифровой среде. Это связано с тем, что юридическая наука и практика ежедневно сталкиваются с проблемами, слабо урегулированными законодательством, которое не всегда отвечает требованиям современной цифровой экономики и информационного общества. В-третьих, вопросы цифрового права приобретают междисциплинарный характер, в связи с чем возникает потребность в синтезе знаний из области информационных технологий, экономики, политологии, социологии и права. **Методы.** В ходе проведения исследования были использованы различные методы научного познания: диалектический, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Материалом исследования стали положения научной доктрины и законодательства, касающиеся различных аспектов цифровизации правовых процессов, а также возможностей превентивного воздействия права на технологии. **Результаты.** Цифровизация и право представляют собой два динамичных явления, которые находятся в состоянии взаимного воздействия. С одной стороны, происходит «оцифровка» правовых процедур (подача исков в режиме онлайн, например, и т.д.), а с другой стороны, цифровые инструменты всё чаще используются правоприменителями для сбора и анализа информации с дальнейшим принятием на ее основе решений. У каждой отрасли имеется своя специфика. В настоящей статье это обстоятельство раскрывается на примере экологического права. По мнению авторов, для восполнения пробелов в праве необходимо внесение изменений в действующее российское законодательство, а также разработка специализированных правовых актов (например – Цифрового кодекса Российской Федерации).

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия человечество переживает качественно новую стадию развития, для которой характерны стремительный рост информационных технологий и масштабная цифровизация всех сфер общественной жизни. Данные процессы затрагивают не только экономи-

ку и социальные институты: они фундаментально изменяют традиционные правовые системы, порождая новые вызовы и противоречия. Это предопределяет необходимость исследования механизмов и последствий взаимовлияния цифровых технологий и правовых норм, а также проведения анализа проблем, возникающих при их взаимо-

Alexey P. ANISIMOV,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0003-3988-2066

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

anisimovap@mail.ru

Elena A. FILIMONOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-0903-6654

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

lenarnd1008@mail.ru

DIGITALIZATION AND LAW: THEORY OF INTERACTION

KEYWORDS. Digitalization, law, ecology, waste, pollution, digital platforms, cybersecurity, blockchain, artificial intelligence, Internet.

ANNOTATION. Introduction. In recent decades, the world has been experiencing a qualitatively new stage of development caused by the rapid growth of information technology and large-scale digitalization of all spheres of public life. This process not only affects the economy and social institutions, but also fundamentally changes traditional legal systems, giving rise to new challenges and contradictions. The relevance of the topic of the study conducted by the authors of the article is due to the following. Firstly, global digitalization requires the emergence of new legal institutions regulating public relations in the field of cybersecurity, personal data protection, etc. Secondly, new theoretical developments are needed on issues related to the possibilities of adapting legal mechanisms to the rapidly changing digital environment. This is due to the fact that legal science and practice daily face problems that are poorly regulated by legislation, which does not always meet the requirements of the modern digital economy and information society. Thirdly, issues of digital law are acquiring an interdisciplinary nature, and therefore there is a need to synthesize knowledge from the field of information technology, economics, political science, sociology and law. **Methods.** During the study, various methods of scientific knowledge were used: dialectical, system analysis method, comparative legal method. The research material was the provisions of scientific doctrine and legislation concerning various aspects of digitalization of legal processes, as well as the possibilities of preventive impact of law on technology. **Results.** Digitalization and law are two dynamic phenomena that are in a state of mutual influence. On the one hand, there is a «digitization» of legal procedures (filing claims online, for example, etc.), and on the other hand, digital tools are increasingly used by law enforcement officers to collect and analyze information with subsequent decision-making on its basis. Each industry has its own specifics. This article reveals this circumstance using environmental law as an example. According to the authors, in order to fill the gaps in the law, it is necessary to amend the current Russian legislation, as well as develop specialized legal acts (for example, the Digital Code of the Russian Federation).

действии. По нашему мнению, актуальность проведенного нами исследования детерминирована перечисленными ниже факторами.

Во-первых, глобальная цифровизация требует появления новых правовых институтов, регулирующих отношения кибербезопасности, защиты персональных данных, осуществления электронных сделок и др.

Во-вторых, необходимы новые теоретические разработки вопросов, касающихся возможностей адаптации правовых механизмов к быстроменяющейся цифровой среде. Это связано с тем, что юридическая наука и практика сталкиваются с проблемами несовершенства законодательства, которое часто не отвечает требованиям современной цифровой экономики и информационного общества.

В-третьих, вопросы цифрового права приобретают междисциплинарный характер, в связи с чем возникает потребность в синтезе знаний из области информационных технологий, экономики, политологии, социологии и права.

Научная значимость исследования обусловлена комплексным подходом к изучению вопросов цифрового регулирования, который предполагает

рассмотрение проблемы с позиций теории государства и права, сравнительного правоведения и междисциплинарного анализа.

Цель исследования заключалась в том, чтобы проанализировать ключевые проблемы, возникающие на пересечении цифровизации и правового регулирования, а также предложить пути их решения. Результаты исследования могут стать основой для дальнейших разработок в области цифрового права, а также способствовать совершенствованию законодательства, обеспечивающего адекватное реагирование на вызовы информационного века.

Приступая к проведению такого исследования, необходимо было ответить на базовый доктринальный вопрос – а что такое цифровизация? В научной литературе на него не дано однозначного ответа.

Несомненно, цифровизация – это одна из глобальных проблем современности, ее решение очень важно для экономического прогресса, который должен быть обеспечен цифровым форматом работы. Поэтому одна группа ученых делает акцент на глобальном характере цифровизации, как по территориальному охвату, так и по сферам

применения цифровых технологий (бизнес, производство, наука, социальная сфера и т.д.), а также подчеркивает всеобъемлющий характер результатов использования таких технологий [1, с. 778].

Другие исследователи обращают внимание на техническую сторону вопроса. Ими подмечено, что в законодательстве есть два определения цифровизации: как перехода с аналоговой формы передачи информации на цифровую и как процесса организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Эти определения привязаны к понятию цифровой среды, нормативной дефиниции которого в отечественном законодательстве не имеется [2, с. 155].

Сторонники третьего подхода указывают на то, что цифровизация – это комплекс новых общественных отношений, порожденных цифровыми технологиями, складывающихся «в сфере экономики, политики, обороноспособности, права, культуры и иных социальных сферах общества, позволяющих достичь более высокого качества продукта на основе применения различных систем искусственного интеллекта с наименьшей затратой труда в целях удовлетворения запросов общества и улучшения качества жизни населения» [3, с. 116]. Последняя точка зрения разделяется и нами. Исходя из этого, мы и рассмотрим основные направления взаимодействия цифровизации и права сегодня и в будущем.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, мы использовали различные методы научного познания. Это диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними; метод системного анализа как подход к изучению сложных конструкций, который позволяет моделировать их структуры, взаимосвязи и поведение; сравнительно-правовой метод, основная идея которого заключается в анализе законодательства, судебной практики и других правовых институтов различных стран для понимания и сравнения основных подходов к регулированию правовых отношений. Материалом для исследования стали нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере цифровизации различных сфер жизнедеятельности, а также научные работы по вопросам цифровизации и права.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цифровизация вносит изменения в теорию права и правовую жизнь по нескольким направлениям.

1. Можно говорить о появлении новых объектов правового регулирования, в том числе цифровых активов (например криптовалют), что требует создания новых правовых норм и изменения правового регулирования интернет-пространства (кибербезопасность, интернет-продажи, цифровые услуги, защита персональных данных и др.) [4, с. 14]. Уже предприняты первые попытки регу-

лирования использования искусственного интеллекта (обсуждаются вопросы ответственности за его действия, авторские права на создаваемый им контент и т.д.). Вместе с тем работа таких цифровых платформ, как «Uber» или «Airbnb», означает появление новых моделей бизнеса, которые не всегда укладываются в традиционные правовые рамки.

2. Происходит изменение традиционных институтов права. Например, в рамках гражданского (обязательственного) права применяются «умные контракты» (smart contracts), которые исполняются автоматически при наступлении заданных условий, что меняет концепцию договорных обязательств. Включение цифровых активов в состав имущества требует пересмотра подходов к правовому регулированию отношений собственности, реформирования институтов наследования и залога. Появление возможности работать дистанционно меняет в рамках трудового права представления о рабочем времени и содержании трудового договора. В финансовом праве обсуждается новое понимание финансов (краудфинансы), когда речь идет о сборе денежных средств на проекты посредством специализированных онлайн-платформ. Всё это порождает необходимость регулирования не только возникающих «реальных» отношений, но и деятельности соответствующих онлайн-ресурсов, новых механизмов заключения договоров, способов их оформления [5, с. 31].

Право, в свою очередь, также воздействует на развитие цифровых технологий, регулируя их использование и формируя стандарты их безопасного применения. Это проявляется в следующем. В России и других странах мира принимаются законы, определяющие новые границы (параметры) права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Вводятся новые нормы по антимонопольному регулированию (в части ограничений злоупотребления крупными технологическими корпорациями (например «Google») доминирующим положением на рынке). Идет активное обсуждение этических аспектов использования искусственного интеллекта в науке, образовании, творчестве (при написании картин, художественных книг). Эти дискуссии проходят очень непросто, что обусловлено наличием ряда объективных характеристик цифровых продуктов: высокая повторяемость технологических результатов, низкий творческий вклад человека, автоматизация некоторых процессов, невозможность провести различие между творческими и нетворческими компонентами и др. [6, с. 32-33]. Данные тенденции привели к изменениям в самой теории права и государства.

В первую очередь можно выделить научные дискуссии о новом понимании субъекта права, включая необходимость признания новых форм субъектов (автономных интеллектуальных систем), нового понимания права на цифровую самозащиту [7, с. 463-465]. Кроме того, цифровизация предполагает расширение дееспособности граждан, включая их способность приобретать новые цифровые права (право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых

произведений; право на использование электронных устройств и коммуникационных сетей; право свободно общаться, выражать мнение в сети Интернет; право на получение цифровых услуг и др.) [8, с. 4]. Заметим, что продукты цифровых технологий последнего поколения (например разговорный 3D-ассистент на базе искусственного интеллекта) могут не просто общаться с человеком, но и демонстрировать в ходе разговора эмоции, что создает иллюзию общения с живым человеком. Всё это только активизирует полемику о признании робота если не субъектом права, то хотя бы особым объектом права, как это сделано по отношению к животным.

Во-вторых, наряду с традиционными материальными объектами права в теории права активно рассматриваются виртуальные объекты, такие как данные, цифровые активы и виртуальная собственность [9]. Обсуждается концепция цифровых прав, включая право на забвение, право на контроль над своими данными и цифровую идентичность. Это приводит к формированию новых отраслей знаний, например цифрового права и киберправа (или даже платформенного права), причем высказано мнение о том, что цифровое право – это комплексная отрасль права или комплексный институт права [10, с. 495]. Последний вывод представляется нам обоснованным, поскольку цифровые технологии могут использоваться в любых институтах права, равно как и в тех сферах общественной жизни, которые не находятся в сфере правового регулирования. Цифровое право – это система правовых норм, регулирующих складывающиеся в различных сферах общественные отношения, порожденные цифровыми технологиями, основанная на балансе интересов личности, государства и общества. Цифровизация – это процесс отображения правовых норм и практики, требующий наличия цифрового законодательства, регламентирующего применение цифровых технологий в разных сферах жизнедеятельности человека.

В-третьих, цифровизация стимулирует развитие аналитических методов в юриспруденции, включая применение больших данных (Big Data) для правового анализа, а также использование искусственного интеллекта для моделирования юридических ситуаций и прогнозирования, что уже востребовано в образовательном процессе вузов.

В-четвертых, жизненно необходимо создание единых стандартов в области цифровизации и безопасности. Речь идет, в частности, о разработке международных соглашений по кибербезопасности. В настоящее время стандарты кибербезопасности активно обсуждаются как на международном, так и на национальном уровне. Например, кибербезопасность является полноценной категорией права Европейского Союза, где для ее регулирования разработан ряд нормативных правовых актов. Такие акты бывают двух видов: акты, целиком посвященные вопросам кибербезопасности, и акты, в целом касающиеся других вопросов, но включающие в себя отдельные нормы, связанные с кибербезопасностью¹.

В-пятых, право регулирует использование цифровых технологий в судебных процессах. Иски можно подавать онлайн, судебные заседания часто проводятся в формате видеоконференций. Искусственный интеллект используется для обобщения судебной практики, поиска решений по конкретным категориям дел, прогнозирования судебных решений [11, с. 10]. Можно говорить о появлении такого явления, как цифровые доказательства: это электронные письма, сообщения в мессенджерах, данные с камер наблюдения и другие цифровые материалы, которые уже стали важной частью судебных процессов, и данная тенденция продолжает развиваться.

В-шестых, появление автономных цифровых систем (беспилотные автомобили, дроны и роботы) ставит вопрос о распределении ответственности в случае аварии. Искусственный интеллект (робот), как и любая техника, может «ошибаться» и ломаться, в результате чего причиняется вред охраняемым законом интересам. При причинении роботом вреда, необходимо определить, кто должен нести ответственность: разработчик программы или владелец робота [12, с. 77; 13, с. 31]? В качестве варианта решения проблемы предлагается применять такие же принципы ответственности, что и для владельцев источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). И если на основании результатов экспертизы будет доказано, что причиной ущерба стало запрограммированное устройство, то ответственность возлагается на разработчика. Если же робот причинил ущерб в виду небрежного или несвоевременного проведения его владельцем регламентных работ, то ответственность следует возлагать на владельца. В качестве другой формы обеспечения гражданской ответственности за причиненный вред можно рассматривать обязательное страхование ответственности роботов [3, с. 120-121].

В-седьмых, кроме часто обсуждаемой кибербезопасности, существует и ряд других нерешенных вопросов, касающихся угроз безопасности, возникающих в связи с использованием цифровых технологий. Во многих странах криптовалюты признаются имуществом, однако их использование для оплаты товаров и услуг запрещено. Это ограничивает развитие криптоиндустрии, но защищает финансовую систему от рисков. Другой показательный пример – регулирование искусственного интеллекта и блокчейна, которое всё ещё находится на стадии разработки. Или дистанционное голосование на выборах с использованием компьютерных технологий: несмотря на все его преимущества, существуют и проблемные моменты конституционно-правового характера, для решения которых требуются усилия органов государственной власти. Например, как обеспечить реализацию принципа тайного голосования и при этом идентифицировать участников, обладающих активным избирательным правом [14, с. 222]?

Одной из причин отставания права от быстро меняющегося на наших глазах цифрового мира

¹ Гирис В.А. Правовое регулирование деятельности Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 13-16.

является то, что юристы и законодатели часто не обладают техническими знаниями, достаточными для понимания новых технологий. Впрочем, работа по исправлению ситуации уже ведется. Например, Миссией ОБСЕ в Бишкеке была организована подготовка специалистов, способных обеспечивать надлежащее регулирование новых цифровых технологий. В рамках этой программы обучаются «цифровые» юристы для органов государственного и муниципального управления, корпораций, а также юристы, специализирующиеся в сфере цифровой безопасности [6, с. 29].

Следует иметь в виду, что цифровые технологии не признают границ, и это создает проблемы для национального законодательства и государственного суверенитета. Например, социальные сети могут быть зарегистрированы в одной стране, а их пользователи находиться в другой. Кроме того, использование искусственного интеллекта и больших данных актуализирует вопросы о точности и обоснованности генерируемых материалов. Так, алгоритмы «ChatGPT», ориентированные на англоязычную литературу и культуру, могут быть «предвзятыми» из-за недостаточной репрезентативности используемых ими данных. Требуется выстраивание баланса между безопасностью и приватностью: например, применение систем распознавания лиц в деятельности по борьбе с преступностью может нарушить право на неприкосновенность частной жизни.

Всё это свидетельствует о том, что цифровизация и право находятся в состоянии активного взаимодействия, они взаимно влияют друг на друга, создавая новые возможности и вызовы. Цифровизация трансформирует правовую систему, объекты, субъекты и механизм правового регулирования, обуславливая возникновение потребности в адаптации норм к новой цифровой реальности, а право, в свою очередь, регулируя отношения в сфере цифровых технологий, обеспечивает защиту прав граждан и стимулирует инновации и технологический прогресс.

Для повышения эффективности рассматриваемого нами взаимодействия необходимо преодолеть отставание права от технологий, решить этические вопросы, дополнить международное и национальное законодательство. Последнее возможно двумя не исключаящими друг друга путями: посредством внесения изменений в действующие правовые акты и разработки принципиально новых законов, касающихся общих или частных аспектов цифровизации. При этом, расширяя сферу правового регулирования цифровых технологий, важно обеспечить соблюдение прав представителей старшего поколения, а именно тех, кто не приемлет активного использования технических новаций и желает по-прежнему получать товары и услуги традиционными способами¹.

Динамику взаимодействия права и цифровых технологий наиболее наглядно можно показать на примере какой-то одной отрасли права. Для этого нами было выбрано экологическое право.

В его рамках выделяются следующие направления взаимного влияния цифровизации и права:

1) *Мониторинг и сбор данных* [15]. Для ведения мониторинга применяются датчики качества воздуха, воды и почвы, обеспечивающие оперативное получение данных о состоянии окружающей среды. Эти технологии позволяют точнее отслеживать соблюдение установленных правом экологических нормативов. Кроме того, для наблюдения за природными объектами, подверженными негативному воздействию человека (вырубка лесов, загрязнение водоемов и другие экологические проблемы), используются беспилотные летательные аппараты и космические спутники. Собранные таким образом данные в некоторых странах уже возможно включать в доказательную базу по экологическим спорам. Наконец, результаты анализа больших объемов информации, касающейся природопользования, помогают органам власти выявлять закономерности, прогнозировать экологические риски и разрабатывать превентивные меры [16, с. 131].

2) *Содействие правоприменению*. Оно может проявляться в создании цифровых платформ для подачи жалоб на загрязнение окружающей среды, мониторинге правонарушений и получении консультаций. Типичным примером являются мобильные приложения, посредством которых граждане могут сообщать о несанкционированных свалках отходов производства и потребления.

3) *Улучшение управления охраной окружающей среды*. Цифровые технологии могут способствовать переходу к циркулярной экономике (экономике замкнутого цикла) [17], а системы отслеживания через блокчейн производственно-сбытовых цепочек будут полезны для повышения уровня эффективности контроля за экологичностью продукции (например, если необходимо подтвердить отсутствие в ней ингредиентов, полученных незаконным путем или с использованием ГМО).

4) *Повышение эффективности экологического просвещения, образования и воспитания*. Использование технологий виртуальной реальности позволяет знакомиться с богатством особо охраняемых природных территорий без непосредственного их посещения, а только с помощью сенсорных устройств, не нарушая экосистемы. При этом ощущения во время таких путешествий сопоставимы с теми, которые возникают при личном присутствии на природном объекте. Разработка интерактивного экологического атласа субъекта Российской Федерации даст возможность отслеживать состояние окружающей среды (например в части деградации почв) не просто в форме цифр и таблиц, а с визуальной привязкой к местности. Размещение такого атласа в открытом доступе, в свою очередь, будет способствовать реализации функции органов власти региона по информированию общества.

В будущем цифровизация различных процессов жизнедеятельности в сфере экологии приведет к необходимости оценки воздействия цифровых технологий на окружающую среду (углеродного

¹ Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2024. С. 18.

следа дата-центров или производства электронных устройств), возможности использования искусственного интеллекта в целях прогнозирования экологических кризисов (разливов нефти, например, или вымирания видов флоры и фауны) и их предотвращения. Это будет способствовать реализации превентивной функции экологического права. Кроме того, ожидается, что для оценки долгосрочного воздействия тех или иных проектов на окружающую среду доступно будет использование цифровых двойников.

Цифровизация может привести к созданию международных баз данных, помогающих отслеживанию изменений экологического состояния планеты, она упростит государствам координацию действий по вопросам охраны природы, улучшит международные контрольные механизмы для реализации экологических конвенций и договоров. Однако не все страны имеют сегодня равные возможности для внедрения цифровых технологий в систему эколого-правового регулирования, что ведет к их отставанию в сфере совершенствования экологических требований и нормативов. Сохраняется возможность фальсификации экологических данных, при этом цифровые технологии (дата-центры, блокчейн и майнинг криптовалют) увеличивают энергопотребление и объемы выбросов углекислого газа в атмосферу.

Таким образом, в сфере экологического права цифровизация предоставляет уникальные возможности для улучшения правоприменения, дела его более оперативным и превентивным [18]. Она стимулирует развитие новых инструментов правовой охраны, таких, например, как мониторинг с использованием искусственного интеллекта, цифровые платформы и блокчейн. Однако этот процесс сопровождается и новыми вызовами, включая необходимость регулирования самого влияния цифровых технологий на окружающую среду и устранения глобального технологического разрыва. В долгосрочной перспективе цифровизация может стать основой для создания всемирной системы экологического управления, способной эффективно решать проблемы современности и поддерживать устойчивое развитие всего человечества.

В настоящее время в России нет национального проекта, непосредственно посвященного цифровизации охраны окружающей среды (есть только проект «Цифровая экономика»), хотя его разработка смогла бы весьма существенно поспособствовать внедрению цифровых технологий в природоохранную деятельность. Использование цифровых технологий в сфере охраны окружающей среды поможет улучшить экологический контроль (надзор) и профилактику экологических рисков, прогнозировать последствия разных видов негативного воздействия на природу, будет способствовать облегчению доступа к правосудию по экологическим делам, автоматизации юридических процессов и повышению прозрачности работы органов экологического управления (электронная подача документов для получения лицензий и иной разрешительной документации, прием жалоб и обращений граждан, обмен

информацией между органами экологического управления, цифровизация ведения различных природоохранных реестров и кадастров и др.) [19]. Впрочем, отметим, что в нашей стране уже принимаются меры по изменению ситуации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2021 г. № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» предусмотрено использование в сфере охраны окружающей среды следующих цифровых технологий: искусственный интеллект, дистанционное зондирование Земли, беспилотные летательные аппараты, Интернет вещей, цифровой двойник, большие данные и аналитическая обработка данных.

Несмотря на ряд реальных и потенциальных преимуществ, связанных с цифровизацией в сфере охраны окружающей среды, этот процесс не следует идеализировать. Ее негативное воздействие на состояние природы заключается в том, что она, в частности, оборачивается повышением уровня энергопотребления, из-за чего будет наращиваться добыча полезных ископаемых и произойдет рост объемов выбросов парниковых газов от их сжигания. Кроме того, значительно больше станет электронных отходов, к переработке которых российская промышленность пока не готова. Вырастут риски кибератак на экологически опасные объекты (атомные электростанции и др.). А дроны и фотоловушки уже сейчас часто используются для незаконной охоты, способствуя браконьерству и истощению ресурсов [20]. При этом правовые способы противодействия такого рода угрозам пока не выработаны.

ОБСУЖДЕНИЕ

Цифровизация и право оказывают друг на друга сильное влияние. Цифровизация придает многим правовым процессам и явлениям новую форму; право стимулирует или запрещает (ограничивает) отдельные проявления цифровизации. Данные процессы взаимного влияния нельзя рассматривать в «черно-белом» формате, поскольку они сами по себе весьма противоречивы и сильно выходят за рамки юриспруденции. Право может (и должно) регулировать только внешнюю форму цифровых процессов, когда их использование затрагивает права и свободы людей. Цифровизация трансформирует правовую деятельность органов публичной власти, помогая ей становиться более оперативной, прозрачной и доступной. Однако для успешного внедрения цифровых технологий требуется решить немало проблем, включая модернизацию российского законодательства.

Такое обновление может осуществляться двумя путями: включать в себя как внесение изменений в отдельные законодательные акты (например в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»), так и разработку принципиально новых кодексов и законов, непосредственно посвященных правовому регулированию цифровизации большинства аспектов жизни государства и общества. Внесение изменений в законодательство позволит оперативно адаптировать уже сложившуюся нормативную базу к новым реалиям. Это может быть

эффективно, когда речь идет о корректировке отдельных норм (например в сфере защиты персональных данных, электронного документооборота и кибербезопасности), если требуется лишь обновить терминологию, уточнить рамки применения тех или иных положений или устранить внутренние противоречия. Такая корректировка позволит сохранить преемственность и единство правового поля.

Однако при этом существует риск, что внесенные изменения окажутся фрагментарными и не охватят всю специфику быстро развивающихся цифровых отношений. Принятие специализированных законов, посвященных цифровизации, дает возможность сформировать целостный и современный нормативный инструментарий, который с самого начала учитывал бы особенности цифровой среды. Новый закон сможет установить единый терминологический аппарат, задать принципы регулирования, определить конкретные механизмы правовой защиты в условиях цифровой трансформации. Но процесс принятия новых законов часто занимает значительное время, существует также вероятность возникновения проблемы интеграции новых норм в уже существующую нормативную базу.

Поэтому наиболее эффективным нам представляется сочетание обеих стратегий: по некоторым направлениям вносятся изменения в действующие законы для быстрого устранения острых проблем; параллельно разрабатываются новые нормативные акты или даже кодексы, которые позволят трансформировать правовую систему таким образом, чтобы она отвечала вызовам цифровизации. Примером может выступить Цифровой кодекс – комплексный законодательный акт, направленный на систематизацию и унификацию правового регулирования в сфере информационных технологий и цифровых коммуникаций. Сейчас проекты цифровых кодексов обсуждаются в некоторых странах СНГ (Республике Казахстан, Кыргызской Республике и др.). Такой кодекс может состоять из двух частей. В состав Общей части следует включить базовые понятия, термины, принципы, здесь будут определены субъекты и объекты права в цифровой сфере. Особенная часть должна содержать раз-

делы, посвященные различным аспектам цифровых технологий и информационных отношений, включая главы об искусственном интеллекте, облачных технологиях, электронной коммерции и электронном документообороте, о больших данных, кибербезопасности, защите персональных данных и т.д.

Принятие Цифрового кодекса позволит улучшить предоставление государственных услуг, снизить бюджетные расходы на создание и поддержку информационных систем, повысить прозрачность взаимодействия между государством и пользователями, расширить применение информационных технологий в государственном управлении, создать новые возможности для использования данных, аналитики и искусственного интеллекта в процессах принятия решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация и право представляют собой два динамичных явления, которые находятся в состоянии взаимного воздействия. С одной стороны, происходит «оцифровка» правовых процедур (онлайн-подача исков и т.д.), а с другой стороны, всё чаще цифровые инструменты используются правоприменителями для сбора и анализа информации в целях принятия наиболее обоснованных решений. Цифровые продукты применяются во всех отраслях права: начиная со смарт-контрактов и заканчивая оценкой доказательств по уголовным делам. В каждой отрасли права имеется своя специфика. Например, в рамках экологического права цифровые технологии позволяют получать информацию о загрязнении окружающей среды, осуществлять экологический контроль, обосновывать подаваемые в суд иски о возмещении причиненного природе вреда.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в условиях динамичных изменений цифровой среды традиционные правовые концепции и институты требуют серьезной переоценки. Возникает необходимость не только корректировки существующих норм, но и разработки новых правовых механизмов, способных обеспечить баланс между инновационным развитием технологий и защитой прав и свобод граждан, в том числе, по нашему мнению, и посредством разработки Цифрового кодекса Российской Федерации. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бессонов Н.К. Правовые аспекты понятия цифровизации в России // Аллея науки. 2019. № 12. С. 777-782.
2. Солдаткина О.Л. Стратегические направления развития в сфере цифровизации права как приоритеты информационно-правовой политики // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 154-160.
3. Куксин И.Н., Хода В.Д. Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы // Теория государства и права. 2020. № 4. С. 115-140.
4. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.
5. Гаврильченко Ю.П. Эволюция предмета финансового права в процессе цифровизации // Финансовое право в условиях цифровизации экономики. Материалы международного научно-практического круглого стола. Минск, 2020. С. 27-33.

6. Sidorenko E.L., von Arx P. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the Correct Priorities // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 24-38.
7. Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 463-469.
8. Головин Е.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. Обеспечение прав и свобод граждан и риски цифровизации // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 2-1. С. 3-10.
9. Левинзон В.С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 39-42.
10. Банакас С., Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 492-509.
11. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7-19.
12. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
13. Алексеева А.П., Ничеговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
14. Стребкова Е.Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 217-225.
15. Амашукели С.А. Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 177-187.
16. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке. Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал Московского университета потребительской кооперации, 2001. С. 129-132.
17. Арутюнова А.М., Антипенко П.А., Ломачук М.И. Проблемы перехода к экономике замкнутого цикла (циркулярной экономике) // Финансовая экономика. 2023. № 12. С. 175-177.
18. Филиппова А.И. Особенности цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования // Цивилист. 2023. № 3. С. 43-48.
19. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
20. Рыженков А.Я. Цифровизация и право (на примере эколого-правовых институтов) // Современное право. 2023. № 8. С. 23-29.

REFERENCES

1. Bessonov N.K. Pravovyye aspekty ponyatiya tsifrovizatsii v Rossii // Alleya nauki. 2019. № 12. S. 777-782.
2. Soldatkina O.L. Strategicheskiye napravleniya razvitiya v sfere tsifrovizatsii prava kak priority informatsonno-pravovoy politiki // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2020. № 2. S. 154-160.
3. Kuksin I.N., Khoda V.D. Tsifrovizatsiya – novaya real'nost' v prave i novyye ugrozy // Teoriya gosudarstva i prava. 2020. № 4. S. 115-140.
4. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, soderzhashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-15.
5. Gavrilenko Yu.P. Evolyutsiya predmeta finansovogo prava v protsesse tsifrovizatsii // Finansovoye pravo v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki. Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola. Minsk, 2020. S. 27-33.
6. Sidorenko E.L., von Arx P. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the Correct Priorities // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 24-38.
7. Uzdimayeva N.I. Innovatsionnyye mekhanizmy realizatsii prava na samozashchitu v usloviyakh tsifrovizatsii prava: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 463-469.
8. Golovin Ye.G., Bol'shakova V.M., Naumova L.Yu. Obespecheniye prav i svobod grazhdan i riski tsifrovizatsii // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. T. 10. № 2-1. S. 3-10.
9. Levinzon V.S., Mitin R.K. Pravovoye regulirovaniye virtual'nogo imushchestva // Zakon i pravo. 2020. № 5. S. 39-42.
10. Banakas S., Popondopulo V.F., Petrov D.A., Silina Ye.V. Tsifrovyye otnosheniya kak predmet pravovogo issledovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2023. T. 14. Vyp. 2. S. 492-509.
11. Zor'kin V.D. Providentia ili o prave budushchego v epokhu tsifrovizatsii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 6. S. 7-19.

12. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.
13. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
14. Strebkova Ye.G. Tsifrovizatsiya konstitutsionnykh prav i svobod: sushchnost' i problemy realizatsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. № 1. S. 217-225.
15. Amashukeli S.A. Razvitiye tsifrovizatsii v sfere ispol'zovaniya i okhrany vodnykh ob'yektov // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2022. № 3. S. 177-187.
16. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke. Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial Moskovskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii, 2001. S. 129-132.
17. Arutyunova A.M., Antipenko P.A., Lomachuk M.I. Problemy perekhoda k ekonomike zamknutogo tsikla (tsirkulyarnoy ekonomike) // Finansovaya ekonomika. 2023. № 12. S. 175-177.
18. Filippova A.I. Osobennosti tsifrovoy transformatsii otrasli ekologii i prirodopol'zovaniya // Tsivilist. 2023. № 3. S. 43-48.
19. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
20. Ryzhenkov A.Ya. Tsifrovizatsiya i pravo (na primere ekologo-pravovykh institutov) // Sovremennoye pravo. 2023. № 8. S. 23-29.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Анисимов А.П., Филимонова Е.А., 2025.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимов А.П., Филимонова Е.А. Цифровизация и право: теория взаимодействия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 118-126.

Светлана Витальевна ИВАНОВА,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-9723-0990
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
профессор кафедры гражданского права
servis-05@list.ru

Светлана Викторовна РЫБАК,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-7280-867
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
заведующий кафедрой гражданского права
Svetoch_2504@mail.ru

Научная статья
УДК 349.6:(338.48:504.05)

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Экологический туризм, особо охраняемые территории, флора и фауна, биоразнообразие, национальный парк, природа, последствия и ущерб.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Экологический туризм является одним из наиболее перспективных направлений современной государственной политики и экологического предпринимательства во многих странах мира. Он рассматривается как вид экологического предпринимательства, ориентированный на ознакомление туристов с достопримечательностями дикой природы на особо охраняемых природных территориях. Экологический туризм не только представляет собой значимое направление социально-экономического развития территорий, но и способствует восстановлению физического и психологического здоровья граждан в границах естественных экосистем. *Методы.* Методологическую основу исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, составила система философских, общенаучных и частнонаучных методов познания: анализ, синтез, конкретно-исторический метод, логический метод и др. *Результаты.* Авторами статьи изучены пути и способы улучшения транспортной и иной инфраструктуры экотуризма, включая разработку новых маршрутов (экологических троп), организацию питания и размещения туристов, а также решения ряда других проблем. Особое внимание обращено на малоисследованный в правовой науке вопрос о преодолении негативных последствий экотуризма. В частности, речь идет о необходимости регламентации различных форм поведения в дикой природе туристов, находящихся в национальных парках или на иных особо охраняемых территориях. Кроме того, выявлена потребность в корректировке государственной политики по отношению к местным жителям таких территорий. Представляется важным установление четких правовых запретов в целях недопущения разрушения уникальных природных комплексов, гибели растений и животных. Подобного рода правовые меры уникальны для каждой страны. На основе результатов анализа экологической ситуации в России авторы статьи формулируют предложения по изменению действующего законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая практика организации экологического туризма говорит о том, что преимущественно он осуществляется в границах особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Это обусловлено тем, что в национальных парках и других природных резерватах есть возможность увидеть редкие виды диких животных и растений, уникальные объекты неживой природы. Термин «экологический туризм» ввел в научный оборот в первой половине 80-х годов XX века мексиканский экономист-эколог Г. Себайос-Ласкурайн в целях обоснования необходимости

поиска баланса между сохранением природы и рекреацией. В дальнейшем содержание понятия, обозначаемого данным термином, претерпело некоторые изменения.

В настоящее время экологический туризм рассматривается как вид экологического предпринимательства, направленного на ознакомление туристов с достопримечательностями дикой природы на особо охраняемых природных территориях. Экологический туризм представляет собой значимое направление социально-экономического развития территорий [1, с. 34; 2, с. 27] и способствует восстановлению физического и психологического

Svetlana V. IVANOVA,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0002-9723-0990

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Civil Law

servis-05@list.ru

Svetlana V. RYBAK,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-7280-867

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Head of the Department of Civil Law

Svetoch_2504@mail.ru

NEGATIVE CONSEQUENCES OF ECOLOGICAL TOURISM IN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS: LEGAL ASPECT

KEYWORDS. Ecotourism, specially protected areas, flora and fauna, biodiversity, national park, nature, consequences and damage.

ANNOTATION. *Introduction.* Ecotourism is one of the most promising areas of modern public policy and environmental entrepreneurship in many countries of the world. It is considered as a type of environmental entrepreneurship aimed at familiarizing tourists with the sights of wild nature in specially protected natural areas. Ecotourism not only represents a significant area of socio-economic development of territories, but also contributes to the restoration of physical and psychological health of citizens within the boundaries of natural ecosystems. *Methods.* The methodological basis of the study, the results of which are reflected in this article, was a system of philosophical, general scientific and specific scientific methods of cognition: analysis, synthesis, specific historical method, logical method, etc. *Results.* The authors of the article studied the ways and means of improving transport and other infrastructure of ecotourism, including the development of new routes (ecological trails), organizing meals and accommodation for tourists, as well as solving a number of other problems. Particular attention is paid to the issue of overcoming the negative consequences of ecotourism, which is little studied in legal science. In particular, the issue concerns the need to regulate various forms of behavior in the wild nature of tourists in national parks or other specially protected areas. In addition, the need to adjust state policy in relation to local residents of such areas has been identified. It seems important to establish clear legal prohibitions in order to prevent the destruction of unique natural complexes, the death of plants and animals. Such legal measures are unique for each country. Based on the results of the analysis of the environmental situation in Russia, the authors of the article formulate proposals for changing the current legislation.

здоровья граждан в границах естественных экосистем¹. Ученые из Республики Казахстан подчеркивают, что экологический туризм используется в целях отдыха, досуга и проведения праздников [3, с. 615]. Таким образом, с учетом мнений специалистов следует отметить, что в современном мире экотуризм рассматривается как деятельность по сохранению и восстановлению биоразнообразия, как социально-культурный фактор процессов экономического развития, ориентированных на получение прибыли, и как способ формирования экологического мировоззрения. Посредством экологического туризма может быть обеспечен баланс между интересами охраны окружающей среды и удовлетворением потребностей туристов, сохранением культурных ценностей и достигнута социальное-экономическое баланса в краткосрочной и долгосрочной перспективе для настоящего и будущих поколений [4, с. 181]. Этот вид туризма характеризуется тем, что люди активно проводят время в дикой природе, причем не только в рекреационных и познавательных целях, но и в целях сохранения и приумножения ее богатств. Причиной появления экологического туризма стало стремление человека не только свести к минимуму любые изменения в окружающей среде, но и приобщиться к ее красоте [5, с. 10012].

Современная модель экотуризма основана на критериях, ключевыми из которых представляются сохранение природы, устойчивое развитие, экологическое образование и природоохранная деятельность [6, с. 661]. Разработаны основополагающие принципы экотуризма, они связаны с минимизацией негативного антропогенного воздействия, организацией экологического просвещения, поддержкой охраны природы, участием представителей государства, бизнеса и населения в процессах принятия решений [7, с. 129; 8, с. 22]. И сегодня экологический туризм развивается всё более активно.

По данным Всемирной туристской организации (UNWTO) доля экологического туризма в структуре мирового туризма составляет примерно 10%. В России, по оценкам экспертов, в настоящее время его доля в общем объеме туризма составляет 15%. В 2025 г. планируется увеличение количества экотуристов в границах ООПТ в половине национальных парков страны и дальнейшее развитие соответствующей инфраструктуры. Это позволит числу туристов, посещающих российские ООПТ (и акватории), вырасти к 2034 г. до 16 млн человек. Впрочем, если проводить сравнение с турпотоками зарубежных стран, то выясняется, что это невысокий показатель. Например, в США

¹ Никоноров С.М. Эколого-экономические основы развития рекреационных зон (на примере Чувашской Республики): Автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 2014. С. 17.

только один Йеллоустонский национальный парк в год принимает 5 млн туристов [9, с. 27].

Есть основания говорить о том, что экотуризм приобретает популярность. При этом необходимо учитывать, что активное развитие экологического туризма на охраняемых территориях может иметь различные негативные последствия. Так, например, в китайской экологической туристической зоне Чанбайшань из-за большого потока туристов увеличилось количество коммерческих киосков и магазинов для их обслуживания, что повлекло за собой рост объемов бытовых сточных вод и мусора [10, р. 1]. Иными словами, чрезмерная коммерциализация природных достопримечательностей может быть фактором, обуславливающим загрязнение окружающей среды, что, разумеется, не способствует устойчивому развитию туризма.

Практически все виды рекреационной нагрузки человека на природу изменяют те или иные свойства почвы, количественное и качественное состояние растительного и животного мира, водных объектов. Непосредственно воздействуя, например, на диких животных или на среду их обитания, люди влияют на обеспечение их пищей и ее доступность, а также на сохранение популяций в естественной среде обитания. В свою очередь, воздействие на пищу и среду обитания диких животных влияет на их поведение, выживание и размножение.

Исследования негативных факторов воздействия экотуризма на окружающую среду проводились и российскими [11, с. 24], и зарубежными учеными [12, р. 55]. Они отмечали, что такое воздействие может быть прямым, если оно вызвано деятельностью туристов на объекте, или косвенным, если оно связано с инфраструктурой, созданной для туристов. Подобного рода воздействие экотуризм оказывает, например, на водные объекты, используемые для обеспечения людей питьевой водой. К числу негативных факторов относятся также деградация почвы в результате строительства инфраструктуры и большого потока туристов, загрязнение воздуха от активного использования туристами и сотрудниками ООПТ транспортных средств и др.

Не вызывает сомнений, что обсуждение негативных факторов воздействия экотуризма на состояние естественных природных экосистем должно быть продолжено. По нашему мнению, необходимо установить ограничения на такое воздействие. В связи с этим перед своим исследованием мы ставили задачу разработать конструктивные предложения по поиску компромисса (включая его закрепление в правовой форме) между экономическими, экологическими и социальными интересами бизнеса, общества и государства в сфере развития экотуризма.

МЕТОДЫ

Методологическую основу проведенного нами исследования составила система философских, общенаучных и частнонаучных методов познания. С помощью исторического метода изучены доктринальные понятия экологического туриз-

ма. При рассмотрении негативных последствий экологического туризма для естественных экологических систем применялся сравнительный метод познания. Кроме того, был востребован ряд частнонаучных методов (анализ, синтез, логический метод).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для достижения поставленной цели нами было определено три основных направления исследования. Первое предусматривало формулирование общей концепции видов и форм негативного воздействия экотуризма на естественные экосистемы. В рамках второго изучались социально-экономические риски, связанные с массовым экотуризмом. Третьим направлением стал анализ особенностей его организации в России.

1. Общая характеристика негативных последствий экологического туризма для естественных экологических систем.

Многочисленные исследования ученых из разных стран всё чаще фиксируют негативное воздействие экотуризма на растительность, воду и почву. В большинстве этих исследований сообщается о том, чем оборачивается «вытаптывание» человеком почвы в результате пеших прогулок, организации кемпингов и рыбалки. Значительное влияние на окружающую среду оказывают последствия езды на лошадях и велосипедах, а также внедорожниках и снегоходах [13]. Экосистемы и среда обитания весьма уязвимы из-за развития и давления на них инфраструктуры. Строительство новых курортов, отелей, кемпингов наносит ущерб экологическим системам. Даже незначительные изменения, вносимые человеком в характеристики земли, воды, любой микросреды обитания, могут повлиять на флору и фауну той или иной экосистемы.

Негативное воздействие на землю было исследовано многими учеными. С учетом полученных ими результатов можно выделить несколько факторов воздействия экологического туризма на почву. В частности, происходит ее уплотнение [14, с. 915], уменьшается ее макро- и общая пористость [15, с. 1024], снижается скорость инфильтрации (и увеличивается эрозия), изменяется влажность почвы, увеличивается суточный (а нередко и сезонный) диапазон ее температуры. Всё это негативно влияет на процессы прорастания, укоренения, роста и размножения растений. В частности, уплотнение почвы уменьшает неоднородность поверхности почвы, что влечет за собой сокращение количества благоприятных мест для прорастания растений. Кроме того, уплотнение увеличивает механическое сопротивление почвы к проникновению корней и может затруднить появление всходов. Снижение макропористости¹ может привести к дефициту кислорода и уменьшению объема воды, доступной для растений. Эти физические изменения наряду с сокращением органического вещества и преобразованием почвенной микробиоты весьма серьезно нарушают экосистемные процессы [16, с. 18]. Они могут препятствовать взаимодействию между почвой,

¹ Это структурная характеристика грунта, определяющая его плотность и механические свойства. Она обусловлена количеством пор размером более 1 мм.

растениями и животными (например круговороту питательных веществ).

Наиболее очевидное прямое воздействие на растительность имеет место в результате повреждения, срезания и выкорчевывания деревьев и кустарников, что нередко случается в ходе пеших прогулок по экологическим тропам. Происходят изменения отдельных характеристик растений, включая уменьшение их высоты, длины стеблей, площади листьев, цветения и производства семян. Некоторые растения погибают. Те, что выживают, обычно не столь энергичны и размножаются менее успешно. Поэтому в зонах организации экотуризма утрачивается плотность растительного покрова, отмечаются ухудшение роста растений и уменьшение их видового состава (по сравнению с участками, где туристического воздействия не было) [17]. Видовой состав и структура растительности меняются, поскольку разные виды растений отличаются друг от друга уровнем способности переносить рекреационные воздействия, противостоять повреждениям, возможности восстанавливаться после повреждения. Результаты наблюдения специалистов указывают на то, что наибольшую устойчивость к антропогенным воздействиям экотуризма проявляют низкорослые растения с жесткими и гибкими листьями (они лучше других приспособлены к систематическому воздействию) [18, с. 54]. Таким образом, последствия рекреационного воздействия на растительность зависят от вида растений и интенсивности нарушения их среды обитания.

Изменения среды обитания, связанные с типом, распределением и количеством доступной растительной пищи, негативно влияют и на диких животных (и в воде, и на суше). Например, любое рекреационное воздействие на почву удаляет ее верхние органические слои или сокращает их, что приводит к уменьшению объемов пищи, доступной для многих видов животных. В частности, ученые обнаружили, что нарушения почвенного покрова, вызванные большим потоком туристов, привели в северных хвойных и лиственных лесах к потере органического вещества, содержащегося в верхних слоях почвы. Оно являлось источником пищи для клещей и коллемболагов (организмов, питающихся исключительно разлагающейся органикой). Органическое вещество, лежащее на поверхности почвы, обеспечивало разнообразные микросреды обитания для позвоночных и беспозвоночных животных. В результате воздействия на некоторых территориях исчезли популяции названных выше видов животных, что привело к нарушению экологического баланса в экосистемах умеренного климата [19, с. 25]. Ученые также фиксируют сильную положительную корреляцию между разнообразием микросреды обитания, связанным с содержанием органического вещества, и видовым разнообразием насекомых. Удаление из почвы органических слоев приводит к исчезновению микросреды обитания и связанных с ней сообществ животных [20, с. 183]. Любое воздействие

на один вид оказывает прямое или косвенное воздействие на другой вид. Нарушения естественного существования микроместообитаний могут в итоге изменить всю экосистему.

С другой стороны, рекреационная деятельность усиливает и эрозию почвы. В результате могут сократиться или исчезнуть популяции бактерий и грибов на поверхности камней. А они являются важным источником пищи для членистоногих, многих амфибий и рыб. Последствия рекреации приводят к уплотнению почвы, что вызывает резкие изменения видового состава почвенной фауны. В ходе некоторых исследований было зафиксировано снижение численности широкого спектра почвенных беспозвоночных на вытоптанных местах [21, с. 17]. Выявлено и снижение численности почвенных клещей на тропинках, по которым передвигались туристы (по сравнению с менее вытоптанной почвой) [16, с. 18].

Экологический туризм может негативно воздействовать и на водные ресурсы. Негативное воздействие оказывают не только водные (катание на моторных лодках и каноэ, например), но и наземные виды рекреационной деятельности, включая рыбалку, пешие прогулки и поездки на внедорожниках.

В нескольких исследованиях сообщается о косвенном влиянии использования внедорожников на популяции животных на особо охраняемых природных территориях. В частности, в дюнах Алгодонес (штат Калифорния, США) на контрольных участках было в 1,8 раза больше видов ящериц и в 5,9 раза больше биомассы ящериц, чем на участках, подвергшихся воздействию внедорожников. Кроме того, на контрольных участках объем кустарников был в 40 раз больше, чем на участках, подвергшихся такому воздействию, а покрытие и объем многолетней растительности положительно коррелировали с количеством особей и количеством видов ящериц и млекопитающих [22, с. 5].

В России подобного рода негативные последствия экотуризма иногда отмечаются судебной практикой. Так, Азово-Черноморский межрайонный природоохранный прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с иском о запрете деятельности в части предоставления услуг по доставке туристов по маршруту «Пшадские водопады» в труднодоступные места горного рельефа реки Пшада (Краснодарский край). Ответчики оказывали услуги по доставке экотуристов по указанному маршруту на автомобилях-внедорожниках. При этом перевозка туристов проводилась в водоохранной зоне реки Пшада и непосредственно в самом водном объекте (вверх по руслу реки). По этой причине осуществление данной деятельности повлекло загрязнение и истощение водного объекта – реки Пшада. Рассмотрев дело по существу, суд запретил использовать этот туристический маршрут¹.

Катание на моторных лодках и деятельность на берегу могут воздействовать на химический состав воды. К примеру, подвесные моторы вы-

¹ Решение Геленджикского городского суда Краснодарского края по иску Азово-Черноморского межрайонного природоохранного прокурора в интересах неопределенного круга лиц // URL: <https://gelendjik-gor--krd.sudrf.ru/modules.php> (дата обращения: 14.10.2024).

брасывают масло и бензин, которые, безусловно, способствуют негативным химическим процессам в водном объекте и наносят вред растительному и животному миру его экосистемы. Кроме того, шум от моторных лодок может беспокоить водоплавающих птиц до такой степени, что они покидают привычную для них среду обитания (реки и иные водоемы).

В зимний период рекреационное воздействие осуществляется посредством использования снегоходов. Они повреждают кустарники, сокращают растительный покров, изменяют видовой состав растений.

Вытаптывание и другие виды рекреационного воздействия на береговую линию могут также повлиять на режим течения реки. Спрос на рыбу со стороны туристов напрямую влияет на местное рыболовство и угрожает популяциям диких животных. Вместе с тем туристы мусорят на территории мест посещения, что приводит к серьезным изменениям среды обитания и локализации популяций животных и птиц. Исследования показали, что в пищу птенцов некоторых птиц, например синиц, попадают пластиковые отходы [23].

Однако одними только экологическими последствиями (в виде ущерба, наносимого состоянию биоценозов) воздействие экотуризма не ограничивается.

2. Социально-экономические негативные последствия экотуризма.

Существующие в мировом масштабе экономические выгоды от экотуризма не поддаются количественной оценке, но они очень велики. Эксперты говорят о том, что не менее половины мирового туризма и путешествий приходится на так называемый геотуризм¹, то есть на путешествия к конкретным географическим достопримечательностям. Значительная часть из них ведет к объектам, многие из которых находятся на особо охраняемых природных территориях.

Было подсчитано, что, например, в Северной Америке национальные парки вносят в экономику около 250 миллиардов долларов США в год, в том числе за счет экологического туризма [24, с. 132]. В Австралии от четверти до трети туристической индустрии приходится на экологический туризм [25, с. 107], что приносит в виде дохода около 10 миллиардов долларов США в год. Во многих странах Африки и Латинской Америки почти вся туристическая индустрия основана на заповедниках. В районе Юкон на севере Канады каждый доллар, вложенный в заповедники, приносит 3,5 доллара дохода от экотуризма [26].

В ситуации, когда темпы развития экотуризма во многих странах мира стали весьма высокими, главной задачей для особо охраняемых территорий становится обеспечение соблюдения основных принципов экологического туризма. Например, в Китае экотуризм долго был в зачаточном состоянии, но его быстрое развитие привело сегодня к дисбалансу экосистем и ухудшению состояния окружающей среды в туристических райо-

нах, что противоречит первоначальному намерению сохранять экосистемы [27, р. 76].

Экотуризм создает новые возможности для трудоустройства местных жителей. Он помогает в улучшении инфраструктуры территории, развитии транспорта. По некоторым данным, на одного местного жителя может приходиться до 130 экотуристов. С одной стороны, это стимулирует производство различных видов продукции, необходимой для потребления туристами, обеспечивает рабочими местами многих специалистов. Однако, с другой стороны, в случае изменения рынка труда, это может вызвать всплеск безработицы и обострение социальной напряженности. Так, анализ современного состояния туристской инфраструктуры в заказнике «Байдарский» (Россия) свидетельствует о смене основного направления хозяйственной деятельности населения сёл, расположенных в границах заказника. Растет число объектов туризма и уменьшается роль сельского хозяйства [28, с. 272].

Экотуризм превратился в крупный сектор экономики, и как любая деятельность, осуществляемая в широких масштабах, имеет как позитивные, так и негативные последствия. С экономической точки зрения он приносит пользу только тем группам населения, которые занимаются связанным с ним бизнесом, включая гостиничные услуги, питание, работу гидов, торговлю на местных рынках. В то же время люди, задействованные в сельском хозяйстве, по-прежнему зависят от природных ресурсов.

Поскольку туризм носит, как правило, сезонный характер, он обеспечивает в первую очередь сезонную занятость. Так, в Индии туризм, ориентированный на реку Ганг, внес большой вклад в развитие национальной экономики и благосостояние местного населения. Однако большой сезонный наплыв туристов привел к ухудшению состояния окружающей среды и потере местной самобытности и традиционной культуры [29]. Исследования индийских ученых говорят о том, что за несколько лет площадь кемпингов на реке Ганг значительно увеличилась. Это расширение принесло большую прибыль владельцам бизнеса, поставщикам продуктов питания, организаторам размещения. Между тем, чтобы избежать беспокойства со стороны человека в дневное время, животные перешли на ночной образ жизни. Водная флора и фауна пострадали из-за резкого увеличения количества отходов (включая остатки пищи и другие продукты человеческой жизнедеятельности). Большое количество автомобилей и костров в районе кемпингов увеличило уровень загрязнения воздуха. Скопление отходов разрушает живописную природу и приводит к ухудшению состояния воды и почвы.

Наряду с эстетическим удовольствием экотуризм предоставляет туристам возможность познакомиться с различными традиционными культурами и в то же время повышает потенциал саморазвития местного населения. Однако, с другой

¹ Stueve A.M., Cock S.D., Drew D. The Geotourism Study: Phase I Executive Summary // Исследование геотуризма: электронный отчет // URL: <https://destinationcenter.org/wp-content/uploads/2012/01/geotourism1-survey.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

стороны, он может обернуться ростом социальной нестабильности, поскольку не исключены конфликты туристов различных вероисповеданий и культур с местными жителями [30, с. 521]. Ученые указывают на то, что туристы зачастую тратят много денег во время своих путешествий, не осознавая при этом, что представители местных общин могут не располагать столь внушительными средствами. Это порождает зависть, которая создает почву для возникновения социальной нестабильности [31, с. 209]. Вместе с тем заметим, что западная культура воспринимает природные объекты только как место отдыха (в отличие от коренных жителей, для которых эти объекты являются, например, местом охоты и сбора продуктов питания). Нередко туристы, отправляясь путешествовать в другую страну, имеют неполное или искаженное представление об особенностях посещаемого региона, что приводит к культурному непониманию местных жителей, нагнетанию напряженности. Для предотвращения этого важно организовывать работу по просвещению туристов, обогащению их во время путешествия сведениями о культуре народов, проживающих в местах, где они оказываются, распространению идей об уважительном отношении к природным достопримечательностям. Комплекс информации, предоставляемой туристам, должен включать в себя согласованные с местными властями сведения о правилах поведения в местах пребывания, об обычаях жителей (в том числе особенностях кухни, одежды, менталитета).

3. Проблемы организации экологического туризма в России.

Россия – огромная страна с колоссальными туристическими и рекреационными ресурсами. Она обладает внушительным потенциалом для организации путешествий в нетронутые уголки природы, приобщения к ее красоте. Теме экологического туризма придает особую актуальность то обстоятельство, что с каждым годом эта отрасль экономики растет на 20-30%. Безусловно, туристская отрасль должна быть экономически эффективной, но при этом важно понимать, что основным показателем эффективности управления ООПТ является вовсе не материальный результат, а ориентация на науку, экологическое просвещение и обучение посетителей.

В этой ситуации вызывает беспокойство, что в федеральном проекте «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» (в рамках национального проекта «Экология», раздел 4.8) в число основных показателей включено увеличение количества посетителей ООПТ. Вместе с тем в части экотуризма не предусмотрен мониторинг рекреационной деятельности ООПТ, на которых реализуется проект. Таким образом, целью данного проекта является привлечение большого количества экотуристов и рост инвестиций. При этом без внимания остался вопрос о вреде, причиняемом дикой природе масштабными потоками туристов [32, с. 55; 33, с. 201]. На наш взгляд, любое планиро-

вание привлечения инвестиций на территории ООПТ необходимо обсуждать с экспертами. Более того, следует на законодательном уровне предусмотреть мониторинг последствий рекреационной деятельности с целью их минимизации. По оценкам специалистов, отсутствие должного контроля и регулирования рекреационной нагрузки создает угрозу утраты ценных природных объектов [34, с. 33].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» включил сохранение биологического разнообразия и создание инфраструктуры экологического туризма в национальных парках в число приоритетных задач развития страны. Однако приходится констатировать, что всё более обостряется конфликт между необходимостью охраны природы и потребностями экотуризма на ООПТ по вопросам организации и использования туристской инфраструктуры. Ее строительство и последующая эксплуатация наносят большой вред охраняемым природным ландшафтам и биологическому разнообразию. К сожалению, в России фиксируется негативная практика создания рекреационной инфраструктуры на территориях национальных парков. Эта практика поощряется законодателем, если судить по нормам, включенным в Федеральный закон от 30 декабря 2022 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате оказалось, например, возможным возведение зданий высотой в девять этажей в рекреационной зоне Тебердинского национального парка¹. По мнению Т.В. Злотниковой, подобного рода новации в законодательстве легализуют возможности появления на землях заповедников различных рекреационных объектов капитального строительства (гостиниц, гостевых домов, коттеджных поселков) [35, с. 15]. Такие действия законодателя не соответствуют целям и задачам деятельности заповедников.

Кормление туристами животных может вызывать разнообразные изменения в механизмах социального поведения последних. Животные покидают свои территории и концентрируются в тех местах, где можно выпрашивать пищу у туристов, что в итоге негативно отражается на процессе размножения. Искусственное подкармливание потенциально опасно полным разрушением нормального пищевого поведения диких животных. Уже сейчас на Дальнем Востоке России при организации экологических туров для наблюдения за морскими животными возникают серьезные проблемы. Для регламентации дистанции, с которой допустимо наблюдение, его времени, ограничения количества наблюдателей были разработаны «Рекомендации по наблюдению за ластоногими и каланами в рекреационных целях на лежбищах и в местах скопления» и «Рекомендации по наблюдению за китообразными в ре-

¹ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 19.07.2023 № 445 «Об утверждении Положения о Тебердинском национальном парке» // СПС «КонсультантПлюс».

креационных целях». Однако они носят рекомендательный характер, и зачастую их игнорируют [36, с. 289]. Диких животных продолжают окружать, беспокоить, мешают им кормиться в море, пытаются кормить их с рук. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию в сфере наблюдения за морскими животными, Правительством Камчатского края был принят специальный подзаконный акт, регламентирующий правила посещения лежбищ морских млекопитающих и наблюдения за ними¹. Этот документ дает надзорным органам возможность применять к нарушителям меры административного воздействия. Его нормы запрещают экотуристам кормить диких животных в местах их обитания. Необходимо отметить, что из тех же соображений в положения о многих ООПТ федерального значения (заповедниках, национальных парках) были внесены пункты, которыми «запрещается кормить, беспокоить и преследовать диких животных»². Таким образом, очевидно, что описанную выше проблему необходимо решать на государственном уровне. Приходится констатировать, что в настоящее время нормы, регулирующие отношение людей к диким животным в сфере экотуризма, закреплены лишь в нескольких положениях об ООПТ и региональных актах Камчатского края.

К числу негативных последствий экотуризма следует отнести большие потоки туристов, особенно в определенные сезоны. Например, специалисты отмечают, что нерегулируемый туризм представляет угрозу для сохранения экосистем юга России. Сильное негативное рекреационное воздействие оказывается на реликтовые можжевеловые редколесья, что обусловлено их распространённостью в этой части страны. На территориях заказников и памятников природы регулирование экотуризма осуществляется слабо, носит стихийный характер [34, с. 33]. В Прибайкальском национальном парке «Остров Ольхон» в летний сезон наблюдается массовое скопление экотуристов: они разбивают палаточные лагеря, лишённые элементарных удобств, мусорят, вытаптывают растительность, что наносит большой вред экосистеме Байкала³.

К числу основных угроз для сохранения биоразнообразия растений и диких животных в границах ООПТ Камчатки, возникших по причине организации массового экотуризма, относятся: деградация горных, тундровых и уникальных термальных ландшафтов; увеличение фактора беспокойства охраняемых видов животных; сокращение площади ненарушенных ландшафтов вследствие развития дорожной (тропиночной) сети и строительства объектов туристской инфраструктуры. При этом самым большим нагрузкам

подвергаются наиболее уязвимые термальные и вулканические природные комплексы – на их долю приходится около 70% популярных туристических маршрутов края. Крутизна склонов, неравномерность распределения солнечного излучения и осадков и связанное с этим интенсивное развитие денудации, бедность флористического состава травяного яруса являются причинами интенсивного изменения данных ландшафтов из-за антропогенного давления.

Для исправления ситуации и организации безопасного для природы экотуризма на тропках и при въезде на территорию заповедников размещают информационные стенды. Ознакомление с размещённой на них информацией – неотъемлемый атрибут экскурсионных программ. Однако, поскольку на стендах представлены важные для экотуристов сведения, происходит скопление вокруг них людей, что приводит к вытаптыванию растительного покрова и эрозии грунта. К таким же негативным воздействиям на почву приводит и отсутствие настила, приподнятого над землей, который мог бы способствовать сохранению растительного покрова.

В настоящее время важным инструментом организации экологического мониторинга на территории заповедников признается размещение там веб-камер. Впрочем, и они наносят определенный ущерб некоторым видам животных. Так, в Богдинско-Баскунчакском заповеднике имеется практика монтажа веб-камер у гнезд крупных хищных птиц. Процесс установки веб-камер не занимает много времени и, казалось бы, не должен вызывать сильного беспокойства у птиц. Однако нередко подобные действия людей приводят к тому, что птицы бросают свои гнезда, причем иногда с птенцами (такое случалось с беркутами, степными орлами, орланами).

Очень большое негативное влияние, связанное с усилением беспокойства, на некоторые виды диких животных оказывает прохождение туристами экологических маршрутов. Особенно этот фактор актуален в заповедниках, имеющих относительно небольшую площадь, например в Богдинско-Баскунчакском заповеднике. В условиях открытого пространства (в этом заповеднике нет лесов) проезжающий транспорт с экскурсантами вспугивает с гнезд хищных птиц, таких как орлан-белохвост, степной орел, курганник и др. Постоянное беспокойство такого рода может привести к гибели кладок и птенцов, к оставлению птицами гнездовых территорий. В дальнейшем это может обернуться снижением численности гнездящихся видов птиц, и без того редких и ценных. Кроме того, часто наблюдается гибель животных под колесами автомобилей [37, с. 158].

¹ Постановление Правительства Камчатского края от 05.07.2021 № 285-П «Об утверждении Правил посещения лежбищ морских млекопитающих и наблюдения за морскими млекопитающими на территории Камчатского края» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например, приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 21.12.2021 № 981 «Об утверждении Положения о Кавказском государственном природном биосферном заповеднике» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Заповедники экотуризма. Инфраструктура отрасли должна развиваться прежде всего вне границ ООПТ // Коммерсант: сайт. 07.06.2024 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6745624> (дата обращения: 14.10.2024).

Таким образом, следует говорить о том, что любое антропогенное воздействие на окружающую среду изменяет функционирование естественных экосистем, и это приводит к потере наиболее уязвимых видов диких животных, растений или даже целых природных комплексов. В связи с этим при организации на особо охраняемых природных территориях эколого-просветительских мероприятий в рамках экологического туризма должно быть минимизировано воздействие на объекты природы. Соблюдение туристами правовых норм и бережное отношение их к окружающей среде позволит сохранить природу для настоящего и будущих поколений [38, с. 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экотуризм – это единственный способ максимизировать экономические, экологические и социальные выгоды от туризма. Объекты экотуризма привлекательны для туристов в эстетическом, познавательном плане и одновременно удовлетворяют их желания в плане ознакомления с растительным и животным миром, а также общения с местным населением с целью познания его обычаев и традиций. Преимущество экотуризма заключается в том, что он объединяет интересы организаторов инвестиционных и экологических проектов и местного населения, создавая возможности для сохранения окружающей среды и биоразнообразия.

Проблема заключается в том, что трудно найти баланс между сохранением природы и потребностями организации туристской деятельности. Безусловно, экотуризм имеет положительные элементы, однако следует отметить и негативные последствия, которые могут иметь место в результате неправильной организации экологических туров, создания нерегулируемых потоков туристов, нерешенности вопросов в области инфраструктуры, транспорта, коммуникаций, водоснабжения, вывоза отходов. Анализ проблем, возникающих при реализации экологического туризма в Российской Федерации, позволил нам определить ряд мер, реализация которых должна способствовать преодолению трудностей (или, по крайней мере, смягчить остроту негативных последствий):

1) внесение изменений в законодательство и активное внедрение в практику нормативов предельного воздействия на почву, рассчитанных исходя из количества туристов в определенных функциональных зонах ООПТ. На доктринальном уровне это было сделано еще в 1973 году сотрудником Тебердинского заповедника П.А. Утяковым. Он рассчитал, что заповедник может безболезненно для его экосистем пропускать 400-500 тысяч человек в год. Если бы подобного рода измерения вошли в нормативный акт, то расчет пропускной способности позволил бы эффективно планировать и контролировать состояние особо охраняемой территории заповедника в долгосрочной перспективе [39, с. 682];

2) четкий законодательный запрет возведения объектов капитального строительства выше двух этажей в границах любой разновидности ООПТ;

3) зонирование территорий с указанием классов пригодности для развития экотуризма. Можно выделить территории очень подходящие, умеренно подходящие, незначительно подходящие и не подходящие для экотуризма [40, с. 270];

4) разработка и принятие мер по развитию туристской инфраструктуры на ООПТ, обеспечивающей выполнение требований по сбору мусора, организации кемпингов, палаток, туалетов и т.д., установление общественного контроля;

5) развитие сети ООПТ местного значения, создание правовыми средствами интереса у органов местного самоуправления к повышению рекреационной привлекательности своих территорий и улучшению инфраструктуры, использованию ими цифровых технологий для привлечения экотуристов;

6) рассмотрение проблемы негативных последствий экотуризма в контексте других современных экологических проблем, включая изменение климата. Для снижения уровня такого воздействия необходима последовательная государственная политика по уменьшению транспортных выбросов, организации передвижения в границах ООПТ на электрокарах и велосипедах, развитию пешего и конного туризма как альтернативы передвижению с использованием углеводородного топлива, использованию возобновляемых источников энергии для обеспечения туристов;

7) формирование специальных комиссий (рабочих групп) с участием представителей органов власти разного уровня для решения вопросов экотуризма, налаживание системы обмена информацией между ними;

8) изменение поведения туристов, посещающих ООПТ. Кроме улучшения работы органов власти и бизнеса, смягчение негативных последствий экотуризма во многом зависит от людей, выбирающих его в качестве способа проведения времени отдыха. Они могут внести свой вклад в решение рассматриваемой проблемы следующим образом: выбирать туроператоров, которые придерживаются принципов устойчивого развития и имеют соответствующие сертификаты; соблюдать правила поведения на ООПТ (не оставлять мусор, не беспокоить животных, не сходить с обозначенных троп и т.д.); участвовать в волонтерских программах (по уборке территорий, восстановлению экосистем) и просветительской деятельности; распространять информацию о важности сохранения природы и негативных последствиях неответственного туризма среди знакомых и в социальных сетях; активно участвовать в общественных слушаниях, подготовке петиций и других инициативах, направленных на усиление правовой охраны ООПТ.

Таким образом, следует подчеркнуть, что работа, ориентированная на снижение уровня негативных последствий экотуризма, требует системных действий и совместных усилий государства, бизнеса и граждан, основанных на принципах устойчивого развития и уважения к природе. И речь, в частности, идет не только о принятии новых законов, но в первую очередь о корректировке уже имеющихся с учетом необходимости решения отмеченных нами проблем. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева М.И. К юридическому определению понятия экологического туризма // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 4. С. 34-52.
2. Бекишева С.Д. Развитие экологического предпринимательства как направление экологической политики Республики Казахстан // *Экологическое право*. 2011. № 5. С. 27-32.
3. Зименко А.В. Заповедное дело в постсоветской России: факторы и тенденции // *В фокусе наследия: сборник статей*. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 615-629.
4. Актуальные проблемы теории экологического права / Е.Н. Абанина, А.П. Алексеева, А.П. Анисимов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.
5. Yakovlev V. Assessing the Impact of Ecotourism on the Components of the Natural Environment // *Web of Conferences*. 2023. Vol. 420. 10012.
6. Buckley R. A Framework for Ecotourism // *Annals of Tourism Research*. 1994. № 3. P. 661-665.
7. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // *Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции*. Волгоград, 2001. С. 129-132.
8. Алексеева А.П., Анисимов А.П., Мелихов А.И. Противодействие экологической преступности как актуальная задача по обеспечению национальной безопасности России // *Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции*. Вып. II. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2019. С. 21-24.
9. Сафонов О. Экологический потенциал России // *Экологический туризм: глобальный вызов и открытие России: материалы международной конференции*. Сочи, 2018. С. 25-31.
10. Tian J., Li J. Analysis and Treatment of the Conflict between Sustainable Development and Environmental Protection Based on the Ecotourism Concept // *Frontiers in Environmental Science*. 2022. Vol. 10. P. 1-9.
11. Преловский В.И. О содержании понятия «экологический туризм» // *География и природные ресурсы*. 2002. № 2. С. 24-31.
12. Ceballos-Lascurain H. Tourism, Ecotourism, and Protected Areas: the State of Nature-Based Tourism around the World and Guidelines for its Development. Cambridge: IUCN, 1996. P. 55-83.
13. Hammitt W.E., Cole D.N. Wild land Recreation: Ecology and Management. New York, 1987.
14. Iverson R.M., Hinckley B.S., Webb R.M., Hallet B. Physical Effects of Vehicular Disturbances on Arid Landscapes // *Science*. 1981. Vol. 212. Iss. 4497. P. 915-917.
15. Monti P., Mackintosh E.E. Effects of Camping on Surface Soil Properties in the Boreal Forest Region of Northwestern Ontario, Canada // *Soil Science Society of America Journal*. 1979. Vol. 43. P. 1024-1029.
16. Оборин М.С. Отрицательные последствия массового туризма для принимающих территорий // *Сервис plus*. 2020. Т. 14. № 1. С. 18-26.
17. Cole D.N. Trampling Effects on Mountain Vegetation in Washington, Colorado, New Hampshire, and North Carolina. Ogden, Utah: Intermountain Research Station, 1993.
18. Buckley R. Ecological Indicators of Tourist Impacts in Parks // *Journal of Ecotourism*, 2002. Vol. 2. P. 54-66.
19. Seastedt T.R. The Role of Micro Arthropods in Decomposition and Mineralization Processes // *Annual Review of Entomology*. 1984. Vol. 29. P. 25-46.
20. Knight R.L., Gutzwiller K.J. (eds.) *Wildlife and Recreationists-Coexistence Through Management and Research*. Washington, DC: Island Press, 1995. P. 183-202.
21. Carlisle I. Nature Tourism and the Environment: the Conservation Corporation Africa Model // Buckley R.C., Pickering C.M., Weaver D. (eds) *Nature Based Tourism, Environment and Land Management*. Wallingford, UK, 2003. P. 17-24.
22. Jain K. Environmental and Socio-Economic Impacts of Ecotourism: A Review // *Researchgate* // URL: https://www.researchgate.net/publication/345416424_Environmental_And_Socio-Economic_Impacts_Of_Ecotourism_A_Review (дата обращения: 14.10.2024).
23. Buckley R. Impacts Positive and Negative: Links between Ecotourism and Environment // *Environmental Impacts of Ecotourism*. 2004. P. 5-14.
24. Eagles P.F. Trends in park tourism: economics, finance and management // *Journal of Sustainable Tourism*. 2002. Vol. 10. P. 132-153.
25. Buckley R.C. *Case Studies in Ecotourism*. Wallingford, UK, 2003. 272 p.
26. Thompson J., Peepre J. Economic Benefits of Protected Areas // *FAO* // URL: <https://www.fao.org/sustainable-forest-management/toolbox/cases/case-detail/en/c/235885/> (дата обращения: 14.10.2024).
27. Zhang T., Zhao X. Rural Tourism Development and Optimization Strategies from the Perspective of Global Tourism - Taking Jinling Village, Dawu County, Hubei Province as an Example // *Journal of Hunan University of Science and Technology*. 2018. Vol. 32. P. 76-83.
28. Каширина Е.С. Рациональное природопользование ландшафтного государственного заказника республиканского значения «Байдарский» // *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «География»*. 2011. Т. 24. № 2. Ч. 2. С. 249-272.
29. Farooquee N. et al. Cultural and Social Impact Analysis of Adventure Tourism in Himalayan River Ganga in India // *Researchgate* // URL: https://www.researchgate.net/publication/324031468_Cultural_and_social_impact_analysis_of_adventure_tourism_in_Himalayan_River_Ganga_in_India/ (дата обращения: 14.10.2024).
30. Gibson C. Geographies on Ecotourism: (un) Ethical Encounters // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. P. 521-527.

31. Howitt R. The Importance of Process in Social Impact Assessment: Ethics, Methods and Process of Crosscultural Engagement // *Ethics, Place and Environment*. 2005. Vol. 8. P. 209-221.
32. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2017. № 2 (65). С. 54-58.
33. Алексеева А.П., Анисимов А.П. О понятии и классификации видов экологического терроризма // *Вопросы российского и международного права*. 2017. Т. 7. № 2А. С. 199-211.
34. Голубева Е.И., Тульская Н.И., Завадская А.В., Каширина Е.С. Экологический туризм на ООПТ: состояние и проблемы // *Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: материалы международной научно-практической конференции*. М.: Диалог культур, 2017. С. 33-39.
35. Злотникова Т.В. Современные тенденции правового регулирования охраны и использования особо охраняемых природных территорий // *Экологическое право*. 2019. № 2. С. 15-21.
36. Примак Т.И. О необходимости правового регулирования наблюдений за дикими животными в сфере туризма // *Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: материалы XII международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии»*. Ч. I. Молодежный, 2023. С. 289-296.
37. Амосов П.Н. Научное обоснование снижения уровня воздействия туризма и других форм экологического просвещения на особо охраняемые природные территории // *Астраханский вестник экологического образования*. 2011. № 2. С. 158-161.
38. Рыженков А.Я. О тенденциях и перспективах развития в России экологического туризма как элемента «зеленой» экономики // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021. № 4. С. 38-45.
39. Крюкова О.В., Печорина О.К. Развитие экологического туризма на особо охраняемых природных территориях России // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2. С. 682-688.
40. Bunruamkaewa K., Murayama Y. Site Suitability Evaluation for Ecotourism Using GIS & AHP: A Case Study of Surat Thani Province, Thailand // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 21. P. 270-277.

REFERENCES

1. Vasil'yeva M.I. K yuridicheskomu opredeleniyu ponyatiya ekologicheskogo turizma // *Lex russica*. 2020. T. 73. № 4. S. 34-52.
2. Bekisheva S.D. Razvitiye ekologicheskogo predprinimatel'stva kak napravleniye ekologicheskoy politiki Respubliki Kazakhstan // *Ekologicheskoye pravo*. 2011. № 5. S. 27-32.
3. Zimenko A.V. Zapovednoye delo v postsovetskoy Rossii: faktory i tendentsii // *V fokuse naslediya: sbornik statey*. M.: Institut geografii RAN, 2017. S. 615-629.
4. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava / Ye.N. Abanina, A.P. Alekseyeva, A.P. Anisimov [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
5. Yakovlev V. Assessing the Impact of Ecotourism on the Components of the Natural Environment // *Web of Conferences*. 2023. Vol. 420. 10012.
6. Buckley R. A Framework for Ecotourism // *Annals of Tourism Research*. 1994. № 3. P. 661-665.
7. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskkiye pravonarusheniya (prestupleniya) // *Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Volgograd, 2001. S. 129-132.
8. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P., Melikhov A.I. Protivodeystviye ekologicheskoy prestupnosti kak aktual'naya zadacha po obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti Rossii // *Aktual'nyye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vyp. II. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2019. S. 21-24.
9. Safonov O. Ekologicheskii potentsial Rossii // *Ekologicheskii turizm: global'nyy vyzov i otkrytiye Rossii: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Sochi, 2018. S. 25-31.
10. Tian J., Li J. Analysis and Treatment of the Conflict between Sustainable Development and Environmental Protection Based on the Ecotourism Concept // *Frontiers in Environmental Science*. 2022. Vol. 10. P. 1-9.
11. Prelovskiy V.I. O soderzhanii ponyatiya «ekologicheskiiy turizm» // *Geografiya i prirodnnyye resursy*. 2002. № 2. S. 24-31.
12. Ceballos-Lascurain H. Tourism, Ecotourism, and Protected Areas: the State of Nature-Based Tourism around the World and Guidelines for its Development. Cambridge: IUCN, 1996. P. 55-83.
13. Hammitt W.E., Cole D.N. Wild land Recreation: Ecology and Management. New York, 1987.
14. Iverson R.M., Hinckley B.S., Webb R.M., Hallet B. Physical Effects of Vehicular Disturbances on Arid Landscapes // *Science*. 1981. Vol. 212. Iss. 4497. P. 915-917.
15. Monti P., Mackintosh E.E. Effects of Camping on Surface Soil Properties in the Boreal Forest Region of Northwestern Ontario, Canada // *Soil Science Society of America Journal*. 1979. Vol. 43. P. 1024-1029.
16. Oborin M.S. Otritsatel'nyye posledstviya massovogo turizma dlya prinimayushchikh territoriy // *Servis plus*. 2020. T. 14. № 1. S. 18-26.
17. Cole D.N. Trampling Effects on Mountain Vegetation in Washington, Colorado, New Hampshire, and North Carolina. Ogden, Utah: Intermountain Research Station, 1993.
18. Buckley R. Ecological Indicators of Tourist Impacts in Parks // *Journal of Ecotourism*, 2002. Vol. 2. P. 54-66.

19. Seastedt T.R. The Role of Micro Arthropods in Decomposition and Mineralization Processes // Annual Review of Entomology. 1984. Vol. 29. P. 25-46.
20. Knight R.L., Gutzwiller K.J. (eds.) Wildlife and Recreationists-Coexistence Through Management and Research. Washington, DC: Island Press, 1995. P. 183-202.
21. Carlisle I. Nature Tourism and the Environment: the Conservation Corporation Africa Model // Buckley R.C., Pickering C.M., Weaver D. (eds) Nature Based Tourism, Environment and Land Management. Wallingford, UK, 2003. P. 17-24.
22. Jain K. Environmental and Socio-Economic Impacts of Ecotourism: A Review // Researchgate // URL: https://www.researchgate.net/publication/345416424_Environmental_And_Socio-Economic_Impacts_Of_Ecotourism_A_Review (дата обращения: 14.10.2024).
23. Buckley R. Impacts Positive and Negative: Links between Ecotourism and Environment // Environmental Impacts of Ecotourism. 2004. P. 5-14.
24. Eagles P.F. Trends in park tourism: economics, finance and management // Journal of Sustainable Tourism. 2002. Vol. 10. P. 132-153.
25. Buckley R.C. Case Studies in Ecotourism. Wallingford, UK, 2003. 272 p.
26. Thompson J., Peepre J. Economic Benefits of Protected Areas // FAO // URL: <https://www.fao.org/sustainable-forest-management/toolbox/cases/case-detail/en/c/235885/> (дата обращения: 14.10.2024).
27. Zhang T., Zhao X. Rural Tourism Development and Optimization Strategies from the Perspective of Global Tourism - Taking Jinling Village, Dawu County, Hubei Province as an Example // Journal of Hunan University of Science and Technology. 2018. Vol. 32. P. 76-83.
28. Kashirina Ye.S. Ratsional'noye prirodopol'zovaniye landshaftnogo gosudarstvennogo zakaznika respublikanskogo znacheniya «Baydarskiy» // Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2011. T. 24. № 2. Ch. 2. S. 249-272.
29. Farooquee N. et al. Cultural and Social Impact Analysis of Adventure Tourism in Himalayan River Ganga in India // Researchgate // URL: https://www.researchgate.net/publication/324031468_Cultural_and_social_impact_analysis_of_adventure_tourism_in_Himalayan_River_Ganga_in_India/ (data obrashcheniya: 14.10.2024).
30. Gibson C. Geographies on Ecotourism: (un) Ethical Encounters // Progress in Human Geography. 2010. Vol. 34. P. 521-527.
31. Howitt R. The Importance of Process in Social Impact Assessment: Ethics, Methods and Process of Crosscultural Engagement // Ethics, Place and Environment. 2005. Vol. 8. P. 209-221.
32. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskii terrorizm» i «ekologicheskii radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.
33. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. O ponyatii i klassifikatsii vidov ekologicheskogo terrorizma // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 2A. S. 199-211.
34. Golubeva Ye.I., Tul'skaya N.I., Zavadskaya A.V., Kashirina Ye.S. Ekologicheskii turizm na OOPT: sostoyaniye i problemy // Turizm i rekreatsiya: fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Dialog kul'tur, 2017. S. 33-39.
35. Zlotnikova T.V. Sovremennyye tendentsii pravovogo regulirovaniya okhrany i ispol'zovaniya osobo okhranyayemykh prirodnikh territoriy // Ekologicheskoye pravo. 2019. № 2. S. 15-21.
36. Primak T.I. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya nablyudeniy za dikimi zhyvotnymi v sfere turizma // Okhrana i ratsional'noye ispol'zovaniye zhyvotnykh i rastitel'nykh resursov: materialy XII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Klimat, ekologiya, sel'skoye khozyaystvo Yevrazii». Ch. I. Molodezhnyy, 2023. S. 289-296.
37. Amosov P.N. Nauchnoye obosnovaniye snizheniya urovnya vozdeystviya turizma i drugikh form ekologicheskogo prosveshcheniya na osobo okhranyayemye prirodnyye territorii // Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya. 2011. № 2. S. 158-161.
38. Ryzhenkov A.Ya. O tendentsiyakh i perspektivakh razvitiya v Rossii ekologicheskogo turizma kak elementa «zelenoy» ekonomiki // Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4. S. 38-45.
39. Kryukova O.V., Pechorina O.K. Razvitiye ekologicheskogo turizma na osobo okhranyayemykh prirodnikh territoriyakh Rossii // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 2. S. 682-688.
40. Bunruamkaewa K., Murayama Y. Site Suitability Evaluation for Ecotourism Using GIS & AHP: A Case Study of Surat Thani Province, Thailand // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 21. P. 270-277.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Иванова С.В., Рыбак С.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванова С.В., Рыбак С.В. Негативные последствия экологического туризма на особо охраняемых природных территориях: правовой аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 127-137.

Олег Александрович АРТЮХИН,

кандидат политических наук, ORCID 0000-0002-2580-131X

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)
доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского
института управления - филиала РАНХиГС
oart1969@mail.ru

Анна Александровна КРИЦКАЯ,

кандидат политических наук, ORCID 0000-0001-5890-0528

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)
доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского
института управления - филиала РАНХиГС
enigmaann@bk.ru

Научная статья

УДК 34.03:[334.722:351.82]

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Малое и среднее предпринимательство, институционализация, государственное регулирование экономики, взаимодействие бизнеса и власти, юридическая ответственность, государственная поддержка.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье рассматриваются проблемы становления, развития малого и среднего предпринимательства в современной России, создания необходимых условий для его институционализации. Отмечается, что развитие современной России в условиях массовых санкций со стороны стран недружественного Запада во многом зависит от развития и институционализации партнерства бизнеса и власти в целях достижения целей развития российской экономики и государственности. Рассмотрение различных видов государственного регулирования как экономического, так и юридического плана позволило определить особенности государственного регулирования малого и среднего предпринимательства.

Методы. Методологическая основа проведенного авторами статьи исследования включает в себя систему философских, общенаучных и частнонаучных (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический и др.) методов познания. **Результаты.** В ходе исследования выявлено, что в настоящее время доли малого и среднего предпринимательства в ВВП России находятся на очень низком уровне – 20%, что в три раза меньше показателей других стран. Развитие данного сектора экономики невозможно без государственной поддержки, ее увеличения и институционализации предпринимательской деятельности. Успешное развитие российского государства во много зависит от завершенности процессов институционализации как органов государственной власти, так и бизнеса. Особая роль во взаимодействии государства и бизнес-сообщества принадлежит негосударственным институтам, различным объединениям предпринимателей. При этом в современном государстве активно институционализируется партнерство государства и бизнеса, что характерно для модели сервисного государства.

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивость социально-экономического развития России во многом предопределяется качеством решений, принимаемых институтами государственной власти, а также результатом деятельности власти и бизнеса, взаимодействие между которыми должно институционализиро-

ваться в рамках партнерских отношений. Институционализация малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) выражается в процессах формирования и создания институтов и правил, признаваемых обществом и государством, их законодательного обеспечения, создания благоприятных условий для развития экономики. Важную

Oleg A. ARTYUKHIN,

Cand. Sci. (Politics), ORCID 0000-0002-2580-131X

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia)

Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics
of the South-Russian Institute of Management - branch of RANEPA

oart1969@mail.ru

Anna A. KRITSKAYA,

Cand. Sci. (Politics), ORCID 0000-0001-5890-0528

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia)

Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics
of the South-Russian Institute of Management - branch of RANEPA

enigmaann@bk.ru

INSTITUTIONALIZATION AND STATE REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECT

KEYWORDS. Small and medium-sized businesses,
institutionalization, state regulation of the economy, interaction
between business and government, legal liability, state support.

ANNOTATION. *Introduction.* The article considers the problems of formation, development of small and medium entrepreneurship in modern Russia, creation of necessary conditions for its institutionalization. It is noted that development of modern Russia in the conditions of mass sanctions from the countries of the unfriendly West largely depends on development and institutionalization of partnership between business and government in order to achieve the goals of development of the Russian economy and statehood. Consideration of various types of state regulation of both economic and legal nature allowed to determine the features of state regulation of small and medium entrepreneurship. *Methods.* The methodological basis of the study conducted by the authors of the article includes a system of philosophical, general scientific and specific scientific (analysis, synthesis, specific historical, logical, etc.) methods of cognition. *Results.* The study revealed that currently the share of small and medium entrepreneurship in Russia's GDP is at a very low level – 20%, which is three times less than the indicators of other countries. Development of this sector of the economy is impossible without state support, its increase and institutionalization of entrepreneurial activity. The successful development of the Russian state largely depends on the completion of the processes of institutionalization of both state authorities and business. A special role in the interaction of the state and the business community belongs to non-governmental institutions and various associations of entrepreneurs. At the same time, the partnership of the state and business is actively institutionalized in the modern state, which is characteristic of the service state model.

роль в этой сфере играет государственное регулирование экономики, которое представляет собой деятельность органов публичной власти, направленную на достижение общественно значимых результатов посредством влияния на процесс общественного воспроизводства. В настоящее время легальной дефиниции понятия «государственное регулирование» в России не имеется, поэтому научная общественность не прекращает попытки предложить наиболее точное его определение, что привело к появлению множества вариантов [1, 2, 3]. При этом каждое из предлагаемых определений, несмотря на некоторые их отличия, рассматривает государственное регулирование экономики в аспекте деятельностного подхода. В такой ситуации возрастает потребность в исследовании положительного опыта организации необходимых для развития МСП взаимоотношений государственных и предпринимательских структур.

МЕТОДЫ

Методологическая основа проведенного нами исследования представляет собой систему философских, общенаучных и частнонаучных методов

познания. С помощью исторического метода изучены доктринальные понятия государственного регулирования экономики. Кроме того, при изучении институционализации МСП применялся сравнительный метод познания. Использовался также ряд частнонаучных методов (анализ, синтез, логический метод).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Государство воздействует на бизнес-структуры посредством комплекса мер – законодательных, правоприменительных, управленческих, – которые реализуются уполномоченными институтами и направлены на достижение целей развития предпринимательства. Остановимся на некоторых мерах государственной поддержки МСП более подробно.

В последние годы Правительство Российской Федерации серьезное внимание уделяет стимулированию предпринимательства. Среди принятых им действий особо следует выделить изменения налоговых условий – трехлетний мораторий на плановые проверки, а также введение квоты на закупки у крупных российских

корпораций [4, с. 123]. Мораторий действовал с 24 марта 2022 года по 31 декабря 2024 года. В 2025 году было принято решение о продлении моратория для субъектов МСП, не входящих в категорию повышенного риска. Но это – только часть государственной поддержки МСП.

Мировой опыт свидетельствует, что сегодня в любой экономически развитой стране государственные институты в той или иной форме принимают участие в корректировке социально-экономических процессов в целом и в сфере предпринимательства в частности. Государственная политика, направленная на регулирование бизнеса, отражает влияние государственных институтов на деятельность субъектов предпринимательства и ее условия. В государственной политике по развитию МСП реализуется множество механизмов как экономического, так и юридического характера¹. Фундаментальным компонентом здесь является кредитно-денежная политика, цель которой – регулирование спроса посредством создания условий для достижения устойчивого роста в производственной сфере, поддержания оптимального уровня занятости и цен, внешнеторгового баланса, последовательного снижения инфляции². Эта политика в современный период социально-экономического развития российского государства реализуется на основе специализированного законодательства, состоящего из множества нормативных правовых актов, которые в своей совокупности составляют отдельную отрасль права – предпринимательское право. Специалисты отмечают, что такая деятельность имеет многовековую направленность и в связи с этим может быть классифицирована по различным критериям [5, с. 54]:

- по степени государственного воздействия (максимальное, среднее, минимальное);
- по методам регулирования (прямое, косвенное);
- по территориальному уровню регулирования (федеральное, региональное, местное).

Для осуществления государственного регулирования предпринимательской деятельности государственные институты используют весьма разнообразный управленческий инструментарий, реализующийся в рамках административного, экономического и социально-политического подходов. Рассмотрим прежде всего административный подход, базирующийся на запретах, юридической ответственности (уголовной, административной и гражданско-правовой) и принуждении, которое может быть применено к хозяйствующему субъекту, например, в случае нарушения им правил ведения предпринимательской деятельности. Все перечисленные меры облакаются в специальную юридическую форму, и поэтому наиболее правильно именовать их административно-правовыми мерами [6, с. 18].

Для успешной институционализации МСП со стороны государства необходим контроль за

соблюдением субъектами предпринимательства установленных нормативно-правовыми актами требований. Особое значение здесь приобретает институт именно административной ответственности, меры которой применяются в основном к индивидуальным предпринимателям и лицам, осуществляющим управление в предпринимательских структурах (обществах с ограниченной ответственностью, акционерных обществах, публичных акционерных обществах). Перечень административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности содержится в гл. 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Таких составов более 80. При этом индивидуальные предприниматели могут быть субъектами лишь 22 составов.

Содержательный анализ положений КоАП РФ позволяет определить признаки административных правонарушений, которые совершаются при осуществлении предпринимательской деятельности. Во-первых, в качестве основных субъектов этих правонарушений выступают должностные лица, коллективные и индивидуальные субъекты хозяйствования [7, с. 213]. Такой вывод следует из смысла ст. 2.4 КоАП РФ, в которой установлено, что административную ответственность за совершенное правонарушение несут должностные лица. В примечании к этой статье разъясняется, что административной ответственности также подлежат лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые совершили административные правонарушения, фактически исполняя функции должностных лиц. Во-вторых, ответственность за совершение административных правонарушений может быть установлена как КоАП РФ, так и нормами регионального административного законодательства при условии его действия на территории того или иного субъекта федерации [8, с. 165]. Такое законодательство действует в ряде регионов России: в Ростовской области, Краснодарском крае, Ивановской области, Кабардино-Балкарской Республике и др. Важным аспектом является легитимность актов, принимаемых региональными представительными органами власти: нормы этих законов не должны выходить за пределы, определенные федеральным законодательством, и, конечно же, не могут ему противоречить [9, с. 62].

Самым распространенным административным наказанием, применяемым за совершение правонарушения в сфере предпринимательства, является административный штраф [10, с. 551].

Таким образом, есть основания говорить о том, что совокупность административно-правовых (включая запретительные) и экономических норм является действенным механизмом институционализации МСП, способствующим развитию безопасного бизнеса.

¹ Ценообразование: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Т.Г. Касьяненко. М.: Юрайт, 2019. С. 117.

² Розанова Н.М. Денежно-кредитная политика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. С. 93.

ОБСУЖДЕНИЕ

Одной из главных проблем современной российской экономики представляется явная недостаточность в ней доли МСП [11, с. 61]. Об этом заявил глава Сбербанка Г. Греф, выступая 26 мая 2023 года на совете представителей регионов Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». Он назвал долю МСП в размере 20% в российском ВВП «стыдной». В качестве успешного примера участия МСП в экономической системе он привел опыт США, где доля такого предпринимательства фиксируется на отметке в 60%, Финляндии – больше 60%, Китая – 60-70%, Италии – более 70%¹.

Высокую значимость повышения доли МСП для экономического развития нашей страны неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и Президент Российской Федерации В.В. Путин. Он обращал внимание на то, что помощь МСП со стороны государства должна заключаться в законодательном обеспечении его институционализации, инфраструктурной и финансовой поддержке, а также формировании и развитии предпринимательской культуры. Практикой доказано, что процессам институционализации МСП способствуют, во-первых, создание стабильной и предсказуемой бизнес-среды; во-вторых, снижение административных барьеров для функционирования и развития субъектов МСП; в-третьих, повышение доверия к МСП со стороны партнеров и потребителей; в-четвертых, обеспечение равного доступа субъектов МСП к ресурсам и возможностям; в-пятых, развитие российской экономики и создание новых рабочих мест, чему в достаточной степени помогает МСП [12, с. 10]. Среди факторов, негативно влияющих на российскую экономику, отечественные ученые называют ограниченный внутренний спрос на результаты экономической деятельности субъектов МСП [13, с. 193], доминирование крупных экономических и финансовых структур [14, с. 167], дороговизну кредитов, волокиту со стороны органов власти [15, с. 47]. Всё это препятствует активному развитию МСП.

Повышению доли МСП в российском ВВП может способствовать непосредственное участие объединений предпринимателей в государственном регулировании. Оно позволяет:

- координировать решения, принимаемые органами государственной власти в отношении бизнеса;
- согласовывать позиции различных структур, учитывая при этом интересы бизнес-сообщества;
- исключить возможность тех или иных действий, ведущих к нарушению баланса интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шумилина А.Б., Анциферова Н.А. Систематизация концептуальных подходов к формированию бизнес-этики в контексте правового регулирования предпринимательской деятельности // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (3). С. 54-60.
2. Ибрагимова А.Х. Государственное регулирование развития малого и среднего предпринимательства // Актуальные вопросы современной экономики. 2014. № 4. С. 295-299.

¹ Греф назвал стыдной долю малого и среднего бизнеса в ВВП России // РБК: сайт. 26.05.2023 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/05/2023/647076fa9a7947b349dae983>.

В качестве позитивного примера можно привести деятельность ООО МСП «Опора России», уставными целями которой – в обобщенном виде – являются:

- консолидация субъектов для создания в политической, экономической, правовой, социальной и других сферах благоприятных условий для развития МСП;
- содействие формированию среднего класса;
- повышение эффективности взаимодействия субъектов МСП между собой и с органами публичной власти;
- оказание юридической помощи субъектам МСП;
- корректировка критериев процедуры несостоятельности (банкротства) и мер, направленных на его предотвращение;
- другие цели, способствующие развитию и институционализации МСП, его модернизации, укреплению гражданского общества на основе внедрения инновационных и коммуникативных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По своей сущности институционализация является процессом превращения новых, эпизодических социальных новаций и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры общества. Для российской экономической и политической системы и ее институтов большое значение имеет предпринимательство, являющееся носителем инновационных социальных и экономических практик. Именно от развития и институционализации МСП во многом зависит уровень социального и экономического развития России.

Государство в лице институтов публичной власти воздействует на бизнес-структуры посредством комплекса мер – законодательных, административных, природоохранных и др., – которые реализуются уполномоченными органами и направлены на достижение целей развития предпринимательства. При этом используются как прямые, так и косвенные механизмы регулирования.

Очевидная недостаточность доли МСП в ВВП России детерминирует необходимость разработки инновационных форм взаимодействия государства с субъектами предпринимательства и государственной поддержки данного сектора экономики. Эффективная их апробация требует в дальнейшем институционального закрепления как в юридическом, так и в управленческом плане. Российская публичная власть должна создавать институциональные условия для развития МСП. Это будет способствовать не только экономическому развитию России, но и повышению легитимности публичной власти. ■

3. Румянцева А.А. Правовое регулирование малого и среднего предпринимательства в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (20). С. 161-166.
4. Гончаренко Л.И., Мельникова Н.П. Налоговые инструменты стимулирования развития малого и среднего предпринимательства: исторический аспект и перспективы развития в России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 6. С. 122-133.
5. Смицких К.В., Бембеев М.Н. Типология факторов, влияющих на социально-экономическую эффективность развития малого и среднего предпринимательства // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 51-56.
6. Мельничук М.В., Фрумина С.В. Устойчивость развития российских регионов: тенденции и перспективы развития малого и среднего предпринимательства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 4 (52). С. 18.
7. Стандзень Л.В. Особенности административной ответственности за нарушение законодательства о лицензировании // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 208-213.
8. Разбейко Н.В. Взаимодействие бизнеса, власти и общества: социолого-правовой подход // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий. Материалы Международной научно-практической конференции. Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы, 2023. С. 165-168.
9. Иванов Д.А., Мальцев А.С. Малое и среднее предпринимательство как фактор устойчивого развития экономики города // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2015. № 31. С. 59-63.
10. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
11. Бирюков С.А., Опышко Е.Л., Бирюков А.С. Основные проблемы, тормозящие развитие малого и среднего предпринимательства в регионах, и пути их преодоления // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 60-63.
12. Бармута К.А. Инновационная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства России: состояние и барьеры развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 3-12.
13. Головинова А.Е. Бизнес и власть: стратегии взаимодействия // Устойчивое развитие производственных и информационных систем в условиях формирования цифрового общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2023. С. 192-196.
14. Филонич В.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России: правовые аспекты, финансовые условия // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 4 (52). С. 165-173.
15. Алексеева А.П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 44-49.

REFERENCES

1. Shumilina A.B., Antsiferova N.A. Sistematizatsiya kontseptual'nykh podkhodov k formirovaniyu biznes-etiki v kontekste pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti // Pravovoy poriyadok i pravovyye tsennosti. 2024. № 2 (3). S. 54-60.
2. Ibragimova A.Kh. Gosudarstvennoye regulirovaniye razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva // Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki. 2014. № 4. S. 295-299.
3. Rumyantseva A.A. Pravovoye regulirovaniye malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (20). S. 161-166.
4. Goncharenko L.I., Mel'nikova N.P. Nalogovyye instrumenty stimulirovaniya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva: istoricheskiy aspekt i perspektivy razvitiya v Rossii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2022. T. 15. № 6. S. 122-133.
5. Smitskikh K.V., Bembeev M.N. Tipologiya faktorov, vliyayushchikh na sotsial'no-ekonomicheskuyu effektivnost' razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva // Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki i gumanitarnyye issledovaniya. 2015. № 8. S. 51-56.
6. Mel'nichuk M.V., Frumina S.V. Ustoychivost' razvitiya rossiyskikh regionov: tendentsii i perspektivy razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva // Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2017. № 4 (52). S. 18.
7. Standzon' L.V. Osobennosti administrativnoy otvetstvennosti za narusheniye zakonodatel'stva o litsenzirovanii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 208-213.
8. Razbeyko N.V. Vzaimodeystviye biznesa, vlasti i obshchestva: sotsiologo-pravovoy podkhod // Puti povysheniya effektivnosti upravlencheskoy deyatel'nosti organov gosudarstvennoy vlasti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territoriy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Donetsk: Donetskaya akademiya upravleniya i gosudarstvennoy sluzhby, 2023. S. 165-168.
9. Ivanov D.A., Mal'tsev A.S. Maloye i sredneye predprinimatel'stvo kak faktor ustoychivogo razvitiya ekonomiki goroda // Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad. 2015. № 31. S. 59-63.

10. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // *Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov*. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
11. Biryukov S.A., Opryshko Ye.L., Biryukov A.S. Osnovnyye problemy, tormozyashchiye razvitiye malogo i srednego predprinimatel'stva v regionakh, i puti ikh preodoleniya // *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya*. 2024. № 5 (55). S. 60-63.
12. Barmuta K.A. Innovatsionnaya deyatel'nost' sub'yektov malogo i srednego predprinimatel'stva Rossii: sostoyaniye i bar'yery razvitiya // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravleniye*. 2021. T. 7. № 2. S. 3-12.
13. Golovina A.Ye. Biznes i vlast': strategii vzaimodeystviya // *Ustoychivoye razvitiye proizvodstvennykh i informatsionnykh sistem v usloviyakh formirovaniya tsifrovogo obshchestva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Stavropol'*, 2023. S. 192-196.
14. Filonich V.V. Razvitiye malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii: pravovyye aspekty, finansovyye usloviya // *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)*. 2015. № 4 (52). S. 165-173.
15. Alekseyeva A.P. Antikorrupsionnaya politika gosudarstva: dostoinstva i nedostatki // *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*. 2016. № 1 (13). S. 44-49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Артюхин О.А., Крицкая А.А., 2025.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Артюхин О.А., Крицкая А.А. Институционализация и государственное регулирование предпринимательской деятельности в России: политико-правовой аспект // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 1 (79). С. 138-143.

Сергей Геннадиевич НИСТРАТОВ,
ORCID 0009-0006-9890-0198
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
заместитель начальника кафедры конституционного
и административного права
snistratov15@mail.ru

Научная статья
УДК 34.01:[351.74:316.334]

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Законность, общественный контроль, общественное мнение, органы внутренних дел, информационно-коммуникационные ресурсы, цифровизация, искусственный интеллект.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Системные преобразования в государственных структурах, связанные с цифровизацией и развитием информационно-телекоммуникационных технологий, существенным образом влияют на преобразование правовых отношений, а также на взаимодействие между институтами государственной власти и представителями гражданского общества. Это обстоятельство оказывает специфическое воздействие на обеспечительный механизм, способствующий установлению должного уровня законности и правопорядка. В ходе проведенного автором статьи исследования были проанализированы понятия общественного контроля и общественного мнения, представляющих собой инструментарий в механизме обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел. Рассмотрено становление и развитие институтов общественного контроля и общественного мнения с учетом современных преобразований в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Оценено значение общественного контроля и общественного мнения для соблюдения законности и прав человека сотрудниками органов внутренних дел. Проанализировано влияние процессов цифровизации, развития искусственного интеллекта и информационно-коммуникационных ресурсов на общественное мнение о деятельности органов внутренних дел и уровень доверия к ним. **Методы.** В ходе исследования применялись общенаучный диалектический метод познания, системно-структурный, сравнительно-правовой, инструментальный, формально-юридический методы. Вместе с тем использованы результаты социологического исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и уровня доверия к ним. **Результаты.** Сформулирован вывод о необходимости актуализации процесса изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и организации общественного контроля за ней. Изучение общественного мнения и общественный контроль представлены как явления взаимовыгодного взаимодействия гражданского общества и государства в целях достижения должного уровня законности. Предложено скорректировать критерии оценки органов внутренних дел с учетом современных реалий. Подчеркнута необходимость использования информационно-телекоммуникационных технологий при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.

ВВЕДЕНИЕ

Системные преобразования и повышение эффективности функционирования органов внутренних дел (далее – ОВД) невозможны без учета формирующихся требований гражданского общества и мнения широких слоев ответственности к профессиональной деятельности сотрудников полиции. В современных реалиях с учетом развития информационно-коммуникационных технологий актуальным является вопрос об общественном контроле и общественном мнении как институтах, способствующих совершенство-

ванию ОВД. Более того, в связи с принятием ряда нормативных правовых актов весьма востребованным оказалось изучение влияния общественного контроля и общественного мнения на деятельность ОВД. Речь в данном случае о Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором определено, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции (п.6 ст. 9); Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», согласно которому субъектами

Sergey G. NISTRATOV,
ORCID 0009-0006-9890-0198
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law
snistratov15@mail.ru

THE INFLUENCE OF INSTITUTIONS OF PUBLIC CONTROL AND PUBLIC OPINION ON THE RULE OF LAW IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

KEYWORDS. Legality, public control, public opinion, internal affairs agencies, information and communication resources, digitalization, artificial intelligence.

ANNOTATION. Introduction. Systemic transformations in government structures associated with digitalization and the development of information and telecommunication technologies significantly affect the transformation of legal relations, as well as the interaction between government institutions and representatives of civil society. This circumstance has a specific impact on the security mechanism that helps establish the proper level of legality and law and order. In the course of the study conducted by the author of the article, the concepts of public control and public opinion, which are tools in the mechanism for ensuring legality in the activities of internal affairs agencies, were analyzed. The formation and development of institutions of public control and public opinion is considered, taking into account modern transformations in the field of information and telecommunication technologies. The importance of public control and public opinion for compliance with the law and human rights by employees of the internal affairs agencies is assessed. The influence of digitalization processes, the development of artificial intelligence and information and communication resources on public opinion about the activities of the internal affairs agencies and the level of trust in them is analyzed. **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of cognition, system-structural, comparative-legal, instrumental, and formal-legal methods. At the same time, the results of a sociological study of public opinion on the activities of internal affairs agencies and the level of trust in them were used. **Results.** A conclusion was made about the need to update the process of studying public opinion on the activities of internal affairs agencies and organizing public control over it. The study of public opinion and public control are presented as phenomena of mutually beneficial interaction between civil society and the state in order to achieve the proper level of legality. It was proposed to adjust the criteria for assessing internal affairs agencies taking into account modern realities. The need to use information and telecommunication technologies in studying public opinion on the activities of internal affairs bodies was emphasized.

общественного контроля являются Общественная палата и общественные советы; Указе Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах», где перечислены основные задачи и права общественных советов при органах внутренних дел, в том числе полиции; приказе МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», установившем порядок определения показателей вневедомственной оценки безопасности граждан и деятельности ОВД (приложения № 2 и № 4).

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, автором применялись общенаучный диалектический метод познания, системно-структурный, сравнительно-правовой, инструментальный, формально-юридический методы. Кроме того, были использованы результаты социологического исследования, касавшегося вопросов общественного мнения о работе ОВД и доверия им.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» установлено, что вневе-

домственная оценка безопасности граждан определяется по следующим критериям:

- уверенность граждан в защищенности (безопасности) своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств, в том числе на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта;
- уровень доверия к ОВД в рамках их деятельности по обеспечению личной и имущественной безопасности;
- оценка эффективности деятельности ОВД как государственного органа по защите интересов граждан;
- уровень виктимизации;
- количество жалоб, поступивших в адрес МВД России и его руководства;
- оценка деятельности ОВД по материалам, размещенным в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг.

Для определения роли и места общественного контроля и общественного мнения в совершенствовании деятельности ОВД необходимо рассмотреть такие категории, как законность, гарантии, а также контроль как гарантию законности, являющиеся составляющими механизма правового регулирования и обеспечивающие соблюдение прав граждан.

Результаты ранее проведенных нами исследований позволили сформулировать понятие законности: это «средство достижения стабильного правопорядка как цели правового регулирования, состоящее из комплекса требований, принципов, режимов и механизмов, обеспечивающих права и свободы членов общества путем точного, строгого и неуклонного исполнения законов и иных правовых актов всеми субъектами права»¹. Соответственно гарантии законности можно определить как «дополнительные средства, которые устанавливаются в системе правового регулирования в целях предотвращения и устранения возможности «сбоев» механизма правового регулирования»². Контроль как гарантия в механизме обеспечения законности, представляет собой «властную управленческую деятельность специализированных органов, организаций, учреждений и должностных лиц по оперативному и непрерывному предупреждению, выявлению и устранению фактов нарушения законности подконтрольного объекта»³.

При этом подчеркнем, что упрочение режима законности в деятельности ОВД, а также закрепление представлений о его необходимости в сознании сотрудников полиции невозможно без учета потенциала институтов общественного контроля в ОВД и общественного мнения. Справедливо отмечено В.О. Лучиным и Н.А. Бобровой, что способность общества осуществлять контроль над властью является характеристикой гражданского общества. «При этом только контроль, приобретаемая правовые формы, способен подчинить власть праву, и только при условии существования гражданского общества государство оказывается «под правом», становится «правовым»» [1, с. 27].

Общественный контроль за ОВД можно определить как деятельность по выявлению, предупреждению и устранению фактов нарушения законности со стороны ОВД и их должностных лиц, проводимую общественными организациями, гражданами и средствами массовой информации. Анализ действующих нормативных правовых актов, регламентирующих контрольную деятельность в ОВД, показывает, что общественный контроль представляет собой систему, состоящую из двух элементов: внешнего контроля и внутреннего контроля. Внешний общественный контроль предполагает наблюдение со стороны граждан и их объединений за выполнением правоохранительными органами (ОВД) своих обязанностей в рамках закона. Сюда же относится принятие мер по корректировке деятельности ОВД с целью защиты интересов общества и удовлетворения потребностей граждан. Внутренний контроль осуществляется общественными структурами, входящими в систему МВД России (общественными

и наблюдательными советами). Их деятельность направлена на выявление нарушений, ошибок и злоупотреблений в работе ОВД, а также на принятие мер по их устранению⁴.

Укреплению контроля за соблюдением законности в деятельности ОВД со стороны общественности способствует предусмотренная российским законодательством возможность обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан. В судебной инстанции можно обжаловать практически любые действия или бездействие органов внутренних дел и их сотрудников в случае нарушения ими прав и свобод граждан.

В деятельности по поддержанию законности важную роль играют средства массовой информации (далее – СМИ). Журналистские расследования нередко выявляют скрытые от общественности факты совершения правонарушений, а сами журналисты благодаря тому, что отстаивают свою профессиональную позицию, способствуют формированию общественного мнения об ОВД и оказывают тем самым значительное влияние на их должностных лиц. В данном случае деятельность СМИ является разновидностью общественного контроля. Другими словами, они выступают как «глаза и уши» народа, проявляя особый интерес к нарушениям закона со стороны представителей ОВД, в том числе и сотрудников полиции. Как верно отмечено К.Е. Виноградовой, «посредством СМИ власть реализует ряд задач, связанных с процессом усвоения гражданами политических норм и ценностей» [2, с. 64].

В своей деятельности СМИ руководствуются положениями Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Законом установлено, что «граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы и организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах». Европейским судом по правам человека подчеркнуто, что «не следует забывать о первостепенной роли прессы в правовом государстве». «Средства массовой информации позволяют каждому человеку принимать участие в свободном политическом обмене суждениями, который является самой основой концепции демократического общества»⁵.

Однако следует сделать оговорку: в современных реалиях многие СМИ являются ангажирован-

¹ Нистратов С.Г. Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 7.

² Там же. С. 7-8.

³ Там же. С. 8-9.

⁴ Десятых П.В. Организация и правовое обеспечение общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

⁵ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 23.04.1992 по делу «Кастеллс (Castells) против Испании» (жалоба № 11798/85) // СПС «КонсультантПлюс».

ной «силой», и нередко при детальном изучении вызвавшего общественный резонанс вопроса является необъективность его освещения в интересах определенного круга лиц, организаций, учреждений или представителей тех или иных государств. И это при том, что общепризнанные и законодательно закрепленные принципы работы СМИ требуют от них всесторонне и беспристрастно освещать общественно значимые вопросы.

Важнейшим инструментом, способствующим совершенствованию деятельности ОВД, является изучение общественного мнения, которое представляет собой форму внешнего общественного контроля. Как справедливо отмечено О.А. Абрамовым и Н.Н. Демидовым, «общественное мнение – это мощнейшая динамическая сила, способная оказывать влияние на функционирование всех государственных институтов, в том числе на полицию. Вместе с тем этот социальный феномен является одним из важнейших критериев оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. Своевременное реагирование полиции на критические замечания и рациональные предложения, высказываемые гражданами в связи с ее деятельностью, позволяет не только исправлять ошибки и предупреждать их нежелательные последствия, но и укреплять законность, служебную дисциплину, повышать уровень ответственности сотрудников» [3, с. 15].

Аналогичной точки зрения придерживается большинство авторов научных работ, посвященных исследованиям общественного мнения и его роли в деятельности ОВД. При этом некоторые авторы акцентируют внимание на результатах социологических опросов и выводах, которые делаются на их основе [4, с. 12]. В то же время другие выражают мнение о недопустимости абсолютизации значения опросов общественного мнения при оценке деятельности ОВД [5, с. 54]. Ряд ученых анализируют значение общественного мнения для ОВД с позиции ведомственных критериев оценки и существенной роли СМИ в ее формировании [6], а также практических аспектов учета результатов изучения общественного мнения в деятельности ОВД [7].

Здесь следует обратить внимание на то, что проведение и последующее изучение результатов опросов граждан – весьма актуальная составляющая процесса формирования общественного мнения. Так, согласно данным, полученным в ходе проведенного ВНИИ МВД России в 2023 году в 85 субъектах Российской Федерации исследования общественного мнения (опрошено 47115 респондентов), сохраняется тенденция роста значений оценки гражданами России показателей функционирования ОВД. Исследование выявило, что степень защищенности граждан от преступных посягательств в 2023 году по сравнению с 2022 годом увеличился с 58,5% до 59%, степень защищенности от преступных посягательств на объектах транспорта – с 56,7% до 57,9%. При этом уровень

защищенности с 2018 года вырос на 13,3%. Увеличился и показатель уровня доверия населения к сотрудникам полиции – с 51,7% в 2022 году до 53,3% в 2023 году (в 2018 году он составлял 41,9%), а также эффективности работы органов внутренних дел – с 49,2% в 2022 году до 51,3% в 2023 году (в 2018 году было 40%)¹.

Согласно результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), уровень общественного доверия к сотрудникам полиции вырос с 62% в 2022 году до 66% в 2023 году. Не доверяет полицейским четверть граждан России (25%), этот показатель снизился на 7% по сравнению с 2022 годом². Впрочем, необходимо отметить, что достаточно высоким остается процент опрошенных, которые сомневаются в том, что могут доверять сотрудникам полиции, а также тех, которые не доверяют им.

На наш взгляд, в системе оценки ОВД и методике изучения общественного мнения с помощью опроса есть ряд недостатков, которые не позволяют отразить объективную картину восприятия обществом их деятельности. В частности, не исследуется мнение граждан о негативных проявлениях: нарушениях законности со стороны сотрудников ОВД; оставление заявлений (сообщений) без внимания; непринятие заявлений (сообщений) о противоправных действиях и т.д.

Есть основания говорить о том, что объективное мнение граждан о социально значимых событиях представлено в комментариях к материалам, размещенным в Интернете, в постах социальных сетей, в обсуждениях, проходящих в сетевых форумах. Эффективность анонимного анкетирования граждан вызывает сомнения ввиду заинтересованности ОВД (и в том числе проводящих его сотрудников ОВД) в получении результатов, свидетельствующих о позитивной оценке их деятельности. Весьма интересным было бы исследование дискуссий о деятельности полиции, разворачивающихся в информационно-коммуникационных сетях. Его результаты показали бы более реалистичную картину общественного мнения и предоставили бы широкие возможности интерпретации полученных сведений.

В связи с этим обратим внимание на опыт по оцениванию работы полицейских, имеющийся в зарубежных странах. В рекомендациях Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) представлен набор существенных критериев для оценки деятельности полиции. К их числу относятся показатели эффективности, целесообразности, действенности, влияния и устойчивости ее осуществления. Для комплексного анализа общественного мнения о работе полиции проводятся опросы населения и интервьюирование целевых групп. В ходе этих мероприятий изучается восприятие обществом эффективности полицейской работы, уровня безопасности в жилых районах и действий по ее обеспечению. Кроме того, анализируются публикации СМИ, изучают-

¹ Приведены данные с официального сайта МВД России // URL: <https://мвд.рф/publicopinion/> (дата обращения: 15.10.2024).

² Использована информация с официального сайта ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii/> (дата обращения: 15.10.2024).

ся материалы официальных и неофициальных общественных интернет-форумов, посвященных деятельности полиции. На основании полученных данных формируются отчеты о результатах внутреннего и общественного контроля за деятельностью полиции. Ведется документирование совместных действий общества и правоохранительных органов. Несомненно, эти критерии необходимо дополнять количественными показателями, характеризующими уровень раскрываемости преступлений, динамику показателей по совершению преступлений тех или иных видов [8, с. 139].

Следует подчеркнуть, что изучение общественного мнения в области доверия граждан к сотрудникам полиции имеет большое значение в исследовании формирования и становления гражданского общества, а также функционирования государственных институтов, наличия должного уровня обеспечения законности. Как справедливо замечено А.В. Дымовой, доверие населения к государственному служащим содействует стабилизации социально-политической обстановки, помогает совершенствовать взаимодействие гражданского общества и государственных институтов, а также повышать качество функционирования как государственного аппарата, так и правоохранительной системы [9, с. 91]. Необходимо добавить, что с точки зрения исследуемого нами вопроса показатель уровня доверия граждан позволяет судить о степени обеспечения законности в процессе взаимодействия общественных и государственных институтов и состоянии правопорядка в целом.

В ходе исследования нами установлено, что можно говорить о позитивной динамике уровня доверия общества к российской правоохранительной системе и выстраивании открытых, доверительных отношений ОВД и населения страны. При этом в качестве негатива необходимо отметить отсутствие с 2014 года существенных изменений в организации самого процесса исследования общественного мнения о деятельности ОВД. Здесь согласимся с мнением С.С. Смолевой о том, что «инновационная стратегия ... должна базироваться на современных подходах к организации прямой и обратной связи с гражданским обществом» [10, с. 31].

Важным вектором укрепления обратной связи с обществом является взаимодействие ОВД со СМИ. Поэтому заслуживает особого внимания сотрудничество ОВД и СМИ, которое не является наиболее распространенной формой взаимодействия. СМИ в основном делают акцент на недостатках в работе ОВД. Освещение ими случаев нарушения законности со стороны сотрудников правоохранительных органов, включая коррупционные проявления, превышение полномочий и т.д., оказывает негативное влияние на имидж ОВД. К сожалению, СМИ, освещая деятельность ОВД, часто представляют информацию неполно и необоснованно, что способствует лишь кратковременному и поверхностному интересу общества к решению

возникающих проблем [11, с. 58]. Т.М. Бормотова и А.В. Меркурьев считают, что негативная оценка работы полиции во многом «объясняется соответствующим влиянием СМИ», в результате которого в общественном мнении складывается негативное отношение к ОВД» [12, с. 47]. В связи этим верно отмечено С.С. Смолевой: «Добиться изменения отношения к сотрудникам правоохранительных органов в общественном сознании очень непросто. Тем не менее, несмотря на все негативные эффекты деятельности СМИ, и мировой опыт, и здравый смысл, и научные разработки свидетельствуют, что от конфронтации следует переходить к диалогу, а от него – к плодотворному обоюдному сотрудничеству, плодом которого должен стать не только правопорядок, но и открытая информационная гражданская среда его обеспечения» [10, с. 33].

«Проблемы становления и развития общественного контроля в России, – пишет Е.Е. Типало, – во многом определены особенностью общественного восприятия государства как субъекта, обладающего властными полномочиями, управляющего обществом, в том числе при помощи механизмов принуждения»¹.

Существующие в нашем государстве в настоящее время общественные отношения перестроены в соответствии с демократическими принципами. У новых поколений граждан вырабатывается правосознание, ядро которого составляют ценности правового государства, гражданского общества. В этом правосознании нет идеализированных постулатов. Всё это, в свою очередь, повлияло и на отношение гражданского общества к полицейскому сообществу, которое, по нашему мнению, в настоящее время еще не до конца адаптировалось к современным реалиям, в том числе с точки зрения правоотношений, складывающихся между сотрудником ОВД и гражданами.

По суждению некоторых ученых, фактор общественного мнения нельзя абсолютизировать по причине отсутствия у значительного количества граждан понимания правопорядка, а также осознания необходимости его обеспечения. И невозможно учесть все факторы, влияющие на оценку работы полиции. Она складывается из множества аспектов, включая культурно-этическое поведение сотрудников ОВД, стереотипы, связанные с отношением к правоохранительным органам и власти в целом, а также восприятие населением проблемы преступности [5, с. 54]. И здесь следует обратить внимание на один из ключевых критериев оценки деятельности ОВД, которым, на наш взгляд, является профессиональная подготовка их сотрудников и умение применять обусловленные ею навыки на практике. В настоящее время формируется новая, основанная на партнерстве, модель взаимоотношений гражданина и сотрудника ОВД.

Сегодня наблюдается повышение роли социальных сетей, мессенджеров, интернет-приложений, пабликов, а также других информационно-телекоммуникационных ресурсов и уменьшение

¹ Типало Е.Е. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: Дисс. ... канд. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 124.

роли традиционных СМИ как фактора, влияющего на мнение граждан, в том числе и об ОВД. Стоит отметить, что ОВД проводится работа по изучению новых тенденций в области общественных отношений. Цифровизация естественным образом отразилась на оперативно-служебной деятельности ОВД. Эти изменения касаются не только борьбы с преступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, но и взаимосвязи между такими участниками правоотношений, как гражданин и сотрудник ОВД. Характерным примером является мобильное приложение МВД России. В данном приложении, в частности, имеется интерактивная форма приема обращений граждан. Кроме того, во многих социальных сетях созданы официальные страницы и каналы ОВД, целью которых является популяризация деятельности сотрудников полиции.

Сейчас, на наш взгляд, ОВД недостаточно своевременно реагируют на общественные вызовы и на развивающиеся процессы общественной коммуникации. Представляется очевидным, что в современных реалиях общественное мнение, в том числе и об ОВД, в основном формируется в информационно-коммуникационных ресурсах. Это интернет-форумы, специализированные сайты, паблики, группы, сообщества и каналы в соцсетях. Там широко обсуждаются события, связанные с охраной правопорядка и обеспечением общественной безопасности, в том числе и негативная их сторона, что соответствующим образом формирует современное мнение о деятельности ОВД. При этом сами ОВД явно недостаточно и зачастую не эффективно представляют собственные интересы на интернет-ресурсах, где могли бы эффективно популяризировать свою деятельность и освещать накопленный позитивный опыт.

В связи с этим представляется возможным и целесообразным использовать в ходе исследования общественного мнения о деятельности ОВД технологии искусственного интеллекта. Можно назвать такой процесс цифровым мониторингом общественного мнения. Его результаты, на наш взгляд, будут в большей степени отражать реальное положение дел и позволят не только оценить деятельность ОВД, но и добиться более значимого эффекта – предупреждения негативных проявлений и тенденций, в том числе связанных с нарушением законности. Методы проведения подобного рода исследований можно было бы для начала опробовать в масштабах одного или нескольких регионов, а затем распространить опыт на всю страну.

«Развитие информационно-коммуникационных технологий придало новый импульс научно-техническому прогрессу, – отмечает Т.Я. Хабриева, – и обусловило переход общества к информационной, постиндустриальной (базирующейся на генерации знаний) стадии социально-экономического развития, формируя новую реальность» [13, с. 6]. В контексте исследуемого нами вопроса ОВД важно не отстать от процессов стремительно меняющегося мира, всегда соответствовать потребностям общества и государства, возникающим в новых реалиях. При этом использование

ОВД современных научных достижений должно способствовать достижению этих целей.

Результаты изучения общественного мнения и развитие взаимодействия с гражданским обществом способствуют совершенствованию профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Эта работа должна быть в целом ориентирована на укрепление репутации полиции, недопущение проявлений ее сотрудниками некомпетентности и нарушений профессиональной этики, в том числе использования служебного положения в личных целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение результатов социологических исследований дает возможность сделать вывод о наличии определенного резерва для конструктивного взаимодействия общества и ОВД. Для его реализации представителям последних необходимо активно внедрять в свою деятельность современные информационно-коммуникационные технологии. Это в полной мере относится и к процессам организации и проведения опросов, в том числе анкетирования, в рамках изучения общественного мнения. В связи с этим актуальной видится потребность в изменении существующих критериев оценки работы ОВД, а также методов и способов исследования общественного мнения.

Все меры и формы общественного воздействия на ОВД в конечном итоге нацелены на воспитание у их сотрудников высоких моральных принципов, формирование привычки соблюдать их, на устранение причин правонарушений и последовательное установление четкого, строгого и неизменного режима законности в работе сотрудников ОВД.

Степень доверия общества является первичным фактором обеспечения эффективного взаимодействия граждан и сотрудников ОВД. Как верно отмечено Э.Р. Хабиевой, «доверие означает, что оба взаимодействующих субъекта имеют сходные признаки: относятся к себе и друг к другу как к равноценным партнерам, то есть каждый из них в равной мере доверяет себе и другому. В этом случае можно говорить об идеальной модели взаимодействия, ибо это способствует возникновению подлинно диалогического общения» [14, с. 37].

На наш взгляд, с целью укрепления доверительных отношений с обществом в первую очередь преобразования должны коснуться профессионального сознания сотрудников ОВД [15, с. 9]. Они должны видеть себя в отношениях с гражданами и обществом защитниками и помощниками. И эти преобразования не должны быть односторонним процессом, поскольку сотрудники ОВД сами являются выходцами из этого общества и его представителями. Иными словами, само гражданское общество должно коренным образом пересмотреть свои представления о сотруднике ОВД и его назначении. На наш взгляд, на современном этапе развития российского государства и гражданского общества уже сформирован вектор таких преобразований.

Для реализации конструктивных предложений по оптимизации деятельности ОВД они должны вести открытый диалог с гражданским обществом.

Именно поэтому общественный контроль и изучение общественного мнения в настоящее время

являются институтами, позволяющими совершенствовать деятельность ОВД. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. 2003. № 10. С. 17-30.
2. Виноградова К.Е. Роль масс-медиа в политической системе общества // Журналистский ежегодник. 2013. № 2-1. С. 64-67.
3. Абрамов О.А., Демидов Н.Н. Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел: проблемы и пути формирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С.14-20.
4. Тимко С.А. Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2005. № 1 (23). С. 9-12.
5. Зуева О.В., Васильева Е.Н. Общественное мнение о деятельности полиции: практика исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1 (21). С. 52-58.
6. Абрамов О.А. Значение общественного мнения в оценке деятельности органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (40). С. 20-24.
7. Булавчик В.Г. Аспекты изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1 (13). С. 59-61.
8. Ильченко В.А. Взаимоотношения общества и полиции за рубежом и в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 138-141.
9. Дымова А.В., Золотайко А.И., Цзян Ч. Образ китайской полиции: индекс доверия в контексте метафорической репрезентации на медиаплатформах и видеохостингах // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 89-96.
10. Смолева С.С. Диалог и взаимодействие с общественностью как основа имиджа органов внутренних дел // Власть. 2013. № 3. С. 31-34.
11. Хеншель Р. Социальные проблемы через призму средств массовой информации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2002. № 3. С. 54-59.
12. Бормотова Т.М., Меркурьев А.В. Доверие между органами внутренних дел и населением как фактор успеха нового института современной государственной правоохранительной системы // Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2012. С. 45-49.
13. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5-16.
14. Хабиева Э.Р. Типология форм проявления доверия: основания для классификации // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 8. С. 35-39.
15. Кудин В.А. Профессионально-нравственное самосовершенствование сотрудника органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 8-12.

REFERENCES

1. Luchin V.O., Bobrova N.A. Konstitutsionnyy stroy Rossii: osnovnyye politiko-pravovyye kharakteristiki // Pravo i politika. 2003. № 10. S. 17-30.
2. Vinogradova K.Ye. Rol' mass-media v politicheskoy sisteme obshchestva // Zhurnalistskiy yezhegodnik. 2013. № 2-1. S. 64-67.
3. Abramov O.A., Demidov N.N. Obshchestvennoye mneniye o deyatel'nosti organov vnutrennikh del: problemy i puti formirovaniya // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 1 (40). S.14-20.
4. Timko S.A. Obshchestvennoye mneniye o deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2005. № 1 (23). S. 9-12.
5. Zuyeva O.V., Vasil'yeva Ye.N. Obshchestvennoye mneniye o deyatel'nosti politsii: praktika issledovaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii. 2014. № 1 (21). S. 52-58.
6. Abramov O.A. Znacheneye obshchestvennogo mneniya v otsenke deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 1 (40). S. 20-24.
7. Bulavchik V.G. Aspekty izucheniya obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2016. № 1 (13). S. 59-61.
8. Il'chenko V.A. Vzaimootnosheniya obshchestva i politsii za rubezhom i v Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 1. S. 138-141.
9. Dymova A.V., Zolotayko A.I., TSzyan CH. Obraz kitayskoy politsii: indeks doveriya v kontekste metaforicheskoy reprezentatsii na mediaplatformakh i videokhostingakh // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 1 (97). S. 89-96.
10. Smoleva S.S. Dialog i vzaimodeystviye s obshchestvennost'yu kak osnova imidzha organov vnutrennikh del // Vlast'. 2013. № 3. S. 31-34.

11. Khenshel' R. Sotsial'nyye problemy cherez prizmu sredstv massovoy informatsii // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8: Naukovedeniye. 2002. № 3. S. 54-59.
12. Bormotova T.M., Merkur'yev A.V. Doveriye mezhdu organami vnutrennikh del i naseleniyem kak faktor uspekha novogo instituta sovremennoy gosudarstvennoy pravookhranitel'noy sistemy // Obshchestvennoye mneniye o deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniye i perspektivy. Materialy Vserossiyskoy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: VNII MVD Rossii, 2012. S. 45-49.
13. Khabriyeva T.Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoy real'nosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 9 (261). S. 5-16.
14. Khabiyeva E.R. Tipologiya form proyavleniya doveriya: osnovaniya dlya klassifikatsii // Vestnik KRSU. 2011. T. 11. № 8. S. 35-39.
15. Kudin V.A. Professional'no-nravstvennoye samosovershenstvovaniye sotrudnika organov vnutrennikh del // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 4 (76). S. 8-12.

© Нистратов С.Г., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нистратов С.Г. Влияние институтов общественного контроля и общественного мнения на обеспечение законности в органах внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 144-151.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,
доктор филологических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6386-2041
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала
atoritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Обучение, образовательный процесс, реформа образования, инновации в образовании, практико-ориентированный подход в образовании, индивидуальные образовательные технологии.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье поднимается вопрос о том, что результатам реформы образования, осуществляемой в нашей стране, невозможно дать удовлетворительную оценку. Всё больше авторов научных работ указывают на необходимость исправления создавшейся ситуации. Однако обычно акцент ими делается преимущественно на организационной стороне проблемы: отсутствии достаточного финансирования, бюрократизации процесса образования и т.п. Вместе с тем и более частные вопросы проведения реформы заслуживают обсуждения педагогической общественностью. *Методы.* При проведении исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, был использован комплекс теоретических и эмпирических методов познания: анализ источников, систематизация и интерпретация полученной информации, сопоставительный анализ позиций ученых, методы абстрагирования, синтеза и др. *Результаты.* Рассмотрены три актуальные, по мнению автора, проблемы. Первая из них – требование использовать преимущественно инновационные методы и применять преимущественно новейшие технологии. Однако принуждение к внедрению в практику тех или иных методов не может дать хороших результатов, поскольку преподавание – процесс исключительно творческий, это процесс, где успех во многом зависит от опыта, таланта и психологического типа преподавателя. Вторая проблема – внедрение практико-ориентированного подхода. При существующей ныне системе обучения простое увеличение часов, выделяемых на практику, приведет только к ухудшению профессиональной подготовки специалиста. В связи с этим очевидно, что практико-ориентированный подход требует возвращения к системе специализитета. Наконец, третья проблема – переход на индивидуальные образовательные траектории. Внедрение этого опыта в практику обычных вузов при нынешнем отношении к системе высшего образования невозможно даже по техническим причинам. В связи с этим предлагается изучение курсов по выбору организовать посредством Интернета, где в последнее время выкладывается большое количество весьма полезного контента.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие тема кризиса российского образования стала одной из самых острых и активно обсуждается как в средствах массовой информации, так и в специализированных педагогических журналах. Одной из главных причин неудовлетворительного состояния образования обычно называется его перманентное реформирование. Начатые еще в прошлом веке с целью повышения эффективности обучения и

улучшения качества подготовки выпускников реформы не были научно обоснованы и продуманы, что привело лишь к существенному ухудшению положения дел во всех областях и по всем показателям. Подобный результат педагогической общественностью предсказывался заранее, поскольку очевидно, что такие глобальные изменения должны вводиться постепенно и поэтапно, адаптироваться к особенностям менталитета россиян. Скачкообразный же переход к новациям,

Tatyana V. ANISIMOVA,

Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041

Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University

of the Ministry of Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines

atoritor@yandex.ru

EDUCATION REFORM IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

KEYWORDS. Education, educational process, education reform, innovations in education, practice-oriented approach in education, individual educational technologies.

ANNOTATION. Introduction. The article raises the issue that it is impossible to give a satisfactory assessment to the results of the education reform carried out in our country. More and more authors of scientific papers point to the need to correct the current situation. However, they usually focus mainly on the organizational side of the problem: lack of sufficient funding, bureaucratization of the education process, etc. At the same time, more specific issues of the reform deserve discussion by the pedagogical community. **Methods.** In conducting the study, the results of which are presented in this article, a set of theoretical and empirical methods of cognition was used: analysis of sources, systematization and interpretation of the information obtained, comparative analysis of the positions of scientists, methods of abstraction, synthesis, etc. **Results.** Three urgent, in the author's opinion, problems are considered. The first of them is the requirement to use mainly innovative methods and apply mainly the latest technologies. However, coercion to implement the methods recommended by pedagogical officials cannot give good results, since teaching is an exclusively creative process, a process where success largely depends on the experience, talent and psychological type of the teacher. The second problem is the introduction of a practice-oriented approach. With the current educational system, simply increasing the hours allocated for practice will only lead to a deterioration in the professional training of a specialist. In this regard, it is obvious that a practice-oriented approach requires a return to the specialist system. Finally, the third problem is the transition to individual educational trajectories. The introduction of this experience into the practice of ordinary universities with the current attitude to the higher education system is impossible even for technical reasons. In this regard, it is proposed to organize the study of elective courses via the Internet, where a large amount of very useful content has recently been posted.

постоянная корректировка и переделывание программ и моделей обучения привели к существенному снижению уровня образованности молодого поколения, что грозит в будущем еще большей потерей Россией ведущих позиций в мире. Этот вывод обусловлен тем, что стабильное существование любого государства зависит в первую очередь от степени общей подготовленности работающего населения к выполнению стоящих перед государством насущных задач и наличия большого количества высококвалифицированных кадров, способных развивать науку и производство в соответствии с растущими потребностями страны. Однако к мнению преподавателей и ученых никто не прислушался ни в момент принятия решения о реформировании образования, ни в дальнейшем, на всех этапах его разрушения. Это позволяет авторам многих работ писать о том, что нынешняя реформаторская деятельность не совершенствует, а убивает российскую науку, снижает интеллектуальный потенциал страны [1].

Анализ результатов пути, пройденного нашим образованием в XXI веке, приводит к традиционному неутешительному выводу: хотели как лучше, а получилось как всегда. От всех своих предшественников нынешняя система смогла позаимствовать только худшие черты. Так, от советского образования нам остался тотальный бюрократический контроль, причем в гораздо более уродливых и жестких формах, чем раньше. В то же время от ориентации на воспитание молодого поколения и передачу ему всех культурных ценностей народа (что было хорошо поставлено в советской школе) решительно отказались. От Болонской системы

взяли форму двухступенчатого образования (бакалавриат – магистратура), которая существенно ухудшила профессиональную ориентацию образования, поскольку бакалавриат ориентируют в основном на общее базовое образование, а в магистратуру поступить может далеко не каждый. В то же время академические свободы, индивидуальный подход к обучению, малую загруженность преподавателей и многое другое, что позволяет достичь хороших результатов в западных университетах, никто перенимать не собирался.

Вместе с тем в настоящее время и в официальных кругах стало высказываться мнение об ошибочности выбранного пути. В связи с этим представляется актуальным четкое формулирование тех направлений развития образования, которые нуждаются в обсуждении и корректировке. Чаще всего в литературе в качестве главных причин кризиса в образовании указываются крайне скудное финансирование вузов и связанная с этим перегруженность преподавателей, а также жесткое бюрократическое давление на вузы, отсутствие не просто академических свобод, но и какой бы то ни было самостоятельности в принятии любых решений. Эти проблемы (действительно самые острые) являются организационными, и их устранение должны взять на себя государственные органы. Однако, кроме того, имеется и большое количество более частных проблем, нуждающихся в обсуждении педагогической общественностью.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, был использован

комплекс теоретических и эмпирических методов познания. На первом этапе для выявления имеющихся в педагогике подходов к оценке степени эффективности внедряемых в образование новых методик и рекомендаций применялся метод анализа научных источников. Далее оказались востребованными методы систематизации и интерпретации полученной информации, а также сопоставительный анализ выявленных позиций ученых. На втором этапе были актуальны методы абстрагирования и синтеза, с помощью которых установленные факты систематизировались и сопоставлялись для последующего их толкования и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время в российской педагогической науке создалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, имеем обширную литературу, в которой представители официальной педагогики яркими красками описывают достижения, связанные с внедрением в образовательный процесс новых методик и трендов, успехи ведущих вузов, получающих поддержку и финансирование правительства, а с другой стороны, – большое количество статей преподавателей вузов, в которых описывается унылая реальность стагнации массового образования, влачащего нищенское существование и закованного в бюрократические цепи. Ниже нами сформулированы тезисы, представляющие особенно острые противоречия между этими подходами к ситуации в отечественном образовании.

1. Требование использовать преимущественно инновационные методы и применять преимущественно новейшие технологии.

Современный этап развития образования характеризуется интенсивным поиском всё новых и новых приемов и методов обучения. Этот тренд часто объясняется несовместимостью традиционных форм обучения студентов с новыми тенденциями в развитии науки и техники. Считается, что изыскание необычных методик способствует формированию позитивного отношения молодых людей к образованию, повышает интерес к процессу обучения и помогает вырабатывать способность к принятию своевременных гибких решений в быстро меняющемся мире. Идеи инноватики, занимающейся разработкой нового содержания образования, новых технологий обучения, специализированных программ формирования готовности педагога к инновационной деятельности и т.п., получили в современной педагогике весьма широкое распространение. Полагаем, однако, что в том виде, как это сейчас предлагается, внедрение инновационных методов не приведет к планируемым результатам. Можно назвать несколько тому причин.

В научной литературе обсуждение этой проблемы, как правило, сводится в основном к высказыванию разнообразных «благих пожеланий». Прежде всего к их числу относится требование целенаправленно развивать такие личностные качества обучающихся, которые формируют и поддерживают стремление к освоению новых методов и способов деятельности: жизнестойкость, осозна-

ние ценности взаимодействия с другими людьми, самостоятельность, вера в собственные силы и т.п. [2]. Авторы других научных работ требуют использовать «технологии когнитивного характера, развивающие интеллектуальный ресурс инновационной личности», соблюдать «толерантность к стремлению учеников выразить свое мнение», осуществлять «сотрудничество с учащимися» и т.д. Однако, чтобы подобные «пожелания» приобрели реалистичную основу, к ним должны быть приложены описания механизмов их реализации. В ситуации же, когда школа больше не выполняет воспитательную функцию, рекомендация формировать у обучающихся «жизнестойкость» и «осознание ценности взаимодействия с другими людьми» воспринимается как полностью оторванная от реальности.

Официальное описание сущности инноватики часто демонстрирует сугубо маркетинговые приемы изложения, поскольку прибегает не столько к научным (неоценочным) характеристикам, сколько к огульному и бездоказательному восхвалению новых методов. Вот, например, определение инновационного образования, содержащее в каждой строчке положительно-оценочные эпитеты: «...обладающее высокой эффективностью, основанное как на разработке, так и внедрении новых технологий, работающее на опережение для того, чтобы в качестве конечного результата максимально оперативно и эффективно сформировать личность, способную успешно адаптироваться в динамично меняющемся социуме, способную не только успешно копировать и тиражировать полученную информацию и приобретенные знания, но и продуцировать новое знание. При этом инновационное образование нацелено не только на формирование отдельной личности, но и на развитие социума в целом» [3, с. 63–64].

Вместе с тем следует напомнить, что инновационные методы (как и любые другие) – это только инструменты в руках преподавателя. Будут ли они обладать «высокой эффективностью», станут ли «работать на опережение», смогут ли «эффективно сформировать личность» и т.д. – всё это целиком зависит от способностей и возможностей применяющего их человека. Роль же «волшебной палочки», способной «без труда и без науки» превратить рутинное преподавание в «развитие социума в целом», представляется явной утопией. Творческий процесс по созданию нового продукта не может быть запущен в результате административного давления на педагога и учащихся. Если замученный составлением разнообразных программ и отчетов преподаватель вдруг вознамерился погрузить группу студентов в проблемную ситуацию, чтобы они путем подбора решений нашли выход из нее, и с этой целью предложил на занятии кейс по урегулированию противоречий, возникших в результате внесения на рассмотрение Думой проекта нового закона, он вряд ли добьется запланированного результата. Студенты не испытывают интереса к этой проблеме; они не умеют подбирать решения, поскольку никто и никогда не учил их выделять главное в проблеме; они не способны сформулировать свое собствен-

ное отношение к происходящему. Чтобы подобные мероприятия имели успех, нужно сначала создать условия для формирования «целеустремленной и творческой личности» и научить студентов творчески подходить к решению проблем, а для этого нужно иметь время и силы на постепенное формирование необходимых для этого умений и навыков. В ситуации же, когда количество аудиторных часов на общение преподавателя со студентами постоянно сокращается, выработать указанные умения и навыки у обучающихся не представляется возможным.

Изобретение всё новых приемов и методов не может само по себе принести во всех случаях одинаковые плоды. Так, многие ученые указывают на то, что популярные педагогические формы, пропагандируемые как развивающие способность к самообразованию, на практике не выполняют своего назначения. Например, согласно современным педагогическим исследованиям основными достоинствами использования проектной деятельности в обучении являются самостоятельность обучающихся, формирование навыков анализа, открытие ими новых знаний, решение проблемных ситуаций, выявление актуальных областей приложения знаний и умений [4, с. 256]. Вместе с тем М.В. Бутакова сетует на несовершенство применения в вузах проектной деятельности, поскольку «сами проекты, вне зависимости от их характера, зачастую носят реферативный и компилятивный характер и более напоминают обыкновенный реферат, нежели полноценный проект» [5, с. 80]. В качестве основной причины такого положения называют «слабую подготовку учащихся, недостаточную для осуществления самостоятельных исследований» [5, с. 80].

То же можно сказать и о дискуссии, которую предлагают применять как инновационную форму организации работы в вузе. На практике же оказывается, что студентов никто и никогда не учил принципам и правилам спора; никто не озабочен приобретением ими навыков аргументации в споре и т.д. И поскольку студенты не умеют находить пункт разногласия, формулировать тезис спора, разрабатывать стратегию аргументации и т.п., дискуссия на занятиях превращается в простой обмен заранее сформулированными мнениями, которые никак не взаимодействуют друг с другом и не приносят ощутимой пользы.

Другой аспект этой проблемы состоит в том, что нередко многие новые методы и приемы при ближайшем рассмотрении оказываются позаимствованными из опыта советских времен, и вся их новизна заключается лишь в присвоении им нового названия и появлении некоего нового антуража. Это в полной мере относится, например, к «студенческой исследовательской работе, интегрированной в учебный процесс», которая предполагает подготовку студентами небольших научных докладов и обсуждение их на занятиях, и к всё той же «проектно-исследовательской деятельности», предусматривающей наличие в таких докладах инструментально-технологического аспекта. Однако и в советские времена эта форма активно использовалась в обучении. Суще-

ственная разница состоит лишь в том, что тогда в учебной программе вуза была предусмотрена отдельная дисциплина «спецсеминар», в рамках которой каждый студент был обязан выступить с научным докладом, после чего группа обсуждала затронутые в нем проблемы (и таким образом училась анализировать сказанное и делать выводы). Причем по некоторым дисциплинам такие работы имели прикладной характер, то есть как раз и были тем, что теперь называется «проектами». В настоящее же время в программе обучения студентов нет никаких подобных дисциплин, поэтому «исследовательские работы» если и обсуждаются на занятиях, то только в ущерб освоению основной учебной программы соответствующего курса. То же самое можно сказать и о большинстве других новейших методов (не связанных с использованием компьютерных технологий), которые при ближайшем рассмотрении оказываются только слегка подкорректированными и по-другому названными «хорошо забытыми» старыми методами, всегда так или иначе использовавшимися в вузах.

Резюме. Разумеется, педагогика должна развиваться. С изменением общества меняются и подходы к преподаванию. Вместе с тем требование обязательно внедрять в практику те или иные рекомендуемые методы не может дать хороших результатов, поскольку преподавание – процесс исключительно творческий, процесс, где успех во многом зависит от опыта, таланта и психологического типа преподавателя. То, что хорошо получается у одного, не даст позитивного результата у другого. Можно смело утверждать, что если в типовой рабочей программе преподавателя имеется таблица, где он обязан прописать, какой процент занятий проводится им с использованием инновационных методов, то весь положительный эффект от хорошей идеи теряется. Любое искусственное навязывание той или иной методики «свидетельствует о популярности вульгарно-эклектических представлений, характеризующихся, во-первых, отсутствием системных представлений о соответствующих психологических механизмах; во-вторых, кампанейщиной, сопровождаемой использованием популистских лозунгов и решений» [6, с. 15]. Необходимо отказаться от идеализации «инноваций» и согласиться с тем, что сами по себе никакие методы не способны гарантировать высокую эффективность обучения. Выбор старых или новых методов зависит только от учебной ситуации, текущих задач обучения, уровня подготовки студентов и педагогического стиля преподавателя.

Более того, многие ведущие педагоги страны предлагают возродить некоторые принципы построения советской школы, что, по мнению профессора Г.А. Бордовского, «может стать ключом к решению проблемы существенного улучшения современного российского образования» [7, с. 6]. Речь, в частности, он ведет о возобновлении неразрывной связи обучения и воспитания; опоре «на традиционные морально-нравственные ценности», которые больше подходят для нашего народа, чем либеральные западные ценности;

глубокой научной проработке содержания образования, базирующейся не на трендах и новациях, а на «системном подходе к построению и функционированию образовательной сферы»; комплексном подходе к обучению, способном «преодолеть фрагментарность знаний сегодняшних школьников» [7, с. 6].

2. Внедрение практико-ориентированного подхода.

Тесно связана с представленной выше еще одна проблема, о которой часто пишут в наших научных журналах. Современное образование «в большой степени направлено на обучение будущего молодого ученого, который, получив хорошую теоретическую подготовку, испытывает трудности с применением теоретических знаний на практике» [8, с. 79].

В обсуждении этой проблемы больше, чем в других случаях, видна противоречивость и непоследовательность пишущих о ней авторов, не имеющих твердой позиции по данному вопросу. Если количество аудиторных часов достигло такого минимума, что преподаватель успевает предложить студентам только некоторые, самые необходимые, сведения по предмету, то о какой излишней «хорошей теоретической подготовке» и о каком таком «молодом ученом» может идти речь? «Система образования в большинстве своем нацелена на теоретическую подготовку, наблюдается заучивание и накапливание теоретических знаний, которые почти никак не подкрепляются практикой ..., однако именно преподаватель должен уметь научить анализировать материал и делать правильные выводы для успешного применения своих знаний на практике» [9, с. 114]. Вместе с тем теоретическая подготовка – это не «заучивание и накапливание», это как раз умение анализировать и находить главное. С одной стороны, авторы сетуют на утрату вузами функции трансляции культурных ценностей и статуса места, где «формировалась интеллигенция, элита, члены которой отличались патриотизмом, гражданской позицией и социальной активностью» [10, с. 71], а с другой стороны, предлагают перейти на «дуальное обучение (когда аудиторные занятия проводятся 2-3 раза в неделю, а большая часть занятий проходит на предприятии)» [10, с. 74].

Противопоставление хорошей теоретической базы образования (как чего-то излишнего, не обязательного для практической работы) и овладения способами применения полученных знаний на практике (как чего-то необходимого и единственно полезного) приводит к искажению самой сути образования. Вот пример из жизни, иллюстрирующий этот тезис. Молодой инспектор районного департамента образования посетил урок довольно опытного учителя русского языка в школе и обнаружил, что в процессе беседы с детьми было сказано: слово СССР – среднего рода, потому что это государство (хотя род аббревиатур определяется по роду главного слова: СССР – мужского рода, потому что *Союз*), а *манго* – мужского рода,

потому что это фрукт (хотя обычно несклоняемые существительные, обозначающие предмет, относятся к среднему роду: *такси, бра, пальто, манго* и др.). Проверяющий указал на недопустимость подобных ошибок и получил гневную отповедь как от учителя, так и от директора школы, которые перечислили все общественные заслуги учителя и подчеркнули его высокое методическое мастерство. Вместе с тем высокое педагогическое мастерство в данном случае является отягчающим вину обстоятельством, поскольку внушение детям антинаучных сведений более опасно, чем простое незнание правил. Педагогическое мастерство может принести пользу обучающимся только в том случае, когда опирается на безукоризненное знание учителем своего предмета. Этот пример показывает, что прежде, чем учиться применять свои знания на практике, необходимо убедиться, что эти знания прочно усвоены в достаточном для этого объеме. В противном случае от практики будет только вред.

Отсутствие у отечественных авторов четкого понимания основных задач высшего образования доктор экономических наук Н.В. Новичков связывает с тем, что в нашей стране нет общей стратегии развития высшего образования: «Даже при наличии «красивых» стратегических документов, например Государственной программы РФ «Развитие образования», никто из лиц, принимающих решения, не в состоянии нам объяснить, какие главные задачи призвана решать наша отечественная высшая школа». И далее на вопрос о том, «что мы хотим от высшего образования: готовить кадры или создавать культурно-интеллектуальную основу нашей страны и цивилизации?», профессор дает такой ответ: «Как ни парадоксально, нам нужно и то, и другое»¹. Насущными задачами высшего образования он считает возрождение научных школ, утраченных за последние десятилетия, и воспитание высококвалифицированных специалистов, способных модернизировать производство. В этой ситуации и формирование «молодых ученых» из наиболее талантливых студентов оказывается не таким уж ненужным делом.

Резюме. Решение всех сформулированных выше задач требует правильного распределения сил и времени, затрачиваемых на подготовку студентов. За четыре года бакалавриата можно подготовить только практико-ориентированного исполнителя, но не квалифицированного специалиста, способного к разработке новейших технологий. Чтобы воспитать такого специалиста, нужно вернуться к 5-6-летнему обучению в вузе и дополнить программу дисциплинами, способствующими развитию критического мышления, творческого подхода к своей работе и умения преодолевать преграды на пути. Причем, чтобы эта задача была решена, следует не увеличивать количество часов, выделяемых на самостоятельную работу, а создать научно обоснованную концепцию такого образования. Важно также, чтобы эту концепцию

¹ Новичков Н.В. Выпускники «для улиц»? // Московский комсомолец. № 29132. 10.10.2023 // URL: <https://www.mk.ru/social/2023/10/09/vypuskniki-dlya-ulic-nazvany-glavnye-problemy-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya.html>.

разрабатывали ведущие специалисты страны, а не аспиранты провинциального вуза.

Кроме всего прочего, возвращение к специалитету позволит учесть интересы сторонников обоих подходов к решению анализируемой нами проблемы. На первых трех курсах необходимо закладывать теоретическую базу, обучать основам наук, а на старших курсах внедрять практико-ориентированный подход путем увеличения времени на производственные практики. Важно, однако, чтобы студентов не просто посылали на производство (а также в школы, в отделы полиции или в фермерские хозяйства) и перепоручали соответствующим специалистам (инженерам, учителям, юристам или агрономам), у которых часто не хватает ни времени, ни желания, ни умения работать наставниками. Пример правильной практико-ориентированной работы подают всем нам медицинские вузы, имеющие кафедры во всех крупных больницах города. Это позволяет преподавателям вуза проводить практические занятия прямо в клинике и квалифицированно руководить работой студентов по овладению своей профессией. Такие занятия включаются в нагрузку преподавателя и в расписание студентов.

Активным сторонником возвращения к специалитету является и ректор МГУ В.А. Садовничий, который во всех своих интервью настаивает на повышении уровня фундаментальности современного высшего образования, что, по его мнению, необходимо для обеспечения технологического суверенитета страны¹. В качестве подтверждения этого тезиса он привел в пример свой университет, где введена интегрированная магистратура, предлагающая студентам продолжить образование по общей с бакалавриатом программе. Таким образом, студент за шесть лет получает все необходимые знания и навыки и становится полноценным специалистом.

3. Внедрение в обучение индивидуальных образовательных траекторий.

В последнее десятилетие ведущим трендом российского образования стала идея внедрения в учебный процесс индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ) обучающихся. Считается, что этот подход позволяет студентам самим выбирать наиболее интересные для них курсы, самим формировать свою профессиональную компетентность, «выстраивать личностную систему идеальных знаниевых конструкторов, а не брать их в готовом виде» [11]. Как отмечает в своей работе С.Л. Климинская, использование ИОТ «означает создание гибкого оперативного формата для формирования и развития индивидуальных профессиональных способностей, ценностных ориентиров, взглядов и убеждений при помощи современных образовательных программ и технологий с учетом индивидуальных потребностей» [12].

В качестве аргумента в пользу перехода на индивидуальные траектории авторы приводят результаты опроса студентов бакалавриата, которые в подавляющем большинстве выбрали ответы «Да, считаю, что внедрение инноваций в учебный процесс оказывает положительное влияние на качество обучения», а не «Нет, план обучения должен составляться учебным заведением» [13, с. 89]. Из этого делается вывод, что студенты одобряют новую модель образования.

В теории реализация этой идеи рисует заманчивую перспективу создания новой педагогической идеологии, которая будет содействовать переводу нашего образования на новый уровень развития. Но способно ли внедрение ИОТ совершить тот переворот в образовании, о котором говорят ученые? И действительно ли эта система предлагает студентам «идеальные знаниевые конструкторы»? Представляется, что ответ на оба вопроса должен быть отрицательным.

Основное объективное препятствие на пути внедрения всевозможных ИОТ-технологий состоит в недостаточности финансирования вузов, вынужденных экономить на всем. Этот же вывод можно сделать и после ознакомления с интервью главного идеолога ИОТ-технологий, генерального директора ИОТ-университета П. Музыки, который рассказал, что у нас часто данная модель образования не внедряется в общий процесс обучения: для нее создается отдельный факультет, так называемый гринфилд. «Но зачастую модель гринфилда сложно растражировать на другие факультеты, потому что он создается как некая элитная школа, куда вуз вкладывает больше ресурсов, а весь университет таким стать не может»². Отсюда следует, что и гринфилд может себе позволить только ведущий университет с особым статусом и хорошей материальной базой (а таких очень немного). У большей же части вузов «неприлично низкое государственное финансирование образования и запределные нагрузки педагогов в сочетании с падением их зарплаток»³, и поэтому они не имеют материальной возможности не только создать гринфилд, но и просто увеличить число дисциплин по выбору (то есть вместо одного преподавателя на каждый курс по выбору поставить, например, трех).

Изучение опыта тех университетов, которые уже сейчас внедряют эту новую технологию, показывает, какие проблемы (как правило, непосильные для самого вуза) приходится решать. Для введения ИОТ требуется существенное расширение имеющихся площадей: создание мастерских, где студенты под руководством мастера должны проводить свои первые исследования; отказ от академических групп (каждый студент становится участником минимум шести различных учебных команд, причем эти команды могут включать в себя

¹ Ректор МГУ назвал основные проблемы высшего образования в России // Skillbox: сайт. 15.12.2023 // URL: <https://skillbox.ru/media/education/rektor-mgu-nazval-osnovnye-problemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii/>.

² См. интервью с генеральным директором ИОТ-университета Павлом Музыкой: Индивидуальные образовательные траектории в вузе: как это работает и каковы перспективы // Skillbox: сайт. 22.07.2022 // URL: <https://skillbox.ru/media/education/individualnye-obrazovatelnye-traektorii-v-vuze-kak-eto-rabotaet-i-kakovy-perspektivy/>.

³ Эксперты назвали главные проблемы российского образования // Московский комсомолец: сайт. 22.02.2020 // URL: <https://www.mk.ru/social/2020/03/22/eksperty-nazvali-glavnye-problemy-rossijskogo-obrazovaniya.html>.

студентов разных факультетов); обеспечение свободного доступа студентов в компьютерные классы для самостоятельной работы; создание удобных рекреаций, где студенты могли бы поработать во время «оконов» между занятиями; существенное увеличение количества лекционных аудиторий (для того чтобы справиться со сложностями расписания) и т.п. А что делать вузу, у которого факультеты находятся в разных зданиях (причем достаточно тесных), расположенных далеко друг от друга? Многие из них и при обычном обучении испытывают сложности с составлением расписания из-за нехватки аудиторного фонда. По нашему мнению, идея широкого внедрения ИОТ в отечественное образование обречена на неудачу, причем независимо от того, нравится ли она студентам, преподавателям и ведущим научным сотрудникам лаборатории исследования образовательной политики и инновационного развития.

Далее следует напомнить, что вряд ли можно полагаться на результаты опросов студентов 1-2 курсов в оценке качества нашего высшего образования и перспектив его развития. Да, молодежь всегда готова попробовать что-то новое, однако она не может (в силу своей неопытности) знать обо всех тех последствиях, к которым это приведет. Основная масса студентов весьма слабо представляет себе, что именно и в какой форме им понадобится в их будущей работе. В ходе исследования, проведенного Ю.С. Ключковым, студенты начинают проявлять некоторый интерес к своей специальности только на последнем курсе обучения [14]. Поэтому их выбор дисциплин на младших курсах часто бывает обусловлен случайными обстоятельствами. Это подтверждают и результаты исследования самарских ученых, проанализировавших мотивы выбора студентами того или иного курса из предлагаемых вузом. Основную массу составили «разнообразные мотивы, показывающие случайность выбора предметов: «чтобы попробовать себя в разных направлениях», «на дисциплины ИОТ конкретных преподавателей», «записываться на дисциплины ИОТ вместе с друзьями», «по месту в расписании или по наличию свободных мест»» [15].

В связи с этим полагаем, что ИОТ определенно уместны только на продвинутых этапах обучения (последипломное образование, аспирантура и т.д.), где обучаются люди, имеющие тот или иной опыт работы и осознанно принимающие решения о том, чем именно они хотят заниматься в жизни. Что касается магистратуры, то здесь выбор тоже возможен, однако только под руководством наставника, представляющего себе возможности и способности конкретного студента. Бакалавры же должны обучаться по единой программе и получать все необходимые базовые знания.

Возможно существование и еще одной категории студентов, которым выбор траектории необходим. Многие авторы указывают на то, что критическую нехватку специалистов на многих ведущих предприятиях страны можно было бы уменьшить за счет возрождения в рамках высшего образования целевого набора студентов. На бюд-

жетные (или финансируемые заказчиком) места предлагается принимать тех абитуриентов, которые соглашаются подписать контракт с профильным предприятием, обязуясь отработать там не менее пяти лет после окончания вуза (или в противном случае оплатить свое обучение). Понятно, что такие студенты за время учебы в вузе должны будут дополнительно овладеть всеми необходимыми для конкретного предприятия компетенциями (их набор формулирует заказчик).

Есть и еще одна проблема, связанная с внедрением ИОТ. Предположим, что у вуза все-таки есть возможность предложить студентам курсы по выбору. Какие именно курсы будут читаться, кто это определяет? Чаще всего вуз распределяет курсы по кафедрам, ориентируясь на возможности и загруженность преподавателей. В лучшем случае состав предлагаемых курсов определяется на конкурсной основе. В этой ситуации выбор курсов чаще всего зависит не от потребностей практики, а от качества их разработки. Однако не только преподаватели вуза, но и работодатели далеко не всегда представляют себе, какие именно знания могут пригодиться студентам в их будущей работе. Поэтому при нынешней системе образования получить тот результат, о котором говорят идеологи рассматриваемого нами нововведения, невозможно. Если ИОТ всё-таки предлагаются на этапе бакалавриата, где даются базовые научные знания, выбор курсов должен быть ориентирован на формирование общего кругозора, развитие интеллекта, повышение культурного уровня, формирование общих и метапредметных компетенций. Об этом речь шла в одной из наших предыдущих научных работ [16], а также в трудах других ученых, например Е.Г. Гимпельсон [17] и К.С. Сердобинцева [18].

Таким образом, несмотря на существование гринфилд-факультетов в некоторых ведущих университетах, внедрение этого опыта в практику рядовых вузов при нынешнем отношении к системе высшего образования невозможно. В связи с этим изучение курсов по выбору, на наш взгляд, должно быть организовано через Интернет, где и сейчас представлен широкий спектр дополнительной полезной информации. Так, в последнее десятилетие стали весьма популярными массовые открытые онлайн-курсы (МООК), где каждый желающий может получить свободный доступ к лекциям известных профессоров, а также постоянную поддержку в обучении и разнообразный учебный материал [19]. Таким образом, студенты из провинциальных вузов и все желающие улучшить свое образование могут обогатиться знаниями самого высокого уровня, независимо от своего социального статуса, места проживания и других параметров, имеющих решающее значение при зачислении в образовательную организацию. Этот важный ресурс вполне может быть использован на постоянной основе и под руководством преподавателя, рекомендующего студентам те или иные курсы. Если конкретной специальности не подходят ресурсы, размещенные на доступных в сети платформах, вуз может организовать для студентов свою собственную копилку интернет-курсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения показывают, что по всем затронутым выше вопросам положительные характеристики новшеств, предлагаемых к внедрению в образование и уже внедренных, имеют абстрактный умозрительный характер, рисуют картину того, как в теории должно быть. Обзор же реальной практики выявляет, что характер таких новаций не учитывает реального положения дел в вузах, что приводит к существенному ухудшению ситуа-

ции в нашем высшем образовании. Нововведения, к сожалению, чаще всего приводят к дальнейшей бюрократизации образовательного процесса, ограничению творческого подхода к преподаванию и самостоятельности вузов в выборе не только программ и организационных форм обучения, но и в выборе методики преподавания отдельных дисциплин. Как тут не вспомнить классика: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...» (Л.Н. Толстой). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Любецкий Н.П., Шевченко А.М., Самыгин С.И. Интеллектуальный потенциал студенчества в современной России как стратегический приоритет государственной молодежной политики РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 86-90.
2. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Особенности становления личностного потенциала субъекта инновационной деятельности // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 69-75.
3. Наливайко Н.В., Петров В.В. Инновационное образование в России: внедрение или изучение зарубежного опыта? // Философия образования. 2011. № 2. С. 62-70.
4. Ручка О.Н. Сущность проектной деятельности школьников // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 63. С. 254-257.
5. Бутакова М.В., Воропай Л.М., Чесноков Е.Н. Проектная деятельность обучающихся как метод формирования межпредметных связей физики и химии // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 79-83.
6. Янчук В.А. Психологические основания образовательной инноватики // Инновации в образовании. 2003. № 1. С. 15-26.
7. Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? // Высшее образование сегодня. 2018. № 6. С. 2-6.
8. Тодис Л.М., Виноградова Т.В., Андроничева А.С. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 78-81.
9. Фокина Е.И., Логинова С.Л. Основные проблемы российского высшего профессионального образования в современных условиях // Электронный архив РГППУ // URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/39208/1/avsorpo_2020_4_033.pdf.
10. Кирюшина Н.А. Современное инженерное образование: проблемы и перспективы // Инновационное развитие профессионального образования. 2024. № 3 (43). С. 70-77.
11. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. 2011. № 1. С. 3 // URL: <https://xn--h1am1a.xn--p1ai/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf>.
12. Климинская С.Л. Индивидуальная образовательная траектория как способ повышения эффективности обучения иностранным языкам // Наукovedenie. 2014. № 4 (23). С. 34 // URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/34PVN414.pdf>.
13. Остапенко М.С., Назарова В.Ю. Внедрение индивидуальных образовательных траекторий в вузе // Вестник ПНИПУ. Машиностроение, материаловедение. 2022. Т. 24. № 2. С. 87-95.
14. Клочков Ю.С., Лепехин А.И., Василега Д.С. [и др.] Профессиональная ориентация студентов // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. СПб, 2017. Т. 1. С. 175-177.
15. Соловова Н.В., Калмыкова Д.А., Суханкина Н.В. Индивидуальные образовательные траектории: конструирование и образовательные результаты // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 2 (119). С. 160-169.
16. Анисимова Т.В. Роль риторики в формировании коммуникативной компетентности студента вуза // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (45). С. 225-243.
17. Гимпельсон Е.Г. Риторический жанр как основа коммуникативной компетентности специалиста // Педагогика современности. 2024. № 2-1 (29). С. 34-38.
18. Сердобинцев К.С. Гражданское общество как феномен техногенной цивилизации и проблемы российской идентичности. Калининград: КЛЮИ МВД России, 2004. 118 с.
19. Клочкова Е.С., Тверяков А.М., Васильев Д.В. [и др.] Оценка качества высшего профессионального образования на основе профессионально-общественной аккредитации // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. СПб, 2017. Т. 1. С. 148-150.

REFERENCES

1. Lyubetskiy N.P., Shevchenko A.M., Samygin S.I. Intellektual'nyy potentsial studenchestva v sovremennoy Rossii kak strategicheskiiy prioritet gosudarstvennoy molodezhnoy politiki RF // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2016. № 10. S. 86-90.
2. Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Osobennosti stanovleniya lichnostnogo potentsiala sub"yekta innovatsionnoy deyatel'nosti // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2013. № 2. S. 69-75.
3. Nalivayko N.V., Petrov V.V. Innovatsionnoye obrazovaniye v Rossii: vnedreniye ili izucheniye zarubezhnogo opyta? // Filosofiya obrazovaniya. 2011. № 2. S. 62-70.
4. Ruchka O.N. Sushchnost' proyektnoy deyatel'nosti shkol'nikov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2017. № 63. S. 254-257.
5. Butakova M.V., Voropay L.M., Chesnokov Ye.N. Proyekt'naya deyatel'nost' obuchayushchikhsya kak metod formirovaniya mezhpredmetnykh svyazey fiziki i khimii // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. 2024. № 5. S. 79-83.
6. Yanchuk V.A. Psikhologicheskiye osnovaniya obrazovatel'noy innovatiki // Innovatsii v obrazovanii. 2003. № 1. S. 15-26.
7. Bordovskiy G.A. Chto zhe bylo luchshim v sovetskoy sisteme obrazovaniya? // Vyssheye obrazovaniye segodnya. 2018. № 6. S. 2-6.
8. Todis L.M., Vinogradova T.V., Andronycheva A.S. Sovremennyye problemy vysshego obrazovaniya v Rossii i vozmozhnyye puti ikh resheniya // Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye. 2023. № 3. S. 78-81.
9. Fokina Ye.I., Loginova S.L. Osnovnyye problemy rossiyskogo vysshego professional'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh // Elektronnyy arkhiv RGPPU // URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/39208/1/avsorpo_2020_4_033.pdf.
10. Kiryushina N.A. Sovremennoye inzhenernoye obrazovaniye: problemy i perspektivy // Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya. 2024. № 3 (43). S. 70-77.
11. Khutorskoy A.V. Opredeleniye obshchepredmetnogo soderzhaniya i klyuchevykh kompetentsiy kak kharakteristika novogo podkhoda k konstruirovaniyu obrazovatel'nykh standartov // Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka. 2011. № 1. S. 3 // URL: <https://xn--h1am1a.xn--p1ai/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf>.
12. Kliminskaya S.L. Individual'naya obrazovatel'naya trayektoriya kak sposob povysheniya effektivnosti obucheniya inostrannym yazykam // Naukovedeniye. 2014. № 4 (23). S. 34 // URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/34PVN414.pdf>.
13. Ostapenko M.S., Nazarova V.Yu. Vnedreniye individual'nykh obrazovatel'nykh trayektoriyy v vuze // Vestnik PNIPU. Mashinostroyeniye, materialovedeniye. 2022. T. 24. № 2. S. 87-95.
14. Klochkov Yu.S., Lepekhin A.I., Vasilega D.S. [i dr.] Professional'naya oriyentatsiya studentov // Planirovaniye i obespecheniye podgotovki kadrov dlya promyshlenno-ekonomicheskogo kompleksa regiona. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2017. T. 1. S. 175-177.
15. Solovova N.V., Kalmykova D.A., Sukhankina N.V. Individual'nyye obrazovatel'nyye trayektorii: konstruirovaniye i obrazovatel'nyye rezul'taty // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. 2023. № 2 (119). S. 160-169.
16. Anisimova T.V. Rol' ritoriki v formirovanii kommunikativnoy kompetentnosti studenta vuza // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 1 (45). S. 225-243.
17. Gimpel'son Ye.G. Ritoricheskiiy zhanr kak osnova kommunikativnoy kompetentnosti spetsialista // Pedagogika sovremennosti. 2024. № 2-1 (29). S. 34-38.
18. Serdobintsev K.S. Grazhdanskoye obshchestvo kak fenomen tekhnogennoy tsivilizatsii i problemy rossiyskoy identichnosti. Kaliningrad: KIYUI MVD Rossii, 2004. 118 s.
19. Klochkova Ye.S., Tveryakov A.M., Vasil'yev D.V. [i dr.] Otsenka kachestva vysshego professional'nogo obrazovaniya na osnove professional'no-obshchestvennoy akkreditatsii // Planirovaniye i obespecheniye podgotovki kadrov dlya promyshlenno-ekonomicheskogo kompleksa regiona. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2017. T. 1. S. 148-150.

© Анисимова Т.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В. Реформа образования в России: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 152-160.

Вера Игоревна ТАРАСОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0004-7760-706X

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

доцент кафедры тактико-специальной, огневой

и физической подготовки Калининградского филиала

tarasovav39@mail.ru

Научная статья

УДК [378.147:355.52]:351.74

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ УЧЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Методика обучения, комплексные тактические учения, образовательная организация, МВД России, действия в особых условиях, сотрудник полиции.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье обоснована важность проведения комплексных тактических учений в рамках подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях. Подчеркнуто, что в настоящее время в связи с появлением более изощренных способов совершения преступлений, а также проведением специальной военной операции на территории Украины, образовательная программа образовательных организаций МВД России нацелена на повышение качества профессиональной подготовки кадрового состава. *Методы.* В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, были востребованы методы междисциплинарного анализа, педагогического наблюдения, анализа и синтеза эмпирических данных, описания. Осуществлен анализ научно-методической литературы и рабочих программ, используемых в образовательном процессе; изучены материалы учений, организованных в 12 образовательных организациях МВД России; осмыслен личный опыт работы автора на кафедре тактико-специальной, огневой и физической подготовки. *Результаты.* Установлено, что комплексные тактико-специальные учения проводятся по единому замыслу, после необходимой подготовки, поэтапно, с соблюдением общих требований, предъявляемых к занятиям данного вида. В качестве недостатка их проведения отмечен универсальный характер сценариев, которые не учитывают особенности регионов, экономические, географические и иные факторы, влияющие на характер преступной деятельности. Сделан вывод о том, что в процессе тактико-специальной подготовки сотрудников полиции, а также при их обучении по другим специальным дисциплинам в вузе МВД России должны учитываться самые современные мировые тенденции организации ведения боя, осваиваться новые тактические элементы, отрабатываться особенности их применения в ситуациях, приближенных к реальным условиям несения службы, изучаться основы взаимодействия подразделений полиции с другими органами и силовыми структурами.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность по-прежнему является опасной угрозой для общества и одним из факторов социальной нестабильности. Правонарушители разрабатывают всё более сложные планы для совершения преступных деяний. Еще больше осложнилась криминогенная обстановка в Российской Федерации после начала проведения специальной военной операции на территории Украины.

В целях обеспечения защиты населения и поддержания порядка в обществе правоохранительные ведомства, в том числе МВД России, реализуют планы по повышению уровня профессиональной подготовленности своих сотрудников. Важную роль в этой работе играет проведение комплексных учений. Они предусматривают не только изучение теоретических вопросов орга-

низации службы, но и в первую очередь непосредственное выполнение практических заданий, соответствующих специфике и условиям той оперативной обстановки, в которых сотрудникам силовых структур придется применять навыки и умения, полученные в ходе обучения. Всё это в полной мере касается и курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России.

Для выработки навыков правомерного, уверенного и эффективного применения специальных средств, физической силы и огнестрельного оружия, умений слаженно и тактически грамотно действовать в составе подразделений, в том числе в особых условиях несения службы, воспитанники ведомственных вузов МВД России должны проходить подготовку по новым дисциплинам: «Действия сотрудников органов внутренних дел в условиях специальных правовых режимов»,

Vera I. TARASOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0004-7760-706X

Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Tactical-Special,
Fire and Physical Training of the Kaliningrad Branch

tarasovav39@mail.ru

METHODOLOGY FOR CONDUCTING COMPLEX TRAINING TO PREPARE FOR ACTIONS IN SPECIAL CONDITIONS

KEYWORDS. Methodology for training, complex tactical training,
educational organization, Ministry of the Interior of Russia,
actions in special conditions, police officer.

ANNOTATION. Introduction. The article substantiates the importance of conducting comprehensive tactical exercises in the context of training police officers for action in special conditions. It is emphasized that at present, in connection with the emergence of more sophisticated methods of committing crimes, as well as the special military operation in Ukraine, the educational program of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia is aimed at improving the quality of professional training of personnel. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, the methods of interdisciplinary analysis, pedagogical observation, analysis and synthesis of empirical data, description were in demand. An analysis of scientific and methodological literature and work programs used in the educational process was carried out; materials of exercises organized in 12 educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia were studied; personal experience of the author in the department of tactical and special, fire and physical training was comprehended. **Results.** It was established that comprehensive tactical and special exercises are conducted according to a single plan, after the necessary preparation, in stages, in compliance with the general requirements for this type of training. The universal nature of the scenarios, which do not take into account the specifics of regions, economic, geographical and other factors influencing the nature of criminal activity, was noted as a disadvantage of their implementation. It was concluded that in the process of tactical and special training of police officers, as well as in their training in other special disciplines at the educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia, the most modern world trends in the organization of combat should be taken into account, new tactical elements should be mastered, the features of their application in situations close to real service conditions should be worked out, the basics of interaction of police units with other agencies and security agencies should be studied.

«Учебная (дополнительная) практика». Это свидетельствует о том, что образовательная программа нацелена на улучшение профессиональной подготовленности полицейских, что подтверждает актуальность выбранной нами темы исследования.

Завершающим этапом обучения курсантов вузов МВД России по специальным дисциплинам является их участие в комплексных тактико-специальных учениях [1, с. 256]. Необходимо подчеркнуть, что сценарии проведения таких учений зачастую носят слишком унифицированный характер и не учитывают экономико-географические и иные особенности регионов, а также особые условия, в которых может проходить служба будущих выпускников. Это обстоятельство, по нашему мнению, негативно сказывается на эффективности подготовки специалистов. Перед исследованием, результаты которого представлены в настоящей статье, была поставлена цель изучить особенности организации в вузах МВД России комплексных тактических учений и разработать рекомендации, направленные на совершенствование методики их проведения.

МЕТОДЫ

Исследование методологически опиралось на использование системного подхода к изучению тактико-специальной, огневой и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел, а

также на теоретико-методологические положения педагогической науки. Для достижения поставленной цели нами использовался междисциплинарный анализ – для установления связей между различными учебными дисциплинами и выявления специфики занятий рассматриваемого вида, осуществлялось педагогическое наблюдение за проведением учений. Для более глубокого изучения вопросов организации тактико-специальных учений нами были направлены запросы в 12 образовательных организаций МВД России. Полученные материалы обобщены и использованы в описании результатов. Обосновать необходимость совершенствования методики проведения учений позволил анализ научно-методической литературы, рабочих программ по дисциплинам «Тактико-специальная, огневая, физическая подготовка», «Учебная практика (по получению умений и навыков действий в особых условиях)», «Действия сотрудников органов внутренних дел в условиях специальных правовых режимов».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Комплексные учения занимают важное место в программе подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Они завершают этап обучения, на котором происходит проверка уровня полученных профессиональных знаний [2, с. 36]. Занятия этого вида имеют

междисциплинарный характер, обусловленный потребностями системного сочетания тактико-специальной, огневой и физической подготовки. Учения позволяют курсантам закрепить теоретические знания практикой их применения и совершенствовать профессиональные умения и навыки.

Анализ научной литературы в исследуемой предметной области показал, что тактико-специальные учения могут быть классифицированы по различным основаниям. В образовательных организациях МВД России в зависимости от объема и характера учебного материала они подразделяются на два вида:

- 1) кафедральные или монодисциплинарные – проводятся профессорско-преподавательским составом одной кафедры, охватывают комплекс тем в рамках конкретной учебной дисциплины;
- 2) межкафедральные или междисциплинарные – проводятся несколькими кафедрами (огневой, физической, тактико-специальной подготовки, кафедрой действий в особых условиях и др.), охватывают комплекс тем различных учебных дисциплин.

Изложенное подчеркивает одну из характерных особенностей комплексных учений, а именно – тесную взаимосвязь с разными учебными дисциплинами, что позволяет курсантам (слушателям) более качественно подготовиться к действиям в особых условиях.

Комплексные тактико-специальные учения предназначены для углублённой отработки умений и навыков за весь курс обучения, включая топографическую, тактико-специальную, огневую подготовку. Они ориентированы на формирование компетенций, необходимых для установления эффективного взаимодействия в составе подразделения, а также для автономной работы с соблюдением требований по обеспечению собственной безопасности в целях безусловного выполнения поставленной задачи. В период обучения в вузе курсанты (слушатели) привлекаются к несению службы в нарядах, участвуют в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то есть сталкиваются с потенциальной опасностью и необходимостью применения специальных профессиональных знаний, умений и навыков [3, с. 204]. Комплексные учения способствуют их закреплению, а также позволяют приобрести опыт управления подразделением в ходе выполнения боевых задач.

И это особенно важно с учетом того обстоятельства, что непростая военно-политическая обстановка требует серьезной подготовки к действиям в особых условиях. Отрабатываемые на учениях навыки могут потребоваться выпускникам вузов МВД России, например, при несении в дальнейшем службы на освобожденных территориях или в зоне ведения боевых действий. Сотрудники сводных отрядов, пребывающих на территории Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей обязательно должны иметь навыки действий в особых условиях [4, с. 263]. Это связано с характером возложенных на полицию обязанностей, в частности

связанных с охраной критически важных и потенциально опасных объектов промышленности. К числу таких объектов относятся Запорожская АЭС, аммиакопровод Тольятти – Одесса, металлургические и химические предприятия и т.д. В результате внешнего воздействия на атомную электростанцию может случиться выброс радиоактивных веществ, что чревато возникновением масштабной техногенной катастрофы. Украинские военные используют беспилотные летательные аппараты, тяжелую артиллерию, реактивные системы залпового огня в целях поражения данного стратегического объекта. Российским силам противовоздушной обороны удастся отражать атаки, однако фиксировались случаи попадания снарядов в район хранилища ядерных отходов. Очевидно, что потенциально опасным объектом является и аммиакопровод. Он также периодически подвергается ударам со стороны ВСУ. В июне 2023 года его подорвали украинские диверсанты, в результате чего при попадании в атмосферу аммиак из сжиженного состояния перешел в газообразное, и над землей образовался щелочной туман. В случае наступления чрезвычайных обстоятельств сотрудники правоохранительных органов должны знать, каково воздействие поражающих факторов, а также способы защиты от них. Ученые, посвятившие свои исследования данной проблематике, указывают на необходимость более тщательной тактико-специальной подготовки полицейских [5, с. 159]. Их профессиональные компетенции, необходимые для несения службы в особых условиях, должны предусматривать наличие навыков ведения боя, обращения с оружием, управления беспилотными летательными аппаратами, оказания медицинской помощи, использования средств индивидуальной и коллективной защиты, а также умения работать на местности с инженерным оборудованием и знаний по основам взрывобезопасности.

На большое значение тактико-специальной подготовки справедливо указывает А.М. Киселев. Он пишет о том, что на занятиях по этому предмету отрабатываются действия по решению служебно-боевых задач различной степени сложности, изучаются условия применения оружия, боевой и специальной техники, спецсредств, осваивается методика управления силами и средствами полиции [6, с. 97]. Отсюда вытекает вывод о важности проведения тактических учений. Ежегодно в ведомственных вузах МВД России организуются учения, предназначенные для самостоятельного решения курсантами (слушателями) поставленных перед ними профессиональных задач [7, с. 55]. Комплексные учения с вовлечением переменного состава образовательных организаций предусматривают теоретические и практические занятия, на которых курсанты получают знания и закрепляют их на практике.

Как и любой процесс, проведение учений состоит из последовательных этапов. Осуществляемые на каждом из них действия должны отвечать следующим требованиям:

- безопасность (не допустить возникновения ситуаций, которые могут привести к причинению

физического вреда людям или материального ущерба оборудованию);

- наличие реальной возможности выполнения поставленных задач (при подготовке сценария учений необходимо учитывать уровень материально-технического обеспечения и иные объективные факторы (рельеф местности, климатические условия, время года и т.д.));

- создание на учениях обстановки, максимально приближенной к той, которая имеет место в реальной деятельности органов внутренних дел;

- соответствие уровня подготовленности курсантов (слушателей) степени сложности поставленных перед ними задач.

Тактико-специальные учения называются комплексными потому, что на них отрабатывается комплекс вопросов, связанных с огневой, тактико-специальной и физической подготовкой. Заметим, что при этом используются различные формы и методы организации деятельности: от элементов командно-штабных учений для руководящего и командно-начальствующего состава до отработки конкретных действий курсантами и слушателями [8, с. 279]. Традиционно программа комплексных учений предусматривает анализ нормативных правовых актов, в соответствии с которыми должен действовать сотрудник при выполнении служебных обязанностей. Как правило, учения проводятся в несколько этапов: составление сценария с указанием исходных данных по моделируемой оперативной обстановке; определение круга участвующих лиц и их функций; подготовка документов и согласование места проведения учений; материальное, техническое и медицинское обеспечение; оказание помощи обучающимся, контроль за их действиями и др.

Тактические учения представляют собой фактически отработку действий в ходе специальной операции. У каждой специальной операции имеется свой замысел – главная идея, определяющая способ выполнения боевой задачи [9, с. 376]. Замысел комплексных тактико-специальных учений предусматривает получение их участниками задачи и карты для выведения в обозначенный условия район, выполнение тактических действий по вводной руководителя учений, использование имитационных средств (взрывпакетов, сигнальных мин, ракет, дымовых гранат и т.д.). Проведение специальной операции по четко структурированному плану является залогом ее успеха, поэтому требует тщательной заблаговременной подготовки [10, с. 363]. Действия личного состава условно подразделяются на этапы и периоды, для каждого из которых готовится подробное описание, а также схема передвижения. Особое значение при подготовке к учениям придается предварительной отработке выполнения их участниками обязанностей в соответствии с задачами, которые им придется решать согласно сценарию.

Подчеркнем, что обстановка проведения учений должна быть приближенной к реальной и способствовать выработке у личного состава правильного представления о характере и масштабах возможных последствий совершения противоправных деяний, применения противником современных

средств поражения с учетом имеющейся материально-технической базы, а также экономико-географических особенностей расположения вуза.

Важное замечание по вопросу проведения тактико-специальных учений было сделано К.Н. Петровым. Он указал на то, что в основе такой учебной деятельности должен лежать как положительный, так и негативный опыт прошлых лет. По его мнению, синтез теоретических знаний и практических навыков позволяет применять последние в различных условиях служебно-оперативной деятельности [11, с. 145]. Соглашаясь с данным мнением, отметим значимость завершающего этапа комплексных учений, на котором по результатам всестороннего анализа действий обучающихся подводятся итоги и определяется степень достижения учебных целей, выявляются недостатки и предлагаются пути их устранения. Однако не всегда собранная таким образом информация впоследствии становится доступной другим, в связи с чем представляется целесообразным ее обобщение в виде методических рекомендаций и научных работ, а также представление ее в рамках выступлений на конференциях, семинарах, круглых столах и т.д.

Гарантией успеха проведения учений является хорошая методическая подготовка организаторов и руководителей таких занятий. Повышению ее уровня способствуют систематические стажировки в территориальных подразделениях полиции. Профессорско-преподавательский состав вузов МВД России, отвечающий за проведение комплексных тактических учений, должен постоянно совершенствовать свое методическое мастерство. Преподавателям необходимо правильно понимать содержание, предназначение и степень эффективности различных методов и форм обучения личного состава [12, с. 38].

Проведенное нами исследование показало, что современные реалии требуют совершенствования средств и методов осуществления служебной деятельности в особых условиях, в том числе ведения боя, а также модернизации экипировки и вооружения. Подлежит обновлению и нормативно-правовая база. Так, например, общевоинской защитный комплект используется с 1984 года, а существующие нормативы применения средств индивидуальной защиты регламентированы ведомственным приказом 1993 года. Необходимо, как это делается в некоторых иностранных государствах, конструктивные решения по комплексной защите от радиоактивной пыли, отравляющих веществ, биологических поражающих агентов, промышленных токсичных химикатов. Следует повышать износостойкость и практичность экипировки, улучшать возможности более длительной ее эксплуатации за счет эффективной терморегуляции, а также совместимость ее элементов (а это защитный шлем, разгрузочный жилет, индивидуальная бронева защита, средства связи, навигации и др.), модульность ее состава, обеспечивающую быструю замену вышедших из строя элементов.

Проведение специальной военной операции на Украине продемонстрировало необходимость

получения углубленных знаний об устройстве и технических возможностях беспилотных летательных аппаратов, в том числе использующих технологии искусственного интеллекта [13]. Такие аппараты в настоящее время широко применяются в целях разведки и корректировки огня артиллерии, в то время как, например, в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе использовалось всего 5 беспилотников «Пчела-1Т», которые выполнили лишь 10 полетов (2 тренировочных и 8 боевых). Такая техника тогда уже стояла на вооружении, но была очень ненадежной и малоэффективной. Сегодня ситуация кардинально изменилась.

Другой современной особенностью ведения боевых действий является изменившийся характер общевойскового боя. Он стал более динамичным, маневренным, увеличился пространственный размах, усовершенствовалась техника и вооружение (участвуют танки, боевые машины, артиллерия, минометы, управляемые ракеты, средства противовоздушной обороны, самолеты, вертолеты т.д.). Тактика ведения боя, которую использовала Советская армия, перестала быть актуальной. В настоящее время в условиях городского боя штурмовые группы не действуют без укрытия, они прокладывают себе путь огнем и гранатами, делая проломы в стенах. Обеспечение войск боевой техникой и вооружением определило необходимость взаимодействия между силами и средствами, а также повышения эффективности управления ими. Обоснованно стали более жесткими требования к морально-психологическим и физическим качествам личного состава [14, с. 35].

На основании изложенного можно утверждать: при проведении комплексных тактико-специальных учений, а также при изучении специальных дисциплин в вузе МВД России должны учитываться самые актуальные современные мировые тенденции ведения боя, осваиваться новые тактические элементы, обучающимся необходимо отрабатывать особенности их применения в ситуациях, приближенных к реальным условиям несения службы, формировать навыки взаимодействия полиции с другими силовыми структурами. Такой подход позволяет планомерно адаптировать курсантов (слушателей) к деятельности в подразделениях органов внутренних дел, значительно повысить эффективность их работы и подготовленность к действиям в особых условиях [15, с. 101].

Содержание комплексных тактико-специальных учений должно учитывать наиболее актуальные для того или иного региона виды преступлений. Например, для Калининградской области характерны преступления в сфере незаконной добычи янтаря; для Москвы – преступления на масштабных спортивно-массовых мероприятиях, последствиями которых может быть возникновение беспорядков; для республик Ингушетия и Северная Осетия - Алания – преступления, совершенные из побуждений кровной мести, на почве религиозных конфликтов, для Чеченской Республики – преступления с применением оружия различных видов, взрывных устройств; для Ставропольского края

– противоправные деяния, связанные с хищением скота, автомобилей, людей. На территории проведения специальной военной операции совершаются террористические акты, убийства мирных жителей, изнасилования, захват заложников, пытки. Данные обстоятельства необходимо учитывать при составлении сценариев учений.

Мы пришли к выводу о том, что в образовательном процессе вузов МВД России требуется усиливать тактико-специальную составляющую профессиональной подготовки. И в первую очередь – по наиболее актуальному для каждого конкретного региона направлению противодействия преступной деятельности. При этом обязательно следует акцентировать внимание на специфике действий в особых условиях. Кроме того, должны учитываться географические, природные, климатические факторы и другие аспекты, которые помогают адаптировать сценарии учений под правоохранительные потребности регионов, в которых находятся комплекующие органы, направившие курсантов на обучение в ведомственный вуз, а также само это учебное заведение (это, например, такие особенности, как белые ночи в Санкт-Петербурге, преобладание горной местности на Кавказе, вечный холод в районах Крайнего Севера, окружение Калининградской области территорией других государств и пр.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что комплексные тактические учения играют важную роль в профессиональной подготовке курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России. Они выступают завершающим этапом обучения по специальным дисциплинам и являются основной и наиболее эффективной формой подготовки обучающихся к действиям в особых условиях.

Что касается комплексных тактико-специальных учений, то следует отметить, что они организуются поэтапно, с соблюдением общих требований, предъявляемых к занятиям данного вида, а также с заблаговременным осуществлением необходимой подготовки. Нами выделено три основных направления совершенствования методики проведения таких учений:

- 1) разработка сценария учений должна осуществляться с учетом экономико-географических и иных особенностей регионов, в которых находятся комплекующие органы, направившие курсантов на обучение, а также сами учебные заведения;

- 2) результаты всестороннего анализа действий обучающихся в ходе учений должны отражать степень достижения учебных целей, а также выявленные недостатки, такую информацию в целях обобщения опыта целесообразно публиковать в научных статьях, учебно-методических пособиях, обсуждать на научных мероприятиях и семинарах;

- 3) актуальные тенденции ведения боя, новые тактические элементы, а также использование современной экипировки и вооружения должны незамедлительно находить отражение в образовательном процессе вузов МВД России.

Полученные нами результаты могут быть полезны для дальнейших научных исследований, а также в деятельности образовательных организаций в части совершенствования сценариев комплексных тактико-специальных учений. Такие учения углубля-

ют и закрепляют теоретические и специальные знания обучающихся, они являются сложной, но перспективной формой практического обучения личного состава органов внутренних дел, позволяющей решать множество учебно-воспитательных задач. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ерофеев А.В., Кацик В.О., Покидов А.В. Методические и организационные аспекты использования информационных технологий при проведении тактико-специального учения с курсантами // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. 2020. № 673. С. 255-262.
2. Батхаев В.В., Кушнаренко И.А. Междисциплинарный характер тактико-специальной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 1. С. 32-38.
3. Науменко С.В., Марченко Е.М. Роль комплексного тактико-специального учения в процессе формирования профессиональных компетенций сотрудников ОВД // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2023. С. 203-206.
4. Ковалев С.М. Особенности формирования профессиональных навыков сотрудников полиции // E-Scio. 2023. № 6 (81). С. 263-268.
5. Куценко М.В., Чернов С.А., Косарев А.С., Лебедев П.Н., Пчеляков С.Ф. Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (на примере создания на базе Нижегородской академии МВД России многофункционального полигонного комплекса «Контрольно-пропускной пункт») // Глобальный научный потенциал. 2020. № 12 (117). С. 157-162.
6. Киселев А.М. Специальная тактика как основа тактико-специальной подготовки персонала полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6-1. С. 97-99.
7. Гаврилов Д.А., Вишнякова Г.В. Проблемы тактической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях силовых ведомств России // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. С. 55-60.
8. Шамаев А.М. Комплексные тактические учения как вид учебного занятия в системе высшего и профессионального образования Министерства внутренних дел Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-3. С. 277-280.
9. Шобонов С.А., Шишкина Е.В. Анализ понятия специальная операция, проводимая войсками национальной гвардии при выполнении возложенных на них задач // Практика служебно-боевого применения войск при проведении специальных операций и мероприятий. Сборник научных статей по материалам межвузовской конференции. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 373-378.
10. Суровенко Н.С., Коченогов О.А. Организация и проведение специальной операции в ночное время // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2020. С. 362-365.
11. Петров К.Н. Проблемы совершенствования тактико-специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Московский педагогический журнал. 2022. № 3. С. 143-151.
12. Сысоев А.А., Каримов А.А. Особенности тактической подготовки сотрудников ОВД // Полицейская деятельность. 2020. № 1. С. 36-44.
13. Матюха С.В. Искусственный интеллект в беспилотных летательных авиационных системах // Транспортное дело России. 2022. № 1. С. 8-11.
14. Троценко К.А. Боевые действия в Сирии – развитие способов ведения общевойсковой боя и операции или частный случай? // Военная мысль. 2020. № 12. С. 31-48.
15. Михайлюк В.А., Мирзаян Э.А. К вопросу о практической подготовке сотрудников органов внутренних дел в системе комплексных тактико-специальных учений // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2020. С. 99-103.

REFERENCES

1. Yerofeyev A.V., Katsik V.O., Pokidov A.V. Metodicheskiye i organizatsionnyye aspekty ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy pri provedenii taktiko-spetsial'nogo ucheniya s kursantami // Trudy Voenno-kosmicheskoy akademii imeni A.F. Mozhayskogo. 2020. № 673. S. 255-262.

2. Batkhayev V.V., Kushnarenko I.A. Mezhdistsiplinarnyy kharakter taktiko-spetsial'noy podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2021. № 1. S. 32-38.
3. Naumenko S.V., Marchenko Ye.M. Rol' kompleksnogo taktiko-spetsial'nogo ucheniya v protsesse formirovaniya professional'nykh kompetentsiy sotrudnikov OVD // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy, ognevoy i professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2023. S. 203-206.
4. Kovalev S.M. Osobennosti formirovaniya professional'nykh navykov sotrudnikov politzii // E-Scio. 2023. № 6 (81). S. 263-268.
5. Kutsenko M.V., Chernov S.A., Kosarev A.S., Lebedev P.N., Pchelyakov S.F. Voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (na primere sozdaniya na baze Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii mnogofunktsional'nogo poligonno kompleksa «Kontrol'no-propusknoy punkt») // Global'nyy nauchnyy potentsial. 2020. № 12 (117). S. 157-162.
6. Kiselev A.M. Spetsial'naya taktika kak osnova taktiko-spetsial'noy podgotovki personala politzii // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2021. № 6-1. S. 97-99.
7. Gavrilov D.A., Vishnyakova G.V. Problemy takticheskoy podgotovki kursantov i slushateley v obrazovatel'nykh organizatsiyakh silovykh vedomstv Rossii // Fizicheskaya kul'tura i sport v strukture professional'nogo obrazovaniya: retrospektiva, real'nost' i budushcheye. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2020. S. 55-60.
8. Shamayev A.M. Kompleksnyye takticheskiye ucheniya kak vid uchebnogo zanyatiya v sisteme vysshego i professional'nogo obrazovaniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 70-3. S. 277-280.
9. Shobonov S.A., Shishkina Ye.V. Analiz ponyatiya spetsial'naya operatsiya, provodimaya voyskami natsional'noy gvardii pri vypolnenii vozlozhennykh na nikh zadach // Praktika sluzhebno-boyevogo primeneniya voysk pri provedenii spetsial'nykh operatsiy i meropriyatiy. Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhvuzovskoy konferentsii. Novosibirsk: Novosibirskiy voyennyi institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2021. S. 373-378.
10. Surovenko N.S., Kochenogov O.A. Organizatsiya i provedeniye spetsial'noy operatsii v nochnoye vremya // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy, ognevoy i professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2020. S. 362-365.
11. Petrov K.N. Problemy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Moskovskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2022. № 3. S. 143-151.
12. Sysoyev A.A., Karimov A.A. Osobennosti takticheskoy podgotovki sotrudnikov OVD // Politseyskaya deyatel'nost'. 2020. № 1. S. 36-44.
13. Matyukha S.V. Iskusstvennyy intellekt v bespilotnykh letatel'nykh aviatsionnykh sistemakh // Transportnoye delo Rossii. 2022. № 1. S. 8-11.
14. Trotsenko K.A. Boyevyye deystviya v Sirii – razvitiye sposobov vedeniya obshchevoyskovogo boya i operatsii ili chastnyy sluchay? // Voyennaya mysl'. 2020. № 12. S. 31-48.
15. Mikhaylyuk V.A., Mirzayan E.A. K voprosu o prakticheskoy podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del v sisteme kompleksnykh taktiko-spetsial'nykh ucheniy // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya spetsial'noy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2020. S. 99-103.

© Тарасова В.И., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тарасова В.И. Методика проведения комплексных учений по подготовке к действиям в особых условиях // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 161-167.

Вадим Алексеевич АНИСИМОВ,

ORCID 0000-0001-9111-0675

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

старший преподаватель кафедры физической подготовки

Vadimanisimov1997@yandex.ru

Научная статья

УДК 371.38:351.74

МЕТОД СИТУАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОМПЛЕКСНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРИМЕНЕНИЮ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Профессиональная компетенция, сотрудник полиции, огневая подготовка, физическая подготовка, методика профессиональной подготовки, метод ситуационного моделирования, комплексная подготовка, административное принуждение.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Одним из способов формирования готовности сотрудников полиции к решению оперативно-служебных задач является комплексная (огневая, физическая и тактико-специальная) подготовка. Практика служебной деятельности показывает, что в ситуациях применения мер административного принуждения используется большое количество двигательных умений и навыков, ранее сформированных на занятиях по различным видам профессиональной подготовки. Следовательно, комплексная подготовка позволяет одновременно задействовать средства физической, огневой и тактико-специальной подготовки, а также первой помощи для формирования необходимых сотруднику полиции профессиональных компетенций. Метод ситуационного моделирования предоставляет возможность конструировать модели служебной деятельности. В статье представлены результаты аналитической работы по изучению использования метода ситуационного моделирования с точки зрения исторического развития и практического опыта подготовки полицейских в России и за рубежом. *Методы.* В рамках исследования выполнен анализ нормативно-правовых актов, диссертаций, научных статей, учебно-методических материалов. Для изучения практики использования метода ситуационного моделирования проведен опрос сотрудников территориальных подразделений МВД России. *Результаты.* Аналитическая работа позволила исследовать практику использования метода ситуационного моделирования в профессиональной подготовке сотрудников отечественных органов внутренних дел с XX столетия и по настоящее время. Кроме того, изучено содержание профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов за рубежом. Предполагается, что результаты аналитической работы послужат основой для создания и реализации технологии комплексного обучения сотрудников российской полиции применению мер административного принуждения, основанной на методе ситуационного моделирования.

ВВЕДЕНИЕ

Одними из основных направлений служебной деятельности сотрудников полиции Российской Федерации является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, а также предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Законом установлено, что полиция может участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности¹. Сотрудники полиции могут также привлекаться к несению службы в период

действия особых условий (военного или чрезвычайного положения, контртеррористических операций и иных определенных главой государства операций, выполнения задач в области территориальной обороны, в условиях вооруженного конфликта и других чрезвычайных ситуаций)².

Для решения задач, связанных с применением мер административного принуждения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия), требуется специальная подготовка. Двигательные навыки и умения, сформированные на занятиях по отдельным видам профессиональной

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024).

² Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Vadim A. ANISIMOV,
ORCID 0000-0001-9111-0675
Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnoyarsk, Russia)
Senior Lecturer of the Department of Physical Training
Vadimanisimov1997@yandex.ru

METHOD OF SITUATIONAL MODELING IN THE COMPREHENSIVE TRAINING OF POLICE OFFICERS FOR THE USE OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES

KEYWORDS. Professional competence, police officer, fire training, physical training, professional training methods, situational modeling method, comprehensive training, administrative coercion.

ANNOTATION. Introduction. One of the ways to prepare police officers for operational and service tasks is comprehensive (fire, physical and tactical-special) training. The practice of service activities shows that in situations of applying administrative coercion measures, a large number of motor skills and abilities previously formed in classes on various types of professional training are used. Consequently, comprehensive training allows simultaneously using the means of physical, fire and tactical-special training, as well as first aid to form the professional competencies necessary for a police officer. The method of situational modeling provides an opportunity to construct models of service activities. The article presents the results of analytical work on studying the use of the method of situational modeling from the point of view of historical development and practical experience of police training in Russia and abroad. **Methods.** The study included an analysis of regulatory legal acts, dissertations, scientific articles, educational and methodological materials. To study the practice of using the method of situational modeling, a survey of employees of territorial divisions of the Ministry of the Interior of Russia was conducted. **Results.** The analytical work allowed us to study the practice of using the situational modeling method in the professional training of employees of domestic internal affairs agencies from the 20th century to the present. In addition, the content of professional training of law enforcement officers abroad was studied. It is assumed that the results of the analytical work will serve as a basis for the creation and implementation of a technology for comprehensive training of Russian police officers in the use of administrative coercion measures based on the situational modeling method.

подготовки сотрудников органов внутренних дел, по нашему мнению, должны быть сведены в комплекс действий. Такие действия выполняются в определенном порядке, то есть для них характерна последовательность (алгоритмичность). Они воспроизводят полностью или частично те или иные элементы профессиональной деятельности, что способствует формированию компетенций, необходимых для решения оперативно-служебных и служебно-боевых задач.

Использование метода ситуационного моделирования в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел позволяет реализовывать практическую направленность обучения действиям, связанным с применением физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и оказания первой помощи при ранениях. В целях изучения процесса подготовки кадров для МВД России нами выполнен ретроспективный анализ нормативно-правовых актов, наставлений, инструкций, курсов стрельб и рукопашного боя, научной и иной литературы. Его осуществление позволило рассмотреть этапы становления профессиональной подготовки в части формирования стрелковой и физической готовности сотрудников органов внутренних дел к несению службы. Обзор материалов, раскрывающих особенности использования метода ситуационного моделирования в подготовке полицейских зарубежных стран и в отечественной практике, предоставил возможность выявить особенности профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в части формирования физической, стрелковой и психологической готовности к выполнению функций по обеспечению правопорядка.

МЕТОДЫ

Исследовательская работа выполнялась в Сибирском юридическом институте МВД России в соответствии с планом-графиком научной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России на 2025 год (п. 203). Для изучения практики использования метода ситуационного моделирования в рамках профессиональной служебной и физической подготовки (далее – ПСиФП), а также на других учебных занятиях (повышение квалификации, заочное обучение и т.п.) в ноябре-декабре 2024 года было опрошено 105 сотрудников территориальных органов внутренних дел:

- 85 сотрудников проходили на базе Сибирского юридического института МВД России профессиональную подготовку по основной программе профессионального обучения «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы (выполнению оперативно-служебных задач) в особых условиях»;

- 11 сотрудников обучались по основной программе профессионального обучения «Повышение квалификации сотрудников, включенных в состав внештатных снайперских групп органов внутренних дел Российской Федерации»;

- 9 сотрудников обучались по программе «Повышение квалификации специалистов, осуществляющих профессиональную подготовку личного состава органов, организаций, подразделений МВД России».

Опрошенные сотрудники в разное время обучались по программам профессиональной подготовки впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, закончили

обучение в образовательных организациях МВД России или обучаются в них по заочной форме. Кроме того, сотрудники в рамках повышения квалификации периодически проходят профессиональную подготовку.

В рамках проведения исследования с апреля по ноябрь 2024 года осуществлялись поиск и изучение научных источников по рассматриваемой нами проблематике. Всего было изучено 184 источника, некоторые из них представлены в библиографическом списке, размещенном после текста статьи.

Для обработки результатов анкетного опроса и результатов анализа литературы использован инструментальный математической статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В работах Н.И. Мусиной, Т.Г. Мухиной, Д.Д. Ярковой [1], И.А. Абдулханьянова, Я.М. Хелезовой [2] представлен ретроспективный анализ развития системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Их изучение позволило установить, что история развития системы боевой (огневой и физической) подготовки требует дальнейших научных исследований. Они необходимы, в частности, для лучшего понимания происходящих в обществе процессов, связанных с правоохранительной деятельностью. Исследовательская работа способствует выявлению и отбору, с учетом исторического опыта, наиболее эффективных способов и форм подготовки сотрудников правоохранительных органов. Было выявлено, что метод ситуационного моделирования в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел стал использоваться только с начала 90-х годов XX в. Об этом упоминается в монографии С.В. Кузнецова, А.Н. Волкова, А.Л. Козицына [3, с. 53]. До этого времени в обучении сотрудников преобладали методы обеспечения наглядности и метод упражнения. Анализ источников, посвященных истории профессиональной подготовки сотрудников милиции и полиции в России, позволил установить, что в них не рассматриваются педагогические технологии комплексного обучения сотрудников применению мер административного принуждения, основанного на моделировании ситуаций служебной деятельности.

Н.Ф. Гейжан, В.В. Балахонский, О.Н. Миронкина [4], А.Н. Волков, С.В. Кузнецов [5] указывают на то, что за рубежом акцент в физической и тактической подготовке сотрудников правоохранительных структур к противостоянию с правонарушителем (правонарушителями) делается на применении специальных средств (палок специальных, слезоточивых газов, электрошоковых устройств) и других средств нелетального воздействия. На учебных занятиях с использованием метода ситуационного моделирования с целью профилактики травматизма обязательно наличие защитной экипировки, макетов оружия разных видов (ножей, пистолетов, штурмовых винтовок, палок). В смоделированных ситуациях активного физического сопротивления правонарушителя сотрудников полиции в зарубежных странах учат применять специальные средства (например пер-

цовый баллончик, электрошокер, наручники и т.д.).

Как отмечает С.В. Усков, метод ситуационного моделирования применяется, в той или иной форме, в процессе профессиональной подготовки полицейских всех стран [6]. Наибольшую востребованность этот метод находит в профессиональной подготовке сотрудников полиции Израиля. В литературных источниках, посвященных огневой, физической и тактической подготовке сотрудников зарубежных правоохранительных органов, описывается использование полигонов, интерактивных тренажеров и различных компьютерных программ. Широко применяются интерактивные стрелковые тренажеры и возможности полигонов в полиции США, Израиля, Китая и милиции Беларуси. Огневая подготовка сотрудников правоохранительных структур за рубежом обычно сводится к формированию навыков стрельбы из пистолетов и револьверов в различных ситуациях служебной деятельности. Предпочтение отдается выполнению упражнений стрельб на близких дистанциях (от 3 до 15 метров), чаще всего стрельба ведется с двух рук и в ограниченное время. В ходе огневой подготовки моделируются различные ситуации, возникающие при применении огнестрельного оружия (устранение задержек при стрельбе, стрельба со смены положения, стрельба после смены магазина и т.п.).

Установлено, что в большинстве зарубежных стран сотрудники правоохранительных структур систематически привлекаются к тестированию по огневой и физической подготовке на предмет соответствия статусу сотрудника полиции (милиции).

Изучение систем профессиональной подготовки кадров для правоохранительных структур за рубежом позволило выявить особенности физической, огневой, тактической подготовки, а также способы использования метода ситуационного моделирования.

Для определения средств, порядка реализации различных видов профессиональной подготовки, критериев оценки было изучено 54 литературных источника, в которых представлен метод ситуационного моделирования. Рассмотрены источники, раскрывающие особенности использования данного метода в процессе физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников полиции. 44% изученных работ посвящено моделированию ситуаций служебной деятельности в процессе занятий по служебно-прикладной физической подготовке. Особенности применения метода ситуационного моделирования в огневой подготовке рассматриваются в 20% изученных источников (в большинстве работ описываются особенности огневой подготовки курсантов, обучающихся по программам высшего образования). Практическим решениям ситуационных задач на учебных занятиях по тактико-специальной подготовке и особенностям применения метода ситуационного моделирования в образовательном процессе по дисциплинам «Тактико-специальная подготовка», «Актуальные вопросы деятельности подразделений патрульно-постовой службы по-

лиции», «Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в условиях специальных правовых режимов» посвящено 18% источников. Способы объединения элементов различных видов профессиональной подготовки (физической и огневой) в единые комплексы с использованием метода ситуационного моделирования рассмотрены всего в четырех публикациях (7%). Применение ситуационного метода в психологической подготовке сотрудников органов внутренних дел представлено в 4%, а в ПСиФП – в 7% публикаций.

Анкетный опрос сотрудников территориальных органов внутренних дел позволил установить, что метод ситуационного моделирования в процессе ПСиФП в подразделениях МВД России используется редко. Как отметили 82% респондентов, это связано с недостаточно высоким уровнем профессиональной подготовки руководителей занятий; недостатками материального обеспечения комплексных занятий; нехваткой качественного методического обеспечения проведения занятий; сложностью реализации метода ситуационного моделирования в территориальных органах. Опрошенные указали на то, что в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел в основном применяются методы обеспечения наглядности и метод упражнения. Вместе с тем 96% респондентов отметили, что метод ситуационного моделирования чаще всего используется в образовательных организациях МВД России (в рамках занятий по программам повышения квалификации, профессиональной подготовки, высшего и среднего профессионального образования).

ОБСУЖДЕНИЕ

Следует обратить внимание на то, что в системе МВД России проводятся научно-педагогические исследования, ориентированные на разработку и совершенствование учебно-методических материалов. Научно-педагогический состав ведомственных образовательных организаций изучает потенциал метода ситуационного моделирования, готовит методики его использования в образовательном процессе, проводит их апробацию на учебных занятиях. Об этом в своих научных работах пишут А.Е. Бельский [7], Е.И. Троян, Н.Н. Силкин [8], С.Н. Архипов [9] и другие авторы. В Сибирском юридическом институте МВД России в 2022 году в результате коллективной исследовательской работы под руководством А.И. Кравчука было подготовлено учебно-методическое пособие, представившее, в частности, методику использования метода ситуационного моделирования [10]. Материал пособия частично вошел в приказ МВД России, утвердивший действующий порядок организации подготовки кадров (пп. 164-167)¹.

Метод ситуационного моделирования способствует формированию психологической готовности к решению оперативно-служебных задач. Об этом идет речь в работах Н.Н. Силкина, М.Р. Шайдулина [11], И.В. Герасимова [12], С.А. Горелова, В.В. Ломакина, А.В. Сапова [13], Д.А. Черменева, А.Ю. Бордачева [14].

О необходимости использования в тактико-специальной подготовке сотрудников полиции метода ситуационного моделирования как одного из основных средств формирования профессиональных компетенций пишут, в частности, А.Е. Бельский [7] и А.Ю. Алтунин [15]. Большинство авторов научных работ отмечают, что для полноценной реализации программ тактико-специальной подготовки необходимо наличие соответствующего ее профилю материального обеспечения: полигонов; полос препятствий (с элементами бытовой и уличной обстановки), на которых может отрабатываться преследование правонарушителя; учебного оружия; специальных средств (палок специальных, наручников, учебных струйных газовых баллончиков, макетов электрошокеров); макетов различных образцов огнестрельного и холодного оружия.

Метод ситуационного моделирования и интегративный подход к профессиональной подготовке обучающихся образовательных организаций МВД России нашли отражение в исследованиях В.А. Синянского [16], Н.В. Астафьева [17]. В свою очередь, В.Г. Лупыр отмечает важность междисциплинарных связей при реализации метода ситуационного подхода в рамках преподавания курса огневой подготовки в ведомственных вузах [18].

Считаем, что интеграция разных компонентов подготовки, создание ситуаций, схожих с теми, которые возникают в деятельности сотрудников органов внутренних дел, позволяет формировать профессиональную и психологическую готовность к случаям, когда возникает необходимость в задержании агрессивно настроенных, физически подготовленных, способных оказать активное и вооруженное сопротивление правонарушителей. Для полноценной реализации метода ситуационного моделирования в профессиональной подготовке полицейских требуется создание и проигрывание сценариев (в форме ролевой игры) оперативно-служебных и служебно-боевых ситуаций, которые могут произойти во время несения службы. Предполагаем, что комплексная подготовка с использованием метода ситуационного моделирования может быть эффективно реализована в образовательных организациях МВД России в рамках изучения учебных дисциплин «Учения», «Тактико-специальная подготовка», «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел», «Совершенствование в огневой подготовке», «Комплексная огневая и физическая подготовка». Кроме того, комплексное использование методов средств различных видов профессиональной подготовки с использованием метода ситуационного моделирования целесообразно во время занятий по повышению квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы (выполнению оперативно-служебных задач) в особых условиях, а также на выездных занятиях. Частично это может быть осуществлено и на учебных занятиях по дисциплинам «Физическая подготовка» и «Огневая подготовка».

¹ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированные нами научные и учебно-методические работы современных исследователей позволили установить, что разработка технологии обучения сотрудников полиции при применении мер административного принуждения, основанная на методе ситуационного моделирования, находится на стыке педагогики, психологии, истории, физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Изученные работы, несомненно, служат ориентирами для продолжения научных исследований, направленных на повышение качества профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Исходя из результатов анализа доступных источников, в которых рассматривается профессиональная подготовка сотрудников полиции к применению мер административного принуждения, установлено, что педагогические технологии комплексного обучения, основанные на методе ситуационного моделирования, окончательно еще не сформированы. В большинстве научных работ метод ситуационного моделирования (метод моделирования) рассматривается в формате частных методик. Чаще всего он используется в той или иной мере в рамках огневой, физической, тактической подготовки или для подготовки к обеспечению личной безопасности. Можно констатировать, что разработка технологии комплексного обучения сотрудников полиции применению мер административного принуждения, основанной на

методе ситуационного моделирования, на данный момент не завершена, а следовательно, необходимо проведение дальнейших научно-педагогических исследований данной проблематики. Такая технология должна отвечать требованиям концептуальности, системности, управляемости, эффективности и воспроизводимости. Полагаем, что полностью сформированная педагогическая технология комплексного обучения сотрудников полиции применению мер административного принуждения, основанная на методе ситуационного моделирования, должна включать в себя:

- средства физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников полиции, приемы и действия оказания первой помощи;
- методическое обеспечение процесса профессиональной подготовки с использованием комплексного обучения сотрудников полиции применению мер административного принуждения, основанного на методе ситуационного моделирования (содержание учебных занятий и методические рекомендации по их организации и проведению);
- фонд типовых ситуаций, наиболее часто встречающихся в служебной деятельности, разработанный на основе изучения практики применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия;
- критерии и порядок оценки способностей обучающихся решать служебные ситуации, которые предполагают применение мер административного принуждения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мусина Н.И., Мухина Т.Г., Яркова Д.Д. Историко-педагогический анализ развития системы профессиональной подготовки сотрудников российской полиции (милиции): XVIII-XXI вв. // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 3 (36). С. 15-33.
2. Абдулханьянов И.А., Хелезова Я.М. Эволюция системы огневой подготовки сотрудников советской милиции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 4 (21). С. 76-82.
3. Кузнецов С.В., Волков А.Н., Козицын А.Л. Организация физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: Монография. Н.Новгород: НА МВД России, 2020. 398 с.
4. Гейжан Н.Ф., Балахонский В.В., МIRONкина О.Н. Профессиональный отбор и обучение сотрудников полиции в зарубежных странах // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 501-510.
5. Волков А.Н., Кузнецов С.В. Сравнение российской и зарубежной модели применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные проблемы обучения применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов правопорядка. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: ОА МВД России, 2023. С. 34-38.
6. Усков С.В. Сравнительный анализ профессиональной рукопашной подготовки учебных заведений полиции зарубежных стран и России // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6. № 2. С. 59-73.
7. Бельский А.Е. Особенности моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности в профессиональной подготовке сотрудников полиции // Modern Science. 2019. № 11-1. С. 162-165.
8. Троян Е.И., Силкин Н.Н. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции применению физической силы на основе использования ситуационного метода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 207-214.
9. Троян Е.И., Архипов С.Н. Обучение сотрудников полиции комплексным силовым действиям на основе интеграции огневой и физической подготовки // Образование и право. 2020. № 9. С. 269-273.
10. Кравчук А.И. Особенности применения наручников сотрудниками охранно-конвойной службы полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 198-200.

11. Силкин Н.Н., Шайдулин М.Р. Психологическая подготовленность сотрудников ОВД с учетом конфликтных ситуаций // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация. Материалы Международного научного конгресса. Чебоксары, 2024. С. 298-299.
12. Герасимов И.В. Психолого-педагогические условия формирования профессиональных навыков сотрудников полиции к действиям по применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Наука-2020. 2024. № 1 (68). С. 130-139.
13. Горелов С.А., Ломакин В.В., Сапов А.В. Специальная подготовка сотрудников ОВД в особых условиях как элемент профессиональной подготовки // Перспективы науки. 2024. № 7 (178). С. 74-76.
14. Черменев Д.А., Бордачев А.Ю. Особенности организации проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке с курсантами образовательных организаций МВД России // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 126-130.
15. Алтунин А.Ю. Использование имитационных методов обучения в тактико-специальной подготовке курсантов вузов МВД России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3 (96). С. 137-140.
16. Синянский В.А. Ситуационное моделирование как средство профессионально-ориентированной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России: Монография. М., 2023. 136 с.
17. Астафьев Н.В. Интегративный подход в системе профессионального образования сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2023. С. 17-25.
18. Лупырь В.Г. Междисциплинарная методология ситуационного подхода в огневой подготовке курсантов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 2 (93). С. 210-216.

REFERENCES

1. Musina N.I., Mukhina T.G., Yarkova D.D. Istoriko-pedagogicheskiy analiz razvitiya sistemy professional'noy podgotovki sotrudnikov rossiyskoy politzii (militzii): XVIII-XXI vv. // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. T. 9. № 3 (36). S. 15-33.
2. Abdulkhannyanov I.A., Khelezova Ya.M. Evolyutsiya sistemy ognevoy podgotovki sotrudnikov sovetskoy militzii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii. 2022. № 4 (21). S. 76-82.
3. Kuznetsov S.V., Volkov A.N., Kozitsyn A.L. Organizatsiya fizicheskoy podgotovki v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: Monografiya. N.Novgorod: NA MVD Rossii, 2020. 398 s.
4. Geyzhan N.F., Balakhonskiy V.V., Mironkina O.N. Professional'nyy otbor i obucheniye sotrudnikov politzii v zarubezhnykh stranakh // Pedagogicheskiy zhurnal. 2021. T. 11. № 5-1. S. 501-510.
5. Volkov A.N., Kuznetsov S.V. Sravneniye rossiyskoy i zarubezhnoy modeli primeneniya fizicheskoy sily sotrudnikami organov vnutrennikh del // Aktual'nyye problemy obucheniya primeneniyu fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami organov pravoporyadka. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk: OA MVD Rossii, 2023. S. 34-38.
6. Uskov S.V. Sravnitel'nyy analiz professional'noy rukopashnoy podgotovki uchebnykh zavedeniy politzii zarubezhnykh stran i Rossii // Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2020. T. 6. № 2. S. 59-73.
7. Bel'skiy A.Ye. Osobennosti modelirovaniya situatsiy operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti v professional'noy podgotovke sotrudnikov politzii // Modern Science. 2019. № 11-1. S. 162-165.
8. Troyan Ye.I., Silkin N.N. Obucheniye sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politzii primeneniyu fizicheskoy sily na osnove ispol'zovaniya situatsionnogo metoda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (88). S. 207-214.
9. Troyan Ye.I., Arkhipov S.N. Obucheniye sotrudnikov politzii kompleksnym silovym deystviyam na osnove integratsii ognevoy i fizicheskoy podgotovki // Obrazovaniye i pravo. 2020. № 9. S. 269-273.
10. Kravchuk A.I. Osobennosti primeneniya naruchnikov sotrudnikami okhranno-konvoynoy sluzhby politzii // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. CH. 1. Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2022. S. 198-200.
11. Silkin N.N., Shaydulín M.R. Psikhologicheskaya podgotovlennost' sotrudnikov OVD s uchetoм konfliktnykh situatsiy // Problemy fizkul'turnogo obrazovaniya: soderzhaniye, napravlennost', metodika, organizatsiya. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Cheboksary, 2024. S. 298-299.
12. Gerasimov I.V. Psikhologo-pedagogicheskiye usloviya formirovaniya professional'nykh navykov sotrudnikov politzii k deystviyam po primeneniyu fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Nauka-2020. 2024. № 1 (68). S. 130-139.

13. Gorelov S.A., Lomakin V.V., Sapov A.V. Spetsial'naya podgotovka sotrudnikov OVD v osobykh usloviyakh kak element professional'noy podgotovki // Perspektivy nauki. 2024. № 7 (178). S. 74-76.
14. Chermeney D.A., Bordachev A.YU. Osobennosti organizatsii provedeniya prakticheskikh zanyatiy po taktiko-spetsial'noy podgotovke s kursantami obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Nauchnyy komponent. 2022. № 1 (13). S. 126-130.
15. Altunin A.Yu. Ispol'zovaniye imitatsionnykh metodov obucheniya v taktiko-spetsial'noy podgotovke kursantov vuzov MVD Rossii // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3 (96). S. 137-140.
16. Sinyanskiy V.A. Situatsionnoye modelirovaniye kak sredstvo professional'no-oriyentirovannoy podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii: Monografiya. M., 2023. 136 s.
17. Astaf'yev N.V. Integrativnyy podkhod v sisteme professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov, v pervyye prinyatykh na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2023. S. 17-25.
18. Lupyr' V.G. Mezhdistsiplinarnaya metodologiya situatsionnogo podkhoda v ognevoy podgotovke kursantov MVD Rossii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2023. T. 28. № 2 (93). S. 210-216.

© Анисимов В.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимов В.А. Метод ситуационного моделирования в комплексной подготовке сотрудников полиции к применению мер административного принуждения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 168-174.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Ольга Борисовна БЕССЕРТ,

кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0000-0002-1769-7129

Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации (г. Калининград)

доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных

дисциплин Западного филиала

bessert-ob@ranepa.ru

Научная статья

УДК 378.147:372.881.1

ФОРМИРОВАНИЕ «МЯГКИХ» НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЮРИСТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Профессиональное образование, обучение юристов, иностранный язык, эмоциональный интеллект, эффективная коммуникация, «мягкие» навыки.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье представлены способы интеграции «мягких» навыков в курс обучения профессиональному иностранному языку студентов юридических направлений подготовки. В качестве примеров рассматриваются эмоциональный интеллект, способность к эффективной коммуникации, умение работать в команде и адаптироваться к культурным различиям.

Методы. В исследовании приняли участие 123 студента, обучающиеся по юридическим направлениям подготовки. Для выявления наиболее эффективных методик, способствующих успешному освоению иностранного языка и одновременно развитию «мягких» навыков, использовался метод анализа научных источников. Оказались востребованы эмпирические методы, а именно проведение опросов, интервью и наблюдений среди коллег, преподающих иностранные языки, и студентов юридических направлений подготовки, изучающих иностранный язык. Они были необходимы для сбора данных о восприятии и применении «мягких» навыков в образовательном процессе, а также выявления наиболее успешных практик преподавания. Методы систематизации и интерпретации полученной информации использовались для определения важных для юристов в их профессиональной деятельности компонентов эмоционального интеллекта и коммуникативных способностей. **Результаты.** Работа по формированию и совершенствованию «мягких» навыков при обучении иностранному языку дает возможность интегрировать общекультурные и профессиональные компетенции студентов, заинтересовать и вовлечь в активную работу в группах тех студентов, которые до этого не включались в обсуждения на занятиях по иностранному языку. Формирование у обучающихся «мягких» навыков требует от преподавателя педагогического мастерства и дополнительных временных затрат. Комплексный подход к исследованию способов формирования «мягких» навыков при обучении юристов иностранному языку позволяет разрабатывать и уточнять рекомендации для совершенствования образовательных программ по иностранному языку и повышения их эффективности в контексте профессионального образования юристов.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы нашего исследования обусловлена ростом уровня требований, предъявляемых к профессиональной компетентности специалистов в юридической сфере. При этом для успешной карьеры недостаточно владения только профессиональными знаниями и языковыми навыками. «Мягкие» навыки, такие

как эмоциональный интеллект (далее – ЭИ), способность к эффективной коммуникации, умение работать в команде и адаптироваться к культурным различиям, становятся ключевыми факторами конкурентоспособности. Интеграция «мягких» навыков в процесс обучения юристов иностранному языку представляет собой важное направление в системе профессионального образования при

OLGA B. BESSERT,

Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, ORCID 0000-0002-1769-7129

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences of the Western Branch

bessert-ob@ranepa.ru

FORMATION OF «SOFT» SKILLS IN TEACHING LAWYERS A FOREIGN LANGUAGE

KEYWORDS. Professional education, legal training, foreign language, emotional intelligence, effective communication, «soft» skills.

ANNOTATION. Introduction. The article discusses the techniques of integrating soft skills into a professional foreign language course for law students. Emotional intelligence, the ability to communicate effectively, the ability to work in a team and adapt to cultural differences are considered as an example of a problem solution.

Methods. 123 law students participated in the study. The analysis of scientific sources was used to identify the most effective methods that contribute to the successful acquisition of a foreign language and at the same time the development of soft skills. Empirical methods: conducting surveys, interviews, and observations among colleagues teaching foreign languages and law students studying a foreign language to collect data on the perception and application of soft skills in the learning process, as well as identify the most successful teaching practices. Systematization and interpretation of the information received to determine the components of emotional intelligence and communication abilities that are most important for lawyers in their professional activities.

Results. The work on the formation and improvement of soft skills in teaching a foreign language makes it possible to integrate students' general cultural and professional competencies, to interest and involve those students who had not previously been involved in discussions in foreign language classes in active group work. The work of preparing, conducting and analyzing practical classes requires pedagogical skills and additional time resources from the teacher. An integrated approach to the study of the formation of soft skills in teaching lawyers a foreign language allows us to develop and refine recommendations for improving educational programs in a foreign language and increasing their effectiveness in the context of professional education of lawyers.

подготовке высококвалифицированных специалистов, способных успешно взаимодействовать в межкультурной среде.

Новизна темы заключается в интеграции концепций эмоционального интеллекта и коммуникативных компетенций в процесс профессионального образования, что ранее не привлекало достаточного внимания в юридических образовательных программах в рамках курса изучения профессионального иностранного языка. Традиционные методики обучения иностранному языку преимущественно фокусировались на развитии грамматических и лексических навыков, при этом не учитывалась важность межличностных и культурных аспектов коммуникации. Современные исследователи, например О.М. Исаева и С.Ю. Савинова [1], подчеркивают, что для успешной профессиональной деятельности юристам требуется не только знание иностранного языка, им необходимы способности эффективно взаимодействовать с представителями разных культур, проявлять эмпатию и разрешать конфликты. Для достижения более высоких результатов в юридической деятельности, в особенности в межкультурной юридической практике, при подготовке конкурентоспособных специалистов, которые соответствовали бы современным требованиям рынка труда, целесообразно использование инновационных методов обучения. И в частности – элементов тренинга по развитию коммуникативных умений и ЭИ в рамках образовательных программ при обучении студентов-юристов профессиональному иностранному языку.

Исследователи проявляют заметный интерес к развитию ЭИ. Различные аспекты и проблемы его развития у студентов достаточно широко пред-

ставлены в научных работах: изучены возможности развития ЭИ в целях успешного трудоустройства [2]; описано развитие и влияние ЭИ при профессиональной подготовке студентов-медиков [3, 4]; проанализировано воздействие ЭИ на проектную деятельность инженеров [5]; рассмотрено формирование ЭИ студентов как условие успешной адаптации к обучению [6]; разработаны программы обучения студентов, предусматривающие использование различных форм, методов и средств развития ЭИ [7, 8, 9]. В результате исследований было доказано, что у студентов в процессе обучения в вузе повышается уровень эмоциональной компетентности [7].

Понятие «эмоциональный интеллект» было введено в научный оборот А. Маслоу в 1950-х годах [10]. Тем не менее широкую известность этот термин приобрел только после выхода книги Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» [11]. Его популярность была обусловлена тем, что книга стала бестселлером, а Д. Гоулман опубликовал еще и ряд статей, которые способствовали распространению концепции ЭИ. В конце 1998 года статья Д. Гоулмана под заголовком «Что делает лидера лидером?» [12] привлекла внимание крупной американской холдинговой компании. В статье подчеркивалась значимость ЭИ для успеха руководства и приводились результаты исследования, демонстрирующие, что ЭИ часто отличает выдающихся лидеров от посредственных. Компания профинансировала продолжение исследований. В итоге была выявлена тесная связь между высокой эффективностью лидеров и их эмоциональными компетенциями, что подтвердило теоретические предположения о том, что совокупность социальных, эмоциональных и межличностных компетен-

ций, известная как ЭИ, является ключевым фактором эффективности лидерства.

Целью проведенного нами исследования была разработка эффективных методов и приемов интеграции «мягких» навыков, таких как коммуникативные компетенции и ЭИ, в процесс обучения иностранному языку студентов юридических направлений подготовки для повышения их профессиональной компетентности и конкурентоспособности в межкультурной юридической практике.

МЕТОДЫ

Основными методами исследования стали анализ научных публикаций по теме интеграции «мягких» навыков в образовательные программы, эмпирические исследования по оценке действенности и возможности применения различных методов и подходов. Кроме того, было проведено обобщение собственного опыта педагогической практики и опыта коллег, преподающих в Западном филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Проводя исследование, мы стремились обращать преимущественное внимание на совершенствование коммуникативных навыков и развитие ЭИ, так как считаем, что они играют важную роль в профессиональной деятельности юристов. Анализ научных источников позволил выявить методики, которые наиболее эффективно способствуют успешному освоению иностранного языка и одновременно развитию «мягких» навыков.

Вместе с тем были использованы и эмпирические методы: проведение опросов, интервью и наблюдений среди коллег, преподающих иностранные языки, и студентов юридических факультетов, изучающих иностранный язык. Эти методы предоставили возможность собрать данные о восприятии и применении «мягких» навыков в образовательном процессе, а также выявить наиболее успешные практики преподавания. Систематизация и интерпретация полученной информации помогли определить наиболее важные для юристов в их профессиональной деятельности компоненты ЭИ и коммуникативных способностей. Комплексный подход к исследованию формирования «мягких» навыков при обучении юристов иностранному языку позволил разработать и уточнить рекомендации для совершенствования образовательных программ по иностранному языку и повышения их эффективности в контексте профессионального образования юристов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Обращение к теме формирования «мягких» навыков у специалистов юридической сферы в настоящее время актуально как в России (например, курс «Soft skills for lawyers» сейчас читается в На-

циональном исследовательском университете «Высшая школа экономики»¹), так и за рубежом, где растет число публикаций, посвященных развитию «мягких» навыков именно при обучении современных юристов. В этих публикациях речь идет о принципиальном значении умения принимать этические решения, так как юристы находятся под влиянием профессиональных, или «жестких», навыков, которые делают их более логичными, рациональными и ориентированными на работу в условиях жестких регламентов [13]. Отмечается важность формирования в процессе юридического образования «мягких» навыков, а именно ЭИ, для предотвращения в дальнейшем профессиональной деформации, например низкого уровня эмпатии, рационального поведения, жестокости и отсутствия эмоций [14, 15, 16]. Исследователи говорят об изменении образа юриста, о смещении акцентов от «думающего» в сторону «чувствующего» юриста [17], подчеркивают необходимость изучения роли ЭИ в юридической практике [18].

Решение сосредоточиться на эмоциональном интеллекте обусловлено тем, что он является ключевым фактором в поддержании хорошего психического здоровья, производительности труда и лидерских качеств, а также обеспечивает умения слушать и выступать посредником, то есть важнейшие компетенции работника юридической сферы деятельности. Сейчас много внимания уделяется использованию искусственного интеллекта (далее – ИИ) и его роли в профессиональном совершенствовании специалистов разных отраслей, но для некоторых сфер деятельности, в частности юридической, большую роль играет развитый эмоциональный интеллект [19], который позволяет юристу понять истинные потребности клиента и при этом получить необходимую информацию. Это понимание путей достижения оптимальных результатов посредством разработки эффективной стратегии ведения дела. Юрист с хорошо развитым ЭИ может создать для клиента атмосферу доверия, уважения и безопасности, тактично и беспристрастно передавать ему информацию.

Цифровизация и применение ИИ во всех сферах человеческой деятельности – это скорее возможность (об этом говорят 79% исследователей²), чем угроза (21%), а в цифровом мире вовлеченность (engagement) – это дорогая валюта³. Освоение «мягких» навыков осуществляется на междисциплинарной основе через социально-эмоциональное обучение – процесс, в ходе которого студенты развивают способности понимать и регулировать свои эмоции, ставить позитивные цели и достигать их, проявлять эмпатию к окружающим, формировать и поддерживать положительные взаимоотношения, а также принимать ответственные решения.

¹ Сорокина А. Программа курса «Soft skills for lawyers» // Высшая школа экономики: сайт // URL: <https://pravo.hse.ru/practicelaw/softskills> (дата обращения: 10.02.2025).

² Международный Кантовский конгресс «Мировое понятие философии». Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Калининград, Россия. 22-25 апреля 2024 г. // URL: <https://kant300.kantiana.ru/about/> (дата обращения: 09.02.2025).

³ Madhavan D. Crafting the Online English Class // Global Perspectives on Online English Language Teaching. 3rd Annual EF Teach Online Conference. June 21st, 2024 // URL: <https://www.ef.com/wwen/blog/ef-teach-online/the-3rd-annual-online-english-teacher-conference-2024/> (дата обращения: 09.02.2025).

Наше исследование проходило в группах студентов Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, изучающих английский язык в сфере юриспруденции. Все студенты филиала проходят внутреннее входное тестирование [20], для поступления в вуз на неязыковую специальность (неязыковое направление подготовки) нет необходимости сдавать ЕГЭ по английскому языку или внутренний вступительный экзамен. По результатам тестирования, которое условно делится на две части: онлайн-тест и устное высказывание (самопрезентация), – определяется уровень владения иностранным языком и выстраивается траектория обучения студента.

Входящее тестирование – это «отправная точка» для оценивания дальнейшего прогресса студента в рамках курса обучения иностранному языку (курс длится два семестра, в конце первого сдается зачет, по окончании второго – экзамен). Онлайн-тест состоит из 55 вопросов по практической грамматике, чтению и аудированию, время прохождения теста ограничено, дается только одна попытка. Результаты теста оцениваются по шкале: elementary (элементарный уровень) – pre-intermediate (предсредний) – intermediate (средний) – upper-intermediate (выше среднего). В 2024 г. в целях нашего исследования тестирование прошли 123 студента. Были получены следующие результаты: elementary – 0, pre-intermediate – 56,9%, intermediate – 41,5%, upper-intermediate – 1,6%. Для устного высказывания предлагается сделать самопрезентацию или ответить на вопросы. Причем у студентов есть выбор: выступить с самопрезентацией перед группой или выполнить устное задание посредством аудио-, видеозаписи через **систему дистанционного обучения** (далее – СДО). Вопросы устной части тестирования ориентированы на осознание стратегии обучения, анализ опыта в изучении иностранного языка и будущую профессиональную деятельность:

1. Что Вам нравится/не нравится в учебе?
2. Каковы Ваши амбиции/надежды на будущее?
3. Как долго Вы изучаете английский язык?
4. Почему Вы выбрали эту профессию?
5. Каковы Ваши профессиональные планы?
6. Что такое юриспруденция? Опишите свою будущую профессию (важные задачи; необходимые знания, навыки и умения; трудовая деятельность; условия труда; место работы; профессиональные интересы; стиль работы и т.д.) [20].

Обучение студентов юридического профиля по рассматриваемой дисциплине организовано на практических занятиях в группах. Материалы курса выкладываются преподавателем в СДО. Там размещаются: рабочая программа дисциплины; тематический план; методические указания по изучению дисциплины (описание ее структуры, материалы текущего контроля успеваемости, в том числе задания к контрольным точкам, система оценивания); учебные элементы дисциплины,

включая различные теоретические материалы, задания для самостоятельной работы, самоподготовки и самопроверки; список рекомендуемой литературы и иных источников, предложенных для изучения¹.

На странице курса в СДО студент получает возможность ознакомиться с результатами и получить комментарии к своей работе от преподавателя. Оценки каждого студента не обсуждаются в группе на практических занятиях, преподаватель только знакомит студентов с максимальными и минимальными оценками, полученными в группе, не называя фамилий. Это делается для того, чтобы каждый студент видел свой прогресс относительно сокурсников. Вопросы по своей работе студенты задают преподавателю в ходе индивидуальных бесед. Акцент в рамках курса делается на личных достижениях каждого студента в течение работы по всему курсу, так как иностранный язык – это непрофильная дисциплина, и строгих «входящих» требований для отбора студентов по ней нет. Все абитуриенты освоили школьную программу, но уровень подготовки именно по иностранному языку в школах очень разный [20].

Во время проведения нашего исследования в общей сложности иностранному языку обучались 123 студента юридического направления подготовки. Все обсуждения проходили на английском языке в ходе практических занятий, проводившихся в учебных группах (от 10 до 30 студентов) или в мини-группах (от 3 до 6 студентов). Мы отбирали упражнения, приемы и методы, а также советы и различные способы развития компетенций в области ЭИ, которые мотивируют студентов применять эти методы и самостоятельно размышлять о том, какие из методов наиболее эффективны персонально для них.

Эмоциональный интеллект представляет собой способность распознавать и оценивать эмоции, а также управлять ими. Исследователи считают эту способность врожденной, копируемой из родного языка (родной культуры), при этом исследователи отмечают возможность развития ЭИ у людей [21]. Для профессионалов в области юриспруденции важны не только умения выражать и контролировать свои эмоции, но и способности понимать, интерпретировать и адекватно реагировать на эмоции других людей. По мнению некоторых специалистов, в ряде профессиональных областей высокий уровень ЭИ может быть даже более значимым для достижения успеха, чем высокий коэффициент интеллекта. ЭИ обычно определяют четыре качества личности: самосознание, умение управлять собой, социальная осведомленность и управление взаимоотношениями (таблица 1). В таблице они представлены в парадигме *личная компетентность – социальная компетентность* в зависимости от функции осознанности, которая помогает распознать, признать, осознать и понять, и регуляторной функции, отвечающей за регулирование процессов.

¹ Приказ ФГБОУ ВО РАНХиГС от 28.10.2024 № 02-2098 «Об использовании СДО Академии в образовательном процессе высшего образования» // URL: https://spb.ranepa.ru/sveden/files/rit/Prikaz_Ob_ispolzovanii_SDO_Akademii_v_obr.processe_VO_ot_28.10.2024_No_02-2098.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

Таблица 1.

СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

	Функция осознанности	Регуляторная функция
Личная компетентность	Самосознание Уверенность в себе. Осознание собственного эмоционального состояния. Понимание влияния своего поведения на себя. Осознание влияния других на свое эмоциональное состояние.	Умение управлять собой Контроль разрушительных эмоций и импульсов. Действия в соответствии с личными ценностями. Гибкость в отношении изменений. Достижение поставленных целей и использование возможностей, несмотря на препятствия и неудачи.
Социальная компетентность	Социальная осведомленность Способность улавливать настроение в окружающей среде. Забота о переживаниях других людей. Понимание истинного смысла сказанного другим человеком.	Управление взаимоотношениями Умение эффективно взаимодействовать с другими. Способность к разрешению конфликтов. Ясное выражение идей и информации. Проявление эмпатии и чуткости к чувствам других для успешного управления взаимодействиями.

Личная компетентность

Для обсуждения в группах личной/социальной компетентности и функций ЭИ студентам предлагается ответить на ряд вопросов:

- В какой из областей ЭИ, по Вашему мнению, Вы особенно сильны?
- Как Вы думаете, какие шаги необходимо предпринять, чтобы улучшить свой ЭИ?
- Кто Вас вдохновляет? Почему?
- Как Вы могли бы добиться лучшего баланса в своей жизни?
- Что Вас раздражает/выводит из равновесия?
- Как Вы отдыхаете/развлекаетесь?
- Насколько хорошо у Вас получается просить о помощи?
- Как Вы справлялись с трудными периодами в жизни?
- Чем Вы действительно гордитесь? Почему?
- Расскажите нам о случае, когда Ваше настроение повлияло на Вашу работу/учебу (позитивно или негативно).
- Был ли у Вас когда-нибудь момент, когда Вы чувствовали, что Вам нужно изменить свое поведение на работе/учебе? Как Вам это удалось?
- Были ли у Вас дружеские отношения, которые продолжались на предыдущем месте работы/учебы?

Для продолжения работы студентам предлагается посмотреть видео по теме, например «What is Emotional Intelligence?»¹, или прочитать статью, например «Fatherless Boys»², с дальнейшим обсуждением проблемы и высказыванием своего мнения о ней.

Вопросу важности ЭИ уделяется особое внимание при обсуждении терминологии и расшифровке значения каждого термина. Мы просим

студентов привести примеры, особое внимание уделяется сфере их профессиональных интересов, то есть юридической сфере:

Саморегуляция. Способность контролировать свои негативные или разрушительные эмоции и адаптироваться к изменениям обстоятельств. Люди с развитой саморегуляцией преуспевают в разрешении конфликтов, демонстрируют высокую гибкость при переменах и охотно принимают на себя ответственность.

Мотивация. Способность к внутренней мотивации, направленной на достижение личного удовлетворения, а не внешнего признания или вознаграждения. Индивиды, обладающие этой способностью, обычно более целеустремленны и сосредоточены на достижении своих целей.

Эмпатия. Способность распознавать и понимать эмоции других людей, учитывать их чувства при принятии решений в социальных ситуациях. Способность к эмпатии помогает выстраивать как межличностные отношения, так и профессиональное взаимодействие.

Социальные навыки. Помогают общаться, решать конфликты, строить взаимодействие и налаживать взаимопонимание в коллективе.

Самосознание. Восприятие и понимание себя и своих собственных эмоций, потребностей и целей, их влияния на окружающих.

В практической работе со студентами, изучающими иностранный язык в сфере юриспруденции, используются тесты для измерения (оценки) уровня их ЭИ. Работа с тестами позволяет активизировать лексику по теме, а также служит целям «input» для организации дискуссии, анализа уровня своего ЭИ, обобщения опыта общения и высказывания своего мнения по результатам

¹ What is Emotional Intelligence. The School of Life // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LgUCyWhJf6s> (дата обращения: 14.02.2025).

² Fatherless Boys. Relationships. Parenting. The School of Life // URL: <https://www.theschooloflife.com/article/fatherless-boys/> (дата обращения: 14.02.2025).

Таблица 2.

ПОКАЗАТЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Шаг 1 - Восприятие: Идентифицируйте эмоции, переданные через изображения, картины, произведения искусства и пейзажи.	Шаг 3 - Понимание: Определите эмоции, возникающие из смешения и усиления других эмоций.
Шаг 2 - Применение: Оцените полезность эмоций для выполнения задачи. Сравните свои эмоциональные реакции с теми, которые вызвали Ваши выразительные высказывания.	Шаг 4 - Управление: Оцените, насколько адекватно Ваши действия соответствовали обстоятельствам, влияющим как на Ваши эмоции, так и на эмоции окружающих.

Таблица 3.

ОСНОВНЫЕ НАВЫКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Внимательное слушание	Участие в диалоге с коллегами (внимательно и активно слушать, спрашивать, реагировать на сказанное), внимание на невербальные сигналы. Язык тела, зрительный контакт и реакция (кивки головой и т.д.) на содержание речи говорящего помогают понять собеседника, что способствует установлению доверительных рабочих отношений и достижению успехов в работе.
Эмпатия	Участие в диалоге позволяет выстраивать отношения с коллегами через сопереживание, развивает способность поставить себя на место другого, понять эмоциональный настрой коллеги, его ощущения, точку зрения. Выражение эмпатии практикуется через анализ своих чувств (радость, грусть, боль и т.д.) в подобной ситуации. Эти упражнения способствуют развитию эмоционального понимания в конкретных рабочих ситуациях и совершенствованию эмоциональных навыков в целом.
Рефлексия	Способность к размышлению о своих эмоциях, самоанализу внутренних психических процессов – это важная составляющая эмоционального интеллекта, позволяет анализировать свои эмоции, ценности, поведение и намерения. Рефлексия помогает совершенствоваться и достигать намеченных целей, способствует избавлению от вредных привычек, улучшая в целом качество жизни при размышлениях о прошлом и будущем, при анализе происходящего.

прохождения тестов (например в форме согласия или несогласия с результатами теста). Эта работа всегда интересна студентам и мотивирует их на общение с сокурсниками, на активную мыслительную деятельность при анализе своего ЭИ. Студентам предлагается, например, «Hall Emotional Intelligence Test»¹ (состоит из 30 вопросов, работа занимает всего 5 минут) или тест «How Emotionally Intelligent Are You?» (состоит из 15 вопросов²). До прохождения теста студентам объясняют, что это тестирование проводится исключительно в образовательных целях, что предлагаемый бесплатный тест не может дать точных и достоверных результатов, он нужен для того, чтобы обсудить результаты и поразмышлять на тему развития ЭИ в рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

Для развития и поднятия самооценки студентов в группе, создания позитивной рабочей атмосферы при активизации лексики, характеризующей качества человека, может быть успешно использован прием «напишите напротив фамилии каждого студента то положительное качество, которым он обладает». В результате студенты, во-первых, развивают свою способность «находить хорошее в людях», во-вторых, каждый из них получает «заряд позитива». Для многих это неожиданно, и в дальнейшем такой прием работает на поднятие самооценки каждого и создание дружеской среды в учебном (рабочем) коллективе.

Существуют четыре ступени развития ЭИ: восприятие, применение, понимание и управление (таблица 2). При обсуждении способов улучшения ЭИ на практических занятиях мы рекомендуем

¹ Hall Emotional Intelligence Test // Psychological Testing Online // URL: <https://psytests.org/eq/hallen.html> (дата обращения: 09.06.2024).

² How Emotionally Intelligent Are You? // MindTools // URL: <https://www.mindtools.com/axbwm3m/how-emotionally-intelligent-are-you> (дата обращения: 09.06.2024).

Таблица 4.

НАВЫКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Адаптивность	Умение уверенно реагировать на изменения и работать в динамичной среде. Это важно для поддержания гибкости и эффективности управления.
Личностное развитие	Личностное развитие имеет решающее значение, особенно для руководителей. Расширение знаний позволит лучше поддерживать свою команду. Посещение семинаров, курсов и общение с экспертами отрасли поможет усовершенствовать навыки управления.
Принятие решений	Развитие навыков критического мышления и принятия обоснованных решений на основе данных способствует уменьшению беспорядка и повышению эффективности работы команды.
Самомотивация	Внутренняя мотивация и ответственность за выполнение задач. Это помогает осознавать и расставлять приоритеты в важных делах.
Согласование целей	Определение приоритетности значимых проектов предполагает сосредоточение внимания на тех, которые оказывают наибольшее влияние на жизнь, бизнес и проекты в целом. Это требует понимания более широкого контекста и выявления того, что приносит пользу команде и организации как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, что в конечном итоге улучшает результаты и поднимает моральный дух команды. Ключевые компоненты согласования целей: - постановка целей: выявление текущих проблем, прогнозирование роста, анализ планов использования ресурсов для постановки обоснованных целей; - применение концепции SMART, чтобы обеспечить конкретность, измеримость, достижимость, реалистичность и сроки достижения целей; - информирование о целях: согласование цели команды с целями организации посредством прозрачного общения, помощь членам команды в формировании понимания их вклада в достижение более масштабных целей; - отслеживание целей: отслеживание прогресса для того, чтобы, наблюдая за продвижением команды с течением времени, увязать повседневные задачи с более масштабными целями.
Тайм-менеджмент	Эффективное использование времени, приоритизация задач и самостоятельное управление расписанием. Это способствует мотивации и предотвращает прокрастинацию.
Управление стрессом	Способность справляться со стрессом, избегать выгорания и поддерживать целенаправленный подход к работе. Это позволяет чувствовать удовлетворение от выполнения задач и снижает уровень стресса.

использовать видео в качестве базового материала для последующей дискуссии.

При работе с видео (длительность – три с половиной минуты), которое показывает, как улучшить свой ЭИ¹, студентам доступны разные степени поддержки в зависимости от уровня владения иностранным языком: видео можно посоветовать смотреть в более медленном темпе (выбрать, например, темп воспроизведения 0,75, это не мешает в плане понимания содержания, но облегчает восприятие иноязычной речи), допустимо использовать субтитры на английском

языке, вывести на экран озвучиваемый в видео текст полностью и, наконец, включить субтитры на русском языке. В любом случае рекомендуем смотреть материал два раза и затем уже переходить к работе с текстом видео и дальнейшему обсуждению в группе.

ЭИ включает в себя три основных навыка, которые, в свою очередь, относятся к двум основным компетенциям: личностной и социальной (таблица 3). Для формирования, развития и обсуждения навыков ЭИ мы используем кейсы² и вопросы по самооценке:

¹ Developing Emotional Intelligence // Mind Tools Videos // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n9h8fG1DKhA> (дата обращения: 09.06.2024).

² Gorlova J. Emotional Intelligence Case Studies. Workplace guide on EI // RockLilly. 2023 // URL: <https://rocklilly.co.za/blog/author/joilinegorlova/> (дата обращения: 09.02.2025).

- Что такое ЭИ и как он может быть полезен?
- Приведите пример способа повышения ЭИ.
- Прочитайте ответы коллег и прокомментируйте их.

Развитие навыков самоуправления/самоконтроля

Практические занятия по развитию навыков саморегуляции в рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» предусматривают обсуждение методов самоконтроля, способов его улучшения, а также упражнения, тренинги и игры для его совершенствования. Саморегуляция – это умение эффективно управлять своими эмоциями, мыслями и поведением в разных ситуациях, что важно для выполнения профессиональных обязанностей в юридической сфере деятельности. Ключевые аспекты самоуправления – инициатива, организованность и подотчетность – требуют высокого уровня самосознания. В таблице 4 представлены основные навыки саморегуляции, их описание предлагается для обсуждения на занятиях. Студенты приводят примеры из своей практики, иллюстрирующие наличие или отсутствие навыка.

Анализ примеров самоуправления на рабочем месте (месте учебы) помогает выявить навыки и умения, необходимые для эффективной саморегуляции и повышения самооценки. Разбор и обсуждение примеров дают студентам возможность улучшить свои лидерские качества. Ниже приведены примеры самоуправления на рабочем месте¹, предлагаемые для обсуждения в группе.

Пример 1: Постановка целей и приведение их в соответствие с общей картиной.

Руководитель команды М.В. хочет увеличить число постоянных клиентов на 10% в этом году, чтобы достичь целей роста своей организации. Для начала он составляет бизнес-план и назначает встречу с руководителями отделов операций и разработки продуктов. Во время встречи М.В. знакомит руководителей отделов со своим планом по ребрендингу существующей линейки продуктов, которая в прошлом не приносила успеха. Руководители соглашаются с планом, М.В. приступает к разработке подробной структуры распределения работ.

Пример 2: Управление стрессом и распределение времени.

Р.Б. начинает свой день с составления ежедневного списка дел. Он замечает, что у него есть несколько задач, которые необходимо выполнить, и одна просроченная задача, которую он не успел выполнить вчера. Он также получает приглашение на встречу по новому проекту, который отмечен как наиболее приоритетный. Вместо того чтобы чувствовать перегрузку и разочарование из-за предстоящих дел, Р.Б. отправляется на работу, чтобы перестроить свое расписание. К сожалению, Р.Б. понимает, что не сможет всё успеть за день. Чтобы выполнить свою работу наилучшим образом, он уделяет особое внимание совещанию по

новому проекту, поскольку оно имеет первостепенное значение. Затем он посвящает оставшуюся часть дня решению своих приоритетных задач, при этом обеспечивая высокое качество выполнения работы. Вместо того чтобы работать всю ночь напролет, что, как знает Р.Б., утомит его и отнимет время у семьи, он решает отложить выполнение наименее важных задач на следующий день.

В обеих ситуациях руководитель принимает рациональные решения исходя из того, что является лучшим вариантом для него самого, его семьи и коллег.

Отличной основой для развития способностей к саморегуляции (благодаря увлекательности и своему интерактивному характеру) являются игры². Студенты проявляют большую склонность к обучению и мотивацию к практике, когда занятие соответствует их интересам. Важно применять продуманный подход к включению в игровую деятельность отработки тех или иных навыков. Кроме того, до начала игры важно разъяснить студентам значение самоконтроля, чтобы они понимали основные цели упражнения.

Для обсуждения значимости самоуправления нами используются вопросы открытого и закрытого типов:

1. What is self-management?
 - the ability to regulate one's emotions, thoughts, and behaviours effectively in different situations
 - the ability to regulate others' emotions, thoughts, and behaviours effectively in different situations x
 - the act of pleasing others x
2. Why is self-management important? (open question)
3. What of the following practices are examples of self-management:
 - Adaptability
 - Stress management
 - Decision making
 - Overreacting x
 - Self-motivation
4. What activities typically help in managing stress?
 - Mindfulness meditation
 - Reflective writing
 - Practicing or watching sports
 - Gambling x
5. Social and Emotional Learning enhances our ability to manage our feelings, thoughts, and behaviors in a variety of contexts because it:
 - Promotes a growth mindset
 - Facilitates goal setting
 - Helps us to manage others' emotions
 - Helps to protect and preserve the environment

Таким образом, студенты убеждаются, что самоуправление включает в себя регулирование поведения, мыслей и эмоций и оно необходимо для повышения личной и профессиональной эффективности. В рамках практических занятий обсуждаются семь ключевых для развития самоуправления навыков, наличие которых требуется для

¹ What is Self-Management? 7 Skills to Improve It // URL: <https://asana.com/nl/resources/self-management> (дата обращения: 09.02.2025).

² 12 Games to Practice Self-Control // The Pathway 2 Success. 2024. // URL: <https://www.thepathway2success.com/12-games-to-practice-self-control/> (дата обращения: 09.02.2025).

эффективного лидерства. Развитие этих навыков представляет собой процесс, предусматривающий изучение ЭИ, самоконтроля и стиля руководства. Хотя это и сложно, но самоуправлению можно научиться, причем это весьма полезно в целях обеспечения эффективности профессиональной деятельности. По мере совершенствования студентами перечисленных навыков естественным образом улучшаются их лидерские способности.

Результаты опросов, проведенных среди студентов и преподавателей в ходе обучения и после его завершения, подтверждают нашу гипотезу о позитивном влиянии работы по развитию и совершенствованию ЭИ студентов. Все опрошенные студенты отметили комфортность обучения в группе, легкий период адаптации к новой среде (для них и среда обучения, и коллектив оказались новыми), быстрое формирование дружеских связей внутри группы, в целом более позитивный настрой на обучение (изначально многие опасались не справиться с обучением в условиях вуза), новое понимание себя и изменение отношения к себе. Большинство опрошенных студентов – 83% – отметили изменение отношения к изучению иностранного языка в сравнении со школьным опытом: учиться стало труднее, но интереснее; задания нестандартные и нескучные; общение более свободное; появилась вера в свои способности и силы; появилось желание повысить свой уровень владения иностранным языком. Для преподавателей интеграция элементов работы по развитию ЭИ оказалась увлекательным и полезным занятием в контексте совершенствования профессиональной деятельности. При улучшении микроклимата в группах результаты обучения иностранному языку тоже улучшились. Однако было отмечено, что такая дополнительная работа требует времени для осмысления, отбора материалов и анализа результатов.

Мы планируем в дальнейшем продолжать свои исследования, в том числе для оценки результатов

контрольной группы студентов, а также разработать рекомендации по внедрению заданий, ориентированных на развитие ЭИ, в программу дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растущие требования к профессиональной компетентности в юридической сфере акцентируют внимание на важности развития таких «мягких» навыков, как эмоциональный интеллект, эффективная коммуникация, командная работа и культурная адаптация, наряду с традиционными профессиональными и языковыми навыками. Интеграция «мягких» навыков в обучение иностранным языкам студентов юридических направлений подготовки позволит выпускникам в будущем преуспеть в межкультурной среде. В данном случае акцент делается на развитии личности специалиста в сфере юриспруденции, включая ЭИ и коммуникативные компетенции, которые имеют решающее значение для эмпатии и разрешения конфликтов в разных культурах. Результаты исследований подтверждают важную роль ЭИ в повышении эмоциональной компетентности студентов и успешности руководства, а также указывают на связь сильных эмоциональных компетенций с эффективностью руководителя.

Дальнейшая разработка и внедрение эффективных методов интеграции «мягких» навыков, в частности коммуникативных компетенций и ЭИ, в учебные программы по юридическому иностранному языку способствуют повышению профессиональной компетентности и конкурентоспособности специалистов в сфере юриспруденции. Планируется разработка и апробация новых методик, содержащих элементы тренинга по развитию ЭИ и коммуникативных умений, а также рекомендаций по совершенствованию учебных программ по иностранным языкам для студентов юридических направлений подготовки, включая обучение «мягким» навыкам. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исаева О.М., Савинова С.Ю. Развитие эмоционального интеллекта: обзор исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 105-116.
2. Bonesso S., Gerli F., Cortellazzo L. Emotional and Social Intelligence Competencies Awareness and Development for Students' Employability // New Directions for Teaching and Learning. 2019. Vol. 2019. № 160. P. 77-89.
3. Carmichael M.A., Bridge P., Harriman A. Emotional Intelligence Development in Radiation Therapy Students: A Longitudinal Study // Journal of Radiotherapy in Practice. 2016. Vol. 15. № 1. P. 45-53.
4. Sellakumar G.K. Efficacy of Behavioral Interventions in the Development of Emotional Intelligence among Paramedical Students // Journal of Psychological and Educational Research. 2017. Vol. 25. № 1. P. 49-64.
5. Deveci T., Nunn R. Development in Freshman Engineering Students' Emotional Intelligence in Project-Based Courses // Asian ESP Journal. 2016. Vol. 12. № 2. P. 54-92.
6. Muhina T., Aboimova I., Kulagina A., Trophimov V., Chigarov E. Development of Emotional Intelligence of Students as a Condition of Successful Adaptation to Training // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Vol. 11. № 10. P. 3463-3467.
7. Белобородов А.М., Сыманюк Э.Э. Устойчивость развития эмоционального интеллекта будущих специалистов // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 4. С. 109-127.
8. Clarke J., Lovelock R., McNay M. Liberal Arts and the Development of Emotional Intelligence in Social Work Educational // British Journal of Social Work. 2016. Vol. 43. № 3. P. 635-651.
9. Luy-Montejo C. Problem Based Learning (PBL) In the Development of Emotional Intelligence of University Students // Propositos y Representaciones. 2019. Vol. 7. № 2. P. 353-383.

10. Maslow A.H. Motivation Personality. Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers 1954. // URL: https://www.maximusveritas.com/wp-content/uploads/2016/03/Motivation_and_Personality_Maslow.pdf.
11. Goleman D. Emotional Intelligence. New York, 2006 // URL: <https://asantelim.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/05/daniel-goleman-emotional-intelligence.pdf>.
12. Goleman D. What Makes a Leader? On Emotional Intelligence // URL: <https://nlb.overdrive.com/media/2527741>.
13. Kiser R. Soft Skills for the Effective Lawyer. Cambridge, 2017. 326 p.
14. Jones E. Transforming Legal Education through Emotions // Legal Studies. 2018. Vol. 38. № 3. P. 450-479.
15. Jones E. Making Practice More Affective: Emotional Intelligence as a Legal Meta-Competency // European Journal of Current Legal Issues. 2018. Vol. 24. № 1 // URL: <http://webjcli.org/article/view/565>.
16. Jones E. One Size Fits All? Multiple Intelligences and Legal Education // Law Teacher. 2017. Vol. 51. Iss. 1. Pp. 56-68.
17. Tsaoussi A.I. Using Soft Skills Courses to Inspire Law Teachers: A New Methodology for a More Humanistic Legal Education // The Law Teacher. 2020. Vol. 54. Iss. 1. Pp. 1-30.
18. Grossi R. Understanding Law and Emotion // Emotion Review. 2015. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 55-60.
19. Мартыненко И.А., Карандашева Н.Н. Влияние уровня эмоционального интеллекта на образовательную и профессиональную деятельность юриста в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 2. С. 123-133.
20. Бессерт О.Б. Технология обучения студентов неязыкового вуза профессиональной лексике на английском языке // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2024. № 3 (69). С. 132-140.
21. Koval E., Sychev A., Zhadunova N., Fomina L. «To Follow the Law and Conscience»: Hard Skills and Soft Skills in the Legal Education // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 2. С. 276-295.

REFERENCES

1. Isayeva O.M., Savinova S.YU. Razvitiye emotsional'nogo intellekta: obzor issledovaniy // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. Т. 10. № 1. С. 105-116.
2. Bonesso S., Gerli F., Cortellazzo L. Emotional and Social Intelligence Competencies Awareness and Development for Students' Employability // New Directions for Teaching and Learning. 2019. Vol. 2019. № 160. P. 77-89.
3. Carmichael M.A., Bridge P., Harriman A. Emotional Intelligence Development in Radiation Therapy Students: A Longitudinal Study // Journal of Radiotherapy in Practice. 2016. Vol. 15. № 1. P. 45-53.
4. Sellakumar G.K. Efficacy of Behavioral Interventions in the Development of Emotional Intelligence among Paramedical Students // Journal of Psychological and Educational Research. 2017. Vol. 25. № 1. P. 49-64.
5. Deveci T., Nunn R. Development in Freshman Engineering Students' Emotional Intelligence in Project-Based Courses // Asian ESP Journal. 2016. Vol. 12. № 2. P. 54-92.
6. Muhina T., Aboimova I., Kulagina A., Trophimov V., Chigarov E. Development of Emotional Intelligence of Students as a Condition of Successful Adaptation to Training // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Vol. 11. № 10. P. 3463-3467.
7. Beloborodov A.M., Symanyuk E.E. Ustoychivost' razvitiya emotsional'nogo intellekta budushchikh spetsialistov // Obrazovaniye i nauka. 2018. Т. 20. № 4. С. 109-127.
8. Clarke J., Lovelock R., McNay M. Liberal Arts and the Development of Emotional Intelligence in Social Work Educational // British Journal of Social Work. 2016. Vol. 43. № 3. P. 635-651.
9. Luy-Montejo C. Problem Based Learning (PBL) In the Development of Emotional Intelligence of University Students // Propositos y Representaciones. 2019. Vol. 7. № 2. P. 353-383.
10. Maslow A.H. Motivation Personality. Reprinted from the English Edition by Harper & Row, Publishers 1954. // URL: https://www.maximusveritas.com/wp-content/uploads/2016/03/Motivation_and_Personality_Maslow.pdf.
11. Goleman D. Emotional Intelligence. New York, 2006 // URL: <https://asantelim.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/05/daniel-goleman-emotional-intelligence.pdf>.
12. Goleman D. What Makes a Leader? On Emotional Intelligence // URL: <https://nlb.overdrive.com/media/2527741>.
13. Kiser R. Soft Skills for the Effective Lawyer. Cambridge, 2017. 326 p.
14. Jones E. Transforming Legal Education through Emotions // Legal Studies. 2018. Vol. 38. № 3. P. 450-479.
15. Jones E. Making Practice More Affective: Emotional Intelligence as a Legal Meta-Competency // European Journal of Current Legal Issues. 2018. Vol. 24. № 1 // URL: <http://webjcli.org/article/view/565>.
16. Jones E. One Size Fits All? Multiple Intelligences and Legal Education // Law Teacher. 2017. Vol. 51. Iss. 1. Pp. 56-68.

17. Tsaoussi A.I. Using Soft Skills Courses to Inspire Law Teachers: A New Methodology for a More Humanistic Legal Education // The Law Teacher. 2020. Vol. 54. Iss. 1. Pp. 1-30.
18. Grossi R. Understanding Law and Emotion // Emotion Review. 2015. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 55-60.
19. Martynenko I.A., Karandasheva N.N. Vliyaniye urovnya emotsional'nogo intellekta na obrazovatel'nyy i professional'nyy deyatelnost' yurista v sovremennykh usloviyakh // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2021. T. 11. № 2. S. 123-133.
20. Bessert O.B. Tekhnologiya obucheniya studentov neyazykovogo vuza professional'noy leksike na angliyskom yazyke // Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskiye nauki. 2024. № 3 (69). S. 132-140.
21. Koval E., Sychev A., Zhadunova N., Fomina L. «To Follow the Law and Conscience»: Hard Skills and Soft Skills in the Legal Education // Integratsiya obrazovaniya. 2020. T. 24. № 2. S. 276-295.

© Бессерт О.Б., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бессерт О.Б. Формирование «мягких» навыков при обучении юристов иностранному языку // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 175-185.

Вячеслав Александрович ДОЛИН,

кандидат философских наук, доцент, ORCID 0000-0001-7106-0623

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород)

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

v.a.dolin@mail.ru

Научная статья

УДК (378.147:16)+159.955

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ПО ЛОГИКЕ В ВУЗЕ МВД РОССИИ: ПОЭТАПНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Методика преподавания, П.Я. Гальперин, умственные действия, формирование умственных действий, простой категорический силлогизм, образовательная технология.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье особенности методики обучения решению логических задач в вузе МВД России рассматриваются с позиций технологии поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Актуальность проведенного автором исследования определяется значением логического мышления для общей культуры и профессиональных навыков сотрудника органов внутренних дел. *Методы.* Методологическую основу исследования составили: определения понятий и педагогически значимые положения общепсихологической концепции П.Я. Гальперина; структурно-функциональный анализ; общелогические методы исследования. *Результаты.* Статья структурно состоит из трех содержательных частей. В первой автор представляет адаптацию концептуальных положений технологии поэтапного формирования умственных действий к проблеме методики обучения решению логических задач. На основе триады «структура – динамика – результат» предложены тезисы, раскрывающие ключевое содержание концепции П.Я. Гальперина. Во второй часть статьи описывается типовой вариант применения технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач, определены особенности реализации каждого этапа. В третьей части раскрывается специфика реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач на построение и проверку правильности простого категорического силлогизма. Описаны авторские методические приемы, рекомендуемые для решения задач данного типа: «ТРИС-анализ» посылок, прием «решение в три строчки». На основании результатов исследования делается вывод о недооценке образовательного потенциала технологии поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина при преподавании дисциплины «Логика» в вузе МВД России.

ВВЕДЕНИЕ

Уровень образованности кадрового состава органов внутренних дел определяет результативность деятельности и МВД России в целом, и его структурных подразделений. Важным параметром образованности сотрудника органов внутренних дел является развитость логического мышления, которое не только вносит весомый вклад в общую культуру личности, но и выступает элементом профессионализма (многие правонарушения раскрываются аналитическим путем). В данном контексте возрастает актуальность проблемы поиска и адаптации эффективных образовательных технологий к задачам МВД России, в том числе и в аспекте развития логического мышления.

Одной из потенциально эффективных образовательных технологий представляется технология поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [1, 2], которая реализуется в си-

стеме высшего образования [3, 4], включая вузы силовых ведомств [5, 6, 7], и вызывает интерес как у отечественных [8, 9, 10, 11, 12], так и у зарубежных исследователей [13, 14]. Однако в научной литературе недостаточно разработана проблема реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении учебных задач по дисциплине «Логика», в том числе в вузах МВД России.

Объектом исследования, результаты которого излагаются в статье, стала методика обучения решению логических задач в вузе МВД России, предметом – особенности методики обучения решению логических задач в вузе МВД России с позиций технологии поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Для раскрытия предмета необходимо было решение трех исследовательских задач:

1) адаптация концептуальных положений педагогической технологии поэтапного форми-

Vyacheslav A. DOLIN,
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, ORCID 0000-0001-7106-0623
Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Belgorod, Russia)
Associate Professor at Department of Humanitarian and Socio-Economic Sciences
v.a.dolin@mail.ru

SOLVING TASKS ON LOGIC AT THE HIGH SCHOOL OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA: STEP-BY-STEP FORMATION OF MENTAL ACTIONS

KEYWORDS. Teaching methods, P.Ya. Galperin, mental actions, formation of mental actions, simple categorical syllogism, educational technology.

ANNOTATION. Introduction. The article examines the specific features of the methodology for teaching solving logical problems at the University of the Ministry of the Interior of Russia from the standpoint of P.Ya. Galperin's technology of stage-by-stage formation of mental actions. The relevance of the study conducted by the author is determined by the importance of logical thinking for the general culture and professional skills of an employee of the internal affairs bodies. **Methods.** The methodological basis of the study consists of: definitions of concepts and pedagogically significant provisions of P.Ya. Galperin's general psychological concept; structural and functional analysis; general logical research methods. **Results.** The article structurally consists of three substantive parts. In the first, the author presents the adaptation of the conceptual provisions of the technology of stage-by-stage formation of mental actions to the problem of the methodology for teaching solving logical problems. Based on the triad «structure – dynamics – result», theses are proposed that reveal the main content of P.Ya. Galperin's concept. The second part of the article describes a typical version of the application of the technology of stage-by-stage formation of mental actions in solving logical problems, and defines the features of implementing each stage. The third part reveals the specifics of implementing the technology of step-by-step formation of mental actions when solving logical problems on constructing and checking the correctness of a simple categorical syllogism. The author's methodological techniques recommended for solving problems of this type are described: «TRIS analysis» of premises, the «solution in three lines» technique. Based on the results of the study, a conclusion is made about the underestimation of the educational potential of the technology of step-by-step formation of mental actions by P.Ya. Galperin when teaching the discipline «Logic» at the University of the Ministry of the Interior of Russia.

рования умственных действий П.Я. Гальперина к методике обучения решению логических задач;

2) описание типового варианта реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач;

3) описание специфики реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач на построение и проверку правильности простого категорического силлогизма.

МЕТОДЫ

Методологической основой исследования являлась общепсихологическая концепция поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Данная концепция имеет и педагогическое измерение, поскольку «позволяет не только объяснить разные «явления мысли», но и строить ее в желаемом качестве» [1, с. 298]. Структурно-функциональный анализ позволил выделить основные концептуальные положения педагогической технологии П.Я. Гальперина, которые, в свою очередь, обосновывают классическую шести-этапную структуру формирования умственных действий [15, с. 98]. Кроме того, были использованы общелогические методы (анализ и синтез). Понятие «умственное действие» (по П.Я. Гальперину) рассматривается как «умение мысленно выполнить с объектом известные преобразования» [2, с. 113].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начнем с адаптации концептуальных положений педагогической технологии поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина

к методике обучения решению логических задач (первая исследовательская задача). Анализируемая нами технология П.Я. Гальперина представляет собой перенос элементов содержания одноименной общепсихологической концепции в ее широком понимании [16, с. 10; 17] в сферу педагогики. Содержательно технологию П.Я. Гальперина можно выразить в трех тезисах, которые раскрывают принципиальные аспекты теоретического понимания умственного действия.

Первый тезис – о структуре умственного действия. Оно подразделяется на две части:

- ориентировочная часть – «аппарат управления действием как процессом во внешней среде» [1, с. 285];

- исполнительная часть как «реальное целенаправленное преобразование исходного материала или положения в заданный продукт или состояние» [1, с. 285].

Второй тезис – про динамику умственного действия. Ориентировочная часть действия совершается во внутреннем (внутрипсихологическом) плане и включает в себя пять этапов [1, с. 298]:

- ориентировочная основа;
- материальная (материализованная) форма;
- громкая речь без предметов;
- «внешняя речь про себя»;
- собственно «внутренняя речь».

Приведенная последовательность определяет освоение действия: оно присваивается личностью, становится ее внутренним состоянием с желаемыми свойствами.

**ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ (ПО П.Я. ГАЛЬПЕРИНУ), ИХ СОДЕРЖАНИЕ***

Название этапа формирования умственных действий	Результат этапа формирования умственных действий
1) формирование мотивационной основы действия	<i>формирование личностного отношения к освоению действия</i>
2) формирование ориентировочной основы (схемы) действия	<i>ознакомление на практике с составом действия и требованиями к нему</i>
3) этап материальных / материализованных действий	<i>практическое освоение действия с опорой на предметы / предметы-заместители</i>
4) этап внешнеречевых действий	<i>действие полностью переносится во внешнюю речь: речевое выполнение действия (устно / письменно)</i>
5) этап внутреннеречевых действий	<i>действие полностью переносится во внутреннюю речь («про себя»): внешняя речь не требуется</i>
6) этап умственных действий	<i>действие полностью переносится во внутренний план: не требуется внутренняя речь «про себя»; действие сокращается, автоматизируется и уходит из сферы сознания</i>

* Таблица составлена по: Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды / под ред. А.И. Подольского. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. С. 390-391.

Ориентировочная основа состоит из:
- содержания действия (предмет, цели, средства и операции);
- «системы опорных точек для его выполнения» [2, с. 113].

Третий тезис – об интегральных характеристиках умственного действия. Они описываются как два параметра действия [1, с. 298-300]:

- разумность как «ориентация на существенные свойства и отношения задачи» [1, с. 298] (знание предметной области и способность к развертыванию действия при замедленном выполнении, которое «затем кратко и «рельефно» изображается на «учебной карте»» [1, с. 298]);

- обобщенность (слабая зависимость от изменения условий логической задачи, то есть «гибкость»).

В целом триада «структура – динамика – результат» обеспечивает необходимое в рамках объема статьи сочетание краткости и содержательности описания умственного действия. Кроме того, представленные тезисы теоретически обосновывают классическую шестиступенчатую структуру формирования умственных действий:

1) формирование мотивационной основы действия;

2) формирование ориентировочной основы (схемы) действия;

3) формирование действий в материальной / материализованной форме;

4) отражение содержания ориентировочной основы во внешнеречевых действиях;

5) формирование внутреннеречевых действий;

6) формирование умственных действий [15, с. 98].

Каждый из этапов обеспечивает конкретный результат (таблица 1). Продвижение от этапа к этапу представляет собой прогрессирующую интериоризацию (перевод во внутренний план), пока действие не становится не до конца осознаваемым навыком.

Перейдем к описанию типового варианта реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач (вторая исследовательская задача).

Каждый из шести этапов реализации технологии П.Я. Гальперина имеет особенности при организации решения логических задач (таблица 2). Аксиоматический тезис «подготовка к практическому занятию начинается на лекции» при преподавании логики имеет особое значение: понятность изложения лекционного материала и продуктивность его первичного усвоения обучающимися в значительной мере определяют результат будущего практического занятия. Один из приемов, применяемых нами при чтении лекции, – обучающиеся производят запись в своих конспектах после объяснения и первичного понимания. Это помогает повысить уровень внимания к содержанию лекции, а часть обучающихся уже на лекции достигает понимания учебного материала.

На основе анализа опыта преподавания дисциплины «Логика» в Белгородском юридическом институте МВД России имени И.Д. Путилина нами выведена следующая последовательность действий при решении логических задач:

Таблица 2

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ
УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ П.Я. ГАЛЬПЕРИНА ПРИ ОСВОЕНИИ
ЗАДАЧИ НА ПОСТРОЕНИЕ И ПРОВЕРКУ ПРАВИЛЬНОСТИ
ПРОСТОГО КАТЕГОРИЧЕСКОГО СИЛЛОГИЗМА**

Содержание этапа формирования умственных действий	Особенности реализации этапа при организации решения задач
1 этап – формирование мотивационной основы действия	
формирование личностного отношения к освоению действия	осуществляется при чтении лекции и в рамках вступительной части (организационного момента)
2 этап – формирование ориентировочной основы (схемы) действия	
ознакомление на практике с составом действия и требованиями к нему	предварительное краткое объяснение преподавателя; обучающиеся отслеживают ход объяснения по схеме
3 этап – материальные / материализованные действия	
практическое освоение действия с опорой на предметы / предметы-заместители	<i>фронтальное</i> решение задач для освоения (максимальное участие преподавателя; полная запись)
4 этап – внешнеречевые действия	
действие полностью переносится во внешнюю речь: речевое выполнение действия (устно / письменно)	решение <i>по подгруппам</i> [основной / продвинутой (максимальное / минимальное участие преподавателя; частичное сокращение записи)] <i>задач для закрепления</i> (с проверкой / самопроверкой)
5 этап – внутреннеречевые действия	
действие полностью переносится во внутреннюю речь («про себя»): внешняя речь не требуется	<i>самостоятельное</i> решение задач для самопроверки (минимальное участие преподавателя и максимальное сокращение записи) с возможностью перехода к 6 этапу
6 этап – умственные действия	
завершается переход действия во внутренний план (для выполнения уже не требуется речевая основа); действие сокращается, автоматизируется и уходит из сферы сознания	темп перехода к 6 этапу носит индивидуальный характер (определяется балансом мотивации, подготовленности и частичных биогенных ограничений обучающегося)

- первый шаг – предварительное объяснение алгоритма решения преподавателем (с записью на доске или путем демонстрации презентации, подготовленной в программе «PowerPoint») – соответствует 2 этапу технологии П.Я. Гальперина (ознакомление);

- второй шаг – фронтальное решение задач для освоения (1-2 задачи) с максимальным участием преподавателя – соответствует 3 этапу технологии П.Я. Гальперина (материальные / материализованные действия);

- третий шаг – решение по подгруппам задач для закрепления (1-2 задачи) с дифференцированным участием преподавателя в зависимости от

подготовленности подгруппы – соответствует 4 этапу технологии П.Я. Гальперина (внешнеречевые действия);

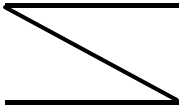
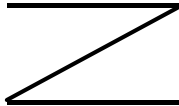
- четвертый шаг – самостоятельное решение обучающимися задач для самопроверки в экспресс-формате, как правило, с выставлением оценок (количество задач определяется по ситуации) – соответствует 5 этапу технологии П.Я. Гальперина (внутреннеречевые действия).

Ключевым моментом дидактической схемы является прогрессирующее (начиная со второго шага) сокращение объема фиксации хода решения:

- первый шаг – предполагается краткая запись преподавателем хода решения на доске; в случае

Таблица 3

ПОСТРОЕНИЕ И ПРОВЕРКА ПРАВИЛЬНОСТИ ПРОСТОГО КАТЕГОРИЧЕСКОГО СИЛЛОГИЗМА (ПКС)

1. Анализ		
ТРИС-анализ	действия	проверка выполнения общих правил ПКС
	а) термины: S, P, M	правила №№ 1-2
	б) распределенность терминов, составление заключения	правила №№ 3-4 правила №№ 5-8
	в) идентичность терминов: (S = S, P = P, M = M)	правило № 2: возможна ошибка «учетверение термина» (если M ≠ M)
	г) схема [текстом с заключением и распределенностью терминов] ¹	правила №№ 1-8 (повторно)
ВАЖНО!	Если на этапе 1а) выявлены термины не-S / не-P / не-M, то на этапе 1в) (в зависимости от их положения) – противопоставление S / P	
2. Фигура и модус		
M P P M M P P M S M S M M S M S S – P S – P S – P S – P I фигура II фигура III фигура IV фигура		
Фигуры	Правильные (сильные) модусы	Неправильные (слабые) модусы
I	AAA, EAE, AII, EIO	AAI, EAO
II	AEE, AOO, EAE, EIO	EAO, AEO
III	AAI, EAO, IAI, OAO, AII, EIO	
IV	AAI, AEE, IAI, EAO, EIO	AEO
ВАЖНО!	Если при выполнении общих правил ПКС модус не является правильным, следует проверить выполнение специальных правил ПКС для фигур	
3. Проверка		
Модус ____ – правильный для __ фигуры		
→ умозаключение составлено верно, заключение следует из посылок с необходимостью		
Модус ____ – неправильный для __ фигуры		
→ умозаключение составлено неверно, заключение не следует из посылок с необходимостью [выявление ошибки; при наличии возможности – ее исправление]		
ВАЖНО!	Модус возможно составить для любого неверно построенного ПКС, но нарушения правил возможно выявить на этапе анализа (п. 1). Если это не удалось, нарушения будет очевидным в п. 3	

демонстрации презентации запись на доске не производится;

- второй шаг – проявляется специфика, связанная с объемом фиксации хода решения (для первой задачи – полная запись и преподавателем на

доске, и обучающимися в тетрадях; при решении второй задачи запись сокращается до номеров, обозначающих порядок действий);

- третий шаг – обучающиеся основной группы продолжают работу с преподавателем по схеме

¹ Здесь и далее: текст в квадратных скобках – пояснения, не предназначенные для переписывания.

предшествующего шага, а представители продвинутой группы работают самостоятельно (при необходимости или неудаче в самостоятельном решении есть возможность присоединиться к основной группе);

- четвертый шаг – в зависимости от сложности задачи и уровня подготовленности группы объем записи может сокращаться до минимума (полного отсутствия); при необходимости преподаватель интересуется у того или иного обучающегося деталями хода решения.

В заключение необходимо описать специфику реализации технологии поэтапного формирования умственных действий при решении логических задач на построение и проверку правильности простого категорического силлогизма (третья исследовательская задача).

Важным инструментом обучения решению задач является подготовка ориентировочной (рабочей, учебной) карточки действия [1, с. 335], которая позволяет обеспечить освоение решения «сразу в увязке всех звеньев» [1, с. 339], минимизируя количество проб и ошибок (таблица 3). На основе опыта преподавания нами установлено, что стандартную последовательность действий следует дополнять описанием трудностей (особых случаев). В ориентировочной карточке действия (решения задачи) они обозначаются пометками «ВАЖНО!», которые служат для помощи обучающимся и не фиксируются в оформлении задачи.

Для задачи на построение и проверку правильности простого категорического силлогизма характерно объемное решение, которое не в полной мере соответствует типовой схеме (анализ – решение – заключение) (таблица 3), и потому трудно запоминается обучающимися даже при работе с ориентировочной карточкой действия (решения задачи).

Выделение шагов а) - г) позволяет реализовать трехчленную структуру решения задачи, однако сложность запоминания алгоритма сохраняется. Для ускорения формирования в сознании обучающихся целостного образа решения задачи («системы опорных точек», по П.Я. Гальперину) нами в преподавании логики в Белгородском юридическом институте МВД России имени И.Д. Путилина реализуются два методических приема.

Первый из них – «ТРИС-анализ» посылок простого категорического силлогизма. Аббревиатура ТРИС обозначает шаги анализа:

- Термины (простого категорического силлогизма);
- Распределенность (терминов);
- Идентичность (терминов);
- Схема (простого категорического силлогизма).

Использование аббревиатуры облегчает обучающимся запоминание последовательности шагов при анализе посылок простого категорического силлогизма. Однако упрощение запоминания не позволяет полностью нивелировать сложность задачи. Исходя из собственного опыта преподавания можем утверждать, что успешность применения методического приема критически зависит от уровня сформированности логических навыков обучающихся. В идеале определение терминов простого категорического силлогизма и

их распределенности опирается на навык, полученный при решении задач на структуру простого категорического суждения. Однако в практике преподавания встречается большое разнообразие трудностей при анализе посылок простого категорического силлогизма. Преодоление этих трудностей требует дополнительных усилий как от преподавателя, так и от обучающихся.

Частичным решением проблемы становится использование приема «*решение в три строчки*», позволяющего определить фигуру и сформулировать заключение без громоздкого письменного оформления решения. Прием реализуется в четыре шага:

- рядом с посылками (сверху, снизу или даже поверх текста) по центру листа проводятся две горизонтальные черты;
- средний термин (повторяющийся в посылках) обозначается точкой на каждой из линий: в ее начале (если средний термин находится в посылке на месте субъекта простого категорического суждения) или в конце (при нахождении среднего термина на месте предиката);
- точки на обеих горизонтальных линиях соединяются прямой линией, что позволяет без развернутого письменного анализа определить фигуру простого категорического силлогизма;
- третья строчка – заключение, которое получается соединением субъекта и предиката простого категорического силлогизма (с учетом их распределенности по правилам простого категорического силлогизма).

То, что данный прием лишь частично решает проблему, обуславливается как минимум двумя обстоятельствами:

- во-первых, он не позволяет определить модус простого категорического силлогизма;
- во-вторых, с учетом вышеприведенного ограничения отсутствует возможность проверить соответствие модуса сильным или слабым по таблице.

Кроме того, реализация приема не исключает возникновения ошибок (одна из них связана с неверным определением положения среднего термина в одной из посылок). Однако на основе опыта преподавания дисциплины «Логика» можем утверждать, что преодоление ошибок не представляет большой сложности для обучающихся, они достаточно быстро с ними справляются.

В наилучшем случае прием «решение в три строчки» позволяет анализировать структуру простого категорического силлогизма «в уме», то есть обеспечивает формирование умственного действия. Нередко после освоения этого приема логические задачи становятся по-настоящему интересными для обучающихся: формируется внутренняя мотивация к дальнейшему их решению, появляется желание проверить свои способности на новых задачах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Педагогическая технология поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина описывает процесс перевода умственного действия во внутренний план (интериоризацию) по схеме: материальные действия – внешнеречевые действия (вслух и «про себя») – внутренняя речь.

Из опыта преподавания дисциплины «Логика» нами выведена последовательность действий, необходимых при решении задач:

- предварительное объяснение алгоритма решения преподавателем;
- фронтальное решение задач для освоения (совместная работа преподавателя и обучающихся);
- решение задач по подгруппам для закрепления (индивидуально-совместная работа преподавателя и обучающихся);
- самостоятельное решение обучающимися задач для самопроверки в экспресс-формате, с оценением лучших обучающихся.

Реализация представленной последовательности действий проиллюстрирована на примере задачи

на построение и проверку правильности простого категорического силлогизма. Для формирования в сознании обучающихся целостного образа решения задачи описано два авторских методических приема («ТРИС-анализ» посылка простого категорического силлогизма и «решение в три строчки»), раскрыты особенности реализации данных приемов.

Результаты проведенных нами теоретического анализа и обобщения опыта использования элементов технологии поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина свидетельствуют о высоком образовательном потенциале технологии. Есть основания утверждать, что этот потенциал парадоксальным образом недооценен в вузах МВД России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды / под ред. А.И. Подольского. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 480 с.
2. Гальперин П.Я. О формировании умственных действий и понятий // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 111-114.
3. Турчин А.С., Цуканов И.А. Возможности использования теории поэтапного формирования умственных действий в обучении курсантов вуза войск национальной гвардии // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 4. С. 365-371.
4. Пронина А.Н., Будякова Т.П. Реализация теории поэтапного формирования умственных действий в формате дистанционной лекции // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 1. С. 149-161.
5. Крутова И.А., Кириллова Т.В., Стефанова Г.П., Процененкова Л.А. Концепция П.Я. Гальперина в эпоху цифровой трансформации образования // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6-1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32191>.
6. Симонов А.В., Лебедев В.В. Особенности применения педагогической технологии поэтапного формирования умственных действий в военном авиационном вузе // Нижегородское образование. 2022. № 2. С. 83-90.
7. Черепанов А.С., Мирзоев С.И. Применение методики поэтапного планомерного формирования умственных действий в подготовке военных специалистов // Актуальные проблемы психологии воинской деятельности: материалы XIV итоговой Международной военно-научной конференции. М.: Спутник+, 2024. С. 48-51.
8. Ждан А.Н. П.Я. Гальперин как теоретик и методолог психологической науки // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 14-18.
9. Степанова М.А. Психолог, медик, философ: вехи научной биографии П.Я. Гальперина // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 21-32.
10. Кошпаева Т.А. Теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий в профессиональном обучении // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 11 (103); URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/11/90780>.
11. Сиднева А.Н. Основные направления критики теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 22-31.
12. Олешкевич В.И. Психология П.Я. Гальперина и ее культурно-исторический анализ. М.: Неолит, 2023. 376 с.
13. Engeness I., Lund A. Reprint of: Learning for the Future: Insights Arising from the Contributions of Piotr Galperin to the Cultural-Historical Theory // Learning, Culture and Social Interaction. 2020. Vol. 27. P. 100257.
14. Valdez L., Cortes V., Flores M. A Proposal for Monitoring the Process of Internalization Following Galperin's Conception // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. P. 1152541.
15. Гнездилов Г.В. Теоретико-методические аспекты использования концепции поэтапного формирования умственных действий в условиях образовательного процесса // Инновации в образовании. 2001. № 4. С. 93-107.
16. Подольский А.И. Научное наследие П.Я. Гальперина и вызовы XXI века // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 9-20.
17. Soloviova Yu., Quintanar L. Revision of Conception of Gradual Formation of Actions for Education and Psychological Development // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1887.

REFERENCES

1. Gal'perin P.Ya. Psikhologiya kak ob'yektivnaya nauka: Izbrannyye psikhologicheskiye trudy / pod red. A.I. Podol'skogo. M.: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: MODEK, 1998. 480 s.
2. Gal'perin P.Ya. O formirovaniy umstvennykh deystviy i ponyatiy // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2010. № 3. S. 111-114.

3. Turchin A.S., Tsukanov I.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya teorii poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy v obuchenii kursantov vuza voysk natsional'noy gvardii // *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*. 2021. T. 3. № 4. S. 365-371.
4. Pronina A.N., Budyakova T.P. Realizatsiya teorii poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy v formate distantsionnoy lektsii // *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*. 2023. T. 20. № 1. S. 149-161.
5. Krutova I.A., Kirillova T.V., Stefanova G.P., Proyanenkova L.A. Kontseptsiya P.Ya. Gal'perina v epokhu tsifrovoy transformatsii obrazovaniya // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2022. № 6-1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32191>.
6. Simonov A.V., Lebedev V.V. Osobennosti primeneniya pedagogicheskoy tekhnologii poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy v voyennom aviatsionnom vuze // *Nizhegorodskoye obrazovaniye*. 2022. № 2. S. 83-90.
7. Cherepanov A.S., Mirzoyev S.I. Primneneniye metodiki poetapnogo planomernogo formirovaniya umstvennykh deystviy v podgotovke voyennykh spetsialistov // *Aktual'nyye problemy psikhologii voynskoy deyatel'nosti: materialy XIV itogovoy Mezhdunarodnoy voyenno-nauchnoy konferentsii*. M.: Sputnik+, 2024. S. 48-51.
8. Zhdan A.N. P.Ya. Gal'perin kak teoretik i metodolog psikhologicheskoy nauki // *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. 2012. № 2 (8). S. 14-18.
9. Stepanova M.A. Psikholog, medik, filosof: vekhi nauchnoy biografii P.Ya. Gal'perina // *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. 2017. № 3 (27). S. 21-32.
10. Koshpayeva T.A. Teoriya planomerno-poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy v professional'nom obuchenii // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. 2019. № 11 (103); URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/11/90780>.
11. Sidneva A.N. Osnovnyye napravleniya kritiki teorii planomerno-poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy i ponyatiy // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2019. T. 14. № 3. S. 22-31.
12. Oleshkevich V.I. Psikhologiya P.Ya. Gal'perina i yeye kul'turno-istoricheskiy analiz. M.: Neolit, 2023. 376 s.
13. Engeness I., Lund A. Reprint of: Learning for the Future: Insights Arising from the Contributions of Piotr Galperin to the Cultural-Historical Theory // *Learning, Culture and Social Interaction*. 2020. Vol. 27. P. 100257.
14. Valdez L., Cortes V., Flores M. A Proposal for Monitoring the Process of Internalization Following Galperin's Conception // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. P. 1152541.
15. Gnezdilov G.V. Teoretiko-metodicheskiye aspekty ispol'zovaniya kontseptsii poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy v usloviyakh obrazovatel'nogo protsessa // *Innovatsii v obrazovanii*. 2001. № 4. S. 93-107.
16. Podol'skiy A.I. Nauchnoye naslediyе P.Ya. Gal'perina i vyzovy XXI veka // *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. 2017. № 3 (27). S. 9-20.
17. Soloviova Yu., Quintanar L. Revision of Conception of Gradual Formation of Actions for Education and Psychological Development // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1887.

© Долин В.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Долин В.А. Решение задач по логике в вузе МВД России: поэтапное формирование умственных действий // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 1 (79). С. 186-193.

Ольга Александровна ВАСИЛЬЕВА,
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отделения Калининградского филиала
ovasileva.77@mail.ru

Обзорная статья
УДК 061.3:[34+378](048.8)

XIII БАЛТИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Калининград, 20 декабря 2024 г.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Научная конференция, правоприменение, борьба с преступностью, совершенствование законодательства, государство и право, профессиональная подготовка кадров.

АННОТАЦИЯ. 20 декабря 2024 г. в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России прошла ежегодная международная научно-практическая конференция XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». В ходе пленарного заседания и работы тематических секций обсуждались актуальные вопросы предупреждения, расследования и раскрытия преступлений; международное сотрудничество; направления совершенствования профессиональной подготовки кадров для силовых ведомств. В рамках конференции был организован обмен мнениями по вопросам, связанным с расширением международного сотрудничества Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. В мероприятии в очном формате впервые участвовали представители дружественных стран Африки: Республики Мозамбик, Республики Судан и Федеративной Демократической Республики Эфиопии – слушатели Балтийского высшего военно-морского училища имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. Балтийский форум позволяет укреплять академическое сотрудничество вузов, научных школ и научных сообществ. В оргкомитет было представлено более двухсот заявок на участие в конференции. Ее участниками стали представители научных и образовательных организаций МВД России, других силовых ведомств, Министерства образования Российской Федерации, зарубежные ученые. В завершение работы конференции была принята резолюция, в которой подчеркнута необходимость дальнейшего развития и укрепления международного и межведомственного взаимодействия в целях решения проблем научного обеспечения правоохранительной деятельности.

В Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России 20 декабря 2024 года состоялась международная научно-практическая конференция XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». В работе конференции, в том числе с применением средств видео-конференц-связи, приняли участие представители 28 на-

учных и образовательных организаций из нескольких регионов Российской Федерации, а также Республики Беларусь. Среди них – 11 докторов наук и 87 кандидатов наук.

Участников мероприятия – представителей образовательных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных структур – в рамках откры-

Olga A. VASILYEVA,
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Researcher of the Research, Editorial and
Publishing Department of the Kaliningrad Branch
ovasileva.77@mail.ru

**XIII BALTIC LEGAL FORUM «LAW AND ORDER
IN THE THIRD MILLENNIUM»: INTERNATIONAL
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
(Kaliningrad, December 20, 2024)**

KEYWORDS. Scientific conference, law enforcement, combating crime,
improving legislation, state and law, professional training of personnel.

ANNOTATION. *On December 20, 2024, the annual international scientific and practical conference XIII Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium» was held in the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. During the plenary session and the work of the thematic sections, topical issues of crime prevention, investigation and disclosure; international cooperation; areas of improving professional training for law enforcement agencies were discussed. Within the framework of the conference, an exchange of views was organized on issues related to the expansion of international cooperation of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. For the first time, representatives of friendly African countries took part in the event in person: the Republic of Mozambique, the Republic of Sudan and the Federal Democratic Republic of Ethiopia - students of the Baltic Higher Naval School named after Admiral F.F. Ushakov. The Baltic Forum allows strengthening academic cooperation between higher education institutions, scientific schools and scientific communities. In total, more than two hundred applications for participation in the conference were submitted to the organizing committee. Its participants included representatives of scientific and educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, other law enforcement agencies, the Ministry of Education of the Russian Federation, and foreign scientists. At the end of the conference, a resolution was adopted, which emphasized the need for further development and strengthening of international and interdepartmental cooperation in order to solve problems of scientific support for law enforcement activities.*

тия конференции от имени ее организаторов приветствовал начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России полковник полиции **Игорь Александрович Горковенко**.

Проведение Балтийского юридического форума стало доброй традицией. На этот раз научное мероприятие собрало более двухсот участников. Были представлены Московский, Санкт-Петербургский и Краснодарский университеты МВД России, Академия управления МВД России, Волгоградская, Нижегородская и Омская академии МВД России, 12-й Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны Российской Федерации, Балтийское высшее военноморское училище имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Юго-Западный государственный университет, Мурманский арктический университет, Воронежский институт МВД России, Белгородский, Восточно-Сибирский, Казанский, Орловский, Ростовский, Сибирский, Уральский, Уфимский юридические институты МВД России, Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, территориальные органы МВД России.

Дискуссии на пленарном заседании развернулись по широкому спектру проблем, требующих научного разрешения. Модератором конференции выступила заместитель начальника (по учебной и научной работе) Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент **Светлана Андреевна Старостина**. Открывая пленарное заседание, она отметила, что Балтийский юридический форум отличается универсальным подходом к формированию программы конференции, и это способствует взаимному обогащению науки и правоохранительной практики, а также позволяет расширять горизонты понимания путей решения стоящих перед органами внутренних дел задач.

Профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России **Сергей Владимирович Векленко** представил доклад, в котором обратился к одному из наиболее дискуссионных вопросов теории уголовного права – вопросу о содержании понятия «уголовная ответственность». Он подчеркнул, что достаточно активное использование в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве термина «уголовная ответствен-

ность» в условиях отсутствия законодательно закрепленного определения обозначаемого понятия привело к появлению большого количества научных подходов к его формулированию. Предлагаемые учеными варианты истолкования понятия по-разному раскрывают сущность, содержание, моменты возникновения и прекращения уголовной ответственности.

Сущность и криминогенную составляющую современного квадروبинга в России представила в своем выступлении на конференции профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации **Анна Павловна Алексеева**. По мнению докладчика, причиной распространенности квадروبинга среди детей и подростков является восприятие взрослыми домашних животных как членов семьи. Опасения криминологов в настоящее время вызывают связанные с квадروبингом проблемы социализации подрастающего поколения и агрессии его представителей по отношению к окружающим. Действительно, чаще всего квадроберами становятся молодые люди, не имеющие признания среди сверстников, готовые войти в измененное состояние сознания, отождествляя себя с животными. Это состояние усложняет социальную адаптацию подростков, тормозит их когнитивно-эмоциональное развитие.

Особую тревогу вызывают появившиеся недавно случаи отрицания повзрослевшими квадроберами социальных начал человека. В связи с этим Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации анонсировала разработку законопроекта о запрете пропаганды деструктивной идеологии, включая квадروبинг¹. Законодатели считают его опасным веянием культуры коллективного Запада, продуктом социальной инженерией, направленной против молодого поколения. За попытки навязывания идей квадروبинга депутаты предлагают установить административную и уголовную ответственность, включая штрафы и возможность постановки на профилактический учет.

Начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, доцент **Кирилл Станиславович Сердобинцев** выступил с докладом о методах и средствах социально-гуманитарного познания. Он обратил внимание собравшихся на необходимость поиска новых методологических подходов в сфере социально-гуманитарных наук, где не существует абсолютно обособленной методологии социального познания, не связанной с другими уровнями и формами методологического знания. В число специфических методов и средств социально-гуманитарного познания он включил идиографический (индивидуализирующий) и номотетический (генерализирующий) методы, а также объяснение, понимание,

диалог, ценностный подход (отнесение к ценностям), контент-анализ, социометрию, ситуационный анализ и ряд других. В сфере научного социально-гуманитарного исследования применяются все философские и общенаучные методы и принципы. Но они конкретизируются и модифицируются в соответствии со спецификой социально-гуманитарного познания и конкретных предметов исследования. Подводя итог, докладчик подчеркнул, что важным средством интеллектуального развития личности является умение вести «внутренний диалог» и различные виды «внешних» споров с оппонентами. Инструментами развития такого набора компетенций, качеств и навыков служат логика и риторика.

Посредством видео-конференц-связи перед участниками форума выступила профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент **Елена Михайловна Ефременко**. Ее доклад «Нематериальные блага как объекты гражданских прав: отдельные вопросы понимания и нормативного изложения» был основан на анализе специфических аспектов гражданского законодательства Республики Беларусь.

С докладом, посвященным вопросам применения законодательных положений, регламентирующих оперативно-разыскную деятельность в местах лишения свободы, выступил кандидат юридических наук, доцент **Леонид Евгеньевич Щетнев**, начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

В докладе начальника лаборатории 12 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации **Григория Григорьевича Куцёва** были представлены методические подходы к формированию системы подготовки специалистов-полиграфологов. Его коллеги по институту – старший научный сотрудник, кандидат технических наук, доцент **Дмитрий Юрьевич Сосков** и начальник управления, кандидат технических наук, доцент **Андрей Владимирович Анисимов** – в своем докладе рассмотрели возможность применения оружия нелетального действия на основе КВЧ-излучения в условиях массовых беспорядков с учетом их современной специфики.

Доклад начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидата юридических наук, доцента **Виктории Николаевны Чалыгиной** был посвящен проблемам расследования ятрогенных преступлений. Вопросы обеспечения прав человека при производстве освидетельствования были затронуты в выступлении доцента этой же кафедры, кандидата юридических наук, доцента **Наталии Владимировны Морозовой**.

¹ В ГД до конца сессии могут внести запрет пропаганды деструктивных идеологий // Информационное агентство ТАСС: сайт. 26.10.2024 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22237899> (дата обращения: 07.11.2024).

Впервые в очном формате в конференции приняли участие представители дружественных стран Африки: Мозамбика, Судана и Эфиопии, – слушатели Балтийского высшего военно-морского училища имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. В их выступлениях была подчеркнута важность укрепления содружества, взаимодоверия и сотрудничества России и африканских государств. *Массинге Милтон Ксавьер Севене* (Республика Мозамбик) в своем выступлении отметил, что такие качества, как умение ориентироваться в культурных особенностях других народов и уважение национальных традиций, способствуют созданию атмосферы доверия и взаимопонимания в курсантской среде, предупреждению конфликтов и успешному взаимодействию, что, в свою очередь, повышает качество профессиональной подготовки. Поликультурность помогает формированию готовности к общению и сотрудничеству в интернациональном коллективе. Приобретаемые в поликультурной среде широта диапазона мышления, глубина знаний и обладание навыками работы в команде, в профессиональной деятельности по-

зволят более эффективно решать сложные задачи и находить нестандартные решения. *Альбухари Еисса Жабараил Эйд* (Республика Судан) представил доклад о процессах укрепления содружества и взаимодоверия посредством систем образования России и стран Африки.

Форум завершился сессией вопросов и ответов, на которой все участники конференции имели возможность пообщаться с докладчиками, а также высказать собственные комментарии и предложения по темам прозвучавших выступлений.

В ходе проведения конференции была организована работа шести секций: «Проблемы правоприменительной деятельности», «Общество, право и государство: проблемы теории и практики», «Инновации в предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений», «Уголовно-правовые и криминологические средства борьбы с преступностью», «Актуальные аспекты выявления, расследования и раскрытия преступлений», «Актуальные вопросы профессиональной подготовки кадров». По итогам форума подготовлен сборник тезисов выступлений его участников. ■

© Васильева О.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Васильева О.А. XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Международная научно-практическая конференция (Калининград, 20 декабря 2024 г.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 194-197.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 1 (79)
2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 03.03.2025. Подписано в печать - 28.03.2025. Дата выхода в свет - 31.03.2025.
Формат 60х90 1/8. Объем - 24,75 у.п.л. Заказ № 468. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.